

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО»

На правах рукописи

ТИМОФЕЕВА Наталья Юрьевна

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КРЕАТИВНЫХ ЕДИНИЦ
(НА МАТЕРИАЛЕ СПОНТАННОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА)**

10.02.01 - русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор А. В. Петров

Симферополь
2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СПОНТАННОЙ РЕЧИ В КРЕАТИВНОМ АСПЕКТЕ.....	12
§ 1.1. Понятие спонтанной речи и специфика ее изучения.....	12
1.1.1. Развитие научного представления о природе разговорной речи и проблемы ее определения понятия.....	12
1.1.2. Просторечные элементы в разговорной речи и возникновение общего сленга.....	15
1.1.3. Спонтанность речи как условие стимулирования креативности.....	20
§ 1.2. Теория креативности и ее преломление в лингвистической теории оказиональности.....	24
1.2.1. Креативность как созидание: основные подходы к изучению новых единиц речи.....	24
1.2.2. Типы новизны: статус неологизма, потенциализма и оказионализма в системе языка.....	29
1.2.3. Соотношение понятий «языковая игра» и «речевой креатив».....	36
1.2.4. Прагмасемантический подход к анализу креативных единиц.....	39
Выводы по главе 1.....	44
Глава 2. СИСТЕМНЫЙ АСПЕКТ КРЕАТИВНЫХ ЕДИНИЦ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА.....	46
2.1. Параметры узуализации креативных форм спонтанной речи.....	46
2.2. Градуальность отклонения от словообразовательной модели как принцип классификации речевых инноваций.....	53
2.2.1. Оказиональное словообразование в спонтанной речи: индивидуальная модель и полимотивация.....	66
2.2.2. Разновидности сложения и слияния при словообразовании в спонтанной речи.....	76

2.2.3. Аффиксальные способы словообразования в спонтанной речи...	88
2.3. Типы семантической деривации креативных единиц в спонтанной речи.....	109
2.3.1. Семантический перенос при создании отфраземных креативных единиц в спонтанной речи	111
2.3.2. Метафоризация, апеллятивизация и онимизация как приемы спонтанного словотворчества	114
2.3.3. Метонимические переносы при создании креативных единиц в спонтанной речи.....	127
Выводы по главе 2.....	130
 ГЛАВА 3. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КРЕАТИВНЫХ ЕДИНИЦ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ КРЫМЧАН	134
3.1. Интерпретация креативных единиц: пресуппозиция и апперцепция....	134
3.2. Типы референции креативных имен и именных групп	138
3.2.1. Абстрактные индивиды.....	143
3.2.2. Индивидуализированные объекты.....	148
3.2.3. Классы объектов: лица, предметы, отвлеченные понятия.....	151
3.2.4. Референтные группы семантических дериватов.....	157
3.3. Актуализация временной локализации референта посредством креативных единиц.....	161
3.4. Иллокутивная составляющая высказываний, содержащих креативные единицы.....	169
3.5. Языковая игра и метаязыковая рефлексия в речевом акте.....	176
Выводы по главе 3.....	182
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	186
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	192
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	192
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	217

ВВЕДЕНИЕ

Процесс динамического развития языка предполагает синхронность фиксации его изменений в научной литературе и лексикографии. Увеличивающиеся темпы глобальных социальных преобразований влияют на темпы языковых изменений [59]. Это обстоятельство обуславливает **актуальность** исследований живых процессов языковых изменений на материале звучащей речи, отмеченное в работах Н. З. Котеловой [95, 96, 97] и Е. А. Земской [60, 63, 67]. Особенное значение при этом приобретают явления неологического характера, наблюдения за функционированием которых позволяет не только оценить современное состояние языка, но также сформировать основания для лингвистической прогностики, уточнить действие факторов языковых изменений – от социальных до индивидуально-психологических.

Степень изученности проблемы и новизна исследования. Креативные явления языка, включающие в себя результаты словообразовательного и семантического комбинирования – авторские окказионализмы и тропы – в отечественной лингвистике рассматривались и рассматриваются на материале художественной литературы. Начало исследованиям креатива звучащей речи было положено Е. А. Земской в работе «Русская разговорная речь», одна глава которой посвящена собственно языковой игре. Сегодняшний объем исследований феномена языковой игры весьма внушителен. На базе этих исследований сформировано новое направление – лингвистика креатива [93; 120]. Основные положения направления изложены в трудах Е. Н. Ремчуковой [165] и Т. А. Гридиной [51, 52], в которых приводится и обоснование рациональности введения нового термина «креатив», позволяющего объединить профессиональное творчество писателей и поэтов с креативными экспромтами живой речи. На сущностную однородность этих двух типов творчества указывал в своем фундаментальном труде «Лингвистика и

поэтика» Р. О. Якобсон. Е. А. Земская подчеркивала эту однородность в качестве основания для выделения феномена языковой игры [65]. Проблематику креатива на современном этапе преимущественно рассматривают на материалах СМИ или городских текстов (работы С. В. Ильясовой и Л. П. Амири [75], Г. А. Ивановой [72], М. В. Радченко [160], Т. В. Шмелевой [216], Т. А. Ященко и Сунь Юйминь [222]). Разговорному дискурсу посвящены отдельные работы В. К. Харченко, отмечающие всеобщий характер словотворчества [203]. Наиболее полное описание креативных явлений разговорной речи представлено в монографии Ю. О. Коноваловой «Языковая игра в современной русской разговорной речи» [92]. Однако это исследование не затрагивает проблем фиксации звучащей речи, а также не затрагивает функциональной стороны соотношения речевой единицы с действительностью. **Новизна** нашего исследования заключается:

- в материале исследования, который представляет собой корпус единиц живой современной русской речи, созданных в процессе общения и не имевших до внесения в названный корпус лексикографического закрепления;
- в предложенных принципах фиксации речевых единиц креативного характера, уточняющих и развивающих концепцию лексикографической фиксации окказионализмов, предложенную Н. З. Котеловой [97, с. 257];
- в применении интегративного полиаспектного подхода к анализу фактов креативного характера, сочетающего принципы структурной и функциональной систематизации, позволяющей учесть динамические процессы речепорождения;
- в уточнении на основе полученных результатов понятия «языковая игра» и обосновании термина «речевой креатив».

Цель работы – выполнить комплексный структурно-сематический и прагматический анализ креативных явлений спонтанной речи крымских жителей и сформулировать принципы их разносторонней классификации на

основе структурных, семантических и прагматических особенностей данных речевых единиц.

Поставленная цель обуславливает выполнение следующих **задач**:

- исследовать теоретические основы процессов спонтанной речи и словотворчества;
- сформировать корпус единиц креативного характера на основе записей спонтанной речи жителей Крыма;
- разработать принципы лексикографической фиксации креативных единиц спонтанной речи жителей Крыма с учетом контекстуальной обусловленности их содержания;
- выполнить описание фиксированных креативных единиц с точки зрения их отношения к системным словообразовательным моделям как основание для прогнозирования дальнейшей узуализации единиц;
- установить степень отклонения (оказиональности) моделей словообразования в устной речи жителей Крыма от принятых системой;
- отграничить явления потенциального характера от собственно креативных;
- проанализировать особенности семантики, в том числе и имплицитных составляющих, креативных единиц спонтанной речи жителей Крыма;
- определить специфику референции и иллокуции креативных единиц спонтанной речи жителей Крыма;
- установить комплекс языковых и внелингвистических факторов, влияющих на функционирование и перспективу узуализации креативных единиц в спонтанной речи жителей Крыма;
- обобщить полученные данные в виде совокупности факторов, позволяющих отделить креативные номинации от явлений иного функционального характера.

Таким образом, **объектом** исследования являются речевые единицы нестандартного, творческого, креативного характера. **Предметом**

исследования выступают внутрисистемные и экстралингвистические механизмы возникновения и функционирования креативных единиц в спонтанной речи крымчан.

Материалом исследования послужила картотека спонтанной речи объемом 840 единиц креативного характера, созданная на кафедре русского, славянского и общего языкознания в период с 2015 по 2019 гг.

Теоретическая основа и методологическая база исследования. При анализе речевых явлений мы опираемся на работы в области речевой коммуникации И. А. Бодуэна де Куртенэ, М. В. Панова, Е. А. Земской, Т. Г. Винокур, в области теории языковой игры – Л. Витгенштейна и Е. А. Земской, теории речевых актов – Дж. Остина и Дж. Серля, используем при анализе динамическую модель компонентов речевого высказывания Р. О. Jakobsona, а также результаты исследований проблем коммуникативной референции, выполненных Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой, Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелевым. Новаторский характер анализируемых явлений подразумевает использование положений теории неологии, разработанных Н. З. Котеловой, И. С. Улукхановым, И. С. Торопцевым, О. А. Габинской, Н. А. Николиной, Т. В. Поповой, Л. А. Рацибурской, а также теории окказиональности как части неологических исследований (труды Н. И. Фельдман, Э. И. Ханпиры, А. Г. Лыкова, Н. А. Янко-Триницкой Р. Ю. Намитоковой, С. И. Тогоевой, В. П. Изотова, Л. И. Плотниковой и др.). Исследуя живые процессы речевого взаимодействия следует учитывать их ареальную специфику, территориальную уникальность. Применительно к Крыму особенности полилингвальной ситуации изложены в трудах Г. Ю. Богданович, Т. А. Ященко, А. В. Петрова, Сунь Юйминь, Ю. Л. Ситько.

Методы исследования. В ходе исследования ввиду нестандартности материала широко используется **описательный** и **интерпретационный** методы. При соотнесении индивидуальных новообразований с закономерностями системного словообразования применяется метод **структурно-семантического анализа**, позволяющий выявить степень

креативной индивидуальности речевой единицы, включающий элементы **компаративного** анализа. На некоторых этапах исследования возникает необходимость в **количественном** и **компонентном** анализе. Выявление особенностей функционирования креативных единиц в речи дополнено **коммуникативно-прагматическим анализом** с учетом референциальной составляющей высказывания.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении понятий *потенциализм, окказионализм, языковая игра*, установлении этапов апеллятивизации, а также в систематизации методов описания креативных единиц спонтанной речи в аспекте их возможной узуализации. Предлагается градуальный принцип классификации креативных единиц спонтанной речи относительно шкалы «потенциальность-окказиональность».

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения сформированной картотеки креативных фактов спонтанной речи в качестве банка данных для дальнейших наблюдений за живыми процессами изменения языка и расширения приемов прогнозирования языковых тенденций, в использовании полученных данных о механизме речевой креативности при разработке лингвокреативных и психологических методик активизации творческих ресурсов личности. Кроме этого, полученные результаты могут дополнить и разнообразить существующие приемы обучения русскому языку, в частности – изучения его лексической системы и словообразовательных закономерностей.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка литературы и приложения. В связи с динамической спецификой предмета исследования теоретическая часть разделена на два параграфа, в которых анализируется современное научное представление о категориях разговорности и креативности. Во второй главе исследуются особенности креативных единиц в аспекте девиации от закономерностей системы языка – как структурных, так и семантических. В третьей главе рассматриваются особенности референциальной и

иллокутивной составляющей креативных единиц в соответствии с типом выполняемых ими языковых функций. В заключении обобщаются результаты проделанной работы, намечаются перспективы дальнейших исследований. Приложение представляет собой алфавитный список креативных единиц и картотеку высказываний спонтанной речи крымчан, созданную в период с 2015 по 2019 гг.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования обсуждались на конференциях различного уровня: *на международных научно-практических конференциях и симпозиумах:* «Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии» (2016, 2017, 2018, Симферополь), «Диалог культур: лингвокультурологическая база гуманитарного образования» (14–15 декабря 2016 г., Симферополь), «Собственное имя в жизни литературы» (18 декабря 2018 г., Горловка); «Язык. Коммуникация. Культура» (20 апреля 2018 г., Москва); *на международных научных конференциях:* «Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении» (2017, 2018, Симферополь), «Международные Крымские Михайловские литературно-ономастические чтения» (19 сентября 2018 г.); *на научно-практических конференциях:* «Молодая наука» (2016, 2017, Симферополь); *внутривузовских конференциях:* «Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского» (2016, 2017, 2018, Симферополь), а также были заслушаны на заседаниях кафедры русского, славянского и общего языкознания Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, изложены в 14 публикациях в научных сборниках, 7 из которых – из списка ВАК, одна – в научном издании, входящем в международную базу данных Web of Science:

1. Тимофеева Н. Ю. Степень новизны спонтанного креатива // Молодая наука: сборник трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – С. 427–428.

2. Тимофеева Н. Ю. Аспекты исследования креатива городской речи // Вестник Калмыцкого университета. – №33(1) – 2017. – С. 102–108.
3. Тимофеева Н. Ю. Креативное выражение аксиологического содержания в городской речи // Молодая наука: сборник трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 393–395.
4. Тимофеева Н. Ю. Факторы креативного преобразования потенциальных форм: подходы к классификации // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2018. – № 1. – С.134–142.
5. Тимофеева Н. Ю. Креативные инновации в межкультурной коммуникации // Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении: Тезисы докладов участников международной научной конференции. – Симферополь : Крымский федеральный университет, 2018. – С. 50–52.
6. Тимофеева Н. Ю. Интегративное описание речевых инноваций // Язык. Коммуникация. Культура – 2018 : Альманах научных статей молодых ученых. – М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. – С. 121–124.
7. Тимофеева Н. Ю. Иллокутивная направленность и референциальная специфика языковой игры // Вестник РУДН. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – Т. 9. – № 2. – С. 451–463.
8. Тимофеева Н. Ю. Особенности фиксации речевого креатива в текстовом пространстве урбанонимов // Вестник САФУ. Серия : Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 4. – С. 77–83.
9. Тимофеева Н. Ю. Референциальный аспект употребления онимов в устной речи: этапы апеллятивизации // XII Международные Крымские Михайловские литературно-ономастические чтения (19 сентября 2018.): Материалы конференции // Отв. ред. Калинин В. М., Петров А. В. – Симферополь, 2018. – С. 38–43.
10. Тимофеева Н. Ю. Деривационные ряды речевых инноваций // Семантика и прагматика языковых единиц: история и современность:

- VII Международная научная конференция (к 100-летию Таврического университета): сборник научных статей. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 279–286.
11. Тимофеева Н. Ю. Референциальный аспект апеллятивизации в сравнительных конструкциях устной речи // Гуманитарно-педагогическое образование. – Севастополь, 2018. – № 4. – С. 112–118.
 12. Тимофеева Н. Ю. Приемы образования неофициальных крымских топонимов в устной речи // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 200–204.
 13. Тимофеева Н. Ю. Прагматический аспект понятия «языковая игра» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 2. – С. 5–9.
 14. Abzhelieva D. A., Dubkova J. S., Nasibullaeva E. R., Petrov A. V., Timofeeva N. Y. Image tools of using poem in spontaneous speech // Periodico do Nucleo de Estudos e Pesquisas sobre Genero e Direito Centro de Ciencias Juridicas Universidade Federal de Paraiba. – V. 9. – № 3. – 2020. – Special Edition. – Pp. 616 – 630.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СПОНТАННОЙ РЕЧИ В КРЕАТИВНОМ АСПЕКТЕ

§ 1.1. Понятие спонтанной речи и специфика ее изучения

1.1.1. Развитие научного представления о природе разговорной речи и проблемы ее определения понятия

История изучения речевой деятельности в отечественном языкознании связана с определением специфики функционирования национального языка в городском пространстве в период глобальных общественных сдвигов 20-х гг. прошлого столетия. В работах Б. А. Ларина впервые в отечественной лингвистике было заявлено о необходимости изучения городских субстандартов: профессиональных и групповых жаргонов, криминальных аргос [111, 112]. Однако, несмотря на очевидную востребованность подобных исследований, в советской науке устанавливается приоритет кодифицированного литературного языка в качестве объекта исследований. Для этого периода отечественного языкознания характерно стремление к унификации нормы и ее использования. Сфера личного непринужденного общения в работах В. В. Виноградова в 40–50-е гг. признается сферой функциональной разновидности литературного кодифицированного языка – разговорного стиля [28]. Текстцентричность советской лингвистики [148, с. 465] была обусловлена отсутствием социального запроса на вербальную вариативность.

Интерес к процессам употребления языка возобновляется в 60-е гг. XX века в работах М. В. Панова и его школы [147]. М. В. Панов указывает на особенности усвоения языка в разные периоды истории государства, отмечая, что на смену устной традиции освоения языковых норм в дореволюционный период пришла практика книжного обучения, повлиявшая, по его мнению, на угасание изучения речевой культуры [149, с. 20]. В конце 80-х гг.

антропоцентрический принцип научной парадигмы активизировал интерес к языковой личности говорящего и процессам живого употребления языка. В обстановке общественного плюрализма становится очевидной значимость речевой компетенции и вместе с этим переосмысливается значение нормы. На уровне абстрактных универсалий это могло быть истолковано как обострение дихотомии кода и текста [149, с. 17-22].

Начало систематическому изучению живой речи было положено в работах школы Е. А. Земской [59; 60; 63; 66; 67], в которых формируется научно-понятийная база изучения русской речи. При этом наиболее дискуссионным становится центральное понятие исследований – понятие разговорной речи. Е. А. Земской приходится дважды оговаривать исходное понимание научного объекта: в [63] и в [67]. В монографии [67] ученый пишет, что под разговорной речью (далее – РР) понимается «особый литературный язык» [67, с. 5] и что понятие разговорности используется в качестве рабочего термина только в силу установившейся традиции [там же]. Таким образом, в исследованиях РР сохраняется тенденция к текстоцентричности и соотнесению с литературной нормой, хотя автор и перечисляет особый для использования РР набор контекстуальных условий, отличных от контекста официального общения: «неподготовленность акта коммуникации, использование невербальных средств коммуникации, устная форма как основная форма реализации» [67, с. 6].

В этом комплексе признаков РР важнейшим для Е. А. Земской является признак неподготовленности и неофициальности коммуникационного взаимодействия, тогда как для работавшей в это же время О. А. Лаптевой дифференцирующим признаком понятия РР становится устная форма ее бытования [114, с. 155]. Е. А. Земская противопоставляет РР и кодифицированный литературный язык (далее – КЛЯ) как ортологически самостоятельные системы: ученый подчеркивает наличие в РР собственных устойчивых закономерностей, отличных от норм КЛЯ, что логически делает недопустимым использование РР в случаях регламентированного публичного

выступления [63, с. 13]. О. А. Лаптева, оппонировав этой точке зрения, указывает на конкретные элементы РР (неясность синтаксического состава речевых единиц, частотность вставочных слов и актуализаторов, наличие синтаксических контаминаций, постпозитивность прилагательных, именительный темы и др.), проникающие в устную публичную речь [116, с. 30–37]. Очевидно, что для обоих ученых понятие РР имело различный объем. Для позиции Е. А. Земской характерно некоторое противоречие, заключающееся в допустимости, вслед за М. В. Пановым, использования субкодовых (стилистически сниженных, жаргонных) единиц в «точно нормированной речи» [цит. по: 67, с. 8], какой представлялась ученым РР. Возможность таких «индивидуальных инкрустаций» [там же] являлась дополнительным объективным препятствием для использования РР в официальном контексте. Отдельно не оговаривалось, каков порог допустимости инородных элементов в РР как системе литературного типа. Констатировалось, что нарушение стандарта происходит по разным основаниям и в разной степени, но сама допустимость нестандартных приемов использования и организации языкового материала определяет и сущность самого понятия разговорности [67, с. 8; 149, с. 100], и особенности функционирования разговорной речи как саморегулирующейся [70], синергетической системы. Такая точка зрения свидетельствует об изначальном понимании особой значимости субкодовых элементов для жизнедеятельности системы РР. При этом выделяются важнейшие особенности устного текста: эллиптическая неполнота, фонетическая редукция, лексическая компрессия [67, с. 13].

Параллельно с противопоставлением РР и КЛЯ Е. А. Земская подчеркивает сущностную однородность разговорной речи и художественного текста. «Принципы построения РР, – пишет ученый, – «сближают ее с языком художественной литературы. Говорящий субъект, используя РР, и автор художественного произведения могут творчески относиться к форме речи. Однако, если установка на форму всегда

присутствует в художественном произведении, то для говорящего на РР она не обязательна, но всегда допустима. Именно поэтому и РР, и языку художественной литературы свойственна и свобода в построении языковых единиц, и свобода в выборе готовых единиц из общенародного фонда данного языка» [66, с. 7–8]. Отталкиваясь от приведенного определения РР, можно сделать вывод, что РР – это устный вариант речи художественной или универсальный код межличностного общения. Действительно, доля образного кодирования при устной непринужденной коммуникации значительно превышает образность, например, научного доклада, и наличие невербальных средств в такой коммуникации расширяет возможности образного кода. Но тем не менее, очевидна существенная дистанция между текстами художественной литературы, в которых, по мнению профессора А. Р. Будагова, совершается не языковое взаимодействие, а «воздействие на язык» [20, с. 56], и обыденным красноречием.

Позиция РР по отношению к КЛЯ в этом случае оставалась непроясненной. Дальнейшие исследования в этом направлении были связаны с соотношением РР и просторечия, что явилось продолжением поиска ответа на вопрос о структуре РР как подсистемы языка и конкретизации ее функций.

1.1.2. Просторечные элементы в разговорной речи и возникновение общего сленга

Следующим этапом исследований речевой деятельности в лингвистике становится изучение просторечия как особой языковой подсистемы, отличной от КЛЯ и РР. В этом вопросе школа Е. А. Земской сохраняет последовательность и большинство ее представителей резко отделяет просторечие от литературной речи. В работе [66] Е. А. Земская и М. В. Китайгородская, анализируя содержание словарных помет данного слоя лексики, обращают внимание на стилистические и функциональные отличия просторечия и РР. Просторечной признается «совокупность разнородных отклонений от норм литературного языка, свойственных

горожанам» [66, с. 167], иными словами – лексика, эксплицитно содержащая негативно-сниженный компонент значения, «грубость содержания и резкость оценки» [там же, с. 168]. При этом в составе основных словарей авторы выделяют слой единиц с пометой «прост.», которые не содержат резко сниженного оттенка и потому включаются в состав РР как средство ее экспрессивизации [там же, с. 167]. Таким образом, фактически констатировалось, во-первых, неоднородность состава РР, а во-вторых, наличие двух видов просторечия: как части РР и как самостоятельного субкода «городских жителей, недостаточно овладевших литературным языком» [там же, с. 168] или «не владеющих нормами литературного языка» [87, с. 156]. Просторечие выступает диаметрально противоположным КЛЯ феноменом [85], отделенным, по мнению Л. А. Капанадзе, от литературной речи «пропастью» [80, с. 11], с чем согласны и оппоненты школы Е. А. Земской, в частности – О. Б. Сиротинина [177].

Однако постепенное погружение в речевую стихию города и в сущность понятия «разговорность» прояснило неоднозначность подобной поляризации. К концу XX столетия не только становится очевидным существование двух типов просторечия («просторечие-1 и просторечие-2» в терминологии Л. П. Крысина [100]), но и формируется представление о таком новом явлении, как *общий сленг* [101, с. 449-450; 106; 21], о котором будет сказано ниже. Особенности соотношения субкода с системой КЛЯ определили типовую дифференциацию просторечия: в случае первого типа отмечается влияние литературного образца как авторитетной нормы более образованного слоя и таким образом маркирующего принадлежность говорящего к городской культуре, а во втором – стремление к сознательным отклонениям от литературной нормы в поисках большей выразительности [21; 44, с. 189; 88, с. 51; 105]. Очевидно, что динамика развития обоих типов разнонаправленная, поэтому тенденция разграничения двух просторечий была совершенно оправданной.

Вопрос взаимодействия КЛЯ и просторечия, таким образом, решался в пользу точки зрения О. А. Лаптевой, признававшей недопустимость противопоставления КЛЯ и РР [114]. Следует отметить, что взаимодействие литературной и разговорной нормы наблюдалось оппонентами О. А. Лаптевой и на ранних этапах изучения просторечия. Так, в официальных ситуациях коммуникации с государственными органами и СМИ было зафиксировано осознанное стремление носителей просторечия к большей норме и смене кода [87, с. 159]. Неразрывность сосуществования в одном идиолекте языковых средств разных субкодов подтверждало исходное положение социолингвистики о «полиглотизме» [111, с. 191] среднего горожанина.

Поскольку существование субкодов выявлялось и описывалось по отражательному принципу (РР vs КЛЯ, РР vs просторечие, просторечие vs КЛЯ), то закономерным итогом развития этой тенденции стало включение в орбиту исследований диалектных элементов живой речи [179; 192, с. 80]. Именно по отношению к диалектам были выделены два типа просторечия: первое – как результат подчас негармоничного сращения диалекта, официально-деловой речи и частично КЛЯ [57; 87; 200; 211]; второе – как феномен социокультурного взаимодействия субсистем (групповых и профессиональных жаргонов с нормированной РР [100]. Субстратный характер каждого из типов подтверждал тезис о практической нерасчлененности, синтетическом характере живой речи, стремящейся к восстановлению целостного образа происходящего, разделенного сознанием на дискретные единицы [84; 85].

Стремление к целостности сказалось на активном межкодовом взаимодействии, выразившемся во влиянии профессиональных и молодежной субкультур на речь диалектоносителей [192, с. 83, 85]. Современное ослабление позиций диалектов [206] не только в городской среде, но и в местах проживания их носителей объясняется доступностью образцов городской речи в материалах СМИ и интернет-сетей [10, с. 33; 105].

Авторитет звучащей речи дикторов и телеведущих создает столь важный для формирования языкового сознания «престижный образец» [227, с. 111], на который ориентируется молодое поколение. Представители сельской молодежи целенаправленно стараются освободиться от «диалектного прошлого», стараясь слиться с городской средой [72; 80].

Нивелирование специфики диалектов на городском пространстве сопровождается возникновением феномена *общего сленга* [21; 58; 107]. Сущность феномена состоит в стилистической нейтрализации жаргонных элементов и их переходе из языкового состава ограниченного употребления в общеупотребительный фонд [217, с. 195], то есть явление ограничивается сферой лексики и фразеологии. Характерной тенденцией распространения общего сленга является его вертикальное проникновение во все сферы речевой деятельности: формируясь в недрах специфического кода, единица жаргона посредством популяризации в СМИ [21; 115, с. 52; 182, с. 18; 212, с. 72] и средствах электронной коммуникации [117, 122], последующего закрепления в произведениях культуры проникает в сферы строго регламентированного официального обмена информацией. При этом фиксируется амбивалентность феномена: проникнув в публицистику и художественную литературу, элементы жаргонного происхождения стимулируют образование так называемого «синтетического сленга» [21] – стилистически однородных индивидуально-авторских образований, которые намеренно создаются в текстах СМИ и произведениях культуры и распространяются по той же социальной вертикали, но в обратном направлении [10, с. 37; 21].

Таким образом, на фоне процесса межкодового сращения (диалектов, жаргонов, просторечия и КЛЯ), для которого характерна замена системных единиц жаргонизмами самого различного происхождения [217, с. 124], речевой стандарт изменяется в сторону наибольшей «раскованности» общения с аудиторией (даже при подготовленном выступлении) с целью достижения большей воздейственной силы на эту аудиторию [21; 104].

Использование элементов общего сленга позволяет в некоторых ситуациях «снять психологический барьер» через прием интимизации общения [34, с. 74]. В целом сегодняшняя языковая ситуация демонстрирует активное проникновение просторечия в РР и большую противопоставленность их обоим КЛЯ [43; 105]. Расширяется понимание просторечия, под которым подразумевается речевое взаимодействие, допускающее нормативные отклонения любого типа. Об этом Л. А. Кудрявцева пишет следующее: «Наблюдения устной городской речи ... дают основания к более широкому толкованию просторечия, которое включает в себя все то, что не соответствует культурному языковому стандарту, эталонности, образцовости языка, а следовательно, и общелитературности» [107]. На тенденцию снижения «нормативно-стилистического уровня нейтрального высказывания» указывает и Т. Г. Винокур [36, с. 80]. Иными словами, можно говорить о стремлении категорий разговорности и просторечия к эквивалентности и все большем удалении РР от нормированного языкового стандарта.

Относительно практического значения отдельного изучения просторечия и общего сленга следует отметить, что, на наш взгляд, наиболее близким к условиям реального функционирования живой речи следует считать утверждение Т. Г. Винокур о невозможности «отсечь от РР просторечие и жаргоны» [36, с. 54]. Это положение поддерживает и Т. И. Ерофеева в исследовании городской речи [58, с. 16]. Таким образом, в процессе развития русского речеведения было выявлено, что наиболее адекватным объектом этой отрасли лингвистики следует признать устную речь во всей совокупности ее субформ.

1.1.3. Спонтанность речи как условие стимулирования креативности

Разговорность как ключевое понятие речевой системы традиционно содержит указание на неподготовленный характер межличностного общения.

В работе Ш. Балли признак неподготовленности диалога объясняется через синонимический ряд – непродуманный, незапланированный, спонтанный [8]. В этой дефиниции выделен момент ограничения времени для ответной реплики в момент речевого акта.

Е. А. Земская утверждает несинонимичность категорий спонтанности и неподготовленности. В ее представлении спонтанность подразумевает самопроизвольность речевой деятельности, не обусловленную «внешними импульсами» [60, с. 8]. Эта точка зрения вызывает возражения О. А. Лаптевой, которая определяет спонтанность как неотъемлемый компонент устности [115, с. 12–39]. О. Б. Сиротинина частично разделяет мнение О. А. Лаптевой, считая, что спонтанность присуща всей устной речи в некоторой степени, а в полной мере – только РР [177, с. 30]. Разногласия исследователей связаны с различными аспектами проявления спонтанности.

Семантика исходного латинского слова *spontaneus* затруднена для точного перевода. Это понятие объединяет значения неподготовленности, непроизвольности и волевой самостоятельности. Последний компонент значения связывает его с прилагательным *аффективный*, имеющим еще более разветвленную систему значений. Оба признака подчеркивают возникновение движения или события под влиянием внутреннего импульса. Именно на таком понимании спонтанности настаивает Е. А. Земская, хотя подобный подход делает спонтанность практически неприменимой к фактам речи. Данные современной психологии отражают совершенно незначительный процент индивидов, способных к спонтанному принятию решения: это либо дети, либо художники в широком смысле этого слова. Спонтанным признается поведение, мотивированное изнутри. С этой точки зрения представляется противоречием указание на «социальную обусловленность спонтанной речи» [186, с. 76–77], в котором проявляется смешение понятий спонтанности и неподготовленности.

Социальный характер коммуникации обуславливает взаимодействие участников и определяет учет дискурсивных составляющих, в том числе и

интенции оппонентов [79, с. 230]. Речевая стратегия говорящего конфигурируется речевым и невербальным действием слушающего [13, с. 26]. Главной особенностью устных контактов является не столько стихийный характер их возникновения, сколько их принципиальная неструктурированность, синтаксическая и семантическая открытость, когда предмет и направление коммуникации формируется по мере оформления каждой реплики [42, с. 72, 75]. Таким образом, никакой диалог не может быть признан спонтанным. Однако, если принять точку зрения И. Н. Борисовой относительно разной степени спонтанности для разного типа устной коммуникации [16, с. 132–144], то станет очевидным, что монологические высказывания могут носить характер самопроизвольного волюнтивно-аффективного движения.

Объективная природа устной коммуникации, особенно в прагматическом аспекте, не позволяет говорить о ее спонтанности. В значении самоинициирующейся речи этот термин скорее употребителен в психологическом контексте [144], тогда как для анализа диалогической речи более показателен параметр неподготовленности, связанный с гезитациями и политематичностью [62, с. 234].

Тем не менее, несмотря на вышеизложенные аргументы, в нашей работе спонтанность рассматривается как условие, обеспечивающее индивидуальную активность говорящего в творческом использовании языковых средств. Необходимость термина обусловлена психологической взаимосвязью спонтанности и креативности, обоснованной в трудах К. Юнга, Э. Фромма и Я. Морено [135; 197; 218].

Роль спонтанности в психологии иллюстрируется отказом личности от шаблонного поведения, под которым чаще всего понимается нетворческий, алгоритмически повторяющийся характер жизнедеятельности, «пассивно воспринимающая установка», не позволяющая «независимо справляться с жизненными задачами» [218, с. 173–174]. Проявления спонтанности, по Я. Морено, являются «матрицей» творческого» и напрямую связаны с

личностным началом: «С исчезновением спонтанности личность погибает» [133, с. 15]. Для Э. Фромма спонтанность – активное творчество, созидательная позиция по отношению к самому себе и своей деятельности по отношению к окружающему миру [199, с. 188]. Вместе с тем спонтанность не подразумевает аффектации в ее негативном смысле, но аксиологическую независимость индивида, который усматривает в самой деятельности целеполагание. Спонтанность становится принципом реализации приоритета «будущего» над «прошлым» [Адлер, цит. по: 144, с. 9].

Таким образом, понятие спонтанности по данным психологии оказывается неразрывно связанным с понятием самоутверждения личности, объективации ее индивидуалистических черт. Современные исследования феномена креативности подчеркивают «принципиальную спонтанность» [15, с. 33] творческого процесса, подтверждая справедливость дефиниции спонтанности как самопроизвольности, экстралингвистической независимости, сформулированной Е. А. Земской. Поскольку спонтанность применима к актам индивидуального использования языковых ресурсов (часто вопреки системной схеме), постольку эта категория оказывается востребованной теорией окказиональности. Именно в таком значении применительно к устной речи понятие «спонтанная» используется в нашей работе и не выступает синонимом понятия «неподготовленная».

В этой связи необходимо оговорить наше понимание механизма речепроизводства с указанием этапа возможного проявления спонтанности.

В процессе речевой деятельности, еще со времен Л. С. Выготского, принято выделять два этапа: внутренний и эксплицитный [38, с. 90-93]. Переход от первого ко второму совершается неровно, и иногда ошибки и недоговоренности внешней речи позволяют фиксировать следы незавершенности внутреннего этапа. Этим, например, объясняется возникновение у основы неверного аффикса или незаконченность синтаксической конструкции [139, с. 207]. Как психологическая категория,

понятие спонтанности оказывается применимо к доартикуляционному этапу речепроизводства.

Самопроизвольность речепорождения соотносима и с невербальным кодом в сознании говорящего, который позволяет представить смысл, не именуя его, по Н. И. Жинкину – предметно-образный код [69]. Это положение согласуется с представлением о концепте как смыслообразе [181]. Поскольку мышление человека не только отражает окружающий мир и реагирует на внешние раздражители, но и практически непрерывно инспектирует внутреннее состояние индивида и, соответственно, постоянно производит смылообразы, то можно предположить, что один из них может выступить в качестве внутреннего мотиватора спонтанной речевой деятельности. Показателем спонтанности в этом случае выступает, во-первых, субъективность эксплицированного сегмента речи, а во-вторых, индивидуальность языковой интерпретации смыслообраза. Иными словами, спонтанность характеризуется не внезапностью вступления в коммуникацию и не степенью ее обдуманности, а семантической самостоятельностью (ситуативной немотивированностью) и/или формальной оригинальностью высказывания. Соотнесение предметно-образных представлений с вербальными средствами или их «перевод» на обычный язык [69], подразумевает три этапа речевого процесса, в котором, помимо этапов концептуализации и артикуляции, присутствует фаза интерпретации.

Момент вербальной интерпретации смыслообразов, в свою очередь, включает момент селекции вариантов экспликации смысла [84, с. 51; 139, с. 57; 218, с. 351; 225, с. 48], который может быть транспонирован на этап артикуляции и манифестирован синтагматическим соположением элементов одной парадигмы. Одновременность обработки разных языковых уровней при порождении высказывания, позволяющая сделать подобный вывод, обосновывается в [139, с. 207]. Это знаменитый прием «проекции с оси селекции на ось комбинации» Р. О. Jakobsona [219, с. 204], который отличает

язык в его поэтической функции и становится механизмом порождения языковых инноваций.

Таким образом, понятия неподготовленности и спонтанности оказываются различны с точки зрения обусловленности языкового высказывания экстралингвистическими факторами. Спонтанность речи выступает необходимым условием проявления индивидуальности говорящего, креативного использования им языковых средств и, соответственно, – стимулирует словотворческую активность коммуникантов.

§ 1.2. Теория креативности и ее преломление в лингвистической теории окказиональности

1.2.1. Креативность как созидание: основные подходы к изучению новых единиц речи

Понятие креативности как специфического процесса создания «не существовавшего прежде» [189, с. 198] сложилось в результате поступательного развития психологии творчества [38; 199; 218] и теории интеллекта [226; 229] и сопряжения их результатов друг с другом [55, с. 92–94; 222]. Стадия современной разработки проблематики творчества и креативности в отечественной психологии связана со школой Д. Б. Богоявленской, исследовавшей творческий потенциал личности в связи с ее преобразующей деятельностью [15, с. 78], а не с количественными показателями способностей. Изменение ракурса научного видения привело к осознанию психологической значимости «языков процесса» [15, с. 25] креативности, а именно – механизма межкодowych переходов в процессе мышления и речи [69; 168]. Важным достижением в области психологии креативности является установление «соответствия и прямой причинной связи лингвистической, понятийной структуры гипотезы и нелингвистической репрезентации структуры проблемной ситуации» [15, с.

36], что в упрощенном виде может быть выражено как корреляция образной и вербальной репрезентации ситуации или представления и его синтаксической схемы [205, с. 70-71].

В лингвистике креативность как эквивалент творческой активности говорящего рассматривалась В. Гумбольдтом, развившим применительно к речевой деятельности постулат Декарта о необходимости творческом принципе владения языком. В понимании В. Гумбольдта в речевой практике неизменно происходит «постоянно возобновляющаяся работа духа» [54, с. 70], выработка способов вербализации смысла, релевантность которых определяется исключительно внутренней интенцией, а не внешним набором стимулов [54, с. 77–78]. Деятельностная концепция языка, таким образом, сформирована в аспекте сотворчества коммуникантов, их готовности к созиданию языка. Определяя речевую деятельность как самопроизвольную, подчиненную внутренней «силе», В. Гумбольдт отрицает возможность семантической тождественности понятий [54, с. 166–167]. Это положение его теории является весьма существенным для развития теории лингвокреативности: поскольку при помощи языкового знака передается от говорящего к слушающему не фиксированный «отпечаток понятия, а его образ» [54, с. 77–78], постольку становится возможной индивидуализация этого способа.

Общеизвестно, что теория В. Гумбольдта в отечественном языкознании была развита и продолжена работами А. А. Потебни, который подчеркивает обусловленность семантики слова его позицией в предложении, связью с другими словами и смыслами. Слово, в концепции А. А. Потебни, имеет только актуализированное в речи значение. «Вырванное из связи» оно «мертво, не обнаруживает своих ни лексических, ни тем более формальных свойств» [156, с. 112]. Нефиксированность значения отдельного слова отмечается и в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ, определявшего слово как часть большего, в частности – как элемент синтагмы [14, с. 52].

В советский период категория креативности изучалась в русле неологии. Специфический интерес к новым языковым и речевым явлениям возникает в начале XX века в период глобальных культурных и социальных сдвигов [149, с. 22], когда наблюдается активное перемещение субкодов с периферии и их влияние на городскую речь [111, с. 183]. Происходит смена «престижных образцов» [227, с. 111] устной речи и вместе с этим – словотворческий бум [161, с. 9], далеко не всегда оправданный концептуально [197, с. 4]. Однако, несмотря на обращение Б. А. Ларина к исследованию субкодов [111, 112], узко направленного исследования новых слов и значений в городской речи на этом этапе развития лингвистики не предпринималось. Затрагиваемая в единичных работах проблематика нового была представлена перечнем структурных и лексических новообразований [173, с. 156–191] или прорабатывалась косвенно при осмыслениях нормы [152, с. 58–59]. Целенаправленно языковое новаторство рассматривалось в рамках поэтических идиостилей [19; 30; 32].

Систематическое изучение новых слов и выражений, их масштабное обобщение и выделение неологии как отдельной отрасли языкознания было осуществлено ленинградской школой Н. З. Котеловой, развивавшей в середине прошлого положения, разработанные Н. И. Фельдман [194] и Э. Ханпиры [201, 202]. Созданные под руководством Н. З. Котеловой словари [236, 237] явились результатом разработанной методологии анализа и описания новых слов и значений, а также позволили отразить актуальные тенденции языковых изменений второй половины XX века, запечатлеть динамику «вербального раскрепощения» последней его четверти [242, с. 9]. Выпуск серии словарей новых слов и значений активизировал наблюдения за текущими языковыми процессами [119, с. 5], положил начало обсуждению дискуссионных вопросов, касающихся принципов описания новой формы, сущности потенциальных форм [61; 124], аспектов узуализации новых явлений, методики определения момента вхождения отдельной единицы в язык и момента ее словарной фиксации [25], способах параметризации

окказионализма [7; 97; 123; 137; 167; 197], роли языковой аномалии в изучении языковой системы [3; 4].

Наряду с историко-лексикографической школой Н. З. Котеловой в последней четверти XX в. развивается ономаσιологический подход к исследованию новых явлений языка, представленный курской школой И. С. Торопцева. Центральным понятием этого направления становится понятие лексической объективации [188, с. 3], которое отражает процесс закрепления сформированной в сознании языкового коллектива семантики за лексической или фразеологической единицей. Языковая объективация смысла представляется результатом понятийной обработки представлений и ощущений, которая завершает этап синтаксического описания этого смысла [39; 126; 188]. При безусловной объективности и значимости ономаσιологической концепции подобный подход устанавливает приоритет семантического импульса к созданию новой формы, оставляя без внимания стимулы структурные (аналогию, паронимическую аттракцию) – имеющие весьма важное значение при словопроизводстве в спонтанной речи.

Логико-когнитивные исследования новых единиц языка связаны с работами Н. Д. Арютуновой [4, 5], Ю. Д. Апресяна [2, 3], Т. В. Булыгиной [23], Е. В. Падучевой [145, 146], А. Д. Шмелева [214]. В рамках этого направления рассматриваются языковые аномалии – открытые или неявные отклонения от нормы. В ходе логического анализа аномалий была установлена зависимость словопроизводства от семантического и прагматического контекста (пресуппозиций, общего фона знаний о мире, интенций и т. д.) [90, с. 195] и связанных с контекстом референциальных механизмов языка [214, с. 16]. Существенным достижением этого направления стала классификация аномальных явлений по типу системных и несистемных нарушений, созданная Ю. Д. Апресяном [2, с. 624–625], которая в настоящее время дополнена и расширена в работах Т. Б. Радбиля [159].

Выделение в русле неологии проблем собственно лингвокреативности связано с исследованиями Б. А. Серебренникова [175]. Вводимое ученым

понятие лингвокреативности отражало антропоцентричный поворот научной парадигмы [102] и определялось ученым как особый тип мышления, способный «создавать слова-понятия или формы содержания» [175, с. 195], который «принимает участие в процессах изменения языка» [175, с. 207] и при этом «заново членит мир» [175, с. 203]. В работе Б. А. Серебренникова отстаивается самостоятельность глобальных языковых изменений относительно внелингвистических факторов и подчеркивается высокая степень грамматической обусловленности словотворчества [175, с. 207].

Параллельно с исследованиями Б. А. Серебренникова языковой игре посвящается раздел монографии Е. А. Земской «Русская разговорная речь» [65, с. 172–214]. В этой работе автор анализирует специфические средства выразительности (большей частью шутки и каламбуры) как способ стилистической «инкрустации» [59] обыденной речи. С конца 90-х гг. XX в. языковая игра становится постоянным предметом научного изучения. Творческое отношение говорящего к языку исследовано в научных работах Т. А. Гридиной [51, 52], В. З. Санникова [172], С. Ж. Нухова [141, 142], Е. Н. Ремчуковой [165], В. К. Харченко [203], Р. Ю. Намитоковой [137], С. В. Ильясовой [75] и других.

На сегодняшний день в языкознании сформировано новое направление – лингвистика креатива, которое специализируется на изучении приемов выразительности с целью оказания воздействия на слушателей, а также принципов реализации этих приемов [93]. При этом подчеркивается намеренный характер креативности говорящего, его установка на эстетическую сторону коммуникации [223]. Процесс создания креативной единицы изучается преимущественно на материале художественных и публицистических текстов [120]. Творческий механизм разговорной речи при этом не выделяется в отдельную проблему, а включается в указанные исследования как вспомогательная иллюстрация [165; 172]. В последнее время наблюдается некоторое повышение научного интереса к лингвокреативности устной речи [195, с. 92]: анализируются тосты, устные

тексты радиопередач, интернет-коммуникации [24; 78; 113; 158; 213], разрабатываются методики стимулирования лингвокреативного мышления [45; 47].

Таким образом, в современном языкознании действует активное направление лингвистики креатива, основной задачей которого является изучение процесса творческого использования языковых единиц, а также путей и способов реализации креативных стратегий и условий, стимулирующих отказ от стандартного речевого выбора [92]. По своему предмету и методологии лингвистика креатива является разделом неологии и во многом смыкается с прагматикой [52; 92; 99; 159], и это обстоятельство позволяет применить к материалу исследования комплексный подход, отражающий, словами Е. С. Кубряковой «интегративную природу объекта» [103, с. 35].

1.2.2. Типы новизны: статус неологизма, потенциализма и окказионализма в системе языка

Длительное время в неологии обсуждается вопрос таксономической организации понятий [130, с. 149]. Т. В. Попова и Л. А. Рацибургская отмечают эквивалентность понятий «инновация», «новообразование», «неологизм» [155, с. 20–25].

Термин «инновация» вводится Н. З. Котеловой как родовой, объединяющий все виды новых явлений в языке: неологизмов, потенциализмов и окказионализмов [95, с. 240]. При этом подчеркивается разная лексикографическая значимость каждого вида явлений: изучение неологизмов представляет «магистральную» линию неологии, изучение остальных явлений – сопутствующую [97, с. 255].

Помимо историко-лексикографического подхода к изучению новых явлений в языке существенное значение имеет логический, денотативный подход [155, с. 15-18], представляющий собой развитие идеи Л. В. Щербы об

особой информативности отклонений от языковой нормы [4, с. 7]. Логический подход позволяет заменить термин «инновация», использованный Н. З. Котеловой, на термин «аномалия», подчеркивающий нестандартность, иногда алогичность индивидуального использования языка. Между двумя терминами очевидна некоторая семантическая полярность: аномалия содержит деструктивную коннотацию, тогда как инновация подчеркивает продуктивный характер нестандартных явлений. Это положение позже находит отражение в понятии *конструктивной аномалии*, выделенном в работах Ю. Д. Апресяна [3] и Т. Б. Радбиля [159]. Параметр конструктивности, предполагающий понимание слушающим целей и задач нормативных отклонений, позволяет отделить собственно инновации от речевых ошибок и арготивно закрытых переноминаций.

Понятие неологизма – одно из наиболее диффузных в языке [18, с. 106]. Предлагается несколько подходов к определению: неологизм – полный синоним новообразования [167, с. 61], неологизм противоположен новообразованию как синониму окказионализма [137, с. 13], неологизм – единица лексического уровня, не пересекающаяся с инновационными единицами в области морфологии, фразеологии и синтаксиса [174, с. 39]. Кроме определения объема понятия, нет определенности относительно критерия новизны созданного слова. В этом аспекте значение термина «неологизм» конкурирует со значением термина «новообразование»: некоторые лингвисты, отталкиваясь от тождественности инновации и новообразования как родовых названий всего нового в языке (А. А. Брагина [17], О. С. Ахманова [230], М. А. Попова [154], М. И. Фомина [197]), указывают на связь неологизма с преобразованиями действительности; другие отличительным критерием новизны считают длительность существования нового слова (В. В. Виноградов [27], Б. Н. Головин [46], Е. В. Розен [167], М. Н. Золотарева [68]). Наиболее взвешенный подход к трактовке понятия «неологизм» был осуществлен в работах Н. З. Котеловой, предложившей учитывать оба критерия, а также вид новизны (структурный

или семантический) новой единицы, социальную сферу ее употребления и системную обусловленность [96, с. 189]. В качестве родового термина Н. З. Котелова использует описательную конструкцию «лексическое новшество» [там же, с. 196].

На наш взгляд, последовательное применение выделенных Н. З. Котеловой критериев приводит к следующим разграничениям терминов: инновация – это родовое понятие, обозначающее новые явления в языке и речи безотносительно их социальной детерминированности и тем самым включающее в себя понятия неологизма, потенциализма и окказионализма. Термины «новообразование» и «неологизм» соотносятся с результатами применения критериев Н. З. Котеловой: в силу уже существующей лексикографической традиции неологизм представляет собой социально обусловленную номинацию, созданную по продуктивной модели, а новообразование – результат формальной комбинаторики, иногда избыточный с точки зрения системных номинаций (явления индивидуального слово- и смыслообразования). Такой же точки зрения придерживается и Р. Ю. Намитокова [137, с. 13]. Критерий типа новизны (структурный или семантический) языкового знака может использоваться на следующем этапе классификации, при выделении семантического подвида в массе неологизмов и новообразований.

На наш взгляд, представляется рациональным применение временного критерия не к самой единице, а к обозначаемому ею явлению. С вполне определенной уверенностью можно классифицировать понятия *кроссовер*, *плазма* (в значении 'плазменный телевизор'), *эсэмеска*, *смартфон*, *блогер*, *ютубер*, *хэштег* и подобные им по последовательности вхождения этих понятий в общенациональное употребление. При этом степень новизны у каждой единицы будет различной с точки зрения представителей разных социальных слоев (деловой, маргинальный круг, возрастные поколения и т. п.), но объективность существования обозначаемой реалии и устойчивость

употребления соответствующей единицы может быть принята за основу разграничения неологизмов и новообразований.

Разграничение неологизмов и новообразований имеет принципиальное значение для лексикографической практики. Словари неологизмов отражают фактическое пополнение общезыкового фонда, тогда как узуализация новообразований носит гипотетический характер. Такое положение формирует дополнительный критерий для определения новообразований – нефиксированность подобных единиц в лексикографии.

Существенным для классификации инноваций является также критерий системности. Для неологизмов традиционно оговаривается продуктивность моделей их образования [97, с. 262-263], которая облегчает вхождение единицы в узус и повышает частотность ее употребления. При всей закрытости левой части слова *смартфон* для не владеющих английским адаптация единицы проходит быстрее благодаря регулярности модели и активности родового понятия *телефон*.

В целом под новообразованиями логично понимать единицы любого уровня языка, не связанные с возникновением новых реалий, но образованные в силу действия закона экономии речевых усилий [129] или стратегий усиления экспрессивности высказывания [5].

Таким образом, в данном исследовании применяются понятия *инновация* и *новообразование* как родовой и видовой термины соответственно. Под *новообразованием* понимается оригинальная единица любого уровня языка, созданная говорящим в потоке речи или автором в тексте безотносительно к способу ее образования и степени новизны обозначаемой ею реалии и нефиксированная в лексикографических источниках. В рамках тенденций креативной лингвистики и для объединения новообразований разного языкового уровня в настоящем исследовании вводится термин *креативная единица*, синонимичный разнопланово понимаемому термину *новообразование*. Далее в целях отграничения креативных единиц спонтанного характера от текстовых новообразований

вводится понятие *речевой креатив*. Порядок соотнесения неологических терминов друг с другом, по нашему мнению, укладывается в следующую схему:

Обобщая сказанное, следует отметить, что изучение нестандартных единиц речи имеет два аспекта: с одной стороны, оно ориентировано на вопросы соотношения нормы и отклонения от нее и предполагает анализ уровня системной абстракции, с другой – фокусируется вокруг проблематики индивидуального варьирования системных закономерностей в процессе живой коммуникации и динамических изменений узуса и не может не учитывать экстралингвистические факторы такого варьирования [41, с. 15; 71, с. 10]. Поэтому представляется закономерной современная практика интегрированного [76], полиаспектного [209] или комплексного [132] подхода к изучению речевых новообразований.

В отличие от неологизмов новообразования не имеют столь жесткой социальной детерминированности. Кроме ослабленной номинативной функции, новообразования отличаются отклонениями в структуре ввиду непродуктивности словопроизводства и, вследствие такого нарушения, – повышенной экспрессивностью [124, с. 23]. К этой группе креативных единиц, в том значении, которое предложено в данной работе, традиционно относят две разновидности – потенциальные и окказиональные слова [61; 137; 190; 197]. Потенциальные слова, в отличие от окказионализмов, возникают в речи или тексте в результате реализации ресурсов высокопродуктивных словообразовательных моделей, восполняя при этом «лакуны» словообразовательной парадигмы одной лексико-тематической группы.

При этом автономность потенциальных слов до сих пор остается предметом споров [71; 140; 143]. Многие исследователи считают выделение потенциализмов излишним [124, с. 36], справедливо указывая на их функциональную однородность с окказионализмами [29; 32, с.15; 124, с. 36]. Действительно, потенциальные слова, как и слова окказиональные, возникают в речи для употребления в конкретном контексте и в дальнейшем не воспроизводятся [123, 124; 194]. Однако, потенциализмы, даже не называя нового явления, так же, как неологизмы, создаются по продуктивным словообразовательным моделям; [18; 60; 202, с. 248]. Возникновение в речи потенциализма часто остается незамеченным ни слушателем, ни иногда самим говорящим – настолько естественен процесс их создания для языковой системы [171, с. 381]. Окказиональное же слово, слово-самоделка, всегда выделяется из общего речевого потока или текста, становится центром высказывания [140, с. 13; 194, с. 66] именно благодаря своей нетрадиционной форме, несистемному способу словообразования. Главное сходство потенциализмов и окказионализмов в их «творимости» [124, с. 10–11], а главное различие – в степени системности [191, с. 291]. В этом отношении оказывается значимым понимание двойственной «статично-подвижной» природы потенциализма, на которую указывает в своей работе В. Матезиус [131, с. 43], впервые применивший этот термин.

Кроме этого, выделение потенциальных форм в отдельный класс новообразований представляется рациональным в аспекте перспектив узуализации нового слова. Продуктивность модели положительно влияет на закрепление инновации в узусе [191, с. 293]. Потенциальные формы представляют собой промежуточный тип креативных единиц, системная закрепленность которых зависит от социальной востребованности их содержания. Понятие потенциального слова, несмотря на некоторую некорректность термина [1, с. 70; 182, с. 156–158], позволяет, таким образом, дифференцировать неологизмы и окказионализмы на основе степени отклонения от словообразовательных моделей.

В настоящем исследовании, согласно выводам Э. Ханпиры, Е. А. Земской, И. С. Улуханова, Р. Ю. Намитоковой, О. С. Захаровой, а также результатам собственного анализа спонтанной речи, принимается разделение новообразований на потенциальные и окказиональные. Дифференциальным признаком окказионализма признается его структурная оригинальность, «несерийность» [65, с. 181]. По мнению А. Г. Лыкова, окказионализмам присуща постоянная новизна [124, с. 35]: нестандартность структуры противопоставляет их общеупотребительному фонду. Окказионализм уникален, случаи его распространения расцениваются как «цитация» [214, с. 34]. Помимо различий в степени системности словообразования, аргументом против равных исходных условий узуализации [71, с. 25] потенциальных и окказиональных единиц выступает и неодинаковая степень их экспрессивности. Тем не менее, многие из окказиональных слов последнего десятилетия различного социолектного происхождения, закрепляясь в речевой практике, утрачивают экспрессивность. Например, такие единицы, как *кошмарить*, *тупить*, и даже жаргонные формы *голимый* [86, с. 152] и *фиолетово* регистрируются в разговорной речи разных социальных слоев с определенной регулярностью. Эффект нейтрализации экспрессивности связан с описанным выше распространением по социальной вертикали общего сленга [107; 206].

В содержательном отношении окказионализмы часто дублируют семантику системной единицы, добавляя к ее значению некую коннотацию: так, окказионализм *кошмарить* интенсифицирует нейтральное *пугать*, *голимый* – нейтральные *плохой*, *непригодный*, *неправильный*. Глагол *тупить* возникает как результат действия закона языковой экономии, объективируя в своей семантике смысл, описательно существовавший до его появления (ср. *медленно соображать*, *не видеть очевидного*, *глупо мыслить*, и т. п.) [40, с. 164; 126, с. 148; 151, с. 54; 188, с. 63]. В семантике окказионализма прослеживается влияние устойчивого словосочетания *острый ум*, отсутствие которого обыгрывается на базе прямого значения глагола *тупить* – ‘делать

не острым'. Близкая в формальном и содержательном отношении единица *тупеть* отличается особым модусом действия, так как указывает на развернутость действия во времени в отличие от окказионализма, как правило обозначающего действие в актуальном времени: *Я не поняла, мы куда сейчас? Лекции не будет? – Сейчас идем на лекцию, потом практика вместо второй лекции, а в следующий раз – наоборот: лекция вместо практики. Что ты тупишь?*

Наиболее оригинальные результаты окказиональной деривации не получают широкого распространения из-за непрозрачности мотивации [191, с. 297], поскольку однозначная соотносимость с производящей основой способствует конкретизации значения окказионального слова, диффузного вне конситуации [110, с. 164]. Двойная или множественная мотивация создает эффект каламбура и двусмысленности, не связанный с прагматикой номинации. В живом общении функциональные возможности новообразований оказываются гораздо шире поэтического «украшения»: они могут использоваться с номинативными или с фатическими интенциями. Для функционального разграничения креативных единиц к явлениям языковой игры целесообразно относить единицы, возникающие в спонтанной речи в эстетических целях или в рамках метаязыковой рефлексии и классифицирующиеся некоторыми исследователями [137; 153; 196] как индивидуально-авторские окказионализмы.

Таким образом, мы характеризуем окказионализм как результат применения индивидуальной, нестандартной словообразовательной модели, направленный на содержательное уточнение или объективацию смысла уже существующего понятия в рамках языковой экономии, установления контакта или решения стилистических задач.

1.2.3. Соотношение понятий «языковая игра» и «речевой креатив»

Термин языковая игра (далее – ЯИ), возникший в русистике на базе работ Л. Витгенштейна [37] и Дж. Серля [171], приобретает статус объекта

научного исследования после выхода в свет монографии «Русская разговорная речь» [65, 67] под редакцией Е. А. Земской. В этом исследовании впервые дано определение явлениям творческого отступления от нормы в условиях спонтанного общения, которые в отличие от ненамеренных ошибок и оговорок, нагружены стилистически и выполняют «эстетическую функцию» [59]. После наступления периода «вербальной свободы» [100; 170] и ортологических сдвигов явление ЯИ становятся объектом постоянного научного интереса. Выходят в свет монографии Т. А. Гридиной [51, 52] и В. З. Санникова [172], описывающие формы и способы отклонений в процессе реализации «людической» [65, с. 204] функции языка. Дальнейшие работы по ЯИ связаны с описанием явления на каждом уровне языка [98; 118]. Материалом исследования при этом чаще выступали тексты художественных произведений [137] или СМИ [75]. ЯИ разговорной речи были посвящены отдельные работы В. К. Харченко [203], а также монография Ю. О. Коноваловой [93].

В настоящем исследовании понятие ЯИ применяется к отдельному виду новообразований. На наш взгляд, к ЯИ не могут быть отнесены факты нестандартной номинации нового явления или однословной минимизации речевых усилий. Подобные явления отличаются от собственно игровых наличием пропозиционального содержания, отражающего «положение дел» в окружающей действительности [176, с. 74]. В игровых формулах языковая конвенция становится точкой отталкивания, предметом обыгрывания [81, с. 45], тогда как в других случаях прагматические интенции «подчиняют» нестандартную номинацию конвенциональным механизмам. ЯИ приводит к переосмыслению языкового знака, обнаруживает подвижность его содержания [34, с. 75], тогда как креативные номинации «апробируют» соотносительность содержания с созданным знаком.

Под ЯИ в настоящем исследовании понимается речевое действие, заключающееся в намеренном отклонении от языкового стандарта с целью установления и поддержания коммуникативного контакта [11, с. 318; 219,

с. 201] или создания эстетически значимой формы высказывания [59]. При этом и для фактов ЯИ, и для актов креативной номинации весьма существенным признается устный формат создаваемой единицы, о чем говорилось выше. Для отграничения устных новообразований от авторских инноваций в тексте предлагается использовать понятие *речевой креатив*.

Наблюдение с функциональных позиций за речевыми актами, содержащими креативные единицы, обнаруживает достаточно частое их использование в номинативной или конативной функции. Закон экономии речевых средств в потоке живого общения приводит к спонтанному сокращению синтаксически протяженных наименований [188, с. 3]: совершенно естественно воспринимается стяжение словосочетания *мастер по ремонту бойлеров* в однословное *бойлерист* или *принимать витамины* – в *витаминиться*, *посетители ВПП-зоны* – в *випари*, *начнется гроза* – в *грозанет* и т. п. Этот процесс мало связан с поэтическим осмыслением языкового знака или установкой на «реализацию комического эффекта» [208, с. 170] и продиктован в большей степени прагматикой ситуации, нежели стремлением к образности, что не соответствует понятию «людической» функции языка [204].

Кроме лексической объективации существующего смысла, креативные формы участвуют в процессе категоризации. По мере усложнения представлений о конкретном явлении неизменно происходит выделение новых подвидов, которое может сопровождаться созданием креативной номинации. Чаще всего подобная лингвокреативность проявляется в профессиональной сфере и сопровождает спецификацию профессионального знания. Такие единицы, как *паркетка*, *джемься*, *жеребиться*, *вязайнер*, возникают в диалогах между специалистами или любителями одной области знания. Наиболее показательным примером категоризации является единица *вязайнер*, обозначающая подвид профессии «дизайнер» в области вязаных изделий.

И стяжения словосочетаний, и таксономические номинации значительно отличаются по своей функциональной нагрузке от таких единиц, как *катароманы*, или *дубаар*, нуждающихся или в сопровождающей дискрипции, или в общности пресуппозиции. Словообразование первой из приведенных единиц разворачивается в игровое пространство: *Для влюбленных по вечерам катамараны превращаются в катароманы, после которых у этих молодых людей рождаются катаРоманчики*; а вторая возникает в среде билингвов, одинаково владеющих русским и крымскотатарским языком и в силу этого легко определяющих значение контаминанта, которое складывается из русского жаргонизма *дубарь* – ‘сильный холод’ и крымскотатарского *баар* – ‘весна’. Коммуникативная избыточность данных форм позволяет отнести их к явлениям свободного языкового эксперимента, не имеющего номинативного или иного прагматически обусловленного задания (*Дубаар пришел* – ‘наступила холодная весна’).

Следовательно, в массе инноваций различают востребованные социумом единицы номинаций новых явлений и предметов, созданные по продуктивным моделям (неологизмы), и индивидуальные новообразования – номинации и результаты языковой игры, – созданные по продуктивным (потенциализмы) и непродуктивным (окказионализмы) моделям. Среди речевых индивидуальных новообразований отдельные подгруппы составляют единицы таксономического обозначения явления или лексической объективации синтаксически выраженного смысла и явления игрового характера с ослабленной пропозицией. Все незакрепленные в узусе единицы индивидуальной речи могут быть объединены понятием *речевой креатив* в целях отграничения от письменных инноваций авторских текстов.

1.2.4. Прагмасемантический подход к анализу креативных единиц

Исследование единиц речевого потока неизбежно требует включения прагматической составляющей высказывания. Прагматика, как часть

семантики, вводится в языкознание Л. Витгенштейном [37] и получает развитие в работах Р. О. Якобсона [219] и Дж. Серля [176]. Важнейшими аспектами этой области лингвистического знания становится изучение средств вербального воздействия на слушающего и отношение высказывания к действительности [145]. Проблематика первого направления прагматики находит выражение в теории речевых актов, а второго – в теории референции. Таким образом, каждая единица речи имеет определенный потенциал иллокутивной силы и референциальный потенциал. В этом отношении отмечается особенная денотативная «пустотность» [71; 176] фактов ЯИ (*катаРоманчики* – ‘дети, зачатые на катамаранах’, *велипуты* – ‘великие лилипуты’, *Страхогор* – ‘пугающий житель гор’), реферирующих к воображаемому миру либо к пространству самого языка, сближаясь таким образом с приемами метаязыковой рефлексии [220]. Единицы речи, не попадающие по своей функциональной специфике под понятие ЯИ, требуют интегративного анализа, учитывающего всю сложность связей с действительностью и интенциями говорящего [56; 103]. Такой подход позволяет углубить систематизацию явлений нестандартного характера спонтанной речи и расширить знание о механизмах их возникновения.

В русистике прагматический подход к речи представлен работами Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, Е. В. Падучевой, Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева, Т. Б. Радбиля. В кругу рассматриваемых этими учеными проблем оказываются случаи нарушения коммуникативных стандартов – логические и прагматические аномалии [3; 4; 145]. Систематизация аномальных явлений, проведенная в этих исследованиях, позволила «снять семантическую нагрузку с предложения» [145, с. 74] и определить место и значимость коммуникативных и общезыковых конвенций в процессе коммуникации.

Трудность типологии нарушений языковой нормы заключается в нечеткости границы между семантикой и прагматикой [146, с. 221]. Несмотря на то, что к области прагматики относят «языковые элементы,

ориентированные на речевое воздействие; иначе говоря, элементы, в семантике которых отсылка к говорящему играет ключевую роль» [146, с. 223], эти элементы не существуют изолировано от семантической структуры языкового знака. В том или ином виде креативное отклонение от нормы подразумевает нарушение или принципа ясности, или релевантности по отношению к установленным практикой схемам интерпретации смысла высказывания или отдельной единицы. Создавая новую единицу, говорящий рискует быть непонятым и таким образом снижает успешность коммуникации [162, с. 87-88]. Однако при соотнесении прагматической пресуппозиции с компонентами семантической структуры слова [159, с. 77] баланс означающего и означаемого выравнивается и окказионализм обретает свое толкование.

Относительность прагматического компонента в структуре значения [145, с. 13], а также возможность узуализации креативных фактов языка позволяют утверждать, что ряд нестандартных явлений возникает не в качестве простой девиации нормы, а как способ динамического обновления узуса [159, с. 77]. Такое положение подводит к выделению критерия инновационной продуктивности отдельных нарушений языковой системы. В пользу подобного вывода свидетельствует и фиксация относительного характера аномалий, когда возможность ее интерпретации зависит от позиции наблюдателя и степени допустимости отклонения референции от реального к «возможному миру» [3, с. 56–57]. Этому соответствует и особый тип прагматической пресуппозиции, когда фон апперцепции составляют невербализованные имплицатуры, редактирующие известное лексическое значение [159, с. 61]. Подобные отклонения от нормы продуктивного характера получили название «конструктивной аномалии» в трудах Ю. Д. Апресяна [3, с. 63–64].

В отличие от авторских инноваций в художественном тексте создание креативной единицы в речи может сопровождаться невербальными указаниями: остенсивной иллюстрацией (*Смотри, какой **красавчик!*** – при

указании рукой на селезня на озере), либо прямым метаязыковым комментированием (*Вы знаете что такое замечательно?*), либо введением в контекст словообразовательного мотиватора (*Пусть к тебе сегодня придет муза, а лучшие музык*). Это обстоятельство подчеркивает значимость правил коммуникации, когда говорящий не снимает с себя ответственности за восприятие слушающим созданной единицы, но снабжает высказывание дополнительными средствами интерпретации, в том числе и правильного соотнесения знака с референтом.

Данное положение представляется весьма существенным не только для разработки классификации речевого креатива, но и для выработки приемов лексикографического описания окказиональных явлений [242]. Поскольку в процессе интерпретации высказывания задействованы механизмы фоновых знаний или соотнесения денотативных пространств говорящего и слушающего [214, с. 36; 55], постольку следует признать необходимым описание такой пресуппозиции при включении языковой единицы в словарь или словник-справочник.

К прагматическим условиям формирования высказывания, кроме «условий успешности речевого акта, постулатов общения и принципа кооперации», относится «сфера иллокутивных сил» [159, с. 61]. Иллокутивная составляющая речевого акта в настоящей работе рассматривается как корреляция компонентов РА и языковых функций, в том виде, в котором это соотношение представлено в работе Р. О. Jakobsona «Лингвистика и поэтика» [219]. Устанавливая иерархию функций, Р. О. Jakobson подчеркивает, что в каждом речевом акте доминирует только одна, выделяемая на основании иллокутивной направленности высказывания. Это положение в дальнейшем претерпело существенные трансформации в разных направлениях прагматики [99; 176; 198]. В отечественном языкознании теория Р. О. Jakobsona получает развитие в работах Т. В. Винокур [33; 35], в которых автор доказывает противоположность номинативной (в терминологии Р. О. Jakobsona –

когнитивной) и фатической функций языка. Такое противопоставление двух из шести указанных Р. О. Якобсоном функций дает основание утверждать об их оппозиционной бинарности, т. е. о их взаимоисключении при равных исходных условиях. При этом Т. Г. Винокур указывает на неустранимость аффективного воздействия любого вербального высказывания на слушающего. Сознательное нарушение нормы с целью большей экспрессии, как справедливо утверждает Т. Г. Винокур [33, с. 108], не может не повлиять на ослабление информативной стороны коммуникации, а вместе с ней – и на конвенциональные императивы.

С точки зрения иллокуции повышенная экспрессия креативных единиц может быть направлена не только на усиление воздействия (как, скажем, в публицистическом или рекламном тексте), но и на фатическую сторону коммуникации – установление контакта или выражение эмпатии [157, с. 25]. С определенной регулярностью фиксируются в речи новообразования, созданные в целях интимизации общения [34, с. 71; 49, с. 85]: *моя ойойойка, мой вампиреньиш, моя читайка* и т. п. Тенденцией к доминированию фатической иллокуции объясняются и примеры дублирования системных единиц без семантических приращений *картофан, отдыхайки, подружайки*, среди которых наиболее значимыми следует признать контаминированные этикетные формы *алейкум-привет, саламирую, саголчик* и подобные им, характеризующие полилингвальную языковую ситуацию в Крыму [13; 174] и обозначающие глубину межязыковой интерференции на полуострове.

Таким образом, особенности функционирования креативных единиц в спонтанной речи обусловлены наличием прагматического задания, отсутствующего при создании авторского текста. К особенностям прагматического характера относятся перераспределение компонентов семантической структуры слова под влиянием общих для носителей языка ассоциативных связей или пресуппозиции [125, с. 132], или имплицатур дискурса [125, с. 128] в соответствии с иллокутивной направленностью высказывания.

Выводы по главе 1

Изучение механизмов русской разговорной речи выявило разное понимание учеными понятия «разговорность» и разногласия относительно состава разговорной речи как подсистемы языка. Дискуссионным остается вопрос о дифференцирующих признаках разговорности: устности и неподготовленности. Выявленные затруднения обусловлены высокой подвижностью речевой коммуникации, природа которой обнаруживает синергетическую способность саморегуляции в ответ на изменение внешних условий функционирования системы.

На современном этапе изучения РР отмечается устойчивая тенденция снижения порога ее нормативности, выражающаяся в формировании явления общего сленга – слоя стилистически нейтрализованной жаргонной лексики, вошедшей в общеязыковой фонд. Закрепление стилистически немаркированного общего сленга как постоянного элемента речевой коммуникации, в свою очередь, ослабляет позицию диалектных элементов в системе РР и определяет значимость такого признака РР как устность.

Данное положение позволяет расширить материальную базу исследования, не ограничиваясь литературной речью или языком устных субстандартов, и охватить явления нестандартного языкового употребления, которые присущи всем формам городской коммуникации.

При этом представляется целесообразным разграничение понятий «неподготовленная» и «спонтанная» речь: первое связано с синтаксической неполнотой, особенностями артикуляции и хезитациями, второе – с творческим преодолением коммуникационных клише и имеет непосредственное отношение к теории окказиональности и лингвистике креатива. При этом отмечается недостаточность научной систематизации как в области неологии в целом, так и в части окказиональных явлений. До сих пор не теряют актуальности вопросы дифференциации новых явлений в языке – нелогизмов, потенциализмов и собственно окказионализмов. Не

прояснены параметры узуализации нового слова, критерии определения степени его новизны, а также параметры лексикографической фиксации окказиональных явлений, в особенности – устного креатива.

В силу указанных теоретических затруднений в настоящем исследовании в качестве общего обозначения новых явлений языка и речи используется термин *инновация*. В его семантике отмечается конструктивная составляющая, позволяющая отделить нарушения языковых форм (ошибки и оговорки) от творческого использования языка. Все инновации, в свою очередь, подразделяются на *неологизмы* и *новообразования*, то есть *креативные единицы*, в зависимости от степени общественной востребованности обозначаемой реалии.

В качестве объединяющего понятия для явлений устного словотворчества предлагается термин *речевой креатив*. Несмотря на общность приемов творческого использования языка в живой речи и художественном тексте, речевой креатив имеет свои особенности функционирования. При дальнейшей классификации новообразований используется принцип системности как наиболее традиционный показатель степени окказиональности единицы, которая в данной работе соотносится и со степенью ее социальной востребованности.

В целях выявления социального «веса» креативной номинации предлагается дополнить словообразовательный и семантический анализ анализом референтной и иллокутивной составляющей речевого акта. Этот аспект позволяет рассмотреть механизм спонтанного креатива в объективной совокупности стимулирующих его факторов, поскольку любое языковое новшество рождается в динамике противоборствующих начал – прагматики ситуации и грамматики языка.

Глава 2. СИСТЕМНЫЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КРЕАТИВНЫХ ЕДИНИЦ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА

§ 2.1. Параметры узуализации креативных форм спонтанной речи

Длительное время в отечественном языкознании обсуждался вопрос о необходимости лексикографической фиксации окказиональных явлений и их научного описания. В современной неологии этот вопрос утратил былую актуальность: окказионализмы признаны важным ресурсом активного преобразования языка [22]. При этом не имеется отдельного словаря окказионализмов устной речи. Элементы речевого креатива попадают в словари региолектов [235; 238; 239]. Некоторый аспект креативности представлен и в словарях русского арго [231], русских жаргонов [230; 232; 233] и в общем «Толковом словаре разговорной русской речи» [241]. Существенный интерес представляет «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» профессора В. В. Химика [242], в котором собраны единицы, отличающиеся особой выразительностью. При этом понятие экспрессивности толкуется автором как явление ненормативное: от периферии литературного стандарта до маргинального сквернословия [242, с. 9]. Очевидно, что при таком подходе многие формы и выражения не отражают динамики креативных процессов, но, скорее, фиксируют стилистические сдвиги в языке.

В силу слабой представленности фактов устной лингвокреативности в современной лексикографии особую дискуссионность приобретает аспект апроприации отдельной единицы узусом [43]. Согласно мнению Н. З. Котеловой, все новые единицы языка проходят несколько фаз узуально-системной апроприации: от абсолютного «небытия» понятия в реальности и языковой системе через фазу кодификации слова к его широкой экспансии в разные подсистемы языка вплоть до интернационализации [97, с. 265]. В

другом месте этого же исследования Н. З. Котелова отмечает, что степень «освоенности» единицы может быть измерена по ее деривационной продуктивности и устойчивости денотативного содержания [там же, с. 254]. Если первый критерий напрямую связан с продуктивностью использованной словообразовательной модели, то второй подчас зависит от глобальных социальных тенденций, отличающихся высокой подвижностью.

Несмотря на высокую динамику общественных процессов, в том числе и научно-технического прогресса, некоторые социальные сдвиги сохраняют свою приоритетность. Это относится, например, к феминизации всех сфер и форм социальной организации, которая отражается в языке актуализацией потенциальных форм женского рода относительно системных номинаций мужского в парадигмах существительных со значением лица: *докторесса, нарциссиса, парламентарша*. Возникновение данных единиц на базе модели аффиксов *-ис-/есс-(а)* и *-ш-(а)* обуславливается, с одной стороны, продуктивностью самой модели [151, с. 61], а с другой – стремлением к социальному балансу в гендерном отношении. Отражая глобальные тенденции в социуме, гендерные пары номинаций лица распространяются вне зависимости от групповой принадлежности говорящего, проникая во все социальные страты.

Однако распространение могут получить и узко групповые потенциализмы. Устойчивость формы внутри одного социолекта может перейти в форму общенациональную, особенно в современной ситуации общей жаргонизации устной речи. В наших материалах примером такого социального потенциализма является единица *школота*, возникшая как результат маркирования школьников (часто с негативной коннотацией) среди остальных групп молодежи: «Эй, вы куда? *Школоте тут не место!*» (реплика студента техникума).

Инструментом изучения узуального существования и распространения потенциальных форм может служить «Национальный корпус русского языка» (далее – НКРЯ [244]), в базе данных которого единица *школота*

фиксируется с 2008 года. Включенность нестандартных единиц в НКРЯ можно расценивать как дополнительный параметр процесса узуализации. Корпус позволяет оценить и диахронию существования: некоторые новообразования отличаются регулярностью возникновения на протяжении длительного времени [70]. Так, зарегистрированная в наших материалах единица *хворобушек*, согласно базе НКРЯ, была использована в тексте 1984 года, а единица *теплышко* возникает в текстах 1875, 1924-1932 и 1997 годов. Таким образом, оказывается возможным дополнить параметр системности параметром диахронической устойчивости, который, по нашему мнению, свидетельствует об органичности новообразования относительно узуса данного языка.

Главным показателем системности остается продуктивность модели, использованной для создания речевой единицы. Это ставшее аксиоматическим положение на сегодняшний день подвергается существенной коррекции. Так, О. С. Захарова справедливо отмечает, что, вопреки научным стереотипам о приоритете продуктивности над регулярностью в синхронном срезе, окказиональные формы имеют равные шансы распространения с формами потенциальными [71, с. 19]. Однако нельзя не согласиться, что при прочих равных исходных условиях деривационная активность единицы выступает бесспорным параметром закреплённости. Наличие производных, синонимов и антонимов, а также развитие новых значений уже известной формы на базе тропеических переносов не может расцениваться как случайность, но в полной мере – как результат неоднократного воспроизведения единицы в речи. В речи крымчан регистрируются следующие случаи однокоренных дериватов: *баларики* – *баласенок*, *Айфоныч* – *аймобила* – *айфобия*, *хворый* – *хворобушек* – *хворастик* – *хворижки*, *отйожилась* – *не йогнется*. Примером синонимичных новообразований является пара окказиональных приветствий *селямствуите* – *саламирую*. При разной степени системности эти единицы возникают в речи разных носителей языка и таким образом свидетельствуют

о начале узуальной фазы развития слова. В ряду дериватов одного корня отмечается разница в характере выражаемой этими производными реалии: контаминанты тюркского и русского приветствий и субстантивы адъективного значения *хворый* могут быть квалифицированы как социально ослабленные в сравнении с прагматически обусловленными формами производных онима *Айбизм* – торгового имени производителя популярнейшей цифровой продукции. Тот же уровень социальной обусловленности имеют и номинации в сфере йоги, получившей широкое распространение в общественной практике. Социальный спрос формирует необходимость в возникновении и закреплении лингвистического знака, ускоряя или замедляя процесс этого закрепления.

Кроме системности, социальной обусловленности и деривационной активности, существенным оказывается параметр прототипичности. В этом отношении уместен перенос понятия «прототип» из области когнитивных представлений [228] в сферу предметно-лингвистических понятий. Имеется в виду грамматически наиболее приемлемый образец словообразовательного типа, приоритет которого среди конкурирующих форм устанавливается в зависимости от глобальных факторов закрепления номинации – стилистических и стилистико-словообразовательных. Рассматривая природу узуализации, Н. Д. Голев в [43] указывает факторы стихийной узуализации новообразований, важнейшими из которых, по его мнению, являются частотность, конкретность и соответствие «типичным узуальным формам» [43, с. 99]. При этом частотность рассматривается как «производная от других факторов величина» [там же], в то время как емкость и конкретизирующий потенциал новообразований, а также их структурное соответствие «типичной узуальной форме» [там же] расцениваются как факторы решающие. Здесь имеется в виду соответствие новообразования словообразовательному типу лексической группы, но не в строгом академическом смысле, а в обыденном представлении. Именно к этому аспекту узуализации, на наш взгляд, применим термин «прототип»,

включающий в себя не только понятие продуктивности модели, но и закреплённость на практике того или иного вида описательной номинации. В отношении однословных креативных номинаций Н. Д. Голев отмечает решающую роль точного выбора модели для соответствующего типа реалии. Применительно к материалу настоящего исследования потенциал узуализации таких номинаций, как *будилочка* и *паркетка*, определен типом форманта, который в первом случае соответствует значению лица (возникает в вопросе ребенка, вовремя разбудившего отца: *Папа, я твоя будилочка, да?*), а во втором – не передает значение номинации действия (*Паркетку будем сегодня отрабатывать* – разговор студентов о занятиях танцами в паркетном зале Крымского университета культуры, искусства и туризма (КУКИиТ)).

Вопрос возможной узуализации тесно связан с проблемой лексикографической фиксации новообразований. В силу незакреплённости значения за созданным знаком традиционная схема словарного толкования оказывается нерелевантна. Поскольку восприятие креативной единицы в потоке речи отличается от восприятия системных единиц «деавтоматизацией» [139 с. 76], постольку следует предположить известное отклонение от когнитивной схемы семантической интерпретации [139, с. 75].

Сущность такого отклонения состоит, прежде всего, в изменении роли словесного контекста при актуализации значения. Семантика новообразования «наводится» [183, с. 17] контекстом экстралингвистическим, и в этом смысле креативные единицы представляют отдельный тип онома́нтем [108, с. 87], на что указывает и их использование в качестве средства номинации или переноминации. Экспрессивизация речи с помощью креативных единиц не противоречит номинации, но дополняет ее, синтезируя в речевом акте коннотативные и денотативные элементы смысла. Нерасчленённость семантической структуры новообразования затрудняет выделение признаков, которые, как известно, осмысляются в процессе регулярного употребления единицы. Поэтому лексикографическое описание

новообразований должно интегрировать описание вербального и невербального контекстов [41, с. 14]. В случае повторного употребления нестандартной единицы целесообразно регистрировать несколько контекстов. Такой подход позволяет минимизировать «диктат» лексикографа [97, с. 266], который в поиске толкования опирается в большей степени на интроспекцию и личную интуицию. В некоторых случаях семантика единицы не поддается определению вне контекста, как, например, приводимые выше единицы *будилочка* и *паркетка*. Диффузность семантических признаков нового слова можно выявить и на примере единицы *школота*, пренебрежительная коннотация которой в нашем материале ослаблена: использование новообразования по отношению к незнакомым школьникам указывает исключительно на внешне выраженный возрастной фактор (подошедшие к месту курения подростки «опознаны» как *школота* по чисто внешним признакам возраста: *Эй, вы куда? Школоте тут не место!*). Соответственно, в контексте спонтанного диалога не находится объективной опоры для выделения признака негативной оценки ‘недалекий, неразвитый’, на присутствии которого настаивают некоторые обыденные толкования этой единицы в интернет-сети [243; 245]. Другим примером контекстуальной зависимости толкования может послужить единица *повседневщина*. Благодаря системности структуры и, вследствие этого – очевидности внутренней формы (модель универбации аффикса *-щин-* со значением общественного явления, характеризующегося признаком, названным мотивирующим прилагательным), ее значение толкуется как ‘нечто рутинное, утомляющее ежедневным повторением’. Однако контекстом наводится более узкое, специфическое значение ‘произведения искусства о повседневной, обыденной жизни’, в конкретной ситуации речь идет о кинематографе: *«Гарри Поттер» – это плохо?! А что хорошо?! Сериалы?! Да как эта повседневщина может нравиться?! И зачем смотреть их по телевизору, если каждый день видишь это вживую?* Вводимое в диалог как часть логического противопоставления произведению о волшебном, это

значение обнаруживает признак 'примитивное, приземленное', не входящий в семантику производящей основы.

В силу указанной контекстуальной обусловленности значения лексикографическое комментирование новообразования должно включать грамматические характеристики единицы и модель словообразования. Если имеет место неопределенность мотивации, то для такого рода окказионализмов возможно указание нескольких гипотетических вариантов словообразования. В целом лексикографическое описание нестандартной единицы предлагается разбить, учитывая рассмотренные выше критерии узуализации, на зоны грамматического, лексического, контекстуального и словообразовательного описания. Вхождение в такой словарь может иметь следующий вид:

айфобия – *сущ., ж. р.*,

однокорен.: Айфоныч, Аймобила

В ответ на вопрос, не хочет ли молодой человек приобрести себе айфон, он произносит: «Так много вокруг развелось айфонов, что у меня развилась **айфобия**».

Молодой человек, 22 года, русский, студент, г. Симферополь, ноябрь 2016 г.

Ай(фон) + фобия → айфобия

Айфо(н) + (фо)бия → айфобия

огрызкофон – *сущ., м. р.*,

синон.: Аймобила, Айфоныч

В разговоре студентов один из них с раздражением замечает: «Да прекрати этот **огрызкофон** рекламировать, как будто на нем свет клином сошелся!»

Молодой человек, 19 лет, г. Симферополь, КФУ, ноябрь 2016 г.

Огрыз(о)к + -о- + (ай)фон → огрызкофон

школота – *сущ., ж. р.*

Студент техникума на улице отгоняет пристраивающихся покурить рядом школьников: «Эй, вы куда? **Школоте** тут не место!»

Молодой человек, 16-17 лет, студент ЕТСТСО, г. Евпатория, ул. Крупской, октябрь 2016 г.

Школ-а + -от(а) → школота

Таким образом, при составлении словаря креативных единиц устной речи целесообразно отражать характерные для них критерии узуализации:

системность, социальную и экстралингвистическую контекстуальную обусловленность, частотность, деривационную активность и словообразовательную прототипичность. Учет этих параметров при составлении лексикографических изданий позволяет не только отразить происходящие в языке перемены, но и оценить значимость отдельных факторов в освоении узусом новых номинаций.

2.2. Градуальность отклонения от словообразовательной модели как принцип классификации речевых инноваций

Положение о различной степени системности языковых единиц, сформулированное И. С. Улукхановым [191], применялось Р. Ю. Намитоковой [137] и А. В. Флоря [196] к новообразованиям для разграничения потенциальных и окказиональных форм. Следуя сформулированному требованию комплексного анализа «взаимодействующих и противоборствующих факторов» [1, с. 303], определяющих степень удаленности речевой единицы от системы, в работах Р. Ю. Намитоковой [137, с. 13] и А. В. Флоря [196, с. 6–7] выделено несколько типов новообразований: потенциальные формы, номинации новых реалий из индивидуального авторского словаря, авторские инновации для определенного контекста, но по продуктивным моделям, системные окказионализмы («предсказуемые результаты» обратного словообразования [196, с. 7]) и собственно окказиональные образования, созданные по непродуктивным моделям для конкретной конситуации и, следовательно, максимально отклоняющиеся от системных закономерностей.

Постепенное ослабление системности отдельных единиц соответствует тезису об отсутствии «строгой границы между системными и несистемными, нормативными и ненормативными явлениями» [191, с. 292] в языке, а также является показателем сложного взаимодействия языковых и внеязыковых факторов в процессе создания новой единицы. Поэтому расположение

креативных единиц на шкале системности [191, с. 294] определяется двусторонне: в соответствии с социальной значимостью факта номинации (или переноминации) и с учетом характера нарушений словообразовательной модели [110, с. 164]

Тип модели определяется преимущественно типом форманта. Материалы исследования демонстрируют активность традиционных для русского языка словообразовательных моделей с аффиксами существительных: *-ач-*, *-инк-*, *-к-*, *-щин-*; глаголов: *за-*, *об-*, *-и-*. Внутри группы новообразований с данными аффиксами выделяются в соответствии с нарушениями системных закономерностей несколько подгрупп. Степень нарушений определяется изменениями характеристик производящей и производных основ внутри словообразовательного типа – их принадлежности к определенным лексико-тематическим группам и частям речи. При этом могут наблюдаться как изменения одной характеристики основы, так и нескольких. Этот фактор определяет положение единицы на шкале системности: при увеличении количества нарушенных характеристик увеличивается удаленность новообразованной единицы от системы [143].

Незначительным нарушением представляется изменение лексико-тематической группы производящей основы [143, с. 123-124]. Особенно если это семантическое смещение связано с выделением таксономического подвида внутри группы. Так, внутри модели образования глаголов от существительных со значением ‘действовать при помощи орудия’ выделяется значение ‘готовить при помощи бытового прибора’: в словообразовательном типе форманта *за-* + *-и-(ть)* – *замультиварить* (*Ну, что вам сегодня замультиварить?*) и в словообразовательном типе форманта *-ирова-(ть)* – *микроволнировать* (*Ты сам готовишь? – Я микроволнирую*). Очевидно, что возникновение подобных номинаций не нарушает системных закономерностей и является результатом однословной номинации синтаксически объективированного смысла *готовить в мультиварке или в микроволновке*. Префикс *за-* вносит в модель конфикса *за-*

+ *-и-(ть)* дополнительный компонент интенсификации – ‘доведения действия до результата’, который, однако, не нарушает общее значение лексико-тематической группы производных.

Несущественное смещение внутри того же словообразовательного типа наблюдается при образовании единицы *гитарить* (*Присоединяйся! Будет весело, будем у костра гитарить*): производящая основа называет не орудие, а музыкальный инструмент, но при этом общее значение модели и остальные ее компоненты остаются неизменными.

Высокой степенью системности отличаются единицы *экскурсоводить* (*Она уже несколько лет назад ушла на пенсию, все свои дела решила и сейчас экскурсоводит по Крыму в свое удовольствие*) и *хамелеонить* (*Он меня хочет с родителями познакомить. Я волнуюсь, что не понравлюсь: они у него строгие, а хамелеонить как-то некрасиво*). Новообразования созданы от имен существительных по модели форманта *-и(ть)*, но в рамках иной лексико-тематической группы производной основы – названия лиц, для которых характерны действия, названные производными глаголами. При этом глагол *хамелеонить*, как и его мотивирующее существительное, манифестируют переносное значение – ‘частой смены мнения в угоду кому-либо’.

Без нарушений модельных параметров на основе переносного значения мотиватора возникает спонтанный дериват *чехардить* (*Сообщение не пришло. Компьютер что-то чехардит*) с семантикой ‘приводить в состояние, названное существительным’. С соблюдением модельных параметров форманта *-ить-* от основ существительных создан в речи и глагол *фестивалить* (*В общем, до самого утра мы в этом клубе фестивалили*) со значением ‘совершать действие, обычное для места, названное существительным’.

Не нарушает модельной схемы данного форманта от основ прилагательных и новообразование *ярчить* (*Не ярчи, чтобы не привлекать неприятности* – замечание по поводу интенсивности макияжа). Глагол

пополняет класс аналогичных системных единиц *белить, синить, чернить* [240, с. 50, 426, 554] со значением ‘наделять качеством, названным ‘производным прилагательным’ [234].

Широкие словообразовательные возможности и семантический диапазон аффикса *-и-(ть)* обуславливают продуктивность конфикации, включающей данный аффикс. Например, в отсубстантивной модели *-ить-* + *-ся-* новообразований *витаминиться* (*После болезни привыкла витаминиться*) и *цукатиться* (*Очень вкусное варенье. Спасибо. Но очень густое. Начинает цукатиться*) реализованы выраженные аффиксом возвратные значения действий ‘проявлять свойство или признак, названные мотивирующим существительным’ и ‘наполняться тем, что названо существительным’. Сопоставление единиц *витаминиться* и *цукатиться* выявляет меньшую системность последней как ввиду нечеткости ее деривационного значения вне контекста (превращаться в цукаты? употреблять цукаты?), так и в силу наличия в языковой системе семантического эквивалента *загустевать*. Указание на связь с эквивалентом содержится в контексте: *Но очень густое. Начинает цукатиться*.

Большее отклонение от модели форманта *-ить-* + *-ся* наблюдается при образовании единицы *ширпотребиться*. Семантика деривата не подходит под уже фиксированные значения, поскольку мотиватор представляет собой сложную по структуре номинацию, обобщающую признаки продукции широкого потребления. Контекст фразы *Мама, ну не ширпотребься! Зачем тебе эта кофта? Ты и красное не носишь* подразумевает актуализацию значения, близкого к значению аффиксальной модели *-и-(ть)-* ‘совершать манипуляции с предметами’, а именно – ‘покупать продукцию класса ширпотреб’ с негативной коннотацией ‘низкосортное, неоригинальное’. Двойственный, собирательно-конкретный характер значения единицы *ширпотреб* нарушает исходные параметры модели *-и(ть)-* + *-ся*, применяющейся к лексико-тематической группе отвлеченных номинаций

(ср.: *скупость, тщеславие* + *-и-(ть)-ся* → дериват со значением действия) [234].

Глагольный формант *-и-(ть)* используется и в единицах префиксального и префиксально-суффиксального образования: *запитонить, захомячить, закомплиментить*. Данные единицы отличаются между собой степенью узуализации: НКРЯ фиксировано однократное употребление в разговорном дискурсе единицы *хомячить* со значением модели глаголов от существительных форманта *-и(ть)* - ‘вести себя подобно, совершать действия, свойственные лицу’ с дополнительным компонентом ‘уподобляться кому/чему-либо’ [169, с. 332] (ср.: *лисить, козлить*). Префиксальная модель форманта *за-* семантически зависима от значения мотиватора, поскольку с помощью префикса в систему значения добавляется лишь компонент завершенности действия, доведения до результата: *Захомячила* яблочко? *Захомячила*. *Хомяк ты, хомяк*. Оказиональность единицы *запитонить* обусловлена использованием префиксально-аффиксальной модели *за- + -ить-*, вне фиксированных значений данной модели. Семантика деривата *запитонить* в контексте обозначает характер действия ‘съесть подобно лицу’: *Давай запитоним оставшиеся со вчера пельмени*. Отклонение от параметров данной непродуктивной модели заключается в изменении лексико-семантической группы производящей основы: вместо названий природных явлений (ср.: *болото, лужа* [169, с. 332]) в речи использована номинация животного *питон*, которая указывает на семантику метафорического уподобления. В системе значения деривата *запитонить* наблюдается контаминирование значений модели форманта *за- + -и-(ть)* ‘превратить в то, что названо существительным’ и аффиксального типа *-и-(ть)* ‘вести себя подобно, совершать действия, свойственные лицу, уподобляясь ему’.

Потенциализм *закомплиментить* по своей структуре и значению в целом дублирует значение глагола *захвалить* с незначительным приращением ситуативной коннотации ‘хвала от влюбленного лица’ (в

разговоре девушек о свидании: *Он меня вчера закомплиментил по полной*), которая, на наш взгляд, отличается диффузностью и может не сохраняться при изменении контекста. В Русской грамматике глагол *комплиментить* отмечен как окказиональный, образованный по модели форманта *-и(ть)-* с узким значением ‘сочинять, говорить то, что названо мотивирующим именем’.

Примером другого словообразовательного типа выступает новообразование *облимонить* («*Ты зачем меня облимонила?*» – вскрикнула женщина, когда приятельница нечаянно брызнула на нее лимонным соком, выдавливая его в чашки с чаем), соединяющей значения ‘покрывать тем, что названо существительным’ и ‘распространять действие на всю поверхность’ [234]. Данная единица конкретизирует значение системной номинации *обрызгать*. То есть креативный глагол совмещает семантику орудия действия и его направленности и широты. С точки зрения словообразования глагол *облимонить* не нарушает системных закономерностей.

К префиксально-суффиксальным образованиям относится и единица *расклубочить* с семантикой ‘разъединения drobных предметов’: *Помоги мне, расклубочь вот эти носки*. Потенциал производящей основы *клубок* не имеет семантических ограничений для формирования деривата со значением ‘действовать предметом’ (ср.: *утюжить, парусить, пружинить* и т. п.). Гипотетически потенциализм **клубочить* может быть истолкован как ‘сматывать что-либо клубком, спутываться’. Несмотря на формальную системность, единицу данного типа следует отнести к окказиональным, так как в формировании значения использован метафорический перенос: куча спутанных носков после стирки сравнивается с клубком нитей. Метафорической семантикой и потому одинаковой степенью окказиональности отличается и глагол *червоточить* (*Работа и червоточит, особенно если много бумаг и много необоснованной спешки*), мотивированный переносным значением существительного *червоточина*.

С точки зрения постепенного усиления окказиональности в массе структурно близких единиц показателен пример глагола *раздружиться*, семантически дублирующий системный глагол *поссориться* (*Странно как-то. Столько времени общались, а тут раз – и **раздружились***). В этом случае наблюдается действие парадигмальной параллельности при заполнении «лакун» внутри словообразовательного гнезда: создание единицы обусловлено наличием антонимичного деривата *сдружиться* при гнездовой вершине друг и усилено структурной аналогией синонимичного глагола *рассориться*. Наличие синонимичного ряда позволяет определить семантические отличия трех глаголов. *Поссориться* не содержит, подобно глаголу *рассориться*, указания на окончательное прекращение отношений. Потенциально приемлемый для языковой системы глагол *раздружиться* в соответствии с лексическим значением мотиватора содержит конкретизирующий компонент ‘прекратить дружбу’, тогда как *рассориться* применим к случаям ухудшения отношений между людьми разной степени близости (ср.: *рассориться с соседями, коллегами*).

Наличие семантических близких компонентов значения у дериватов моделей, включающих аффикс *-и-(ть)*, позволяет систематизировать такие дериваты посредством градуальной шкалы, отражающего постепенное ослабление системных параметров в структуре и семантике дериватов. Полное соответствие структуры и значения креативной единицы продуктивной модели русского словообразования расценивается как начало шкалы. К этому классу новообразований относятся единицы *замультиварить, хамелеонить, экскурсоводить, фестивалить, чехардить, запитонить, захомячить, облимонить, ярчить*. Незначительные отклонения от модельных параметров производящей основы представлены группой единиц: *гитарить, ширпотребиться, цукатиться*. Далее следуют единицы, созданные на базе индивидуального метафорического переноса, – *расклубочить* и *червоточить*. Фактор продуктивности модели способствует более активной узуализации отсубстантивных производных форманта

-и-(ть). Однако показатель продуктивности может ослабляться фактором социальной востребованности единицы. В этом отношении сильную позицию занимают единицы *замультиварить*, *хамелеонить*, *фестивалить*, *ярчить* которые обозначают действия, характерные для широкого круга лиц. Закреплению в узусе глаголов *гитарить* и *экскурсоводить* может способствовать их функция экономии речевых усилий. Глаголы *запитонить* и *захомячить* содержат компоненты образа действия ('сглотнуть, не жуя' и 'сгрызть, мелко, дробно надкусывая'), отличающиеся своей однократностью и не выражающие постоянного признака основного действия 'есть'. Нет оснований также предполагать высокую частотность ситуации, связанной с единицей *облимонить*. Еще большей индивидуальностью в силу экспрессии и пейоративной коннотации отличается единица *ширпотребиться* как средство выражения субъективной оценки. Ослабляющим фактором системности глагола *чехардить* может выступать архаичность семантики мотиватора *чехарда* в его прямом значении. Узуализации глаголов *цукатиться* и *раздружиться* препятствует наличие в языковой системе активных эквивалентов *засахариваться* и *поссориться*.

Итоговое шкалирование новообразований различных моделей с аффиксом *-и-(ть)* имеет следующий вид:

<i>витаминиться</i>			
<i>гитарить</i>	<i>цукатиться</i>	<i>запитонить</i>	<i>ширпотребиться</i>
<i>замультиварить</i>	<i>раздружиться</i>	<i>захомячить</i>	<i>облимонить</i>
<i>фестивалить</i>		<i>расклубочить</i>	
<i>хамелеонить</i>		<i>червоточить</i>	
<i>экскурсоводить</i>			
<i>ярчить</i>			

Принцип расположения на шкале отражает постепенное усиление отклонений от модельных схем в группах слева направо. В качестве факторов, ослабляющих системность единицы, выступают нарушения лексико-тематической или лексико-грамматической группы производящей основы, изменения частеречной принадлежности деривата или его деривационного значения, наличие у потенциальной единицы семантических эквивалентов в языковой системе, метафорическая основа деривации.

Фактором, усиливающим узуальную потенцию новообразования, становится наличие социально значимых условий для его создания.

Среди глагольных новообразований в материале исследования фиксированы результаты использования модели глагольного форманта *-нича-(ть)*: *графничать* (*Смотри, какая важная стала. Не графничай*), *кофеевничать* и *тортеевничать* (*Пойдем скорее домой. Будем кофеевничать и тортеевничать*), *лимонничать* (из речи простуженного преподавателя: *Извините, совсем голос садится, пойду лимонничать*), *монетничать* (реплика бабушки в ответ на просьбе внука разменять купюру: *Ну вот опять ты монетничаешь*), *пельменничать* (*А я пельменей сегодня налепила, своих на ужин позвала – будем пельменничать*). Перечисленные креативы отличаются разной степенью отклонения от деривационных закономерностей. Словообразование единицы *графничать* сохраняет основное значение глагольной модели *-ничать-* ‘совершать действия, свойственные тому, кто назван мотивирующим существительным’ [169, с. 339], но его потенциал узуализации ослаблен наличием в системе полного синонима *важничать*. Не имеет системного эквивалента креативный глагол *монетничать*, в семантике которого манифестировано значение ‘добывать, получать то, что названо мотивирующим существительным’ [там же]. Оставшиеся единицы данного форманта имеют общую семантику, которая конкретизирует значение ‘действовать с помощью того, что названо мотивирующим существительным’ [там же], а именно – ‘потреблять продукт, названный мотиватором’ (*кофе, торт, лимон, пельмени*). Наличие нескольких дериватов одного значения позволяет отметить данную группу как потенциально узуальную и вынести ее в начало шкалы потенциальности-окказиональности:

<i>кофеевничать</i>	<i>графничать</i>
<i>лимонничать</i>	
<i>монетничать</i>	
<i>пельменничать</i>	
<i>тортеевничать</i>	

Продуктивна в спонтанной речи модель глагольного форманта *по-* + *-е-* (*ть*). Однако ее использование сопровождается существенным отклонением: при образовании глаголов *побородеть* (реакция на внешний вид знакомого: *Ого, ты побородел!*) и *повеснеть* (*Не могу смотреть на эти теплые пальто. Уже повеснело*) не соблюдается параметр частеречной принадлежности мотиватора. Модель префиксального образования глаголов со значением 'изменения степени проявления признака' (*почернеть, погрустнеть*) применима при наличии у основы мотиватора способности к грамматическому проявлению значения степени. Очевидно, что такого рода грамматическими возможностями основа мотиватора *весна* не обладает (ср.: **более или менее весна*). В силу отклонений от исходных параметров модели (не только семантического, но и грамматического) данное новообразование следует квалифицировать как окказиональное, а не потенциальное.

Среди потенциально системных новообразований, созданных по продуктивным моделям, представлены и существительные, созданные при помощи формантов *-к-(а)*, *-чк-(а)*, *-щин-(а)*, *-ач-*, *-ист-*, *-ник-*, *-ыч-*. В большей степени проявляет активность суффикс *-к-*, использующийся не только для создания существительных, в том числе и заполняющих лакуны парадигм (*У всех стройка, а у нас ломайка*), но и универбатов. Показателен тот факт, что универбация с участием форманта *-к-* осуществляется в диалогах профессиональной направленности, в частности между студентами КУКИИТ одного направления обучения: *Паркетку будем сегодня отрабатывать*. Или в разговоре продавца фруктов об абрикосе краснощекий: *А краснощечек нет еще, но будут. Будут, будут: один бочок розовенький, а другой – оранжевый. Приходите*. В этих случаях очевидно влияние закона экономии речевых усилий при повторяемости действий (в том числе и вербальных) с указанным объектом. При этом универбат *краснощечки* не нарушает исходной схемы слияния прилагательного и существительного *абрикос краснощекий*, а второй образуется с метонимическим переносом: *танец в паркетном зале*.

Аналогично создана единица *шорки*, обозначающая ‘предмет, производящий действие’ – *шоркающие шорты*.

Другим фактором активности моделей с суффиксом *-к-(а)* выступает семантический компонент женского рода в значении дериватов: *Читайка* моя любимая, когда ты обратишь на меня внимание? Ну что ты переживаешь, моя *ойойойка*? В приведенных примерах заметна разница степени окказиональности: несистемное отмеждоментное образование *ойойойка* не может конкурировать с отглагольной номинацией лица по действию *читайка*. Однако последняя единица нарушает заданный моделью параметр неодушевленности деривата (ср.: *разлетайка, мойка, настойка* [234]) и, соответственно, «уступает» в степени системности универбатам. Подобная девиация модельной схемы, на наш взгляд, не представляет серьезного препятствия для узуализации новообразования *читайка*, тем более, что в языке уже закрепились *зазнайка* и *попрошайка*.

Нормативное образование номинаций лиц женского пола в спонтанной речи происходит суффиксальным способом по моделям формантов *-есс-(а)/-исс-(а), -ш-(а)*: Ну, и где же ваша *докторесса*? / Ох, и директор у них – *нарциссисса*, по-другому не скажешь! / Пойди, посмотри, что там брат делает. Ты же у меня *парламентерша*. Номинации женского рода, несмотря на наличие «социального запроса», могут не закрепиться в узусе в случае дублирования ими системных эквивалентов. Так, *подружайки* ни семантически, ни стилистически не отличаются от своего аналога *подружки*.

Устойчивой традицией устной речи остается создание номинаций при помощи аффиксов *-ата-, -онок-, -оныш-*. Модели используются как для системных номинаций детенышей животных: В зоопарке был безрогий олень, рогий олень, лама, *медведята...*, так и для наименований лиц: Ты мой *вампиленыш*; Вовка, ты... ты *толстенек*! Очевидно, что новообразование *медведята* не выдерживает конкуренции с системным вариантом *медвежата*, тогда как *вампиленыш* согласуется с расширенным значением

модели форманта *-оныш-* ‘названия лиц, обычно невзрослых’ (ср.: *змееныш* [240, с. 209], *малыш*, *подкидыш* [234]). Окаzionale нарушение модели отмечается в последнем примере *толстенок*: при образовании существительного с суффиксом *-онок-* от основы прилагательного, а не существительного.

Сохраняет свою продуктивность модель форманта *-щин-(а)* [161, с. 10], результаты применения которой легко закрепляются узусом. Креативные универбаты *повседневщина*, *либеральщина* отражают обобщение коллективного опыта и являются объективированными элементами мировоззрения (из разговора о политике: *И не надо либеральщину нести!*)

Характерной особенностью устного словообразования становится ориентация на стилистическую сниженность, просторечность словообразовательной модели. Продуктивность в речи моделей формантов *-к-* и *-ач-* обусловлена экспрессивно и прагматически (ср.: креативное *отдыхайки* и нейтральное *отдыхающие*, креативное *рискач* и нейтральное *любитель риска*). В нашей картотеке фиксированы три вхождения единицы *спотыкач*, заполняющей лауну однословной номинации небольшого рекламного щита-указателя, обычно выставляемого неподалеку от входа в магазин или иное городское учреждение: *Вот как обойдешь здание, там сразу в торце увидишь подвальчик этого ателье. И спотыкач стоит; Они разные форматы делают. Могут черно-белые сделать как на спотыкачах пишут, знаешь? Будто мелом по доске; Вот это ветер, у них там на третьем этаже спотыкач упал!* Номинации с подобной частотностью, предметной определенностью денотата и не нарушающие модельной схемы могут быть квалифицированы как неологизмы.

Подчас функция стилистического маркирования вносит неопределенность в значение дериватов. Номинации *Айфоныч*, *Баяныч*, *Валерыч*, *Похабыч*, *Хинкалыч*, применяющиеся к предметам или признакам человека, маркируют доверительность общения (функция «Я свой» [44, с. 188]), но сложно интерпретируются вне контекста. Размывание

деривационного значения ('некто/нечто свой') является показателем активности модели: чем шире это значение, тем больше узуальных и окказиональных образований возможно образовать [143, с. 125].

Стилистическое маркирование также выполняется посредством пренебрежительных или преувеличивающих вариантов системных форм: *купешка, дезешка, макфарожки, куцище*, что указывает на стабильную тенденцию к подчеркнутой неофициальности в повседневном общении.

В материале нашего исследования отмечена невысокая активность деривационных моделей прилагательных. К числу потенциально системных можно отнести модели формантов *-ическ-(ий)* и *-ист-(ый)*. Первая модель широкого значения 'общей свойственности, характерности для отвлеченного понятия из сферы науки и искусства' представлена единицей *рокистический*, которая, на наш взгляд, имеет семантическое отличие от системного слова *роковый*. Новообразование передает не просто отношение к музыкальному направлению, но оттенок музыкального звучания: *Последняя песня из нового альбома была более рокистической, чем предыдущие*. Подобная интерпретация оправдывает возникновение дополнительного деривата внутри парадигмы вершины *рок*. Семантика единицы *бомбический* не содержит отсылки к сфере науки или искусства, но развивает парадигму активного в живой речи метафорического значения слова *бомба*: *Спасибо, очень вкусно: и жаркое, и соус, а салат вообще – бомбический*.

Примером использования модели форманта *-ист-(ый)* служит прилагательное *ямистый*, которое также потенциально системно и в структурном, и в семантическом отношении: *Город постоянно грязный, пыльный, тесный! Дороги и тротуары ямистые, набережная ушатанная*. Прилагательное реализует широкую семантику модели 'обладающий чем-либо в большом количестве'.

Словообразование других частей речи не столь регулярно в устной речи. Среди наречий к разряду потенциально системных следует отнести образованное префиксально-суффиксальным способом от основы имени

собственного *по-зевски* (*Да он же натуральный бабник. Ведет себя по-зевски: разве что только к столбам фонарным еще не приставал*) и причастия *ушатанный* (*Дороги и тротуары ямистые, набережная ушатанная*) и *протаяны* (*Сегодня все равно легче было идти, чем вчера: дорожки уже протоптаны и протаяны*). Остальные наречия и причастия образованы окказиональными способами либо являются результатами семантической деривации.

В целом при исследовании креативных единиц спонтанной речи выявлена активность как традиционно продуктивных словообразовательных моделей *-и-(ть)*, *-нича-(ть)*; *-к-(а)*, *-есс-/исс-(а)*, *-и-(а)*, *-щин-(а)*, *-ист-*, *-ат-*, *-онок-*, *-оныш-*; *-ическ-(ий)*, *-ист-(ый)*, так и специфически разговорных *-ач-*, *-к-*, *-шк-(а)*, *-ищ-(е)*, *-ыч-*. Соотношение исходных параметров модели и практически выраженных в дериватах позволило определить степень нарушений словообразовательной схемы: от системно корректных до грамматически неприемлемых. В результате проведенного анализа подтвердилась точка зрения Е. В. Огольцевой относительно потенциальных возможностей моделей с отвлеченным значением [143, с. 126], а также целесообразность использования термина *потенциализм* для обозначения речевой единицы, созданной по законам системного словообразования, при этом не закреплённой широкой практикой использования, но имеющей высокий потенциал для такого закрепления. В данном случае признак потенциальности соотносим не с реальностью существования единицы, а с возможностью ее распространения среди большинства носителей языка.

2.2.1. Окказиональное словообразование в спонтанной речи:

индивидуальная модель и полимотивация

Известный тезис об отсутствии приоритета потенциализмов перед окказионализмами при узуализации [61; 71] позволяет применить

градуальную систематизацию и к единицам, образованным по непродуктивной, индивидуальной модели.

Несмотря на определение окказиональности как явления внеязыкового характера, присущее идиолекту говорящего [60; 124], существует точка зрения, что нестандартные речевые единицы не ограничены в повторном использовании [39]. Однажды произнесенное слово может возникать в индивидуальном лексиконе неоднократно [187, с. 38], не входя при этом в узус. Характеристической чертой окказионализма называют и его «творимость» – признак, который, по мнению А. А. Потебни, присущ любому слову в процессе его употребления [156, с. 185]. Признаки контекстуальной обусловленности и вероятностного значения окказионализма присущи ему не эксклюзивно, а лишь в большей степени, нежели системным знакам, поскольку система значения уточняется и стабилизируется в процессе речевой практики.

Нестандартность единицы речи может быть односторонней или двусторонней, согласно структуре языкового знака. Поскольку важнейшим параметром системности модели выступает словообразовательный формант с присущим ему словообразовательным значением [192, с. 10–11], постольку бесспорно окказиональной представляется модель с формантом, неизвестным системе. Например, в составе новообразования *куржи* выделяется основа *кур-* как сокращенный вариант корня слова *курортники* и флексия *-и* (*куржей*, *куржам*, *куржами*, *куржах*). Элемент структуры *-ж-* в данном примере не поддается морфемной классификации, поскольку подобный сегмент фиксируется только в качестве чередующейся финали отглагольных существительных (ср.: *крас-ть* → *краж-а*, *оде-ть* → *одеж-а*, *пропас-ть* → *пропаж-а*, [234; 240, с. 374]). В то же время очевидна функциональная нагруженность данного элемента: именно введение *-ж-* в состав слова обуславливает субстантивное значение и таким образом манифестируется пренебрежительная коннотация данной единицы: *Устала после куржей*. – *После курортников?* – *Да, какие это курортники? Орут, гадят, где не*

попада – куржи, настоящие куржи! Пейоративный оттенок семантики проявляется и при сопоставлении с синонимом из нашей картотеки – *отдыхайки*, которая отличается меньшей пренебрежительностью: *Все нормально. Отдыхайки только замучили. Капризные такие в этом сезоне.* Таким образом, структурный элемент *-ж-* может быть квалифицирован как неизвестный языковой системе словообразовательный аффикс субстантивов с пейоративным значением.

Индивидуальное изобретение деривационной модели происходит во фразе студента, сообщающего преподавателю: *Я сделал анкету какнибудцы*, в которой окказиональное наречие сформировано на базе исходного *как-нибудь* с добавлением несуществующего аффикса *-цы/-ц-(ы)*. То, что эта часть, не входящая в состав мотиватора, является аффиксом, следует из сохранения частеречной принадлежности окказионализма, которая в контексте устанавливается синтаксической позицией и дистрибутивным соотношением с предикатом: *сделал* (каким образом?) *какнибудцы*.

Другим примером уникального строительного элемента слова выступает гипотетический аффикс *-дос-/ос-*, выделяющийся в креативных единицах различной частеречной принадлежности: *досвидос*, *отишибитос*, *шикардос*. С точки зрения устойчивого тяготения живой речи к стилистической неформальности данные новообразования вводятся как средство установления доверительной дистанции между коммуникантами, как в случаях жаргонизации системных единиц *подружайки*, *картофан*, *катоха* и т. п. В примерах с элементом *-дос-/ос-* сниженная коннотация приобретает иноязычный, испанизированный оттенок, поскольку именно для испанского языка характерны окончания *-os/-as* именной группы частей речи. При этом новообразование *досвидос* сохраняет семантику и частеречную принадлежность мотиватора: *Все, это мое последнее слово! Досвидос!* (междометие), тогда как контекстуальное значение единиц *шикардос* и *отишибитос* указывает на возможность их интерпретации в качестве

существительных: *Шикардос! Места валом, хоть конем гуляй!* [при осмотре потенциального помещения для аренды] / *Не удивляйся. В нашем городе таких отшибитос очень много* [реакция на некорректные действия водителя маршрутного такси]. В первом случае новообразование заменяется без потери смысла предикативом *шик*, во втором – субстантивированным причастием *отшибленных*. При этом синтаксическая изолированность единицы *шикардос* допускает его отнесение и к категориям состояния. Неустойчивость частеречного параметра дериватов, содержащих сходный словообразовательный элемент, оказывает влияние на размытость их семантики и в целом свидетельствует о процессе формирования новой для языка модели деривации.

Изобретение форманта как проявление крайней степени окказиональности встречается довольно редко. Чаще окказионализмы создаются в результате творческой комбинаторики нескольких словообразовательных способов, варианты которой неисчислимы [74, с. 17], Типология окказионализмов может последовательно продолжать типологию потенциальных слов. Поскольку переходные типы потенциальности-окказиональности выделяются менее отчетливо [191, с. 291], постольку за точку отсчета шкалы окказиональности предлагается принять несуществующий формант и распределение индивидуальных единиц вести в направлении увеличения степени системности, то есть справа налево.

Из 161 способа русского словообразования, перечисленных В. П. Изотовым [74], 35 способов были выявлены в живой спонтанной речи крымчан, среди которых представлены фонетические, морфологические, лексические и синтаксические варианты деривации. Фонетические способы представлены акцентуацией, сегментным увеличением производящего (протезой и эпентезой), десегментацией, транссегментацией (сегментным тмезисом), метатезой (перестановкой сегментных единиц), субституцией сегментных единиц. Из морфологических способов помимо основных активных способов (суффиксации, префиксации, постфиксации и их

комбинирования между собой) – в материале исследования представлены результаты использования окказиональных способов: депрефиксации, парадигматизации, плюрализации, сингуляризации, морфемного тмезиса, морфемной субституции. Лексические способы представлены сложением, гендиадисом, редупликацией, лексической субституцией, разлитием; синтаксические – слиянием и голофразисом. Процессы семантического словообразования (метонимизация, метафоризация, апеллятивизация, онимизация, гетеросемия, гипосемия, пансемия, транссемия) выносятся для отдельного рассмотрения в следующем подразделе данной главы. Обособленными способами словообразования считаются контаминация как разновидность сложения [138, с. 171-172] и эмансипация компонента фразеологизма [74, с. 7], пример которого также содержится в нашей картотеке.

Классификация таких способов словообразования, как контаминация и субституция, по их отношению к системе языка представляет определенную трудность. Известно мнение В. П. Изотова, считающего данные способы деривации реально существующими и относящимися к периферии языковой системы [74, с. 25]. Этой же точки зрения придерживается и Р. Ю. Намитокова [137, с. 144]. Противоположное мнение высказывается И. С. Улухановым [190 с. 80] и Д. В. Гугунавой [53]. При этом активные процессы в языке последнего десятилетия демонстрируют повышенную активность разных типов сложения, в том числе и контаминации [133, с. 58; 138, с. 172]. Основным аргументом противников субституции и контаминации как деривационных явлений считается возможность их объяснения через комбинацию узуальных способов (особенно обратных). И. С. Улуханов квалифицирует случаи субституции как двухступенчатое словообразование противоположной направленности: *здоровоохранение* – **здоровоохранить* – **здоровоохранитель* [190, с. 80]. Однако при такой последовательности словообразования последнее звено должно толковаться через гипотетический мотиватор: **здоровоохранитель* – *‘тот, кто

здоровоохраняет’, но в реальности *здоровоохранитель* – это ‘работник здравоохранения’. На наш взгляд, при решении вопросов точной мотивированности нестандартной речевой единицы следует учитывать «синтаксическую стадию» объективации смысла [185, с. 7-10]. В некоторых случаях распространенность описательных конструкций приобретает идиоматическую слитность, так что возникновение окказиональной однословной замены представляется закономерной и напрямую мотивированной таким устойчивым словосочетанием.

С другой стороны, мотивация окказионализмов в силу оригинальности способа их производства может быть двойственной или даже множественной, причем эта полимотивация [136, с. 12-13] оказывается не вариативной [225], а параллельной. Носителям русского языка понятна семантика образований *котопотам*, *милъдониада*, *уродственники*, *дноклассники*, так как структурное совмещение в этих случаях подчинено выражению субъективной оценки: ‘кот, раскормленный до гиппопотама’, ‘олимпиада, сопровождавшаяся скандалом с милъдонием’, ‘неприятные родственники’, ‘опустившиеся одноклассники’. Значение других окказионализмов менее ясно, и потому достаточно сложно определяется ход их образования. Внеконтекстуальное объяснение семантики и деривации затруднено для креативных единиц *балеринетки*, *красавчик*, *музык*, *космополитен*, *шаурмяу*. В первом примере речь, казалось бы, идет о покупке женской обуви типа *балетки* – на низкой подошве, без каблука. Однако в реальном диалоге пожилых женщин реализуется иной смысл: *Внучка купила себе такие красивые балеринетки, с бантом, на каблучке, просто глаз радуется*. Согласно контексту, семантика единицы приближена к значению ‘для балерины’ и соотносится со словом *балетки* только не входящим в состав корня *балерин-* элементом *-етк-*. Поскольку выделенный структурный элемент новообразования не является морфемой с самостоятельным значением, то можно рассматривать данный случай как вставку сегмента *-ет-* между корнем и суффиксом *-к-*, то есть как результат тмезиса. Одновременно

для этой же единицы уместно рассмотрение трансрадикации в качестве словообразовательного способа, поскольку тип обуви действительно не соответствует узуальному слову *балетки* и для говорящего важно сместить семантику.

Двойная мотивация имеет место и в случаях с единицами *красавчик* и *музык*. Первый окказионализм возникает в разговоре двух девушек, кормивших уток в парке и восторгавшихся селезнем: *Смотри, какой красавчик!* Очевидна компрессия семантики описательной конструкции *красивый селезень* при совмещении звукоподражания *кря-* и остаточной части слова *красавчик*. Однако фонетическая близость (с разницей в один звук) исходного существительного и контаминированного деривата дает основание расценивать данную единицу как результат транссегментации. Такая же двойственность деривационных отношений прослеживается и в случае с окказионализмом *музык*, возникающим в ситуации родственного общения. Наблюдая, как дочь приступает к выполнению творческого задания, мать шутливо желает: *Пусть к тебе сегодня придет муза, а лучше музык*. Здесь, в ситуации безусловного каламбура, тем не менее имеет место процесс восполнения словообразовательной асимметрии между формальной и семантической парадигмой [136, с. 13]: для слова *муза* в языке нет эквивалента мужского рода, что и обыгрывается в семантике окказионализма – ‘муза мужского рода’. Поскольку мотивация двойная, то и способ словообразования может быть истолкован двояко: как наложение (*муза* + *муж[ы]к*) и как транссегментация (*муж³ык*). Этот пример коррелирует с другой парой гендерных номинаций *героиня* → *героин* (*У него еще до Тани уже было двое детей, отец-героин...*), в которой каламбурность характеристики обусловлена наличием у окказионализма *героин* системного семантического эквивалента *герой* и омонимией названия наркотического средства. В данном случае имеет место семантическое переосмысление структуры слова героин как производного от основы герой, т. е. – явление гетеросемии по В. П. Изотову [74, с. 10].

Полимотивация окказионализмов может быть использована в качестве параметра при определении степени системности креативных единиц или градуализации степени их окказиональности. Значимость данного параметра наиболее очевидна в случаях одновременного действия разного типа деривации – структурного и семантического. Так, в образовании креативной единицы *космополитен* в качестве производной основы может быть указано соответствующее имя собственное *Cosmopolitan* – название известного женского журнала, что, по классификации В. П. Изотова, является вариантом семантического словообразования (апеллятивизацией) [74, с. 10]. Однако контекст создания слова указывает на несколько иную семантику. Единица возникает в речи пассажира городского автобуса, возмущенного неудобством от распущенных волос девушки, к которой он обращается с резким требованием: *Девушка, уберите свой космополитен*. Компоненты ситуации актуализируют в составе англоязычного заимствования значение русского слова *космы*, и вместе с ним указывают на прием контаминации этого слова с иноязычным *метрополитен*. Принимая такую мотивацию, мы можем истолковывать семантику новообразования как ‘густые, неухоженные, запутанные, как схема метро, волосы’. При выборе в качестве мотиватора имени собственного в семантике деривата нейтрализуется пейоративный компонент вербализованного смысла.

Вопрос о самостоятельности контаминации и субституции как способов окказионального словообразования должен быть решен положительно в силу наличия словообразовательного комментария в некоторых контекстах спонтанной речи. Имеются в виду случаи комментирования (сознательного или неосознанного) самим говорящим хода словообразования: *Знаешь кто такой БОМР? Вот это я - без определенного места работы / А моя уже год дома сидит и драмы разводит. – Драмахозяйка / У меня во отношении него нет самолюбия, есть только еголюбие / Учитывая, какая маленькая и редкая у тебя зарплата, можно было бы переименовать ее в зряплату / Неправильная сейчас вера,*

нехорошая. Разве **православие** это? Это **кривославие** какое-то! Процесс продуцирования окказиональной формы сопровождается либо прямым введением в контекст мотиватора (*дома – драма; самолюбие – еголюбие*), либо расшифровкой аббревиатурного сокращения с определением замещенного компонента (*место жительства – место работы*), либо описательной объективацией смысла, вкладываемого в созданную единицу (*маленькая и редкая – зря*), либо прямым указанием на замену сегмента (*православие – кривославие*). Соответственно подобные случаи словообразования не могут быть квалифицированы иначе как примеры субституции.

По совокупности результатов, представленных в нашем материале, частотность использования контаминации превосходит частотность узуального сложения в два раза. Это обстоятельство делает контаминацию вторым по активности способом словообразования после суффиксации. Внутри группы контаминантов выделяются подгруппы, созданные междусловным наложением (с общей частью для обоих производных) и агглютинацией (без общей части). К первой подгруппе относятся: *айфобия* (*Айфон* + **фобия**), *Джанконг* (*Джанкой* + *Гонконг*), *Герахля* (*Геракл* + *рохля*), *замечтательно* (*замечательно* + **мечта**), *индигredients* (**индийские ингредиенты**), *картрюфель* (**картофель** + **трюфель**), *коврожка* (*ковровая дорожка*), *нигеракл* (**нигер** + *Геракл*), *ночер* (*ночь* + *вечер*), *очерга* (*очередь* + **черга** (укр.)), *подрадирует* (**подражает** + **пародирует**), *своббота* (*свобода* + *суббота*), *уродственники* (**урод** + **родственники**), *хворобушек* (*хворый воробушек*), *шаурмяу* (*шаурма* + *мяу*), *итрудень* (*итрудель* + *день*), *яхишибись* (*яхиши* (крымскотат.) + *зашибись*) и другие. Ко второй, агглютинативной, относятся: *бабушкофон* (*бабушка* + *телефон*), *велипуты* (*великие лилипуты*), *журчей* (*журчит ручей*), *космополитен* (*космы* + *метрополитен*), *котопотам* (*кот* + *гиппопотам*), *котострофа* (*кот* + *катастрофа*), *Лондольцо* (*Лондон* + *кольцо*), *милъдониада* (*милъдоний* + *олимпиада*), *мультизор* (*мультфильм* + *телевизор*), *огрызкофон* (*огрызок* +

телефон), селямствуйте (селям + здравствуйте), тупеец (тупой путеец), хворижки (хворые коврижки), Симферопыль (Симферополь + пыль), бурситет (бурса + университет) и другие. Некоторые из перечисленных контаминантов имеют двойную мотивацию и могут быть отнесены к окказионализмам, образованным субституцией или тмезисом: замеч^тательно, ин^{ди}греденты, ка^отастрофа, па^ородирует, п^тутеец, Симферопо^бль, иштруден^ь. Неопределенность мотивации рассматривается как фактор усиления окказиональности единицы.

Тмезис, помимо перечисленных единиц, реализован в новообразованиях: бал^{ерин}етки, кибер^{ба}булинг, моз^аика, наклю^{кв}аться, обо^ятельная, Учку^{ду}евка, Фе^ерейка, хлебобу^блочные, ^шфея-волшебница. Морфологический тмезис отмечен в единицах поган^{еньк}о и красив^{енн}ый.

Субституция реализована в новообразованиях: автопомойка ← автомойка, аймоби́ла ← айфон, алейкум-привет ← алейкум салам, БОМР ← БОМЖ, бровикюр ← маникюр, еголюбие ← самолюбие, здравозахоронение ← здравоохранение, зряплата ← зарплата, кривославие ← православие, музык ← муж[ы]к, одноименцы ← однофамильцы, повиппендриваться ← повыппендриваться, тазик ← ВАЗик, челикобактеры ← хеликобактеры, Жри Ланка ← Шри Ланка, мама Карло ← папа Карло, чайкофский ← Чайковский. Некоторые единицы из этих групп также могут быть объяснены через иные способы словообразования. Если учесть деривационную активность компонента ай-, приобретающую функциональность радикасида в производных от заимствований айфон и айпэд, то единицы айфобия и аймоби́ла получают большую системность как произведенные узуальным способом сложения. Полимотивация отмечается при образовании окказионализмов автопомойка, алейкум-привет, которые могут расценены как результат сложения. Уместность субституции в первом случае доказывается наличием в контексте пары трансрадикации: Пора бы вам на **автомойку** машину отвезти. – Ее давно на **автопомойку** пора бы. Во втором случае алейкум-привет как форма ответа на приветствие повторяет

известное мусульманское *алейкум-салам*, что также дает повод для рассмотрения данного случая как заместительного словообразования. Кроме этого, объединение в пределах одного слова разноразличных форм, безусловно, может расцениваться как признак окказиональности, вне зависимости от узуальности самого способа.

Таким образом, наибольшей степенью окказиональности обладают единицы, созданные по индивидуальной модели. Кроме этого, стремление говорящего к нестандартному словотворчеству может быть реализовано и в рамках таких нетрадиционных способов деривации, как контаминация, субституция, тмезис [73, с. 6]. Неоднозначность мотивации усиливает окказиональность креативной единицы.

2.2.2. Разновидности сложения и слияния при словообразовании в спонтанной речи

Активность контаминации и субституции есть показатель общей активности способов сложения, отражающей тенденцию к конкретизации существующих номинаций [64, с. 89-90]. В материале нашего исследования этот тезис подтверждается креативным сложением следующих образований *автоджентльмен, бабкомет, белосвадебное, высокопоставление, дождедневье, Дождиляндия, духовейчик, зубоческа, китодойня, книголичница, мозгоеды, мимозыря, мыльно-рыльное, львоволосы, носоплюй, пенно-пузырьковое, Пиццбург, пухочих, раздайбеда, рановстайка, репитобумер, рукокрюк, саморазбудиться, самосмейки, свежепонаехи, свинопляски, селфивод, слонотоп, слухоежка, снегополис, снегопузик, снеговьяк, спиногрызы, Страхогор, стреколапка, телоклейка, толпорубка, ухотер, фломастер, художодожник, чаеман*. Группу композитов дополняют сложносоставные единицы: *девушки-шарманки, Ева-сити, Живые-Мертвые, Колотун-баба, отец-героин, работница-неленивица, Фонтаны-сити, ярым-пополам*. Совсем немногие из перечисленных единиц являются

результатом чистого сложения. Большинство окказионализмов представляет собой результат комбинированного словообразования, и это обстоятельство также может использоваться для градации степени индивидуальности композитов.

К группе чистого сложения относятся *автоджентельмен*, *белосвадебное*, *Дождиляндия*, *львоволосы*, *пенно-пузырьковое*, *Пиццбург*, *рукокрюк*, *свинопляски*, *снегополис*, *снегопузик*, *стреколапка*, *художудожник*, *чаеман*. Аргументом в пользу узуальности способа образования выступает открытость семантики данных композитов: *белосвадебное* – ‘белое, для свадьбы’ (*Мне хочется белосвадебное платье, чтобы все было как положено...*), *Дождиляндия* – ‘страна дождей’ (*Не Симферополь, а Дождиляндия какая-то!*), *львоволосы* – ‘львиные волосы’ (*Да сколько мы еще для твоих львоволос будем шампунь выбирать?!*), *пенно-пузырьковое* – ‘то, что пенится и пузырится’ (реплика в супермаркете: *Где тут пенно-пузырьковое купить?*), *свинопляски* – ‘свинские пляски’ (реакция бабушки: *Ни на какую дискотеку ты не пойдешь. Знаю я эти ваши свинопляски*), *снегополис* – ‘снежный полис’ (*Кто-то сглазил нам весну. Настоящий снегополис первого марта*), *снегопузик* – ‘снежный пузик’ (реакция мамы на засыпанного снегом ребенка: *Снегопузик*), *стреколапка* – ‘стрекозиная лапка’ (обращение хозяина к собачке: *Эй, стреколапка, и куда же ты?*), *художудожник* – ‘плохой художник’ (замечание о знакомом: *Художудожник недоделанный*), *чаеман* – ‘любитель чая’ (*Ни дня не могу без чая*). – «*Да ты давно уже чаеман*»). При этом, так же, как и в группах контаминантов, некоторые единицы полимотивированы: оним *Дождиляндия* может быть интерпретирован с позиций контаминирования нарицательного *дождь* и части онима *Финляндия*, в данном случае актуализирующей, кроме семы ‘страна’, сему ‘холодный’ в значении контаминанта. В единице *художудожник* очевиден прием редупликации части корня, омонимичной характеризующему наречию. Структура единицы *чаеман* аналогична узуальной *кофеман*, и такая мотивированность указывает на заместительное

словообразование в первой части композита. Образование слова *фломастер* – сокращенного варианта профессиональной номинации *мастер-флорист* – может быть обусловлено выделением компонентов составной единицы внутри цельнооформленного полнзначного слова *фломастер*, что является примером пансемии.

Вторая группа композитов включает производные сложно-суффиксальной деривации. К ним относятся *бабкомет*, *высокопоставление*, *дождеднєвьє*, *духовейчик*, *зубоческа*, *китодойня*, *книголичница*, *мозгоеды*, *мимозыря*, *мыльно-рыльное*, *носоплюй*, *одногородка*, *пухочих*, *раздайбеда*, *рановстайка*, *репитобумер*, *саморазбудиться*, *самосмейки*, *свежепонаехи*, *селфивод*, *слонотоп*, *слухоежка*, *снегочвяк*, *спиногрызы*, *Страхогор*, *телоклейка*, *толпорубка*, *ухотер*. Наибольшую открытость семантики проявляет композит *рановстайка*, обозначающий ‘того, кто рано встает’. Сложение частей в данном случае сопряжено с использованием суффикса *-к-*, деривационная активность которого уже обсуждалась выше и связана с номинацией лица по производимому им действию (см. *читайка*). Не нарушает системной схемы ход словообразования глагола *саморазбудиться* (от основы местоимения и переходного префиксального глагола со значением действия над объектом и постфиксацией возвратности [169, с. 394]), но при этом происходит дублирование семантики узуального эквивалента *пробудиться*.

Определенность семантики единицы *дождеднєвьє* (‘период дождливых дней’), обусловлена соблюдением модели словообразования существительных с суффиксом *-j-(e)* образуются от основ сложных прилагательных или глаголов (ср.: *весельє*, *раздольє*, *гнездовьє*, *кочевьє*) [169, с. 178]. При этом отмечается высокая продуктивность и широта семантики данного суффикса в местных диалектах, в том числе и при номинациях метеорологических условий, схожих со значением креативной единицы (ср.: *непогодьє* [121, с. 106]). Нарушение фиксируется на этапе сложения, поскольку в системе языка отсутствует сложное прилагательное

**дожливодневной*, поэтому мотиватором выступают два отдельных слова *дождь* и *дневной*, что может быть расценено как окказиональный сдвиг.

Отклонение от модели в части деривационного значения композитно-суффиксального образования наблюдается в структуре существительного *самосмейки*, поскольку суффикс *-к-* применим к основам глаголов при деривации конкретных номинаций (ср.: *телогрейка*, *лазейка*, *ищейка*) [234]. В приведенном примере образуется сложное существительное отвлеченной семантики: *У него не шутки, а какие-то **самосмейки*** (об известном телеведущем). Более системным представляется ход образования по той же модели креативной единицы *телоклейка*, которая в контексте выступает синонимом существительного предметной семантики *татуировка*: *Ну, помнишь мы с тобой брали жвачку, в которой была **телоклейка** с рисунком? - Ах, ты о жвачке с татуировкой!*

Существенным потенциалом узуализации обладают результаты деривации по модели отглагольных существительных с нулевым аффиксом: *могоеды*, *пухочих*, *раздайбеда*, *селфивод*, *слонотоп*, *слухоежка*, *снегчвяк*, *спиногрызы*, *ухотер*. Активность модели демонстрирует ее широкие семантические возможности: практически любое действие может выступить мотиватором субстантивной номинации своего субъекта или объекта. В приведенном ряду дериватов степень окказиональности определяется по степени адаптированности опорного компонента: *-ед*, *-вод*, *-ежка*, *-грыз*, *-тер* воспринимаются сознанием говорящих как системные единицы. В то же время корни *-пух*, *-топ*, *-чих*, *-чвяк* нечастотны в сложном словообразовании. Единицы *слонотоп* и *слухоежка* возникают на основе метафоризации: *Что за **слонотопы** вокруг?* (реакция на шумно проходящую по лестнице молодежь); *Вот же ж **слухоежка**. Всем сплетням вокруг веришь*. Соблюдение системных принципов словообразования отмечено в единице *снегочвяк*: *Выпал этот снег и не полежал нормально – сразу в **снегочвяк** какой-то превратился*. В структуре композита соединены корень узуального существительного *снег* и звукоподражание *чвяк* (твердый вариант

– *чвак*), имеющее в узусе глагольный дериват *чвакать, чавкать*. Результат сложения приобретает семантику ‘подтаявший, чвакающий снег’. В ходе деривации использована продуктивная модель образования отглагольных существительных при помощи нулевого форманта.

Единица *раздайбеда* (*Есть люди **раздайбеда**, то есть так называют в народе добродушных людей. Так еще моя бабушка говорила*), применяющаяся в качестве характеристики лица (‘добродушный, не умеющий отказывать’), выступает структурным аналогом отглагольных слияний *сорвиголова, горицвет, перекасти-поле*, в которых левая часть композита представляет собой форму единственного числа повелительного наклонения глагола, а правая – существительное в именительном падеже. Соответственно, данный тип слияния наиболее системен из приведенных примеров.

Номинации *мозгоеды* и *спиногрызы* не имеют достаточного семантического основания, поскольку значения обеих единиц фразеологизированы: *Дети – это **спиногрызы** (нужно накормить, одеть), а внуки – **мозгоеды***. Соотносительность креативных характеризующих номинаций с системными единицами *дети* и *внуки* весьма произвольна: новообразования этимологически связаны с устойчивыми сочетаниями *гнуть спину* и *выесть мозг*, имеющими широкую сочетаемость и не связанными в узусе с воспитанием потомства.

Словообразовательная мотивация и семантика других сложных слов не устанавливается без контекста. Например, вызывает затруднение внеконтекстуальная интерпретация значения единицы *духовейчик*, под которой говорящий разумеет электрообогреватель вентиляторного типа: *Сейчас включим **духовейчик** – душок сразу пойдет*. Окказиональность композита *Страхогор* обусловлена не нарушением компонентов модели, но отклонением индивидуального восприятия онима *Святогор* из цикла русских былин об Илье-Муромце (*Мама, а здесь тоже **Страхогор** живет?*), то есть представляет собой очередной пример двойной мотивации: *страхо-* ← *страшный* (сложение) или *страхо-* ← *свято-* (субституция).

В ряду сложных существительных выделяются единицы с иноязычными компонентами. Кроме связанных радикасидов *-ман* и *-ляндия* в спонтанной речи крымчан возникают композиты *селфивод*, *репитобумер* и сложносоставные новообразования *Колотун-баба*, *ярым-пополам*. Динамика ассимиляции иноязычных компонентов, на наш взгляд, зависит от согласованности формируемой семантики с закономерностями деривации. Так, сложное слово *селфивод* (*Руслан, зови этого **селфивода**. Здесь есть, что снять*) не нарушает порядка композиции иноязычной и русской основы (ср.: *киновед*, *велопробег*), тогда как сложение двух иноязычных корней в единице *репитобумер* по русской модели с интерфиксом *-о-* апроприруется сложнее. Иноязычный корень левой части самостоятельно не представлен в русском языке, но фигурирует в качестве связанного радикасида в словах *репитировать*, *репит-иция*, *репит-итор*. Правая часть представляет собой усечение корня слова *бумеранг*, метафорически обозначающего в русском языке эффект возмездия за неблагоприятные действия. Семантика английского глагола *repeat* в составе композита интенсифицирует как семантику существительного *бумер/бумеранг*, так и русского глагола *возвращаться*: *А ты не боишься, что **репитобумером** вернется?* Производное отыменное наречие *репитобумером*, таким образом, способствует тройному повтору значения 'приходить, оказываться в исходной точке'.

Особый тип словообразования представляет собой усечение уже существующих в языке композитов. Нетипичен ход словообразования жаргонно-ироничных номинаций *третьекуры* и *первокурица*. Первый окказионализм возникает в результате сокращения композита *третьекурсники*. При этом вместе с аффиксом и флексией элиминируется финаль корня *-с*. Таким образом, возникает корневая омонимия усеченного и полного корней: *кур(с)* и *кур-ы*, что, собственно, и реализуется в конечной форме окказионализма (из разговора студентов: *А **третьекуры** на концерт пойдут?*). Успешность образования подтверждается дальнейшей деривацией с семантически закономерной заменой левой части и соответствующей

формой женского рода единственного числа правой: *первокурица* (из диалога преподавателя и студентки-первокурсницы: *Как это Даня тебя назвал сейчас? – Первокурицей...*). При отсутствии единицы *третьекуры* отношения системной номинации *первокурсница* и деривата *первокурица* квалифицировались бы как десегментирование, обратное тмезису. Однако грамматическая связь пары *куры – курица*, спроецированная на ход образования композита *первокурица*, является, на наш взгляд, определяющим аргументом в пользу сложения.

Специфическими примерами словообразования являются результаты межъязыковой интерференции *Колотун-баба* (реплика в ожидании детей после новогоднего праздника: *Своих жду. Когда им там Колотун-баба подарки раздаст*) и *ярым-пополам* (дочь о языке матери: *Мама, ты говоришь ярым-пополам*). В состав онима-композита *Колотун-баба*, входит целое иноязычное слово *баба* (крымскотатарское *отец, предок*). Оригинальность композита, который выступает результатом переименования русского онима *Дед Мороз* в ходе ЯИ, усилена перестановкой его частей: *Колотун ← Мороз, баба ← дед*. Единица *ярым-пополам* образована нестандартным сложением крымскотатарского *ярым* и его русского эквивалента *пополам* и имеет семантику, близкую к идиоме *пятьдесят на пятьдесят* (буквально: 'пополам на пополам').

Комбинирование способов наблюдается в структуре композита *мыльно-рыльное*, правая часть которого созвучна левой: *Так, надо же еще мыльно-рыльное купить* (реплика в супермаркете). Нельзя не признать, что в ходе словообразования подобных единиц используется фонетическая созвучность, рифмованность частей сочетания, то есть тот вариант сложения, который обозначается как гендиадис [74, с. 19]. При этом *мыльно-рыльное* используется в качестве собирательной номинации, синонимичной другому композиту *пенно-пузырьковое* (из разговора в супермаркете перед отделом бытовой химии: *Где тут пенно-пузырьковое купить?*). Семантика композитов «наводится» семантикой входящих в их состав атрибутивов –

мыльный, пенный, что не наблюдается в других рифмованных сочетаниях с десемантизированным компонентом: *едрит-кудрит, кофе-пофе, обэхаэс-мэхаэс, трусы-мусы, тютели-матели, узи-музи, шуруют-муруют*. Семантически полноценными составными сочетаниями являются *принцесса-бабулесса, фотограф-видеограф* и ироничный оним *речка-Акмечечка* на основе названия района г. Симферополя – Ак-Мечеть: *У вас, наверное, тоже беда с дорогами? – У нас просто речка-Акмечечка*

Сложение как способ словообразования применим к словосочетаниям и предложениям. В этом процессе отмечена регулярность словопроизводства на базе фразеологических сочетаний, в основе которого лежит идиоматическая слитность фразеологизма. Оригинальные результаты слияния фразем представлены номинациями *курицелание, фильмокрут, шилопопость*. В этих случаях имеет место структурная реализация семантического единства фразеологизма: *курицелание* – ‘то, что написано кое-как, как курица лапой’ (в ответ на просьбу дать конспект: *Бери, пользуйся, если только сможешь разобрать это курицелание*), *фильмокрут* – ‘тот, кто мнителен, привык «накручивать» тревогу при оценке ситуации’ (замечание занервничавшему товарищу: *Спокойно, фильмокрут!*), *шилопопость* – ‘признак того, кто не может сидеть на месте, у кого шило в попе’ (главная характеристика внучки, данная бабушкой: *Шилопопость*). Если последний пример образует просторечный, экспрессивный синоним к уже существующим в языке единицам *непоседливость, вертлявость*, то первые два представляют собой номинации компрессивного типа, в которых объективируется смысл, описательно присутствующий в идиолекте носителей, – ‘крайне неаккуратный, нечитабельный почерк’ и ‘излишне беспокойный человек’. На наш взгляд, в таких случаях уместно рассматривать отфраземное словообразование как разновидность потенциально системных способов деривации. Дополнительным аргументом в пользу этого положения может служить эмансипация с аффиксацией компонента фразеологизма *бить баклуши* из нашей картотеки: *Да она такая*

баклушка, до обеда спит, а работы полон дом (женщина о невестке). Создание креативной единицы на базе компонента фраземы в качестве носителя ее целостного смысла свидетельствует о потенциале структурных трансформаций идиоматически слитых сочетаний.

В спонтанной речи слияние или сращение используется в четыре раза реже, чем сложение. Группа креативных единиц, образованных в результате слияния свободных словосочетаний, включает следующие примеры: *нескажук, послелетний, ухтышка*. Очевидно, что при образовании данных единиц происходит не просто слияние компонентов исходного словосочетания, но и использование аффиксации.

Особый тип компрессионного смысла актуализирован в слиянии *свежепонаехи* (*Да в Крыму сейчас одни свежепонаехи, местных не осталось*), семантика которого иллюстрирует современное функционирование концепта территориальной общности [166]. Левая часть слияния содержит метафорический компонент значения *свеже-* ('новый, только прибывший'), синонимичный значению первой части композитов *ново-* (ср.: *новобранец, новоприбывший*). Правая часть представляет собой результат окказионального преобразования посредством нулевой аффиксации причастия *понаехавшие*. Применение безаффиксной модели, на наш взгляд, сопряжено, на наш взгляд, созвучием финали корня с суффиксом отглагольных субстантивов (ср.: *растеря-х-а* [240, с. 487], *неуме-х-а* [234]). Отличием спонтанного креатива от системных единиц является грамматический разряд *pluralia tantum* производного слова со значением собирательности, поскольку гипотетическая форма единственного числа невозможна по семантическим основаниям: значение префикса *по-* в структуре значения глагола-мотиватора указывает на одновременность совершения действия неопределенным множеством лиц (ср.: *растеряхи* – *растеряха, понаехи* – **понаеха*).

Разновидностью слияния выступает голофразис [91]. В строгом смысле под этим способом понимается операция преобразования в единицу речи

целого предложения [74, с. 20; 138, с. 172; 91]. Поскольку основным признаком предложения выступает предикативность, то к голофрастическому типу слияния мы относим единицы *крымнаш*, *ухтышка* и креативный оним *Надеждакомпасмойземной*. Первый окказионализм возникает в результате слияния декларативной конструкции «Крым наш!», приобретшей в спонтанной речи крымчан широкое распространение после событий 2014 года. Контекстуально синтаксическая роль слияния размыта: *Зашел – а там сплошь **крымнаш**!* Значение единицы в составе высказывания может относиться к общему настроению людей (фраза воспроизводит реакцию на встречу одноклассников), тогда этой единице присуща предикативность наречной категории состояния; или же слияние использовано в номинативной функции, как обозначение группы людей в их характеристических чертах, то есть имеет собирательное значение субстантива. Интерпретация окказионализма в первом случае близка к описательному словосочетанию *патриотический угар*, во втором – к более пространной номинации *сторонники воссоединения Крыма с Россией*.

В примерах с использованием регулярных суффиксов существительных *-ушк-(а)* и *-к-* требования системы соблюдены в разной степени: в случае с единицей *малонеберушка* (в разговоре о вымогателе взятки: *Этот **малонеберушка** ясно дал мне понять, что ему не нужны уговоры! И сумму озвучил!*) образование существительного по модели форманта *-ушк-* не нарушает существующей в языке схемы: *топтаться* → *топтушка*, *врать* → *врушка* [234] и завершает образование номинации субъекта действия при слиянии синтаксически законченного высказывания *Мало не беру!*

Образование существительного *нескажук* формально повторяет ту же схему: аффиксальный тип слияния компонентов предикативного отрицания: частицы *не* с личной формой глагола *скажу*. Однако модель отглагольных существительных с суффиксом *-к-* формирует номинации иного лексико-грамматического разряда, а именно – существительных *pluralia tantum*

(*прятки, подтяжки, ходики* [240, с. 378, 514, 538]), общего рода (*высочка, невидимка, недоучка* [240, с. 429, 525]) или женского (*наседка, разлетайка*) [234]. Образование отглагольных номинаций одушевленного лица мужского рода по модели форманта -к- системой не предусмотрено, и в данном случае нарушен параметр лексико-грамматического разряда производного: *А что ты написала в сообщении? – Не скажу. – С каких это пор ты **нескажук**?*

Другой результат слияния с использованием суффикса -к-/-шк-(а) *ухтышка* не нарушает грамматического параметра производного женского рода, однозначен по своей мотивации и, несмотря на широту семантики, поддается толкованию вне контекста: таким словом может быть названо явление или предмет, вызывающий сильное восхищение, выражение которого заключено в мотивирующем сочетании *Ух ты!* (в примере из нашей картотеки речь идет о самогоне: *Погоди, я тебя сейчас **ухтышкой** угощу! Собственного производства!*). Здесь возникает сложный вопрос о предикативности междометных сочетаний. Следуя выводам И. А. Торопцева [188, с. 44-46] и учитывая, что междометия являются базой глагольных дериватов (*ух – ухнуть*) [64, с. 44-46], мы относим подобные междометные выражения к предикативным и, соответственно, их производные – к результатам голофразиса.

Между окказионализмами *крымнаш, малонеберушка* и *ухтышка* существенна социальная дистанция: первый возникает в ответ на глобальные социальные изменения, второй как неодобрительная реакция на действия официального лица, третий – как особого рода «семейный термин», номинация частного порядка. Данный аспект должен учитываться при оценке перспектив узуализации новообразований и возможности перехода в разряд неологизмов. Не содержит социальной составляющей голофрастический оним *Надеждакомпасмойземной*, использованный преподавателем в иронически-неодобрительном смысле: *Хорошо, до встречи. И передай **Надеждакомпасмойземной**, чтобы она выслала мне материал.*

В рамках описания компрессивного словообразования спонтанной речи следует выделить еще один семантически близкий к сложению и слиянию тип – универбацию определительных словосочетаний. С одной стороны, универбаты – это производные одного члена словосочетания (обычно выражающего определительное значение). С другой – это номинации предметов или явлений, прямое указание на которых в производном опущено. Универбация особенно активно используется в неофициальной топонимике [210], сочетаясь при этом с тропами. Так, в Симферополе *Буденовский рынок* называют *Будка*, *Куйбышевский рынок* – *Кубик*, *Бородинский рынок* – *Бородинка*, район *улицы Жукова* – *Жуковка*, *Жучка*, отель «*Зеленый театр*» на улице Ленина – *Зеленка*, в Севастополе об *Итальянском кладбище* говорят *Итальянка*, о районе завода *коррозийных материалов* – *Коррозейка*, подобным образом в Керчи район завода стеклянных изделий называют *Стекляшка*. Подобные случаи регистрируют тенденцию к лексической объективации синтаксически обозначенного в языковой системе смысла [188, с. 62] и экономии речевых усилий (согласно объяснению самих говорящих, см.: [185, с. 146]). Универбация описана в [67; 134; 221] и ее результаты расцениваются как нормативные единицы [134, с. 117], то есть выполненные по системной модели. В нашей картотеке содержится пример нестандартной универбации обозначения городского объекта *Шестая городская больница*, сокращенного жителями Симферополя в *Шестую горку*. Нетипичным для данной единицы является деструктивный эффект омонимии [94, с. 144] системной и окказиональных форм, в равной степени значимых для городской топонимики (ср.: *горка* – ‘ландшафт’ и *горка* – ‘учреждение’).

В целом, сложение как деривационная модель весьма активно в современном спонтанном словообразовании, поскольку в устной русской речи последних десятилетий усиливается тенденция к компрессии смысла и экспрессивности высказывания. Особенностью образования креативных единиц в спонтанной речи являются отклонения от грамматических

параметров моделей сложения и слияния, а именно: нарушения категории числа или рода производного, окказиональное комбинирование разноуровневых способов деривации (фонетико-морфологического, лексико-морфологического, морфологически-синтаксического), а также креативная деривация от иноязычных основ по моделям русских формантов.

2.2.3. Аффиксальные способы словообразования в спонтанной речи

Аффикация в спонтанной речи остается высокопродуктивным способом словообразования. Около трети креативных единиц (306) из материала исследования созданы аффиксальными способами или конфиксацией. Наиболее активным способом из аффиксальных является суффиксация, наименее активным – постфиксация. Использование аффиксов наблюдается и при сложении, и при окказиональном словообразовании, в том числе и при семантической деривации.

Суффиксальные модели активны в разной степени: из 62 суффиксов 22 использованы однократно, 17 – дважды. В этой группе нечастотных формантов оказываются суффиксы разной стилистической окраски: книжные суффиксы существительных *-щин-*, *-ариј-*, *-ациј-*, нейтральные глагольный *-е-* (*ть*) и адъективный *-ив-*, традиционно разговорные субстантивные *-ан-*, *арь-*, *-ач-*, *-ух-(а)*, *-ыг-(а)* и другие.

Поскольку наиболее частотно в спонтанной речи образуются существительные и глаголы, постольку форманты именно этих частей речи оказываются наиболее продуктивны. Выше рассматривались модели образования глаголов с использованием аффикса *-и(ть)-*, широкая семантика которого обуславливает частотность использования его моделей. Наиболее активным суффиксом образования существительных является суффикс *-к-*. Частотность модели связана, с одной стороны, с широким значением лица по действию (*буйанка*, *нытка*, *трезвонка*, *улыбайка*, *читайка*), а с другой – обусловлена участием суффикса в универбации определительных сочетаний

(Будка, Коррозейка, Стекляшка, краснощечки, Лабораторка, славянка, шорки и другие). Кроме указанных моделей для субстантивов характерна частотность суффикса *-шк-*, *-ник-*, *-ечк-/очк-/ичк-*, для глаголов *-ну-*, *-ова-*, *-нича-*. Окаzionaliальные нарушения моделей часто связаны с дублированием значения системных единиц, для которых они становятся стилистическим синонимом, не всегда прагматически оправданным. Также наблюдается формирование значения на основе метафорического или метонимического переноса.

Нестандартность аффиксации может быть результатом комбинирования узуальных и окаzionaliальных способов деривации [74, с. 18], если аффиксация сопровождается сегментированной вставкой семантически не нагруженного элемента или, напротив, состав морфемы подвергается усечению. Примером такого нарушения модели может быть единица *аккурашечко* (предупреждение: *Аккурашечко!*), в которой основа мотиватора претерпела замену аффикса с чередованием финали: *аккурат-н-о* → *аккураш-ечк-о*. Этот тип новообразований имеет двойную мотивацию – от основы адъектива или от основы семантического эквивалента *аккуратно*. Подобный тип деривации демонстрирует единица *поганенько* (*Что-то я поганенько себя зачувствовала*), семантически производная от наречия *погано*, в структуру которого внедряется суффикс прилагательного *-еньк-* со значением слабой выраженности признака. Первый пример окаzionaliального словообразования – это результат морфемной субституции, второй – морфемного тмезиса.

В спонтанной речи суффиксация может сопровождать усечение основы мотиватора при образовании кратких разговорных эквивалентов системных единиц, как собственных, так и нарицательных: *Аржанцево* → *Арш-ик*, *вариант* → *вар-ик*, *майонез* → *маз-ик*, *подъезд* → *падик*, *сигнализация* → *сигна-шк-а*, *черешня* → *чир-к-а*. Данный тип словообразования квалифицируется В. П. Изотовым как фонетическое уменьшение (апокопа или синкопа) или неморфемная десегментация [74, с. 23].

Творческий подход к использованию суффиксации отражают окказионализмы с иноязычным корнем. Развитие деривационных отношений у заимствований считается признаком их укоренения в заимствующем языке [97, с. 254]. Суффиксальные производные англоязычных основ в нашем материале представлены видовой парой глагола молодежно-игрового сленга – *юзать, юзнуть* (*Да ты что, я давно уже **не юзаю** Яндекс, это же прошлый век / Ма, у меня планшет разрядился, я твой ноут **юзнул***) и одиночным *дефать* (о ходе компьютерной игры: *И когда нападают, надо **дефать** все объекты одновременно*). Креативные глаголы дублируют русские эквиваленты *использовать* и *защищать* в социолекте геймеров [50] и не могут претендовать на закрепление в общественной практике. Перспективы узуализации несколько шире у профессионализма *джемиться* (из речи студентов-музыкантов перед выступлением: *Если что-то забыл, просто **джемся***), хотя и для него в системе языка есть эквивалент *импровизировать*.

Иной вид суффиксации представлен единицами *анашка, бабашка, баларики, гамашок, кавенька, перлинка, саголчик, хапалушка*, в которых система русских деминутивов, выраженная суффиксами уменьшительно-ласкательного значения, проецируется на системы интерферирующих с русским языков – крымскотатарского и украинского. Окказиональный характер данные единицы приобретают именно в силу заимствования производящей основы. Развитие деминутивного значения представлено и в единице *океюшки* от основы англоязычного междометия *o'key*, при деривации которого очевидно влияние аналогии исконно русского *ладушки* в значении ‘ладно, договорились’ (из речи преподавателя: *Ну, хорошо, студентам все передам, **океюшки***).

В ряду единиц с отклонением в ходе деривации находятся *бедасечка, замотайло, таксерить, хворастик*, в структуре которых присутствует вставной элемент: *беда – беда-с-ечка, замота-ть – замота-й-ло, такс-и – такс-ер-ить, хвор-ый – хвор-аст-ик*. Одни из вставных элементов носят

вспомогательный характер морфонологической адаптации, другие – семантически нагружены. На наш взгляд, варианты системно закономерный вариант **замотала* и окказионализм *замотайло* семантически тождественны (*Ну что, замотайло, кушаешь?*), так же, как и узуально адаптированный глагол *таксовать* и нарушающий модель *таксерить*, в котором *-ер-* не является суффиксом (*Таксерить не каждый хочет*). Без вставных элементов, путем чистой суффиксации образована единица *хворастик* (из речи старшей сестры к заболевшей младшей: *Ты, что, хворастик?*). Нарушение модели заключается в присоединении суффикса *-аст-* вместо основы существительного (ср.: *очкастый, скуластый*) [234] к основе прилагательного. При этом суффикс сохраняет семантику увеличительности (в данном случае признака *хворый* – **хворастый*), что указывает на потенциально возможное расширение параметров модели. Кроме этого, данный пример может быть квалифицирован и как результат словообразования по аналогии [191, с. 297-298]: соединение противоположных аффиксальных значений увеличительности и уменьшительности *-аст-* и *-ик-* сходно в данном окказионализме с соединением тех же аффиксов в слове *головастик*, системно образованного от основы существительного.

Другой особенностью спонтанной аффиксации является использование деминутивов в качестве производящей базы в единицах *бедняжить* (от *бедняж-к-а*: *Я бедняжу, не потому что у меня нет денег. Просто я привыкла не тратить много на всякую ерунду*), *изюминковая* (от *изюм-инк-а*: *А она вроде бы вся такая загадочная, с изюминкой... О! Изюминковая!*), *бодрячково* (от *бодр-яч-ок*: *Ничего так, бодрячково* – реакция на температуру воды в море). Такой тип деривации не характерен для русского словообразования и несет черты агглютинативного наложения суффиксальных значений, что весьма существенно с точки зрения глобальных тенденций языковых изменений [26, с. 136].

Традиционно продуктивны в спонтанной речи суффиксы существительных *-ник-*, *-чик/щик-*, *-инк-(а)*, *-ист-*, *-ец-*, *-нищ/ищ(а)-*, *-овк-(а)* и *-шк-(а)*. Некоторые образования данных формантов, структурно не нарушая схемы деривации, отклоняются от модели семантически: *бегемотник*, *буксирка* выражают метафорическое значение, о котором речь пойдет ниже, *попошница* представляет собой результат развития идиоматического варианта значения ‘усидчивая’ (из разговора преподавателей: *Она очень старательная, хотя учеба ей дается трудно. – Я таких называю попошницами*). Отклоняются от модельной схемы номинации: *мальвинник* (реакция на цветущие мальвы: *Какой мальвинник!*) – содержит неморфемный элемент *-ин-*; *заменичка* (*На алгебру к нам пришла заменичка и стала так быстро объяснять и листать слайды, что мы вообще ничего не поняли и мало что успели записать*), *правдун* (*Мама, Сашка назвал меня вруном! А я не врун, я – правдун!*), *воздуйчик* (реплика-отказ поцеловать: *Нетушки, обойдешься сегодня воздуйчиком*), *остроумница* (мать дочери: *Какая ты у меня остроумница!*), *пойдетский* (оценка кинофильма: *Пойдетский фильм оказался!*) образованы с нарушением частеречного параметра мотиватора [234]; окказионализмы *таксист* (*У твоей сестры такой милый рыжий таксист*) и *бодрянка* (мать дочери: *Бодрянку купила?*) модифицируют заданное моделью значение деривата, называя животное вместо лица, продукт вместо бытового предмета; *хлестовка* (мальчик маме о сорванном лопухе: *Это будет хорошая хлестовка для мух*) и *распрекрасие* (девушка о чужой внешности: *Вау! Вот это ноги! Такие длинные. Везет же кому-то. Да мне и во снах не снилось иметь такое распрекрасие*) – дублируют значения слов *хлыст* и *красота*; а при образовании номинации *будняжка* (*Я так устала... Скорее бы уже лето, на море поехать. А то сплошные будни. Надоела эта рутина. – Эх ты, будняжка...*) наблюдается влияние аналогии слова *бедняжка*, относящегося к высокопродуктивным словообразовательным типам субстантивной деривации [169, с. 207-208]. Аналогия позволяет предположить использование транссегментации

(субституции): *бе'дняжка*. Единицы *ойойойка* (*Ну что ты переживаешь, моя ойойойка?*), *дырчик* (*Как приехал? Ему, что, права вернули? – Нет, он дырчик купил, на нем и приехал*), *курекук* (возглас ребенка при виде петуха: *Курекук!*) образованы по непродуктивным моделям суффиксов *-к-*, *-чик*, *-ук-* от основ междометия и звукоподражаний, а существительные *дезешка* (из разговора школьников: *Народ, а дезешку по русскому на завтра кто-нибудь сделал?*) и *журфакер* ('студент факультета журналистики') также по моделям уменьшительно-пренебрежительного суффикса *-к-* и заимствованного суффикса *-ер-* со значением лица [234] от аббревиатурных сокращений ДЗ ('домашнее задание') и *журфак* ('факультет журналистики').

Крайней степенью окказиональности отличается структура единицы *пончик*, обозначающей того, кто понял, или в расширенном смысле – 'понятливого слушателя' (из семейного диалога: *Заедешь к маме, заберешь у нее вещи, потом в садик за Машей. – Я пончик*). Креативное существительное возникает в результате отглагольной суффиксации (*пон-ять* → *пон-чик*). Обращает внимание немодельная семантика мотивирующего глагола *понимать* – наименование ментального, а не физического процесса. Отклонением является и использование суффикса *-чик-* вместо *-щик-* (*-чик-* используется после основ на *д, т, з, с, ж*). Усиливает окказиональность омонимия новообразования с системной единицей *пончик*, а также всего предикатива с уменьшительной формой существительного: *я пончик* – *япончик*, что усиливает эффект каламбура.

Семантико-стилистические приращения новообразований в спонтанной речи по своей функции часто амбивалентны, так как являются одновременно стимулом и результатом деривации. В ряду моделей форманта *-чик-* оригинальностью отличается крымскотатарское слово благодарности *саголчик* (*Ух, как тебе к лицу это платье! – Саголчик, дорогая*), приобретающим при сочетании с русским уменьшительным суффиксом семантику, близкую к современному молодежному жаргонизму *спасибки*. Создание подобных единиц реализует стилистическую задачу сниженности

общения, маркирования доверительной дистанции коммуникантов, не изменяя при этом содержательной стороны мотиватора. Такую же стилистическую окраску добавляет к нейтральному *картофель* просторечный суффикс *-ан-* в составе существительного *картофан* (при покупке пирожков: *С картошкой берем? – Нет, с картофаном мне не пойдет*). Неузусальные формы *чудасия* (разговор матери о дочери: *Я уже выходила на улицу сегодня. А эта **чудасия** все равно пошла в аптеку*) и *петухария* (*Если растут петушки, значит, это **петухария***), созданные не по модели. Суффикс *-иј-(я)* в структуре окказионализма *чудасия* не формирует отвлеченной семантики, а трансформирует структуру системной единицы *чудачка*. Во втором примере происходит смещение родовой принадлежности деривата, так как ботанические термины с суффиксом *-ари-(й)* относятся, как правило, к мужскому роду, ср.: *розарий, иридарий* [234]), дополняют группу стилистических переноминаций.

Среди примеров деминутивной аффиксации отмечаются креативные единицы модели продуктивного форманта *-инк-*: *грустинка, сарказминка, шарминка*, которые, с одной стороны, демонстрируют продуктивность модели, а с другой – намечают ее семантические трансформации. Исходное значение суффикса *-инк-* совмещает значение единичности из множественной совокупности вещества (*градинка, дробинка*) со значением уменьшительности [234]. В производных данного суффикса из нашей картотеки отмечается смещение семантики форманта в сторону уменьшительности, поскольку значение производящей базы не вещественное, а отвлеченное, неисчисляемое – *грусть, сарказм, шарм*. При этом значение единичности [234] трансформируется в толкование ‘малая доля проявления неделимого свойства или качества’.

Уже рассмотренная модель глагольного суффикса *-и-(ть)* с окказиональными девиациями реализована в единицах *дикообразить, пешкарить*. Первый глагол по своему составу должен соответствовать семантике ‘вести себя подобно названному лицу или животному’. Однако в

контексте проявляется значение словосочетания *вести себя дико, диким образом: Когда ты уже прекратишь **дикообразить** и наконец успокоишься!* При такой мотивации способом образования является сложение с суффиксацией. Второй глагол создан от основы наречия *нешком* или, возможно, от основы разговорного контаминанта *нешкар-усом* (*нешком* + *Икарус*) с ироничной семантикой, синонимичной разговорному фразеологизму *ездить на своих двоих*.

В отглагольных дериватах активно используется модель глагольного суффикса *-ова-*, например, в единицах *боговать* (*Боря написал научную статью, получил тысячу долларов гонорар и теперь **богует***) и *быковать* (в ссоре: *Ты чего **быкуешь** сразу? Успокойся уже!*), окказиональность которых проявляется в семантике деривата ‘совершать действие, свойственное лицу, названному мотивирующим именем существительным’ [234]: в первом случае подразумеваются действия Бога, что семантически диффузно, во втором – действия животного, приписываемые лицу метафорически (ср. с конкретными значениями системных единиц: *воровать, плутовать, психовать*) [234].

По модели суффикса *-ировать-* создан глагол *кремировать* от основы существительного *крем* (реплика мужа жене после приема ванны: *Ты будешь меня **кремировать**?*). Глагол представляется потенциально системным, поскольку описательная семантика конструкции *мазать кремом* освоена узусом. Осложняющим узуализацию фактором выступает полная омонимия с глаголом *кремировать* от иноязычного субстантива *кремация*.

Группу глагольного суффикса *-ирова-* дополняет глагол *саламировать* (приветствие: ***Саламирую!***), образованный от основы арабского приветствия *салам*. В словопроизводстве данной единицы прослеживается действие аналогии со структурой глагола *салютировать*, что несколько «смягчает» окказиональность новообразования.

Активность глагольной модели форманта *-ну-(ть)* отмечена в единицах *блендернуть, больнуть, грозануть, кышнуть, морьнуть, ноябрьнуть,*

орнуть, хелпануть, юзнуть с семантикой однократного, резкого действия. Схему деривации глаголов совершенного вида от несовершенного не нарушают глаголы *больнуть, орнуть, юзнуть*, мотивированные видовой парой (*болеть, орать, юзать*). Для окказионализмов *блендернуть, грозануть, кышнуть, морьнуть, ноябрьнуть* не находится производящей видовой пары, поэтому деривация осуществляется непосредственно от основ существительных *блендер, гроза, море, ноябрь* и основы междометия *кыш* что нарушает частеречный параметр производящего в использованной модели суффикса *-ну-(ть)* [234].

Нарушает системную схему образование глагола несовершенного *доубирывывать* (*Ты почему до шести часов никуда не вышла? – Я собирала Аню, доубирывывала, мыла голову*), поскольку единица образована от основы глагола совершенного вида *доубирать* с помощью суффикса *-ыва-: выветрить – выветривать* [169, с. 348-349]. Нарушение состоит в использовании словообразовательной аналогии образования глаголов несовершенного вида от совершенного при немотивированной основе с суффиксом *-ова-: организовать – организовывать*. Несмотря на семантическое приращение длительности действия в структуре значения деривата, единица не является потенциально узуальной.

Для деривации видовых форм глаголов также характерен префиксальный способ словообразования: *втолпиться, забеспокоить, зачувствовать, поперевыбирать, развидеть, разрадоваться, угнездиться*. Степень закономерности возникновения данных единиц различна: образование пары совершенного вида от глагола *толпиться* представляется оправданной, поскольку семантика единицы определяется мотиватором: *втолпиться* означает ‘погрузиться в толпу, стать частью толпы, начать толпиться со всеми’: *Я стою в очереди, хотя тоже тороплюсь, а этот парень втолпился передо мною*. Префикс глагола *забеспокоить* (предупреждение: *Больше еды жирной ешь, другие органы беспокоят*) вносит в систему значения сему начальной фазы действия. При этом не

дублируется значение системных глаголов *обеспокоить* и *побеспокоить*, отличающихся семантическим компонентом кратности действия. Глагол *зачувствовать* практически дублирует семантику глагола *почувствовать*: *Что-то я себя поганенько зачувствовала/почувствовала*. Префикс *по-* в структуру значения глагола *поперевыбирать* вносит сему цикличности действия: *Целую вечность торчал здесь. Поперевыбирал все, что можно и нельзя* (жалоба продавца на покупателя).

Семантика префикса *раз-* в новообразованиях различна: в одном примере значение ‘с помощью действия, названного мотиватором, воспринять что-либо во всех подробностях’ [169, с. 368] полностью синонимично глаголу *рассмотреть* (...*совсем рядом с верандой сидела соседская кошка, или чисто-серая, или коричнево-серая, - я не развидела*); в другом – содержит указание на интенсивность действия [там же]: *Все, пора в домик, а то слишком активный сегодня, **разрадовался*** (замечание хозяйки хомяку). Дублирование семантики системной единицы повышает степень окказиональности креативного эквивалента и препятствует его узуализации.

Среди креативных образований есть результат окказионального способа депрефиксации *блудится*, мотивированный глаголом *заблудиться*: *А вот кто-то заблудился. Надо подождать – Мы не заблудились. И вы к нам, пожалуйста, сюда не **блудитесь*** (на экскурсии в лесу).

В целом, примеры префиксации как разновидности аффиксальных способов словообразования в нашей картотеке немногочисленны. К наиболее нестандартным формам креативных новообразований относится глагол *поднаестся* и существительные *безделопроизводство* и *пописатель*. В структуру глагольного значения префикс *под-* вносит компонент, антонимичный значению префикса *раз-* – неинтенсивного дополнительного действия (реплика подростка после перекуса: *Я **поднаелся**, теперь хочу на катамаран*). Продуктивность модели форманта *под-* при образовании глаголов в устной речи [169, с. 366], в том числе от глаголов совершенного

вида (ср.: *подзаработать, подкупить*), позволяет квалифицировать единицу *поднаелся* как потенциально узуальную.

Префиксальные существительные проявляют большую степень окказиональности по сравнению с глаголами. Образование креативной единицы *безделопроизводство* (реакция на длительное отсутствие документа: *Безобразия. Так долго обрабатывать. Безделопроизводство* какое-то) может быть рассмотрено в аспекте полимотивации: как префиксальный субстантив и как результат контаминации единиц *безделье* и *делопроизводство*, семантика которых придает новообразованию характеризующую функцию предиката. Под действием структурной аналогии мотиватора создаются креативные номинации производителя действия: *У каждой девушки должен быть тайный почитатель. Ну, или пописатель. На крайний случай – поговоритель*. Каламбурный характер словопроизводства обуславливает семантическую зависимость единиц *пописатель* и *поговоритель* от контекста высказывания или, иными словами, семантическую связанность с контекстуальным аналогом: *почитатель* – ‘тот, кто почитает’, *пописатель* – ‘тот, почитает письменно’, *поговоритель* – ‘тот, кто почитает устно, в разговоре’. При этом у окказионализма *пописатель* нейтрализуется значение префикса *по-*, поскольку он образуется не по отглагольной модели форманта *-тель-*, а префиксально от системного субстантива: *писатель* → *пописатель*. Также единица *поговоритель* нарушает параметры модели в части видового соответствия глагола-мотиватора: *почитать* – сов. вид, *поговорить* – несов. вид.

К числу производных префиксального типа относятся и новообразования обратной деривации: *звучка, лепо, множко, рогий*, семантика которых обусловлена удалением приставки (*Мне позвонили, а я как поставила свой телефон на беззвучку, чтоб ребенка не разбудить, так он и остался. Пора ставить на звучку / Как вы думаете, эта шапка сидит на мене лепо? / Я очень хочу фундук. Можно поем немножко? – Да хоть множко / В зоопарке был безрогий олень, рогий олень, лама, медведята...).*

Особенностью депрефиксации является присутствие в контексте мотиватора, семантика которого становится основанием для интерперетации смысла креатива: *беззвучка* – ‘беззвучный режим’, *звучка* – ‘звуковой режим’, *нелепо* – ‘неуместно и некрасиво’, *лепо* – ‘уместно и красиво’, *немножко* – ‘в небольшом количестве’, *множко* – ‘в большом’, *безрогий* – ‘не имеющий рогов’, *рогий* – ‘имеющий рога’.

Комбинация аффиксальных способов используется для производства окказионализмов чаще, чем чистая префиксация. Выше, в связи с деривационной активностью глагольного суффикса *-и-(ть)*, рассмотрены префиксально-суффиксальные производные *замультиварить*, *запитонить*, *захомячить* как примеры единиц, реализующих потенции модели и системы в целом. В отличие от них новообразование *зафизкультуренный* нарушает частеречный параметр производящего деривационной модели. Оно образовано по модели образования страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида форманта *-енн-* от основ переходных глаголов. Однако в данном случае производящим является существительное *физкультура*, не имеющее глагольного деривата. И префикс, и суффикс присоединяются непосредственно к основе указанного существительного. Деривационное значение тем не менее толкуется через глагольную семантику: *До чего зафизкультуренный!* – сетует женщина-массажист, разминая мышцы спортсмена. Значение ‘чрезмерности действия’ передается посредством приставки *за-*, а значение лица, испытывающего на себе некое действие – посредством суффикса страдательного причастного *-енн-*. Таким образом, в результате окказиональной конфикации существительное приобретает глагольную семантику.

Кроме модели *за-* + *-и-(ть)* в разговорной речи наблюдается активность таких префиксально-суффиксальных глагольных моделей с использованием суффикса *-и-(ть)*, как: *на-* + *-и-(ть)*, *по-* + *-и-(ть)*, *про-* + *-и-(ть)*, *раз-* + *-и-(ть)*, *об-* + *-и-(ть)*, *с-* + *-и-(ть)*. Отдельные единицы образованы по модели с участием глагольных суффиксов *-а-(ть)*: *вы-* + *-ива-*

(ть), с- + -а- (ть) и -е- (ть): по- + -е- (ть). Среди группы глагольных производных есть и потенциально системные, и крайне окказиональные. К потенциализмам относятся единицы *выплакивать*, *провалидолить*, *сколхозить*, семантика которых не содержит существенных отклонений от моделей, ко второй – *набигхитить*, *побородеть*, *размокритъ*, *сэмоционировать* как примеры непродуктивного типа деривации разной степени окказиональности.

Глагол *выплакивать* (...я ей сказала, что четыре не поставлю. Так она стала эту четверку у меня **выплакивать**) в значении ‘слезами добиваться результата’ не нарушает модели *вы-* + *-ива-*, по которой образуются глаголы интенсивного действия (ср.: *вырисовывать*, *выплясывать*) [169, с. 380]. В семантике глагола *провалидолить* (*Надо срочно себя **провалидолить***) актуализировано регулярное значение модели форманта *про-* + *-и-(ть)* ‘наделить (пропитать, напитать) тем, что названо мотивирующим существительным’ [169, с. 376], сквозная направленность которого передается префиксом *про-* (ср.: *прожирить*, *проолифить*). Глагол *сколхозить*, образованный от названия социального явления или местности *колхоз*, не нарушает типа модельной схемы *с-* + *-и-(ть)*, по которому образуются глаголы со значением ‘соединить, собрать вместе что-нибудь, образовав, создав то, что названо мотивирующим существительным’ (ср.: *скупить*, *склочить*, *столпить* [там же]). Значение префикса определяется в контексте: *Как считаешь, можно еще починить эту бандуру? – Ну, если помучиться, всегда что-нибудь **сколхозить** можно*. В конкретном случае подразумевается починка подручными материалами, непрофессиональным, кустарным способом. Соответственно, семантика деривата может быть интерпретирована как ‘соединять по-колхозному’. Отклонение от системы при образовании окказионализма *сколхозить* состоит в отсутствии второго семантического компонента значения модели в структуре значения деривата – ‘создав то, что названо мотивирующим существительным’, поскольку

мотиватор *колхоз* в данном контексте использован не в прямом, а в переносном смысле оценки способа соединения.

Значение доведения действия до нужного предела выражено конфиксом *по-* + *-е-(ть)* в структуре окказиональной единицы. Данная семантика актуализирована в глаголе *побородеть* – обрасти бородой. В контексте этот глагол оказывается близок к семантической группе названий действий проявления признака: *Ого, ты побородел!* (ср.: *посинел, побледнел*). В конкретном случае, несмотря на нарушение частеречного параметра производящей основы, категория существительного допускает разную степень его присутствия в реальности (борода может быть большой и маленькой), поэтому степень окказиональности в этом случае меньше, нежели у структурно аналогичной единицы *повеснеть*, не обладающей различной степенью проявления.

Нестандартность деривации проявляется у безличного предикатива *размокрило* во фразе плачущей на киносеансе девушки: *Что-то меня совсем размокрило*. Форма приставочного глагола указывает на совершенный вид действия по названию признака *мокрый*. Суффикс *-и-(ть)* реализует значение ‘наделять качеством, названным прилагательным’ [234], а именно – ‘делать мокрым, смачивать’. Семантикой приставки *раз-* в данном примере передается интенсивность действия, нередко относящегося к глаголам чувства или состояния (ср.: *разозлить, рассмешить* [234]). Сложность словообразовательного результата заключается в отсутствии прагматического задания у значения ‘делать мокрым’, который реализован в системной единице *размачивать*. Метафорическое толкование значения креативной единицы *размокрило* невозможно, так как не совпадает с реальными слезами в конситуации.

Глагол *сэмоционировать* создан с пропуском степеней словообразования, так как его мотиватором выступает существительное *эмоция*, не имеющая в языковой системе никаких глагольных производных, в

отличие от аналогичных заимствований *эволюция* – *эволюционировать*, *инфекция* – *инфицировать* и подобным им.

Крайней степенью окказиональности отмечено образование глагола *набигхитить* (*Да не буду я ему помогать, он меня **набигхитил** уже*), который создан от иноязычной основы *Big Hit* – названия южнокорейской звукозаписывающей, развлекательной компании, размещавшей фальшивые материалы о музыкальных группах. Отклонение словообразования характеризуется пропуском глагольной ступени деривации (**бигхитить*), а также закрытостью семантики мотиватора для большинства носителей языка, не знакомым с репутацией отдельной компании.

Среди дериватов, образованных префиксально-суффиксальным способом, фиксировано только три существительных: *начайница*, *подподушник*, *раззверин*. Все три единицы окказиональны по своей структуре. Наименование лица *начайница* (об однокурснице, регулярно приходящей на чай с пустыми руками: *И не надоела тебе эта **начайница**?*) образовано под действием аналогии единицы *нахлебница*, однако, в отличие от хода деривации мотиватора, у новообразования нет соответствующей пары мужского рода. Функционирование гипотетически возможной единицы **начайник* с той же семантикой осложнено омонимией с узуальной формой предметного субстантива *на чайник*.

Действие словообразовательной аналогии прослеживается также в структуре единицы *подподушник* (реплика о смене постельного белья: *Ой, не люблю я это делать. Особенно вот этот **подподушник** надевать!*), которая образована подобно единице *пододеяльник*. Несмотря на формальное соответствие модели *под-* + *-ник-*, узуализация нестандартной единицы невозможна в виду наличия системной номинации *наволочка*.

Субстантив *раззверин* (реплика в ответ на раздраженное состояние собеседника: *Мам, ну. Ты, что, **раззверин** сегодня приняла?*) структурно соотносится с номинацией *зверь* и гипотетическим глаголом **раззвереть*. В системе словообразования существительных мужского рода не фиксирована

префиксально-суффиксальная модель *раз-* + *-ин-*. Существующая модель *раз-* + *-ин-(а)* имеет семантику ‘результата разделения того, что названо мотиватором’ [169, с. 232] не соотносима с семантикой окказионализма *раззверин*.

Префиксально-суффиксально-постфиксальное словообразование среди способов комбинированной аффиксации занимает второе место по частотности. В узусе регулярны модели формантов различных префиксов, суффикса *-и-(ть)* и постфикса *-ся* [169, с. 188-189]. В материале к результатам использования данных моделей относятся *заволоситься, засебячиться, накондиниться, налаковиться, наморячиться, нафрекенбочиться, обрахититься, освекровиться, отбулочиться, отйожиться, отревнивиться, разбатониться, сфариться, сэсэмэситься*. Практически все единицы данной группы мотивированы существительными и соответствуют частеречному параметру модели отсубстантивных глаголов. Большую потенциальность узуализации имеют те единицы, модель которых известна узусу, а именно: с префиксами *на-* и *раз-*.

Префикс *на-* используется при образовании отсубстантивного глагола *наморячиться* с семантикой доведения действия до естественного предела [234]. При этом в контексте содержится словообразовательный мотиватор [12; 126]: *Ну что, морячки, **наморячились**?* (вопрос отца семейства вернувшимся с пляжа жене и дочерям). Основа существительного *моряк/моряч-к(а)* приобретает глагольные признаки форманта *-и-(ть)* и одновременно возвратность действия и его исчерпанность путем присоединения префикса и постфикса. Образование глаголов от существительных по модели форманта *-и-(ть)* со значением деятельности или профессии закономерно (ср.: *батрачить, рыбачить* [234]). Непосредственно отсубстантивная префиксально-суффиксально-постфиксальная глагольная деривация используется в разговорном дискурсе менее регулярно в виде отдельных единиц (ср.: *накогтиться, накоришуниться* [169, с. 388]). Такой же способ деривации с такой же степенью отклонения от

модели характерен для единицы *налаковиться* (*Стоит **налаковиться** хорошенько, проходишь с прической два дня*) с семантикой интенсивного предельного действия.

Нестандартно образование единицы *нафрекенбочиться* (*Когда уже этот рабочий день закончится? – И не говори! Я уже сама **нафрекенбочилась!***), значение которой формируется на базе онимов *фрекен Бок* (персонажа детской книги А. Линдгрена) и одноименной торговой марки хозяйственных товаров. Использование онима в качестве мотиватора имеет отношение к процессу апеллятивизации, часто имеющей субъективный характер, и поэтому не может рассматриваться как системное явление. Затруднение при установлении мотиватора осложняет интерпретацию семантики деривата: ‘устала от работы, сходной с обязанностями известного персонажа’ или ‘устала, от работы с использованием приспособлений от фирмы «Фрекен Бок»’ – остается неясным.

Различное отклонение от системных закономерностей смешанных типов деривации представлено в окказиональных формах *обрахититься, освекровиться, отбулочиться, отийожиться*. Глаголы *обрахититься* и *освекровиться* сходны в своем строении: оба образованы по словообразовательному типу форманта *о/об-* + *-и-(ть)* + *-ся* от основ существительных: *рахит* → *об-рахит-ить-ся*, *свекровь* → *о-свекров-ить-ся*. Контекст употребления глагола *обрахититься* актуализирует значение, совпадающее с суммарным значением внутрикатегориальной глагольной модели *о/об-* + *-и-(ть)* + *-ся* – ‘стать тем, или приобрести признаки того, кто назван мотивирующим существительным’ [169, с. 388]: *Сними с нее сумку, а то она уже так **обрахитилась**, что встать не может*. Актуализированный в речи смысл глагола *освекровиться* демонстрирует смещение семантики модели *о/об-* + *-и-(ть)* + *-ся*: *Ну, **освекровилась**, так сказать* – сообщает девушка подруге о своем браке. Окказиональный дериват реализует семантику приобретения не признака лица-мотиватора, а

приобретения с этим лицом родственных отношений ('приобрести свекровь').

Субъективность восприятия действительности при создании отыменных глаголов по модели *о/об-* + *-и-(ть)* + *-ся* контрастирует с прагматически обусловленной номинацией, связанной с занятиями йогой – *отйожилась* (отзыв о посещении занятия йогой: *Ну и отйожилась же я там!*) со значением тщательности, завершенности действия, направленного на самого говорящего [234]. Данный окказионализм образован префиксально-суффиксально-постфиксальным способом от основы существительного *йог* по непродуктивной модели *от-* + *-и-(ть)* + *-ся*. Потенциал узуализации подобных креативных образований обусловлен социальной значимостью данной сферы номинаций. Характерным признаком практической «востребованности» подобных дериватов является наличие в материалах исследования второго производного той же основы – *не йогнется*, возникающего в жалобе на невозмутимость тренера: *У меня все тело по швам трещит, а у тренера ни один мускул на лице не йогнется* и производного существительного женского рода *йогиня*, обозначающего тренера йоги женского пола: *А вот моя йогиня ни разу за все время не позвонила*. На наш взгляд, несмотря на структурную окказиональность примеров, деривационная активность основы заимствования *йог* свидетельствует об ее апроприации русским языком.

Примерами суффиксально-постфиксального словообразования выступают модели глаголов *-и-(ть)* + *-ся-*, *-е-(ть)* + *-ся-*, *-а-(ть)* + *-ся-*, *-о-(ть)* + *-ся-*, *-ну-(ть)* + *-ся-*, из которых продуктивной является только модель *-и-(ть)* + *-ся-*: *витаминиться*, *джемиться*, *жеребиться*, *цукатиться*, *караимиться*, *нарцисситься*, *швейцариться*, *широпотребиться*. Степень отклонения данных производных от модельных параметров рассмотрена выше. Процесс узуализации единиц *джемиться*, *жеребиться*, *швейцариться* осложнен иноязычным происхождением мотиватора, омонимией с системной единицей или метафорической основой семантики

производного. Нестандартность модели образования *ширпотребиться* обусловлена сложной структурой мотиватора и диффузностью семантики деривата. Нестандартны и производные других моделей: *отношаться*, *напрянуться*, *упороться*. Единица *напрягнуться* (из разговора студентов о преподавателе: *Что-то я конкретно **напрягнулся**, когда он дошел до моей фамилии*) соотносится с системным глаголом *напрячься* тождественной семантики ‘дойти до состояния напряжения’ и потому может быть квалифицирована как избыточная. Такую же избыточность имеет единица *отношаться*, семантика которой более диффузна в связи с саркастическим характером контекста: *Мы с ним не то что переписываемся, мы, как это сейчас называется, - **отношаемся**: другу другу пересылаем картинки и видео. Всякую ерунду.* Значение новообразования может быть истолковано через семантику мотиватора *отношение* (‘иметь отношения’) или как результат контаминации *отношение/относиться* + *сношаться* с более выраженной негативной коннотацией. Образование единицы *упороться* (реплики на собрании волонтеров: *Последнюю неделю работаем до упора! – Я уже **упоролся**, можно мне домой?*) происходит от включенного в контекст мотиватора *до упора* и имеет иронично-переносное значение ‘дойти до состояния предельной усталости’.

Приставочно-постфиксальные модели образования креативных единиц *за-* + *-а-(ть)*, *от* + *-а-(ть)*, *рас-* + *-и-(ть)* реализованы без существенных отклонений. Наиболее активной является продуктивная модель *раз-* + *-и-(ть)* с семантикой ‘разойтись в разные стороны’ и ‘начав действие, довести его до большой интенсивности’ [169, с. 386]. По данной модели образованы креативные глаголы *раздружаться*, *разгруститься*, *разминдальничаться*, *расчитаться*. Единица *разгруститься* отклоняется от значения, заложенного в параметрах модели: *Посмотри обязательно. Если взгрустнется, сразу **разгруститься** (о фильме).* Контекстуально манифестируется компонент ‘прекратить действие’, антонимичный характер которого определяет влияние префиксальной модели форманта *рас-* образования глаголов (ср.: *хотеться* –

рас-хотеться) [169, с. 368]. Оказиональность единицы *разгруститься* квалифицируется как высокая в виду пропуска постфиксальной ступени словообразования (**груститься*). Другие глаголы данной модели сохраняют предусмотренную семантику деривата: *раздружиться* – ‘разойтись в стороны’ (*Странно как-то. Столько времени общались, а тут раз – и раздружились*), *разминдальничаться* (начальница подчиненным: *Разминдальничалась я с вами*) и *расчитаться* (*У меня дочка до 11 лет вообще не читала. А с одиннадцати начала читать, и читала и читала и расчиталась*) – ‘начать и интенсифицировать действие’, и два последних имеют перспективу узуализации. Глагол *раздружиться* рассмотрен выше как избыточный полный синоним системной единицы. Модели *за-* + *-а-(ть)*, *от* + *-а-(ть)* формируют в языке продуктивные словообразовательные типы со значениями ‘увлечься длительно продолжающимся действием’ [169, с. 384] и ‘закончить длительно продолжавшееся действие’ [169, с. 385]. Креативные единицы *заобедаться* (об экскурсии: *Тогда еще спустились поздно. Мы заобедались, помните?*) и *отсобеседоваться* (о возможном приеме на работу: *Ну вот я и отсобеседовалась. Надеюсь, прокатит*) сохраняют это значение и с ним – потенциал к узуализации.

Постфиксация используется в спонтанной речи не часто. Результаты использования постфикса имеют регулярное значение возвратности действия: *Спасибо, дорогой, поздравляюсь* (жена опережает поздравления мужа), *Как тут наши кисюльки едят, посмотрим. Чужие, интересно, не пригласились?* (разговор о кошках) или взаимовозвратности: *Так что, мы собираемся на следующей неделе? – Слушай, давай сначала наберемся, там решим*). Семантика мотиваторов *поздравлять* и *пригласить* предполагает наличие невозвратных субъектно-объектных отношений, обращение которых в обратном, объектно-субъектном, направлении иронически обыгрывается данными глаголами, отражая «речевую экспансию» категории возвратности [165, с. 20]. Глагол *пружиниться* в системе языка семантически связан с физическим свойством предметов, а его употребление в переносном смысле

не вполне соответствует характеру действия: *Не **пружинься**, не достанешь* (сестра о попытках младшей залезть на стул). Препятствием к узуализации данных единиц является их слабая прагматическая востребованность, в отличие от глагола *набраться*, имеющим существенную социальную обусловленность.

Наибольшей степенью окказиональности среди постфиксальных креативных глаголов обладает единица *упорхнуться*, образованная вопреки грамматическому запрету использования постфиксации при мотиваторах с суффиксом *-ну-* [169, с. 282]. При этом постфикс не привносит в структуру значения деривата какого-либо дополнительного семантического компонента: *Любимая, **упорхнись** на время!* (обращение мужа с ласковой просьбой к жене).

Анализ функционирования креативных единиц в аспекте системных закономерностей словообразования демонстрирует тенденцию к композитному словообразованию, в том числе и контаминированного типа. При этом сохраняется высокая продуктивность суффиксации при образовании креативных единиц и наблюдается активное использование различных типов конфиксации. Отклонения от существующих в языке моделей деривации нередко обусловлены тенденцией к унификации значений различных моделей, включающих один и тот же аффикс. В целом, наиболее типичным окказиональным сдвигом системной деривации является изменение лексико-семантической группы или лексико-грамматического разряда производящей основы. Изменение частеречной принадлежности деривата, имеющее для словообразовательных закономерностей существенное значение [190, с. 71; 192], происходит гораздо реже. Немаловажным в образовании речевых окказионализмов оказывается стилистический фактор [160], когда новообразование создается с целью снижения нейтрального регистра общения до более фамильярного [34, с. 80]. В спонтанном словообразовании устной речи отмечается частотность субстантивной и глагольной деривации ввиду широкого спектра

сочетаемости формантов *-к-/-шк-(а)* и *-и-(ть)*; активность словообразовательных моделей чистой и смешанной суффиксации; широкая практика образования новых слов посредством традиционного сложения и его разновидностей – контаминации, слияния, голофразиса. Паронимическая аттракция может быть рассмотрена как фактор, мотивирующий в окказионализмах структурную субституцию различной протяженности. Нестандартность спонтанного словообразования затрудняет однозначность мотивации креативных единиц и предполагает рассмотрение ее параллельных вариантов. В устной речи отмечается тенденция к компрессивности [64], в первую очередь предикативного типа – путем контаминации имени и характеристики объекта, процессуализации имен, универбации описательных сочетаний. Тенденция к номинативной компрессии, в свою очередь, обуславливает нарушение последовательности словообразования и расшатывание параметра частеречной принадлежности производящей основы.

2. 3. Типы семантической деривации креативных единиц в спонтанной речи

Новые слова возникают не только в результате морфемной комбинаторики, но и методом семантических переносов разного типа. «Традиционно образование новых значений в рамках так называемой семантической структуры слова связывается с тремя основными видами семантической деривации: метафорическими, метонимическими, функциональными» [109, с. 3]. Развитие новых значений слова происходит по мере развития сочетаемости языковой единицы и выделения из структуры ее содержания одного или нескольких признаков в качестве самостоятельного значения [19, с. 248]. В теории метафоризации смешение признаков двух денотатов в новой семантической структуре нашло выражение в понятии «блендинга» [224]. В отличие от морфологических и синтаксических

способов словообразования (*бойлерист, ухтышка*) при семантической деривации не всегда удастся «сложить» элементы значения в единое целое. Выше уже отмечалась «невыводимость» значения некоторых креативных единиц из семантики их структурных элементов: *бомбический, запитонить, захомячить, расклубочить, червоточить, швейцариться* и другие. При семантическом словообразовании говорящий вовлекает в творческую комбинаторику прецедентные тексты и имена, приемы тропеических переносов и таким образом изменяет смысл уже функционирующих в узусе форм и выражений.

Среди наиболее распространенных типов спонтанной семантической деривации оказываются метафоризация, метонимизация и апеллятивизация. Функционирование прецедентных имен в речи имеет несколько стадий: некоторые имена собственные используются как уже готовые апеллятивы (*Плюшкинка*), другие употребляются в сравнительных конструкциях (*я не Рокфеллера; я не Шива; напахалась как мама Карло* и т. п.), третьи находятся в стадии развития нарицательного значения (*бомжуан, джамишуты* и др.).

Семантическая деривация, так же, как и морфологические способы словообразования, подразумевает наличие модели [109, с. 7], по которой осуществляется перенос. В основе понятия семантической модели лежит механизм семантического сдвига в системе значений слова. Как правило, подобный сдвиг выражается в смещении семантического компонента относительно ядра-периферии. Метафоризация, как правило, связана с актуализацией потенциальной семы в структуре значения или с изменением позиции коннотативного компонента, которая становится ядерной. Этот же процесс закрепления периферийных признаков лица в качестве ядерных характерен для апеллятивизации и сопровождается сужением интенционала и расширением экстенционала имени собственного. При метонимии происходит интеграция признаков смежных явлений внутри одной ситуации. Регулярность сдвига в структуре значения лексических единиц одной

семантической категории позволяет говорить о закреплённости приема семантической деривации, каким, на пример, является прием использования метафорических переносов по форме при образовании топонимов в спонтанной речи жителей разных населенных пунктов Крыма. Устойчивость модели прослеживается и при отфраземном словообразовании, которое также является яркой особенностью спонтанного словотворчества.

2.3.1. Семантический перенос при создании отфраземных креативных единиц в спонтанной речи

Отфраземное словообразование связано с понятием идиоматичности устойчивого словосочетания или фразеологического оборота. В части исследования, касающейся сложных дериватов, были рассмотрены результаты применения модели отфраземной деривации на базе однословной компрессии фраземы: *курицелание*, *фильмокрут* и *шилопопость*. Данные единицы возникают по одной модели: основа¹ + интерфикс + основа² + суффикс/нулевой суффикс. Мотиватором выступает фразеологический оборот, передающий свою семантику реализованной в речи единице. В обобщенном виде эта семантика может быть обозначена как ‘иметь свойство, названное фразеологическим оборотом’. Открытость деривационного значения обуславливается «максимумом репрезентативности» [150, с. 253] фразеологического композита.

Не все отфраземные единицы отличаются подобной открытостью. В некоторых случаях результат деривации оказывается омонимичным системной единице с иным, нефразеологичным значением. Субстантив *буксирка* по значению входящих в ее состав морфем интерпретируется как производное женского рода со значением ‘приспособление для буксировки’. Однако в речи новообразование имеет совершенно иное значение: *буксиркой* или *буксирочкой* студенты называют старосту, имея в виду ее возможности, выраженные устойчивым выражением *брать отстающих на буксир*. То есть

единицу *буксирка* следует квалифицировать как результат семантического словообразования (эмансипации компонента устойчивого словосочетания) с суффиксацией. Пример аналогичной деривации представляет собой и единица *баклушка* (от фраземы – *бить баклуши*). В обоих случаях производное формируется посредством смысловой компрессии фразеологического сочетания *глагол + имя существительное* в структуру значения эпансипированного субстантивного элемента. При словопроизводстве в контексте может содержаться дополнительный актуализатор идиомы: *баклушка, до обеда спит, а работы полон дом*.

Не вполне объясняется значением структурных частей семантика креативных номинаций *дивантник* и *халатники*. Морфемное значение аффикса *-ник-* указывает на признак лица через его отношение к предмету или занятию [234]. Теоретически окказионализмы должны иметь толкование, аналогичное толкованию единицы *бойлерист* – *‘мастер по ремонту диванов, по пошиву халатов’. Однако в контексте реализуется семантический перенос: *Вот твой брат десантник, а мой дивантник, не учится даже; Есть врачи от Бога, а есть эти, халатники*. В обоих случаях актуализированный смысл мотивирован устойчивыми сочетаниями *диванные войска* и *люди в белых халатах*, при этом значение второго окказионализма осложнено каламбуром (ср.: *дивантник* – ‘не десантник’, *халатник* – ‘халатный человек в белом халате’). Деривация в обоих случаях происходит на базе вычленения субстантивного компонента из фразеологического определительного словосочетания с добавлением суффикса лица, обладателя признака, выраженного словосочетанием.

К отфраземное типу деривации относятся топоним *Галоша* (г. Севастополь) и номинативное сочетание *мама Карло*. Образование топонима, представляющего переноминацию официального названия района училища подводных моряков – *Голландия*, может быть мотивировано как сленговым прозвищем *галоша* любой подлодки, так и фразеологизмом *сесть в галошу*, вводящим в номинацию компонент иронической семантики.

Полимотивация производного обуславливает высокую степень окказиональности креативной единицы, которая при этом имеет социальную востребованность. Сленговый характер мотиватора *галоша* ('подложка') и синекдохтический перенос с названия части пространства на целое не позволяет говорить о применении некой модели.

Нестандартный вид деривации характерен и для окказионализма *мама Карло*. Производящей базой выступает разговорная идиома *пахать, как папа Карло*, имеющая семантику 'много и тяжело работать за небольшую плату'. В речи трансформируются все компоненты сочетания (*Напахалась, как **мама Карло***): посредством префиксации изменяется вид опорного глагола и род субстантивного компонента фраземы, но при этом целостный смысл сочетания остается неизменным. Способность к формообразованию отдельных компонентов фраземы, на наш взгляд, является аргументом в пользу сохранения их семантической самостоятельности в устойчивом сочетании.

Семантическая связь с просторечной идиомой *понесся аж пыль столбом* наблюдается у новообразования *запылил*, которое используется в ситуации отсутствия пыли на чистом асфальте при обгоне одной машины другой: *Вот это запылил!* На базе метафорического переноса происходит компрессия смысловых компонентов: глагольной семантики интенсивного действия, выраженной префиксом *за-* [234] и образного компонента фраземы *пыль столбом*. Данный тип деривации свойственен именно глагольным устойчивым сочетаниям [150, с. 252].

Результаты отфраземного словообразования в спонтанной речи иллюстрируют устойчивую тенденцию к имплицативному свертыванию семантики в одно слово (регенерации компонента фраземы) с последующими аффиксальными трансформациями. Также сохраняется продуктивность другого типа – сложения компонентов с интерфиксацией и аффиксацией при производстве единиц со значением процессуального признака, отвлеченного от его носителя (*курицелание, фильмокрут, шилопопость*) [150, с. 253].

Несмотря на немногочисленность креативных единиц отфраземного образования, их присутствие в речи носителей языка – неотъемлемая особенность непринужденного общения.

2.3.2. Метафоризация, апеллятивизация и онимизация как приемы спонтанного словотворчества

Метафорические переносы в спонтанной речи осуществляются на основании внешнего или функционального сходства. При этом доминируют функциональные метафоры. Вторым по частотности использования в живой речи является апеллятивизация или апеллятивизирующая сравнительная конструкция, в которой употребление имени собственного близко к нарицательному со значением постоянных признаков. Метафоризация на основе внешнего сходства и онимизация используются реже.

Модельность семантических переносов связана с процессом категоризации. Одним из наиболее регулярных типов тропеического переноса в русском языке является перенос свойств животных на человека [180, с. 62-64], чаще с пейоративной оценочной коннотацией: *осел, свинья, шавка* и т. п. Логика переноса не всегда отражает реальные повадки животного, но тем не менее метафоры такого типа приобретают концептуальное значение [180, с. 31]. Закрепившаяся в языке семантическая модель *животное* → *человек* получает дальнейшее развитие на новом материале. В спонтанной речи крымчан отмечены следующие случаи применения этой модели метафоризации: *олень* и *овца*. Значение новообразований достаточно диффузно: в основе переноса могут подразумеваться такие свойства, как нерасторопность, медлительность или простодушие и наивность (при поисках кошелька в сумке: *Куда же я его засунула, овца...* или реплика при эвакуации автомобиля: *Говорили им тут не парковаться – олени!*). В некоторых контекстах эти единицы используются

как сравнение для недалекого в умственном отношении человека (*Как с этой овцой договариваться? Ничего не понимает!*).

В речевой практике семантическая модель может обогащаться путем дальнейшей морфологической деривации. Традиционное сочетание основы названия животного и суффикса существительных *-ник-* образует номинацию места содержания данных животных: *коровник, обезьянник, свиарник*. В процессе употребления слова у него может сформироваться вторичное значение: *свиарник* – ‘неухоженное, запущенное помещение, внутренний беспорядок’. При образовании окказионализма *бегемотник* происходит одновременно суффиксальное образование номинации места и семантический перенос на основе метафорического значения слова *бегемот* – ‘увалень, неуклюжий, громоздкий человек’: отказываясь пойти в тренажерный зал женщина заявляет, что ей *в этом бегемотнике делать нечего*. Характерно, что в данной единице совмещаются пространственные значения суффикса *-ник-*, относящиеся и к помещению, и месту ‘скопления, произрастания’, применительно к растениям (ср.: *малинник, ельник*) [234]. Производное значение окказионализма *бегемотник* – ‘место скопления неуклюжих, больших людей’.

Зооморфная модель семантического словообразования реализована в единице *лошица* (разговор молодых мам о пребывании в роддоме: *Со мной такая лошица была в палате, а ребенка родила всего два семьсот*). Формант *-иц-* со значением женского рода как правило используется при деривации от мотиваторов мужского (*лось* → *лошица*). Однако в спонтанном контексте последовательность словопроизводства может быть иной: поскольку в высказывании обсуждается крупное сложение соседки по палате, постольку возможна деривация *лошадь* → *лошица*. Основанием для такой интерпретации служит узуально закрепленная семантика единицы *лошадь* ‘крупная женщина’. Подобный ход деривации отличается большей нестандартностью, нежели деривации единиц *олени* и *овца*.

В ряду производных семантической модели человек животное оказываются находятся единицы *рыбуся* и *челикобактеры*, которые, на наш взгляд, противоположны по перспективам узуализации. Единица *рыбуся* (*Ну все, **рыбуся**, давай там аккуратно, не балуйся, звони мне. – Хорошо, мамочка, не переживай*) создана по модели уменьшительных зооморфных обращений типа *котик*, *зайка*, использующихся для интимизации общения и имеющих общую семантику ‘милая/-ый, дорогая/-ой’. Единица представляет собой результат контекстуального варьирования уже закреплённой метафоры *рыбка*, *рыба* и содержит усиление семантики ласкательности.

Не имеет аналогов перенос номинации кишечных бактерий на человека при создании единицы *челикобактеры*. Креативность словообразования усилена использованием наложения части производных основ *хеликобактеры* и *человек* друг на друга. Также не исключено использование транссегментации основы *х^челикобактеры*.

Гипонимической разновидностью метафоры *животное* → *человек* выступает метафора частичного переноса свойств животного на человека: *У меня **сусликоватые** черты лица, так что скорее всего выберу каскад; Да сколько мы еще для твоих **львоволос** будем шампунь выбирать?!* Данная модель семантической деривации формирует метафорическое обозначение отдельного признака конкретной личности: ‘острые, мелкие, тонкие, как у суслика черты лица’ и ‘густые, длинные, как львиная грива, волосы’. Отличие модели частичной метафоризации от полной состоит, таким образом, в конкретизации основания переноса при сохранении исходной семантической структуры единицы *человек*. Неполнота переноса манифестируется морфологическими средствами: суффиксом неполноты признака *-оват-* и сложением исходной и производной основ *львоволосы*.

Семантический перенос, закрепляясь в качестве одного из постоянных значений в структуре многозначного слова, может развивать дальнейшее словопроизводство. Примером такого развития становится пейоративная семантика зооморфной метафоры *собака*: *Но бухгалтера – это просто*

какие-то собаки. Каждый раз меняются и каждый раз все *собачее и собачее*. В значении деривата происходит актуализация признака ‘злой, раздражительный, неуступчивый’ из семантической структуры мотиватора. Форма сравнительной степени прилагательного указывает на производность от прилагательного *собачий*, которое в контексте отсутствует, но при этом широко используется в узусе.

Морфологическими дериватами зооморфных метафор являются единицы *свинопляски*, *слонотоп*, *тетерь*. Метафорическое значение слова *свинья* совмещает два признака ‘низкий, подлый’ и ‘неопрятный, грязный’. В контексте актуализация признаков не четка: *Ни на какую дискотеку ты не пойдешь. Знаю я эти ваши свинопляски* (бабушка внучке), поскольку основание переноса не вербализировано. Возможен как вариант ‘неопрятные пляски’, так и ‘низкие, неприличные’. В отличие от единицы *свинопляски* номинация *слонотоп*, образованная способом сложения с суффиксацией, семантически выделяет отдельный признак в структуре метафоры *слон*, а именно – его тяжелую походку: *Что за слонотопы вокруг?* (реакция на шумно топающую по лестнице молодежь). Данная единица образована по модели *признак животного → признак человека* с сохранением семантической структуры слова-цели. Креативное заполнение парадигмы рода имени существительного осуществляется усечением опорного компонента метафорического словосочетания *глухая тетерь*: *Я тебе дважды сказала, тетерь глухой, что вечером прохладно, поэтому лучше высушить, чтобы не простудится* (мать сыну о необходимости высушить волосы). В этом случае не наблюдается какого-либо сужения исходной семантики, кроме изменения грамматической категории рода по существующей в системе деривационной модели (ср.: *кума – кум, доярка – дояр* [127, с. 292]).

Креативным характером отличается семантическая деривация субстантива *сегалята*, в которой метафорический перенос осуществляется морфологически – посредством аффикса *-ата-* со значением совокупности

детенышей животных или птиц (ср.: *тигр-ята, цыпл-ата, орл-ята*). Уникальность модели определяется несвойственным для узуса мотиватором – именем собственным. В данном случае имеется в виду фамилия одного из преподавателей кафедры русского, славянского и общего языкознания Н. А. Сегал, от основы которой формируется номинация подопечных ей студентов: *Интересно, а у кого-нибудь есть такие, которые уже сделали курсовую? – Наверное, сегалята сделали*. Как во многих других случаях креативного словообразования, мотивация данной единицы не однозначна: *сегал + -ята-* или *сегал + ребята*. В первом случае допустимо толкование ‘цыплята Сегал’, соотносительное с устойчивым сравнением *возиться с детьми, как курица с цыплятами*.

К группе дериватов частичной метафоризации относится единица *стреколапка*, совмещающая в своей семантике признак тонких, как у стрекозы, лапок. В контексте данная номинация использована по отношению к собаке, что позволяет отнести производное к модели *животное → животное*, действующей внутри одной концептуальной области. В материале исследования есть примеры морфологического развития флористической модели метафоризации: *Ты, что думаешь, что я дубишка!? Выходи быстро, я тебя нашел! (ребенок во время игры в прятки); Привет, огурчик! Огуреныш мой любимый! (мать сыну)*. В первом случае отрицательная коннотация мотиватора *дуб* смягчается ласкательно-уменьшительным суффиксом, во втором – суффикс невростости *-ыш-* конкретизирует значение лица в структуре мотиватора *огурчик*.

Иные метафорические модели характерны для глагольной деривации. Как правило такого рода значения формируются на основе динамического компонента в семантической структуре субстантива. Единицы *вертолеть, гвоздить, граммофонить, ширпотребиться* производятся с учетом возможности названного предмета производить действие или быть его объектом. Значение новообразования *вертолеть* сводится к характерному для пропеллера кружению в голове: *Ой, мне больше не наливать – голову*

уже *вертолетит*! Глагол *звоздить* манифестирует переносное значение *вбить гвоздь* применительно к исполнительскому искусству: *Вот в этом месте звоздить не обязательно* (о пении под гитарный аккомпанемент), а глагол *граммофонить* – значение ‘говорить громко, точно в рупор’: *Зачем так граммофонить? Я же не глухая*. В значении деривата *широпотребиться* актуализируется дополнительная сема собирательности, которая позволяет предположить в структуре производного соотносительную сему повторяемости действия по отношению к неопределенному множеству предметов, в данном случае – товаров широкого потребления. Такого рода метафоры могут быть квалифицированы как дериваты одной семантической модели образования отсубстантивных глаголов с весьма узкой семантикой – ‘выполнять действие, свойственное предмету или с предметом специфическим образом’: ‘интенсивно’; ‘резким, высоким голосом’; ‘низким, громким голосом’.

Не являются дериватами модели *предмет* → *состояние, действие человека*, хотя и имеют близкое деривационное значение, единицы *сколхозить* и *швейцариться*, поскольку ход их образования нарушает параметры модели. Мотиваторы обоих производных не относятся к лексико-семантическому классу конкретных предметов, а относятся к номинациям социальной и территориальной общности. При создании креатива *сколхозить* очевидна зависимость семантики ‘выполнить непрофессиональный, кустарный ремонт подручными средствами’ от прилагательного *колхозный*, имеющего в узусе значение ‘ограниченный, нецивилизованный’. При деривации производного *швейцариться* мотиватором, кроме имени собственного *Швейцария*, также может выступать прилагательное *швейцарский*, как компонент свободного словосочетания *швейцарский нейтралитет* (*Хватит швейцариться, скажи что-нибудь!*).

Креативный глагол *швейцариться* представляет регулярный тип семантического переноса на основе сходства функций, которое формирует значение ‘делать то же и так же, как кто-то’. В данном случае

метафорический перенос сопровождается апеллятивизацией производящего онима, поскольку признак 'поддерживающий нейтралитет' имеет периферийный статус в системе значения имени собственного *Швейцария*. Функциональная близость слова-источника и слова-цели метафорической пары отмечается и в значении глаголов *червоточить* – 'есть, как червь, истачивать' и *подшаманить* – 'подремонтировать незаметным образом, как волшебник-шаман'.

В ряду функциональных метафор есть примеры использования нетипичных моделей семантической деривации, например – *лентяйка и супружеская пара*. Интерпретация первой единицы возможна только при привлечении контекста: *Подай мне лентяйку, канал переключить* – с такой просьбой обращается бабушка к внучке, лежа на кровати. Окказионализм мотивирован нестандартно, поскольку совмещает в своей семантике действие (*лентяйничать*) и орудие, косвенно помогающее действию (*пульт дистанционного управления*). Осложняет внеконтекстуальную интерпретацию омонимия с системной единицей-номинацией лица женского пола по действию – *лентяйка*. Семантика производного данного вида близко к значению 'быть орудием названного действия', а тип модели – *действие → орудие действия*. Однако реальные функции объекта номинации – пульта дистанционного управления – не содержат компонента *'орудие лени', который логически имплицитруется из компонента 'дистанционное'.

Единица *супружеская пара* использована в речи для номинации сдвоенного типа троллейбуса или автобуса. В этом примере перенос осуществляется на основе весьма слабой семантической общности: дериват соотносится с только с одним из компонентов исходного словосочетания (*сдвоенный – пара*), а второй (*супружеская*) остается немотивированным. Таким образом, происходит нехарактерное для метафор осложнение семантики лишним, немотивированным и десемантизированным компонентом. Подобные семантические дериваты отличаются высокой степенью индивидуальности и субъективности.

Особым типом семантического словообразования можно считать деривацию глаголов действия от метафоры *продукт* → *человек*: *Прихожу домой, смотрю: Витя лежит. Говорю: «Ты чего это **разбатонился** тут? Почему в комнате беспорядок?»* (жена о муже). Продуктивная модель форманта *раз-* + *-и-(ть)* развивает семантику метафоры-жаргонизма *батон* ‘сильно устать, разомлеть, стать безвольным’. В контексте актуализировано значение, совмещающее значение глаголов *расслабиться* и *развалиться* того же глагольного форманта. Данный тип квалифицируется как гастрономическая метафоризация. К этому типу примыкает перенос номинации *фарш* на комплектацию автомобиля: *Выглядит просто как пятая BMW: и кузов, и внутри – полный **фарш***. Примечательно, что в спонтанной речи используется и обратная модель *предмет* → *продукт*, которая при этом имеет систему дериватов. Имеется в виду метафора *бомба*, закрепившаяся в узусе в качестве оценочного тропа: *Арбузы не те, кормовые. Надо брать темные, а их нет. Но дыни возле вас [пауза]– **бомба***. Данное производное имеет имплицитную связь со значением метафорического выражения *взрыв эмоций* и логически закрепляет милитаристический троп. Это значение получает грамматическое развитие в производных *бомбический*: *Спасибо, очень вкусно: и жаркое, и соус, а салат вообще – **бомбический*** (муж жене) или *бомбовский*: *Как эти помидоры? – **Бомбовские!** Вчера были вкусные, а эти вообще супер!* (продавец покупателю). Влияние метафоры прослеживается и в новообразовании *бомбита-сеньорита*, возникающем в диалоге мужчин о девушке: *Ты ее видел? – «Видел! Вся такая **бомбита-сеньорита**. Ух!* Креативная единица аккумулирует семантику иноязычного заимствования *бамбино* (малыш) и названия популярной песни начала 2000-х гг. «*Чао, бамбино-сеньорита*». Трансформационная деривация актуализирует оценочность семантики производного: *бомбита* – это ‘сеньорита класса бомба, вызывающая восторг девушка’. Наличие дериватов переносного значения свидетельствует об активной узуализации метафорического смысла.

Не менее активно в спонтанной речи используется прием апеллятивизации и его разновидности – плюрализации [78, с. 27], также относящихся к семантическим типам деривации. Так, грандиозная стройка с затягиванием сроков выполнения работ называется среди местного населения Евпатории *ашан*. Неумелых строителей называют *джамишутами* (*Опять каких-то джамишутов понабрали, вот и сделали тяп-ляп*), Тунисы и Турции становятся нарицательной номинацией всех недорогих курортов (*Да, отдыхать нужно здесь, в Крыму, а не в тунисах и турциях!*), а заимствованная аббревиатура *GPS* используется как синоним существительного *проводник* (*Я тебе не GPS – сам ищи*) и одновременно онима *Сусанин* (*Водит этот GPS туда-сюда, точно Сусанин!*).

Процесс апеллятивизации отличается стадийностью: при частом использовании в речи из полного набора семантических признаков за онимом закрепляется один – наиболее прагматически значимый, который становится в последствии ядром лексического значения аппелятива. Приоритет того или иного признака изначально не задан семантикой онима. На промежуточном этапе апеллятивизации единица может использоваться в разных контекстах с разным значением. Так, единица *Буратино* по данным нашей картотеки актуализируется в качестве номинации человека, которому свойственно излишнее любопытство (*Я во все инструкции сую свой длинный, как у Буратино, нос*), а с другой – как образ нечаянно разбогатевшего счастливца (парень девушке при выборе дорогого платья: *Я тебе не Буратино! Нельзя другое выбрать?*). Этапы апеллятивизации связаны, на наш взгляд, с этапами перехода от сравнительных конструкций с онимом (*ты/я как некто*) к прямому (*я тебе/вам не*) или косвенному (*я тебе/вам что*) отрицательному сравнению и далее – к закреплению за онимом нарицательного значения. Группа апеллятивов переходного типа представлена единицами *Абрамович, Аристотель, Ванга, Гитлер, Гугл, Ериш Ершовичи, Золушка, Колумб, мать Тереза, Пикассо, Пушкин, Рокфеллер, Рокфеллераша, Рублевка, Сталин, Хозяйка Медной горы, Шумахер*. При этом сопоставительное значение

онимов оформлено различными грамматическими средствами: сравнительным оборотом (*Она как Гитлер в юбке. Ее все дети боятся*) творительным сравнения (*Захожу я значит в кабинет, а врач поворачивается и Сталиным на меня как посмотрит! Чем занимаешься? – Золушкой Васильевной работаю!*), предикативным сочетанием (*Ого, у вас тут везде двух- и трехэтажные дома, такие огромные! Настоящая Рублевка! / О, настоящая Анжела Дэвис! / Она себе воображает, что она – Хозяйка Медной горы! / Сама палец о палец не ударила! / Будущий Пикассо растет / В тебе живет сам Пушкин / Да вы что угодно у нее спрашивайте, на все ответит. Это же Гугл ходячий!*).

Отрицательное сравнение актуализировано во фразах: *Я же не Ванга, я не знаю, когда выдадут зарплату / Мы не Рокфеллеры, чтобы покупать тебе столько игрушек! / Перебьешься, я тебе не Абрамович киндеры покупать / Я устала тебе все прощать, я же не Мать Тереза!* Косвенное отрицание выражается фразами: *Тож же мне Колумб! / Я тебе что, Рокфеллерша? / Да не умею я красиво говорить, я вам Аристотель что ли?*

Апеллятивами можно назвать дериваты *Ерши Ершовичи* и *Шумахер*. Первое представляет собой реанимирование устаревшего, книжного апеллятива (о махинаторах в сфере недвижимости: *Ерши Ершовичи какие-то!*), второй – формирование абсолютно современного (обращение к водителю маршрутки: *Эй, Шумахер, потише!* или просто к коллеге в офисе: *И как это ты их успел застать? Ну ты Шумахер!*). В отношении номинации *Шумахер* есть пример использования онима в составе сравнительного оборота: *Ты будешь ездить, как Шумахер*. Очевидно, что в речи у онима актуализировано значение ‘чрезмерно, невероятно быстрый’, которое приобретает характер узуальной единицы.

Особый тип апеллятивизации наблюдается при образовании окказионализма *Фредди Крюгерша*, образованного по модели просторечных номинаций женского рода от имен собственных мужского рода при помощи форманта *-ш-*. Степень окказиональности данной единицы обуславливается

ее содержанием: таким именем оказывается названо лицо по типу профессионального занятия. При описании своих негативных впечатлений от посещения парикмахерской девушка резюмирует: *Не пойду больше к этой Фредди Крюгерше!* Семантическая деривация весьма непрозрачна. *Фредди Крюгер* – герой культового фильма ужасов конца 80-х годов прошлого века. Основным атрибутом его внешности являются пальцы-ножи, напоминающие ножницы. Перенос осуществляется весьма субъективно – на основании сходства инструментов деятельности. Интерпретация онима в роли нарицательной номинации сводится к семантике определения *ужасный*, которое в практике устной речи чаще используется в значении ‘очень плохой’, нежели в своем прямом значении ‘наводящий ужас’. В семантике онима очевидно смешение двух типов – значения существительного женского рода и оценки деятельности при метафорическом переносе имени собственного. Значение метафоры в целом может быть истолковано как ‘кошмарная, приводящая в ужас’.

Использование онима в составе сравнительных конструкций направлено на выделение семантического признака как доминанты значения будущего апеллятива. Из общего «мысленного досье» имени собственного [214, с. 52] в высказывании актуализирован только один элемент: *Гитлер* – ‘жестокая’, *Сталин* – ‘суровый, устрашающий’, *Золушка* – ‘вынужденная много работать’, *Рублевка* – ‘элитный’, *Анжела Дэвис* – ‘кудрявая’, *Хозяйка Медной горы* – ‘главная’, *Гугл* – ‘всезнающая’. Процесс апеллятивизация сводится к закреплению за онимом данного признака с последующим регулярным употреблением языкового знака в одном и том же значении [214, с. 43]. Особый тип метафорического переноса использован при оценке творческих способностей в сравнениях с выдающимися представителями определенной сферы искусства – *Пушкиным* и *Пикассо*. Здесь имеет место не столько актуализация признака, сколько признание онима прототипом класса.

Наиболее продуктивным типом семантической деривации в спонтанном словообразовании является метафорический перенос по форме. Данный прием иллюстрируется как нарицательными существительными, так и неофициальными урбанонимами и топонимами: *аквариум, барашек, кишлак, хомячок, Жанна Д'Арк, Гнездышко, Коллизей, Линейка, Пятачок, Свечка, Тещин язык, Таблетка, Три поросенка*. Мотивация переноса чаще всего очевидна при топонимических переноминациях: *Линейка* – прямая, как линейка, улица в Керчи или стена в Симферополе, *Свечка* – высокий и узкий корпус Крымского федерального университета, *Таблетка* – круглая площадка для катания на скейтах и роликах, *Гнездышко* – большая круглая клумба посреди шоссе, *Коллизей* – здание построенного амфитеатром жилого комплекса в Севастополе, *Пятачок* – небольшая круглая площадь. Однако очевидность оснований переноса не означает облегчения коммуникации: активность метафорических номинаций в устной речи провоцирует эффект арготивной закрытости локуса для приезжих.

Еще более закрытым для восприятия оказывается перенос номинаций на основе индивидуальных ассоциаций. Так, *аквариумом* говорящий называет троллейбус с большими окнами (*Опять **аквариум** – не поеду!*), с *барашком* девушка сравнивает саму себя из-за завивающихся во влажном воздухе волос (*Там дождь, а при дожде я **барашком** становлюсь*), *кишлаком* иронично называют Симферополь его жители (*Я живу в самом красивом **кишлаке** Крыма – Симферополе!*), *хомячком* – называет стоматолог пациента с отеком (*Завтра, может, будете **хомячок***).

Еще более затруднено понимание ситуативно обусловленных метафор, таких, например, как *Жанна Д'Арк*: Единица возникает в речи стилиста, объясняющего клиентке, почему выбрана определенная форма стрижки: *Так моднее – зачем мы будем **Жанну д'Арк** делать?* Использование онима сопровождается жестом ладони, показывающим прямую линию у виска. То есть в субъективном представлении мастера существует вариант прически, соотносящийся с образом *Жанны Д'Арк*. Субъективность такого переноса

обуславливает сложность его закрепления в системе. Весьма индивидуальна и мотивация урбанонима *Три поросенка*, обозначающего участок улицы Аральской в Симферополе на границе с лесом, где расположены три больших и красивых частных дома. Соотношение признаков локуса с известным текстом сказки о трех поросятах весьма слабое: к таковым можно отнести число домов и их близость к лесу, но это очень общие, не дифференцирующие признаки, поэтому данная метафоризация остается закрытой даже для проживающих в другом районе крымской столицы.

По сравнению с метафоризацией на основе близости функций и формы, семантическая деривация на основе общего цветового признака используется редко. К этому типу можно отнести прилагательные *атлантический* и *рейтузный* и апеллатив *пупырка*. Первое прилагательное выступает в роли определения к существительному *купальник* и ассоциативно соотносится с цветом океанской волны (*Помню, помню этот твой купальник **атлантического** цвета*). Второе прилагательное применяется к цвету бумаги для принтерной печати (*Цвет какой-то **рейтузный***) и отличается от первого неопределенностью семантики, поскольку не ясно, какой именно цвет подразумевает говорящий. Апеллатив *пупырка* используется для обозначения куртки сиреневого цвета (*Динарка, а где твоя **пупырка**?*) и соотносится с героиней американского сериала «Время приключений» (2007–2018 гг.) *Принцессой Пупырчатого королевства* или *Принцессой Пупыrkой* – фантастическим существом сиреневого цвета. Из-за специфичности мотиватора, с которым знаком узкий круг любителей данного сериала, закрепление номинации в узусе не представляется возможным.

Таким образом, в спонтанной речи сохраняют свою продуктивность зооморфные метафоры как наиболее архитипичные для языкового сознания. Кроме этого, фиксируется использование моделей флористической, гастрономической метафор, перенос по функциональной близости действий и сходству внешней формы. Широко используются в нарицательно-метафорической функции имена собственные. Метафоры и апеллативы в

спонтанной речи являются результатами изменения восприятия действительности, своеобразными индикаторами наиболее «популярных» концептуальных источников в разных социальных и территориальных группах носителей языка: от мультипликации, детских сказок и кино – до имен собственных выдающихся деятелей искусства, выступающих прототипом класса.

2.3.3. Метонимические переносы при создании креативных единиц в спонтанной речи

Традиционным подвидом тропеических средств выразительности является метонимия – семантический перенос по смежности [109, с. 3]. Семантическая мотивация при этом виде переноса фиксируется в толковании новообразования: *трасса* – ‘автобусы дальнего следования, едущие по трассе’, *флаерок* – ‘тот, кто раздает флаеры’, *матрешка* – ‘продащица в магазине «Матрешки»’, *На меде* – ‘район бывшего торгового центра «Мед»’, *Орешник* – ‘район Белогорска, где растет орешник’. Смежность производящего и производного имеет пространственный (дорожное полотно – транспорт, движущийся по полотну; помещение – лицо, действующее в помещении), функциональный (предмет – лицо, действующее с предметом) и дискретный (часть – целое) характер. Обозначение целого через часть или деталь активно используется в спонтанной речи в отношении локуса: *Куручка* – парк студгородка КФУ, в котором есть сооружение в виде курицы; *Кругляшка* – санаторий в г. Саки, главный вход которого имеет округлую форму; *Квадраты* – часть Симферопольского водохранилища с дном в виде бетонных квадратов. При сравнении метонимического и синекдохтического типов переноса очевидна большая конкретность последнего, которая, вместе с тем, предполагает детальное знание пространства.

Нетипичным смешением имени нарицательного и онима образован окказионализм *Автоклава*, который употреблен в речи по отношению к

медсестре стоматологической клиники, выполняющей стерилизацию инструментов в *автоклаве*. Креативность деривации заключается в изменении грамматического рода имени нарицательного и переноса функционально смежных явлений – с названия прибора на работающее с ним лицо. Этот тип переноса, безусловно каламбурный и не имеет прагматического основания. Близким к метонимии является пример отрицательного сравнения *Я вам не банкомат! Сдачу готовьте!*, зафиксированный в речи работницы столовой. Оба примера примечательны нехарактерным для устной речи «опредмечиванием» лица [109, с. 6]. Особый тип смежности имеет и оним *Хамсятник* – неофициальное название Керченского Государственного морского технологического университета, в котором готовят специалистов для гражданского судоходства. В основе метафоры оказывается связь между ловлей хамсы – самого популярного вида рыбы в районе Керчи – и подготовкой моряков для рыболовецких судов. Определение *ваганьковские* применительно к самым старшим по возрасту членам группы подготовки водителей отражает устойчивость в индивидуальном сознании словосочетания *Ваганьковское кладбище*, которое выступает мотиватором при семантическом переносе: *Смотри, он отметил всех нас – ваганьковских* (взрослые женщины-слушательницы курсов автовождения об отметках преподавателя в списке группы).

Отдельным видом словообразования можно считать тавтологические конструкции модели *имя существительное в им. п. + имя существительное в тв. п.*, использование которых создает эффект интенсификации признака, тропеически переносимый на объект номинации. Отмечается активность данной модели в спонтанной речи: *сухарь сухарем, трава травой, сарай сараем, кишлак кишлаком, амеба амебой, чернота чернотой, кощей кощеем, китай китаем*. В ряду интенсификаторов выделяются апеллятивы – *кощей кощеем, китай китаем*, в данном случае с уже зафиксированным признаком: *Я недавно встретила свою одноклассницу, она так изменилась, такая худая – кощей кощеем* ('тощий, чрезмерно худой'); *У нее телефон китай китаем*,

а она на камеру жалуется ('низкого качества'). Различие апеллятивов состоит в типе переноса, на основе которого формируется значение тавтологической конструкции: от фольклорного образа *Кошеч Бессмертного* в семантике нарицательной единицы закрепляется периферийный признак внешнего вида, а за названием страны-производителя метонимически закрепляется признак низкого качества производимого товара. Остальные конструкции представляют развитие узуальных (*сухарь* – 'черствый человек', *трава* – 'безвкусный продукт', *сарай* – 'неопрятное, неприбранное помещение') и окказиональных (*кишлак* – 'запущенный город', *амеба* – 'апатичный, инертный человек', *чернота* – 'собирательное название представителей негроидной расы') метафор. Тавтологический повтор подчеркивает предельную степень проявления признака.

Использование онимизации как модели создания креативной единицы отличается слабой мотивированностью. Если в случае с единицей *Баян Баяныч* осуществляется метонимический перенос названия инструмента на имя человека, связанного с инструментом (школьное прозвище учителя музыки), то для единиц *Валерыч* (таблетка валерианы) и *Айфоныч* (айфон) переход номинаций в противоположный грамматический класс имен собственных при неизменности признаков объекта действительности представляется необоснованным с точки зрения эффективной коммуникации и представляет собой разновидность языковой игры. Метонимически обусловлены креативные новообразования *Люляшковна* (совет подруги: *Кушай меньше люляшек, а то Люляшковной станешь*), *Хинкалыч* (жена мужу при дегустации домашних хинкали: *Хинкалыч, это потрясающе!*), *Похабыч* (подросток другу: *Игорь, ты настоящий Похабыч*), *Тошилкин* (мама сыну в самолете: *Все, Тошилкин, прилетели*). Возникновение других единиц обусловлено паронимической аттракцией мотиватора и деривата, например, *мар-шрутка* → *Мар-фа*. Сходство звуковых комплексов стимулирует творческое замещение имен собственных созвучными нарицательными без изменения семантики: *Кат-я* → *Ката-рчис*, *Марина* →

Марина-дик, Мер-седес → *Мерин, Ин-фини-ти* → *Фини-к*. В структуре значения производного *Мерин* прослеживаются компоненты узуальной метафоры *стальной конь*, использующейся по отношению к автомобилям и другим видам транспорта, и одновременно – метонимического переноса наименования единицы мощности автомобиля – *лошадиная сила, лошадь* – на механизм в целом. Прочие номинации квалифицируются как сленговые замены системных аналогов.

Эффект звукового подобия лежит в основе таких окказиональных способов деривации, как гетеросемия и транссемия [74, с. 10-11]. И в том, и в другом случае происходит переосмысление звукового облика мотиватора и выделения внутри него слова иной морфемной структуры: префикса – *обеспечение* → *обес-печение*; префикса и суффикса – *пролетарий* → *про-летарий*; еще одного корня – *фломастер* → *фло-мастер, Балаклава* → *Баба Клава* (с субституцией). Совпадение звукового облика может повлечь перераспределение сем между омонимичными морфемами: *-душ-* ‘душа’ и ‘душить’ (*задушевные друзья*), *селезень* и *селезенка* (‘жена селезня’).

В результате семантической деривации в спонтанной речи образуются существительные, прилагательные и глаголы. Основным типом возникновения у существующей языковой единицы нового значения является метафорический перенос и апеллятивизация. Более оригинальные, встречающиеся в художественных текстах приемы семантического словообразования – гетеро-, гипо-, транссемия в спонтанной речи оказываются менее востребованными и чаще возникают в ситуациях языковой игры, ослабляющих информативную сторону языкового знака.

Выводы по главе 2

Научное наблюдение и анализ результатов спонтанного словообразования должны опираться на понимание взаимосвязи грамматики и прагматики, начиная с этапа фиксации речевой единицы. Поскольку такие

единицы не закреплены в языке и компонентный состав их значения проявлен не полностью, постольку при описании речевых новообразований необходимо учитывать характерные для них критерии узуализации, – системные и внесистемные. Степень системности креативной единицы может быть измерена соотношением продуктивности модели, деривационной активностью новообразования, развитием у него семантических связей в словарном составе. Учет этих критериев позволяет выявить в ряду новообразований системно корректные и грамматические неприемлемые. Промежуточные виды креативных единицы поддаются шкалированию по степени отклонений от словообразовательной модели, наличию системно закрепленного эквивалента и характеру соотношения с денотатом (прямому или переносному).

При оценке системности словообразования креативных единиц подтверждена высокая активность традиционно продуктивных суффиксальных моделей: *-и-(ть)*, *-ну-(ть)*, *-ова-(ть)*, *-ирова-(ть)*, *-нича-(ть)*; *-к-(а)*, *-ник-*, *-шк-(а)*. Специфически разговорные суффиксальные модели *-ач-*, *-айк-*, *-шк-(а)*, *-ищ-(е)*, *-ус-(я)*, *-ух-(а)*, *-ук-* используются реже. Наблюдается тенденция использования суффикса *-ыч-* при онимизации нарицательных существительных.

Наиболее типичным окказиональным сдвигом внутри словообразовательной модели является изменение лексико-семантической группы производящей основы. При спонтанном словообразовании отмечается активность моделей глагольной деривации, моделей чистой и смешанной суффиксации, частотное использование традиционного сложения, а также окказиональных способов – контаминации, слияния, голофразиса. Материал исследования также демонстрирует применение моделей заместительной деривации на основе паронимической аттракции мотиватора и производного. Аналогично структурная близость паронимов способствует использованию тмезиса при образовании нестандартных единиц. В некоторых случаях неоднозначность мотивации речевого креатива

предполагает рассмотрение ее параллельных вариантов (полимотивированность). Среди способов словообразования спонтанной речи высока доля контаминации имени и характеристики объекта, процессуализация имен, частотность универбации, что является следствием усиливающейся тенденции к компрессивности высказывания предикативного типа. При этом среди аффиксальных способов деривации отмечена низкая активность префиксации и постфиксации. При использовании продуктивных моделей в спонтанной речи нарушается последовательность словообразования и изменение частеречной принадлежности производящей основы.

В результате семантической деривации в спонтанной речи образуются преимущественно существительные, прилагательные и глаголы. Основным типом семантического словообразования является тропеический перенос (по форме или по функции) и апеллятивизация. Достаточно частотны в устной речи модели онимизации, как чисто аффиксального типа, так и смешанного – структурно-семантического с тропеическим переносом (*Баян Баяныч, Крот Близорукович*). В материале исследования зафиксированы немногочисленные результаты таких окказиональных способов как гипо-, гипер-, транс- и пансемия (в некоторых случаях это единичные примеры).

Примеры лексических способов словообразования в спонтанной речи также малочисленны. Исключением являются результаты гендиадиса, что в сочетании с активностью тавтологических конструкций *им.п. сущ. + тв.п. сущ.* (*амеба амебой, сарай сараем*), интенсифицирующих признак предмета, свидетельствует об активности поэтического повтора в устной речи.

Синтаксические способы деривации не характерны для спонтанного словообразования.

Комплексный анализ факторов создания окказиональной единицы позволяет предложить систему их классификации соответственно типам нарушения словообразовательных моделей и наличию прагматически обусловленного задания. К потенциально системным может быть отнесена

группа единиц, образованных по продуктивным системным словообразовательным моделям с нарушением лексико-семантической группы производящей основы для заполнения объективно существующей лакуны номинации (социально обусловленные единицы). В другую группу выделяются такие же дериваты продуктивных системных моделей с таким же типом нарушения этих моделей, но создающиеся для выражения субъективной оценки действительности. Меньшим потенциалом системной адаптации обладают речевые дериваты продуктивных моделей, при образовании которых происходит сдвиг частеречной принадлежности производящей основы. Так же, как и для первых двух групп, здесь действует деление по степени социальной значимости, которая зависит от объективного недостатка единицы номинации в системе языка. Этот же критерий социальной востребованности единицы применим к окказионализмам, образованным по непродуктивным словообразовательным моделям, среди которых большая часть возникает в целях выражения оценки действительности говорящим и отмечена высокой степенью экспрессивности. Отдельной вид речевых креативов представляют собой немногочисленные единицы, созданные по индивидуальным словообразовательным моделям, формант которых, функционально близкий к аффиксу, неизвестен языковой системе (-*дос-*/ -*ос-*, -*жс-*).

В спонтанной речи, как и в поэтическом тексте, диапазон словообразовательных типов достаточно широк, однако закон экономии речевых усилий и стремление говорящих к успешной коммуникации ограничивают бесконечность словообразовательной комбинаторики. Среди 32 зафиксированных способов деривации сохраняется непропорциональность использования чистой суффиксации относительно других способов (245 единиц). При этом в спонтанной речи отмечается высокая частотность использования контаминации и субституции (104 единицы), конкурирующих с традиционными видами сложения.

Учет степени системности новообразования позволяет прогнозировать перспективы его узуализации и дальнейшие словообразовательные потенции. В этом аспекте следует учитывать не только сохранность словообразовательных механизмов, но и особенности прагматического значения высказывания с заданными единицами.

Глава 3. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КРЕАТИВНЫХ ЕДИНИЦ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ КРЫМЧАН

3.1. Интерпретация креативных единиц: пресуппозиция и апперцепция

Успешность коммуникации обеспечивается не только знанием языковой системы и правил употребления ее единиц, но и соблюдением принципов доверия, ясности и краткости, установленными П. Грайсом в [48]. Выполнение условия ясности, в свою очередь, невозможно без установления референта высказывания для обеих сторон коммуникации. Понятие референции оказывается в этом случае связующим звеном между семантическими потенциями языкового знака и его конкретной актуализацией в определенном контексте. При этом существенное значение имеет иллокутивная направленность высказывания, фиксирующая степень обращенности высказывания к реальному «положению дел» [176, с. 74].

Референциальные механизмы устанавливают связь между именем и объектом номинации. При этом в зону исследовательского интереса традиционно попадают имена и именные группы [145; 146], которые подвергаются логическому анализу [145, с. 60-65], позволяющему выявить в структуре референтного значения фиксированные и модифицированные компоненты – презумпцию (пресуппозицию) и ассерцию. Презумпция рассматривается как условие истинности высказывания, без выполнения которого невозможно понимание. Таким образом, становится очевидной роль апперцепционного фона при коммуникативном обмене. В спонтанном общении наличие этой субъективно воспринимаемой общности знаний и опыта во многом оказывается определяющей как в семантическом плане, так и на уровне синтаксической и морфологической структуры высказывания. Общность фоновых знаний, включая речевую традицию употребления имени, обеспечивает установление референции посредством каузальной цепочки к «досье» референта имени собственного [214, с. 47].

Апперцепционный фон в этих случаях функционирует опосредованно, проявляясь в так называемых «импликатурах дискурса» [159, с. 64] – данных о действительности выводного характера.

Исследования Ю. Д. Апресяна [2, 3], развитые в работе Т. Б. Радбиля [159], выявили, что для понимания содержания высказывания необходима не только общность исходных представлений о значениях языковых знаков и правил их сочетаемости, но и единство представлений о логической достаточности вербальных и невербальных действий. Речь идет о разграничении семантической и прагматической пресуппозиций как ведущих факторов формирования дискурса [145, с. 29-34], прежде всего устного. Так, номинация *таксист* в диалоге о собаках (*У нее такой милый рыжий **таксист***) воспринимается не буквально, а с учетом диктума, заданного в начале общения. Таким образом, семантический сдвиг категории номинации (не человек, а животное) интерпретируется как логически естественное вербальное оформление элемента дискурса. В другой конситуации производное этого же категориального значения, выражаемого аффиксом *-ист-*, не содержит нарушений семантической пресуппозиции со значением лица: в ситуации ожидания мастера по ремонту котлов и бойлеров окказионализм *бойлерист* возникает как результат необходимой однословной номинации. В значении новообразованной единицы происходит компрессия ситуации поломки бойлера в целом: *Нам долго еще **бойлериста** ждать?* Соотношение семантической и прагматической пресуппозиций в спонтанной речи обнаруживает преобладание экстралингвистических составляющих при определении смысла высказывания. Показателен в этом отношении следующий пример из детской речи, в котором данное соотношение искусственно подчеркивается. Обедая в кафе индийской кухни, девочка спрашивает мать об *индигредиентах* блюда и в ответ на замечания матери о неправильности употребленного слова настаивает: *Если блюдо индийское, значит, в нем **индигредиенты***. Окказионализм выражает не столько новое значение, сколько глобальную

ориентированность разговорного дискурса на прагматический компонент, в частности – на локус речи.

Диалогический обмен репликами обусловлен общей апперцепцией в следующем примере: *Ленкин муж не бросил пить? – Да куда там, **бракоразводочный** полным ходом идет, скоро квартиру отсудит.* Креативная единица *бракоразводочный* вносит рематическую информацию об уже известном обоим собеседникам положении дел. Пресуппозиция *Ленкин муж пьет* позволяет «расшифровать» содержание сложного прилагательного, семантически контаминирующего общую структуру диктума: пьянство и развод как его последствие.

Вне информации, связанной с пресуппозицией, необъяснимо обращение деда к внуку: *Ну что, **замотайло**, кушаешь?* Нестандартная отглагольная номинация связана с привычкой внука заматывать начинку в блинчик. Эстралингвистически обусловлена и функция номинации *парламентерша*, которую применяет бабушка по отношению к внучке, чтобы узнать настроение обиженного внука: *Пойди, посмотри, что там брат делает. Ты у меня **парламентерша**.* И в первом, и во втором случае особенности пресуппозиции связаны с повторяющимися ситуациями между близкими людьми, и потому многие компоненты смысла вербально не манифестированы.

Подчас креативное отношение к языку проявляется в прямом обмене информацией, на первый взгляд лишённого имплицитной семантики. В ответе продавца на возмущенный вопрос покупателей *Почему картофель такой дорогой? – Потому что это не картофель, а **картрюфель**!* контаминант выполняет рекатегоризацию, указывая на смещение видовой принадлежности номинации ('картофель класса деликатесов'). Здесь семантическое смещение близко к отмечавшемуся в работах Ю. Д. Апресяна приему логической контрадикторности [3, с. 58], поскольку в окказиональном сложении актуализируются прагматически противоположные понятия – простых (*картофель*) и эксклюзивных

(*трюфель*) продуктов. Эффективность подобных смещений обеспечивается отношением обоих контаминированных понятий к одной семантической категории – ‘пища, еда’.

При отсутствии общего апперцепционного фона восприятие окказиональных единицы требует сопроводительного комментария, как, например, происходит при использовании креативной единицы *перемысл* в диалоге матери и дочери: - *Плохо в **перемысле**. Мы с ней так называем ее приступы веселья.* - *В каком еще **перемысле**?* - *Ну в **переносном смысле**.* Креативный контаминант затрудняет референцию, поскольку новообразование регулярно используется в коммуникации с другим лицом, не участвующем в диалоге, и реципиент, не имеющий опыта использования креативного знака, вынужден уточнять его смысл.

Во некоторых случаях референция, как уже отмечалось выше, может быть установлена остенсивно: *Посмотрите, какой у меня **бровикюр!*** – восклицает девушка, выходя с накрашенными бровями к близким; *Вот люди пошли невоспитанные, **буянка** какая-то. Сплошная невоспитанность* – обращается одна пассажирка к другой в маршрутном такси относительно поведения третьей; *И еще вот этих **дистрофичных** помидорок положите* – обращается с жестом к продавцу покупательница на рынке; *Ну ты и **волосницы** себе нарастила!* – удивляется девушка, глядя на ресницы сестры. В этих и других примерах возникновение номинации связано с физическим присутствием объекта речи в конситуации.

Значение пресуппозиции при интерпретации креативной единицы значительно возрастает в случаях семантической деривации. Выше рассмотрены примеры новообразований *ваганьковские*, *джамишуты*, *пупырка*, *Фредди Крюгерша*. Для толкования многих из дериватов данного типа необходимо не только знание пресуппозиционных составляющих, но и общекультурной или субкультурной информации – знаний о Ваганьковском кладбище, героях сериала «Наша Раша», мультсериала «Время приключений», фильма «Кошмар на улице Вязов».

Установление отношений производности и установление степени системности этих отношений не является достаточным условием для понимания особенностей возникновения и функционирования креативных единицы в спонтанной речи. Интегративное описание речевых новообразований предполагает учет динамической природы речи, а также включение имплицитных характеристик речевого акта [48], поскольку возникновение индивидуальной единицы в речевом потоке нередко аккумулирует вербализованные и невербализованные смыслы [82, с. 35-36]. К наиболее значимым факторам смыслообразования в речи относятся пресуппозиция участников коммуникации и устанавливаемые в процессе коммуникации типы соотношения языковых знаков с объектами действительности или типы их референции [4; 145].

2.2.2. Типы референции креативных имен и именных групп

Для спонтанной речи характерно использование индексальной референции. Чаще всего операторами референциальных отношений выступают личные и притяжательные местоимения: *Но **вы** же не малыши, а **взрослыши*** (об учениках старших классов); *Ты, что думаешь, что я **дубишка**!?* / *А мой **кроссовочек** проходит такие ямы безболезненно* / *Сама **ты** **нытка**!* / *Какая **ты** у меня **остроумница**!* / ***Огуреныш** мой любимый!* / *Ты моя **поговорочная**!* / *Ну что ж, **потеряшечки** мои, пойдёмте разбираться* / *Ты такая **тарарыга**, говори медленнее*. Местоименная дистрибуция «привязывает» номинацию с довольно широким (иногда – бесконечным, ср.: *нытка* – все девочки, которые ноют, *взрослыши* – все ученики старшей школы) экстенсионалом к конкретному лицу - участнику диалога (*я / ты / вы*).

Другой характерной особенностью устной коммуникации является невербальное установление референции, связанное с непосредственным присутствием референта высказывания в момент речи и индексацией имени

указательными местоимениями или частицами, или наречиями актуального времени. Рассматривая скамейку в Ботаническом саду Симферополя, девушка предлагает подруге: *Пойдем дальше, поищем другую, а то **эта** без **откидушки***. Похожим образом устанавливается референт новообразования во фразе посетительницы театра *А у них **тут** новую **коврожку** постелили*, сопровождающейся указательным жестом на ковер. Локализатором предиката выступают наречий *сейчас* и *тут*, определяющих однократность ситуации. Во фразе о происходящей смене постельного белья: *Ой, не люблю я это делать. Особенно **вот этот подподушник** надевать* указание реализуется сочетанием семантически близких частицы и местоимения.

Близкий тип референции представлен в высказываниях нарративного типа, когда ситуативный контекст воспроизводится описательно, и указание на референта может быть непрямым: *Бабушка включила **эту** **булькалку**, она так кипела, так кипела, потом отключилась, и потом мы пили чай*. В данном случае подразумевается присутствие референта не в момент речи, а в момент, ставшим объектом более позднего по времени описания. Однотипность референции подчеркивается использованием индексального указания. Соответственно, внутри высказываний определенного дейксиса выделяется группа предложений, референция которых к конкретному объекту конкретной ситуации устанавливается или уточняется внелингвистическими средствами: жестами, движениями, положениями тела и т. п. Базовым параметром включения в данную группу выступает остенсивное указание на объект референции, относящее все высказывание к типу определенно-индивидуализирующих.

Установление референции может проходить с использованием дескриптивного описания разной степени полноты. В высказываниях, содержащих окказионализмы, такой тип референции указывает на осознание говорящим сложности интерпретации образуемой единицы, и дескрипция вводится в диалог именно для преодоления этой сложности: *Вика, а ты знала, что я **акционер**? – Покупаешь акции? – Покупаю по акции; У каждого*

есть задушевные друзья – те, кто так и норовят задушить. Процесс выделения нового слово внутри существующего (гетеросемия) характерен для речи детей [203; 207], стремящихся проследить единообразие словообразовательных отношений в разных структурах (*Пролетарий – это стекло, через которое пролетают мухи*) или с помощью вводимой дескрипции «узаконить» образованную форму (*Дизайном занимаются умелые, искусные мастера. А украшательством – кто хочет. Это просто, как, например, развесить в классе флажки на нитку*). Примечательно, что оба примера возникают после исправления взрослым ошибки детской речи.

Определенность как фундаментальная категория референциальных отношений в спонтанном общении может быть обозначена не только традиционными индексальными показателями (местоимениями, наречиями и числительными), но и при помощи дистрибуции [214, с. 98-100], как, например, во фразе *На алгебру к нам пришла заменичка и стала так быстро объяснять и листать слайды, что мы вообще ничего не поняли и мало что успели записать.* Установление референции предваряется введением обстоятельственной группы *на алгебру*, обозначающей денотативное пространство, объект которого будет назван окказионализмом. Определенность референции окказионализма зависит от степени определенности предваряющей именной группы. В данной ситуации степень определенности ограничена неизвестностью для говорящего индивидуализирующих признаков лица и сводится к единственно доступному признаку референта – *другая учительница алгебры.*

Некоторые креативные единицы возникают как результат выделения части уже известного класса объектов в особую группу с уникальными признаками. Подобная динамика референциальных отношений представлена в реплике относительно степени откормленности кота: *Я не буду покупать ему корм! Это уже не кот, а котопотам какой-то!* В высказывании изменен ход типично устанавливаемого отношения к денотату: отрицается принадлежность животного к классу мелких домашних и декларируется

наличие в интенсionalе референта признаков крупного дикого. Очевидно, что в этом случае имеет место имплицитно заложенная в высказывании ирония, которая при этом не отменяет установленной референции, но подчеркивает ее условность. Соответствующего данному интенсionalу объекта действительности не существует, но это обстоятельство не мешает пониманию смысла контамината. Сдвиг референции для слушающего означает расширение набора признаков при сохранности категориальной принадлежности к млекопитающим.

Отношения по категориальной вертикали обуславливают выделение среди креативных единиц группы с референцией гипонимического типа. Как правило, это контаминированные сочетания номинации и ее определения: *вечертинка* – ‘чертовски веселая вечеринка’ (при приглашении подруги: *В субботу будет **вечертинка***), *дневринка* – ‘дневная вечеринка’ (на детском празднике: *Вот такая у нас **дневринка***), *дриходные* – ‘выходные, в которые дрыхнут’ (*А я на этот раз устрою себе **дриходные***), *дряники* – ‘дрянные драники’ (*Сегодня опять вчерашние **дряники***), *макфарожки* – ‘рожки фирмы «Макфа»’ (перечисление необходимых продуктов: *Масло, мясо, **макфарожки***). В референциальном отношении происходит конкретизация экстенсionalа, когда сужается круг возможных денотатов номинации при сохранении общего признака класса: *вечеринка, выходные, драники, рожки*.

Другим приемом индивидуализации референта является переноминация в сторону сужения исходных характеристик интенсionalа. При этом степень неопределенности референта оказывается различной. В нашем материале дважды используется основа сложного существительного *мультфильм* в качестве производящей основы единиц *мультизор* и *мультиварка*. Номинации возникают в одинаковых ситуациях: *Быстрее включайте **мультиварку**, я могу пропустить важную серию! Включайте **мультизор**, там сейчас «Смешарики» начнутся!*, что позволяет говорить о тождественности референта созданных окказионализмов. Первая форма усложняет идентификацию объекта в силу омонимии с номинацией бытового

прибора, вторая, напротив, в силу открытости внутренней формы, точно указывает на объект: контаминация частей основ *мультфильм* и *телевизор* демонстрирует сужение интенционала второй основы (*телевизор* – ‘прибор для просмотра мультфильмов’). Таким образом, референция к денотатам одного класса во втором случае оказывается выраженной более определенно и, следовательно, идентифицирующий потенциал окказионализма *мультитор* оказывается ближе к системным единицам. Аналогичный тип референции устанавливается у единицы *нигеракл*, обозначающей мужчину негроидной расы атлетического, ‘как у Геракла’, телосложения: *Ого! Вот это нигеракл!*

Референциальная специфика креативных единиц связана с различием в параметрах ситуации, отраженные в разных типах предикатов. В самом общем виде предикаты разграничиваются по повторяемости и единичности обозначаемого ими действия, что в теории референции обозначено понятиями гномического и эпизодического типа [214, с. 60-67]. Характер предиката обуславливает референциальную характеристику объекта – индивидуализированный или относящийся к классу [там же]. В речевом потоке данная характеристика не является постоянной величиной, она подвержена варьированию при изменении фокуса коммуникации [77] и с ним – ракурса рассмотрения объекта. При этом А. Д. Шмелевым выделяется промежуточный тип объектов – абстрактных индивидов, референция к которым фиксирует «индивидные объекты, взятые в отвлечении от конкретных пространственно-временных манифестаций» [214, с. 59]. Разграничение новообразований по типу референциальных отношений с внеязыковыми объектами позволяет определить, насколько возникновение таких единиц обусловлено объективным «положением дел», а также степень обобщенности референта может служить дополнительным показателем для прогностики закрепления новообразования в узусе.

3.2.1. Абстрактные индивиды

Фундаментальной классификацией имен и именных групп является выделение классов и индивидных объектов в массе референтов

высказываний. Возникновение креативных единиц связано с ситуацией прямой речи в актуальном *ad hoc* режиме. Поэтому среди объектов референции таких единиц преимущественно оказываются предметы, лица и состояния в их пространственно-временной конкретизации – инстанты в терминологии А. Д. Шмелева [214, с. 56]. Подвидом конкретных индивидов выступают их номинализации вне какой-либо пространственно-временной манифестации. Такого рода объекты классифицируются как абстрактные индивиды. При анализе референциально-семантического аспекта функционирования креативных единиц в спонтанной речи отмечаются случаи референции к абстрактным индивидам, чаще всего предикативного типа.

Использование языкового знака по отношению к объекту вне пространственно-временного континуума выражает обобщенную атрибуцию заданного объекта: *А внук-то мой такой **рановстайка!** Встает и никому ж спать больше не дает! / С каких это пор ты **нескажук?** / Я таких называю **попошницами**. Знаете, берут усидчивостью и достигают часто большего, чем способные лентяи / А еще у нас есть мальчик, такой **разнообраз**. Каждый день в новой одежде приходит / Иногда тот или иной преподаватель представляется тебе **сухарь сухарем**, а начнет рассказывать о своей области знаний – совсем другой человек – живой, интересный. Креативные единицы в данных примерах входят в состав предикативных групп, актуализирующих регулярную характеристику единичного объекта. Механизм абстрагирования от исчерпывающей идентификации объекта заключается в соотнесении объекта речи с классом открытого множества: поведение конкретного внука – с классом рано поднимающихся людей; молчание подруги – с классом немногословных людей; способности отдельной студентки – с классом усидчивых, стабильных обучающихся; привычки мальчика-одногоруппника – с классом людей, привыкших к разнообразию; тип общения преподавателя – с классом сухих, безэмоциональных людей. При этом абстрагирование индивидов*

имеет разную степень: от конкретного собеседника, непосредственно участвующего в диалоге – до неопределенного, открытого множества студенток-«попошниц» и преподавателей-«сухарей». В высказывании обобщенность референции может быть обозначена индексально (*такой, таких, такой, иной*), а может подразумеваться логически (ср.: *С каких пор ты *такой нескажук?*). Совершенно естественной оказывается аксиологическая нагруженность обобщений подобного типа, чаще пейоративного характера: *Да, какие это курортники? Орут, гадят, где не попадя – куржи, настоящие куржи! / А что хорошо?! Сериалы?! Да как эта повседневица может нравиться?! И зачем смотреть их по телевизору, если каждый день видишь это вживую? / Главное не стать тупейцем.*

Механизм абстрагирования свойств референта креативной единицы может быть сопровождаться инкорпорированием в интенционал известного класса субъективно значимого свойства: *Это ужас, этот центрошатник, такое столпотворение – не пройти!* (о центральном рынке) / *Наш кот такой чудной: мясо не ест, любит траву, обожает воду в то время, как обычные коты бегут от воды. – У тебя прям какой-то котюморон. / У меня есть подруга-телефоня. Ее в реальную жизнь не вытащишь.* Новообразования в приведенных примерах выполняют роль оператора референциального сдвига: рынок обозначается как место праздного шатания в центре города, кот – как единство противоположностей, девушка – как постоянный пользователь телефона. Во всех случаях некое непостоянный элемент интенционала актуализируется в качестве сущностной приметы класса. Подобный сдвиг отражает субъективность восприятия объекта в сознании говорящего. При неизменности основного содержания интенционала некоторые из свойств класса получают логически закономерное, но прагматически неоправданное выдвижение: на рынке возможно присутствие праздно шатающихся граждан, некоторые животные отличаются несвойственными привычками, отдельные личности бывают слишком погружены в виртуальное общение. Однако подобная фиксация в

речи особенностей состояния объекта не может конкурировать с закреплённым традицией набором его сущностных свойств, поскольку механизм референции к вторичным свойствам носит субъективный характер, о чем свидетельствует сочетаемость данных единиц с дейктическим указателем пространственно-временная относительности: **какой-то котюморон**, ***какой-то центрошатник**, ***какая-то телефона**.

Абстрактное представление референта высказывания может быть реализовано в обратной последовательности: от свойств класса к конкретному денотату. Этот тип референции характерен для ситуаций наименования неизвестного лица по типу занятий: *А этот **глазнюк**! Ишь какой! Один раз в неделю принимает и то с 9 до 12. Вот как к нему попасть?! / Ох, уж эти **киптушники**! / Две недели эту посылку ждал, а этот **подишальник** не в ту квартиру ее отнес*. Несмотря на наличие указателей определенности (*этот, эти*), референты креативных единиц определяются через общий интенционал класса: врач-офтальмолог, студент КИПУ, работник почты. Временная определенность предиката (*принимает, отнес*) позволяет говорить о единичности референции, а обобщенность свойств – об абстрагировании конкретного лица. В материале исследования имеется пример обратного типа референции, когда конкретное лицо-собеседник обозначается как совокупность денотатов открытого класса: **Филологинь** не спрашивали (реакция молодого человека на замечание подруги-филолога).

Абстрагирование конкретной референции может быть использовано для эвфимизации пейоративного высказывания. Такая ситуация зафиксирована в реплике техперсонала общежития КФУ *Что за **слонотопы** вокруг?*, произнесенной с неодобрением вслед громко спускающейся с лестницы молодежи. Комопозит пейоративной коннотации **слонотопы** не получает конкретного референта в силу абстрагирования свойства ‘топать как слон’ в форме вопроса. Таким образом, при непосредственном присутствии субъектов референции в момент высказывания ни один из них в

этом случае не является индивидуальным субъектом, но абстрактным представителем конкретного класса.

Различие степени обобщенности референта можно проиллюстрировать на примере единицы *воробейник*, зафиксированной в двух контекстах. В первом новообразование манифестирует пространственное значение: *Пойдем дальше, туда, где **воробейник** есть, покрошим им*, из чего следует, что *воробейник* – есть место скопления воробьев. Однако неопределенность локализации референта (*туда, где* – то есть туда, где они будут сегодня) не позволяет говорить о проявленных свойствах класса. Во втором контексте реализовано переносное значение: *Отводила сегодня племянника в сад. Ну и галдеж же там. Натуральный **воробейник***. В этом случае объект референции обозначен единицей *сад*, а *воробейник* реферирует к исходному значению ‘место скопления воробьев’. Как и в других случаях абстрактной индивидуализации, креативная единица осуществляет не идентификацию, но оценку объекта. Индексом обобщенности выступает атрибут *натуральный*, позволяющий распространить референциальное значение на более, чем один объект экстенционала: *воробейник* – ‘место, где сильно галдят’.

Нетривиальной оказывается референция семантического новообразования *пролетарий*, которое имеет в контексте развернутую дескрипцию: ***Пролетарий** – это стекло, через которое пролетают мухи*. Несмотря на наличие толкования, высокая субъективность характеристики объекта номинации не позволяет идентифицировать и классифицировать этот объект. Очевидно, что интенционал описываемого понятия представлен одним фантастическим свойством пропускать сквозь себя насекомых и потому не присутствует в объективной реальности ни в виде единичного объекта, ни в виде класса, обозначенного в дескрипции. Этот пример может быть классифицирован как разновидность условной референции в вымышленном денотативном пространстве.

Обобщение свойства индивида может иметь место и при использовании адъективов в номинативной функции: *Она все-таки*

противная: вечно в претензии ко всем, все в ее представлении недостаточно совершенны. – Да, она такая. И парень у нее такой же токсичный / Пойдем. Я уже устал слушать бред этих плоскоземельных. Первое высказывание содержит достаточно развернутую характеристику одного субъекта, которая анафорически переносится на другого (*она* → *ее парень*). Абстрактность референции связана с вневременным характером свойства *токсичный*, которое получает прагматическое «выдвижение» в системе интенционала обоих субъектов. Второй пример отличается тем, что номинация дает характеристику собеседникам и одновременно – самому диалогу. Адъектив *плоскоземельный* реферирует к классу устаревших, дискредитированных в научном отношении понятий, прототипом которых выступает тезис о плоской форме Земли. Сложность использованного обобщения связана с одновременным метонимическим переносом свойств открытого класса понятий на закрытое множество субъектов, пропагандирующих такие понятия. В спонтанной речи адъективные обозначения открытых или закрытых классов достаточно регулярны, хотя и приобретают разную степень закреплённости в силу разной степени субъективности признака класса (ср.: *пенно-пузырьковое, мыльно-рыльное, хлебобулочные и долгоиграющие*).

Тип абстрактно-индивидуализирующей референции креативных единиц используется в спонтанной речи в атрибутивных целях для выделения характеристического свойства конкретного объекта, позволяющего соотнести данный объект с известным классом открытого множества. Сложность данной атрибуции заключается в различии субъективно выделяемых признаков класса и его объективно закреплённым общественной практикой интенционалом.

3.2.2. Индивидуализированные объекты

Индивидуализация объекта референции связана с актуализацией его особого, нетривиального признака [214, с. 75]. Особым случаем референции является возникновение в речи контаминированных единиц и результатов

субституции, поскольку такие слова вне контекста обращены одновременно к двум объектам действительности, подобно метафорическим выражениям. Именно эта особенность контаминантов позволяет реализовывать тенденцию к экономии речевых усилий, соединяя в номинации объект и его индивидуализирующий признак: *Как там твоя бахувренция, готов выступить?* / *Посмотрите, какой у меня бровикюр* / Я им [студентам] говорю, что с такими знаниями, как у вас, в стране не здравоохранение, а **здровозахоронение** будет / А ты ему показывал выписку из больницы? – *Естественно! Все показывал, и злоключение это тоже!* / *Даже пойти некуда в этом злохолустье!* / *Не кот, а котострофа!* / *Ура! Своббота!*

Очевидно, что в высказываниях с контаминированными единицами манифестировано не просто характеризующее свойство объекта или результат его оценки со стороны говорящего, но и осуществлена смысловая компрессия предикативной конструкции, которая может быть реконструирована: *Планируется проведение конференции по бахуврихи, *Выполнен косметический уход за бровями, *Здравоохранение функционирует неэффективно, *Врачебное заключение составлено неверно, *Жизнь в провинции не хороша, *Кот доставляет беспокойство, *Виноград мелкий, как кукуруза, *Суббота – свободный день. Практически все новообразования реферируют к индивидуализированному объекту, локализованному во времени и пространстве, за исключением номинативного предиката *своббота*, фиксирующего известное состояние мира или перманентную известность состояния класса, в конкретном случае – свободу выходного дня [С. А. Крылов 1984, цит. по: 214, с. 86]. Конкретность остальных объектов референции проиндексирована указательными местоимениями *это*, *этот*, притяжательным *твоя* и относительным *какой*. Локализованность объектов во времени и пространстве определяется типом предикатов – личными формами глаголов изъявительного и повелительного наклонений.

Иная актуализация индивидуализирующего признака осуществляется в структуре креативных композитов: *У меня аллергия на тополиный пух. – Значит у тебя **пухочих**? / А куда делась моя **зубоческа**?/ Где мое **благоление**, когда уже будут выходные?/ Ну простите нас, **Ваше высокопоставление**!* Механизм референции данных примеров близок к атрибутивной (особенно последний пример *высокопоставление*), как в случаях с абстрактными индивидами, но при этом использованные в актуальном времени именные группы сохраняют идентифицирующий статус. Отношения атрибуции выражены неравными, в отличие от контаминантов, подчинительными отношениями между частями композита (ср. *чихание от пуха, чесать зубы, благая лень, высоко поставить*). Дополнительным аспектом индивидуализирующего статуса является семантическая группа креативной номинации, как, например, тяготеющая к определенной референции группа названий инструментов, включающая единицу *зубоческа* [214, с. 226-227].

Референция к индивидуализированным объектам представляет наиболее частый тип референциальных отношений новообразований. Среди референтов-инстантов оказывается и личность самого говорящего (*журфакер, пончик, правдун*), и характеристика слушающего (*высокопоставление, замотайло, зафизкультуренный, первокурица, ойойойка, остроумница, перлинка, слухоежка, толстенок, фильмокрут, хапалушка, челюкобактеры, читайка, шфёя-волишебница*) или условного адресата (*стреколапка, хворобушек*). К объектам, отсутствующим в момент спонтанной речи, осуществляется референция следующих новообразований: *бомба* (*Но дыни возле вас [пауза]– **бомба***), *докторесса* (*Ну, и где же ваша **докторесса**?*), *жаба жабой* (*Эта старая училка – **жаба жабой***), *изюминковая* (*А она вроде бы вся такая загадочная, с изюминкой... О! **Изюминковая**!*), *мильдонада* (*Да нам вообще не надо было на эту **мильдониаду** ехать!*), *остроухие* (*Надо спросить наших **остроухих** [бабушек], они точно знают*), *сарай сараем* (*А моя дача – **сарай сараем***), *трава травой* (*Сегодня купила черешню – **трава травой***), *уродственники*

(Это просто **уродственники!**), **хохотало** (А он начал толкаться, ну я не выдержал и ударил ему в **хохотало**), художодожник (об отсутствующем знакомом: **Худохудожник** недоделанный), чернота чернотой (о Вашингтоне: **Красивый город**,... но стоит свернуть с центральных улиц, везде **чернота чернотой**), чудасия (о дочери: А эта **чудасия** все равно пошла в аптеку). В большинстве случаев креативная единица использована в функции атрибутивного предиката и манифестирует отношение говорящего к конкретному лицу или явлению.

Закономерно выделение среди номинаций инстантов, как и среди абстрактных индивидов, названий лиц по профессии или функции: А **третьекуры** на концерт пойдут? / Ну, и где же ваша **докторесса**? (вопрос к медсестре) / Ну что ты переживаешь, моя **ойойойка**? / **Читайка** моя любимая, когда ты обратишь на меня внимание? / Вот твой брат десантник, а мой **дивантник**, не учится даже / А вот моя **йогиня** ни разу за все время не позвонила / И не надоела тебе эта **начайница**? / Так вот, сидит эта **одногрустница** и чуть не ревет, хочет переводиться из группы. Подобные единицы функционируют независимо от субъективной оценки [214, с. 220] говорящего, и их референция может осуществляться как к абстрактному множеству, так и к индивидам в актуальном времени. Можно сказать, что номинации лица подобного типа реферируют к индивиду как представителю открытого класса в любом пространственно-временном контексте: **докторесса** при определенной пренебрежительной коннотации устанавливает соотношение знака с лицом женского пола, выполняющим функцию врача, **третьекуры** – с классом студентов третьего курса, **йогиня** – с лицом женского пола в роли тренера по йоге. Соответственно, единицы такого типа обладают расширенными референциальными возможностями, нежели группа новообразований субъективной оценки. К последним относятся номинации **читайка**, **ойойойка**, **дивантник**, **начайница** и **одногрустница**, референты которых более определены – собеседница, родственник, соседка по общежитию и одноклассница, а их функции менее

тривиальны, не столь регулярны и креативно выделены в заданном контексте как характеризующее действие названного лица: *любить читать, иметь привычку ойкать, лежать на диване, приходить на чай с пустыми руками, грустить одновременно с одноклассницей*. Соответственно, данные креативные единицы функционируют в речи как средство идентификации определенного лица или индивидуализации объекта. Пространственно-временная локализация у всех указанных единиц актуальна моменту речи.

Определенность и конкретизация референта, на наш взгляд, затрудняет применение созданной номинации в качестве системной единицы: если говорящий подчеркивает уникальность объекта номинации, то тем самым он дает указание на однократность обозначения данного объекта нестандартной единицей и ограниченность ее воспроизведения. Именно в подобных случаях идентификации уместно определение окказионализмов как невоспроизводимых единиц отдельного идиолекта [123], хотя некоторые функциональные имена имеют потенциал узуализации в силу общего характера самой функции (ср.: *читать, ойкать*).

3.2.3. Классы объектов: лица, предметы, отвлеченные понятия

Референция к открытым множествам объектов при помощи нестандартных единиц происходит реже, нежели к абстрактным или конкретным индивидам. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что номинация класса закономерно отличается прагматической нейтральностью и не столь обусловлена субъективной позицией говорящего. Эта особенность креативных номинаций родовых понятий в конечном итоге приводит к неологизации знака, при условии его активного функционирования в узусе. Материал исследования в части названий открытых множеств демонстрирует спад креативных усилий. В речи чаще возникают дублиеты системных единиц, осуществляющие функцию стилистического маркирования, то есть процесс, обратный неологизации нейтрального знака: *грустинка, кавенька*,

картофан, краснощечки, медведята, огрызкофон, отдыхайки, одноименцы, петруган, подружайки, свежепонаехи, скользота, сладучий, снегочвяк, стамеска, тазик, хлебобулочные, шарминка. Для каждой из этих нестандартных единиц в узусе есть аналог (*грусть, кофе, картошка, краснощекий, медвежата, айфон, отдыхающие, тезки, петрушка, подружки, приезжие, гололед, очень сладкий, слякоть/распутица, сообщение, ВАЗик, хлебобулочные, шарм*), структурное изменение которого не влияет на механизм референции. Во многих случаях замена системной единицы несистемным вариантом прагматически не обусловлена (*кавенька, картофан, петруган, подружайки*), в других – искажение формы носит игровой, каламбурный, но также прагматически необязательный характер (*одноименцы, тазик, хлебобулочные*).

Наряду с дублированными номинациями известных классов в речи возникают названия подмножеств, выделяемых говорящим при фиксации новых явлений и состояний действительности. Группа новообразований, реферирующих к открытым множествам, не имеющим однословной номинации в системе языка, представлена единицами *випари* (класс завсегдатаев VIP-зоны клубов или других увеселительных заведений), *макфарожки* (класс макаронных изделий фирмы «Макфа»), *петухария* (место выращивания растения «петушки»), *таксист* (кобель таксы), *снегирята* (птенцы снегиря), *секондхолка* (магазины с устаревшим ассортиментом), *шорки* (шуршащие, шоркающие шорты). Единицы внутри указанного ряда отличаются по степени объективности таксономии: посредством креативных названий животных *таксист* и *снегирята* происходит заполнение лакун номинации мужского рода и названия детенышей, тогда как в отношении подклассов *випари, макфарожки* фиксируется прагматическая неустойчивость таксономической группы, поскольку не во всех увеселительных заведениях существует VIP-зона так же, как рожки не являются единственным видом макаронных изделий конкретной фирмы и, наоборот, не одна фирма занимается производством

рожков. Не вполне осознанным является возникновение номинации *петухария* – результата логической и словообразовательной аналогии в речи ребенка после рассказа матери о произрастании роз в розарии, ирисов – в иридарии и т. п. (*Если растут петушки, значит, это **петухария***). Происходит обобщение явлений по языковой схеме, без учета прагматической ограниченности разведения отдельных садов данного вида растения. Осознанной субъективностью отличаются таксономические обобщения, возникающие во взрослой спонтанной речи как результат индивидуального, весьма условного выделения класса: *секондхолка* – современные магазины одежды с недостаточным и устаревшим ассортиментом (*Сейчас магазины настоящая **секондхолка**, ничего хорошего не найдешь*) и *шорки* – название подкласса шорт из шуршащего материала (*Они шоркают, поэтому – **шорки***). Субъективность выделения подмножества и связанная с этим размытость интенционала имен (категоризация осуществляется по одному признаку – *ничего хорошего и шуршащие*) затрудняет процесс узуализации подобных названий.

При отсутствии субъективной оценки и сохранении стилистической нейтральности референция новообразования к открытому множеству, не имеющему однословного названия, может стать основанием для закрепления креативной единицы в качества постоянного имени такого множества. К группе новообразований, восполняющих лакуну номинации, относятся: *бойлерист, вязайнер, дырчик, спотыкач, мальвинник, маячник, рискач, чаеман, топик, трасса*. Часть указанных номинаций относится к названию лица по профессии или занятию (*бойлерист, вязайнер, маячник, рискач, чаеман*), другая – к разряду предметных существительных (*дырчик, спотыкач, мальвинник, топик, трасса*). При использовании названий лица по профессии происходит лексическая объективация синтаксически выраженного смысла: *бойлерист* – ‘специалист по ремонту бойлеров’, *вязайнер* – ‘дизайнер вязаной одежды’. Открытость множеств подчеркивается отсутствием местоименной индексации: *Нам долго еще **бойлериста** ждать?*

/ Нет, на дому **вязайнером** работаю. Новообразование **бойлерист** реферирует к неопределенному количеству лиц, а **вязайнер** устанавливает включенность индивидуализированного лица в такое открытое количество. По референциальному и ономастическому параметрам представляется закономерной классификация данных единиц как потенциальных названий класса.

Довольно условно можно отнести к регулярному занятию лица движение перед глазами, выраженное единицей **маячник**, которое, тем не менее фиксирует, подобно имени открытого класса, однородность и повторяемость некоторых жизненных ситуаций [214, с. 217]. Единицы **рискач** – ‘любитель риска, острых ощущений’ и **чаеман** – ‘страстный любитель чая’ использованы в качестве названий лица по привычке и предпочтению и в отличие от номинации **маячник** осуществляют атрибутивную референцию на основе действий субъекта-носителя имени: *Ты какой чай пьешь? – С калиной. – А Даша? – С калиной, имбирем, еще и корицу добавила. Она у нас **рискач**; Ни дня не могу без чая. – Да ты давно уже **чаеман**. Разная степень активности единиц в узусе обусловливается наличием уже закрепленного аналога **экстремал** у единицы **рискач** и отсутствием такового для единицы **чаеман**.*

Интересны случаи референции к открытым множествам единиц **обуватель** и **чайкофский**. В отличие от **чаемана**, **чайкофским** именует себя сам говорящий при объяснении рода занятия: *А я обычно **чайкофским** подрабатываю, чаи-кофеи делаю в местном кафе*. Основа номинации в данном случае каламбурная, в основе которой апеллятивизация имени собственного, однако при этом имеет место повторяемость применения данной единицы в качестве названий сети кофеен в крымских городах. Таким образом, номинация реферирует к открытому, определенному кругу субъектов – работникам такого типа кофейных заведений. Единица **обуватель** производна от разговорного переносного значения глагола *обувать*, то есть ‘обманывать’: *Ну вообще получилось, что этот парень*

никакой не представитель фирмы, а мелкий **обуватель**. В высказывании объективируется представление об определенном разряде людей, мелких мошенниках, занятие которых заключается в «обувании» доверчивых и неопытных покупателей. По степени распространенности подобных ситуаций также возможно закрепление данного наименования в функции имени класса.

Внутри группы существительных с конкретно-предметной семантикой *дырчик, спотыкач, мальвинник, топик, трасса* также наблюдаются разные типы референции. В случае с номинацией *топик* можно утверждать о функционировании единицы в качестве регионализма [6, с. 35; 164; 205]. Название закрепилось за маршрутными такси на территории Севастополя как региональный аналог имени класса: *У нас в Севастополе маршрутки называют **топиками***. Однотипно функционирование метонимического профессионализма *трасса* в высказывании *Идет одна **трасса***, однословно обозначающего таксономический подкласс автобусов, идущих на дальние междугородние рейсы. Новообразование *дырчик* от звукоподражания *дыр-дыр* выполняет скорее стилистическую функцию, реферируя к классу мопедов, среди которых в речи носителя выделен подкласс с громко работающим мотором. Совершенно закономерно с точки зрения лексической объективации возникновение номинации *мальвинник*, реферирующей к конкретному локусу (саду с мальвами), как к явлению открытого множества: *Какой **мальвинник**!* (какой = один из).

Новообразование *спотыкач* применительно к выносным рекламным щитам, устанавливаемым обычно на тротуарах по ходу движения потока пешеходов, со всей очевидностью заполняет существующую лакуну номинации прагматически востребованного класса конкретных объектов. Референциальная специфика функционирования данной единицы заключается в отсутствии атрибутивной референции и случаев предикации. *Спотыкач* функционирует как понятное собеседнику название широко распространенного предмета и не имеет при себе индексаторов: *Вот как*

обойдешь здание, там сразу в торце увидишь подвальчик. И спотыкач стоит; Сейчас они всякие делают, могут в черно-белом цвете, как мелом на доске, как на спотыкачах бывает, знаете? / Вот это ветер, у них там на третьем этаже спотыкач упал! Открытость класса возможных референтов, отсутствие системной номинации, относительная новизна обозначаемого предмета, регулярность употребления в речи – все эти особенности функционирования креативной единицы *спотыкач* позволяют классифицировать ее как неологизм региональной распространенности.

Референция к отвлеченным понятиям осуществляется при окказиональном обозначении состояний *зыринг*, *жратинг*, *мангунизм*, *карадагизм*. В первых двух случаях затруднительно говорить об объективации синтаксически выраженного смысла, поскольку распространение обеих единиц ограничено их жаргонной стилистикой: *Раз не хочешь шопинг – будет зыринг / После хорошей прогулки появляется аппетит и тянет на жратинг*. Два следующих примера, напротив, тяготеют к книжному стилю: *У любителей Крыма есть термин карадагизм – «бесконечная тяга к Карадагу». По аналогии родилось понятие «мангунизм» - бесконечная тяга к этому месту, которое сегодня стало очень популярным для отдыха и экскурсий* [в разговоре о Мангуп-Кале], но именно в силу этого тяготения могут не закрепиться в узусе. На вид каламбурная единицы *нудизм* обозначает состояние постоянного нытья, занудства: *Хватит уже выть! Надоел этот твой нудизм* [строгий ответ матери на жалобы сына по поводу его загруженности]. Из конситуации следует отсутствие установки говорящего на языковую игру, однако омонимичность креативной единицы узуальному названию другого явления затрудняет их параллельное функционирование. В этой связи иные перспективы функционирования у единицы звука: *Мне позвонили, а я как поставила свой телефон на беззвучку, чтоб ребенка не разбудить, так он и остался. Пора ставить на звучку*. Как экономная объективация словосочетания *звуковой режим* (преимущественно по отношению к

телефонам), несмотря на непродуктивность словообразовательной модели (депрефискация), креативная единица имеет объективный потенциал закрепления в узусе благодаря высокой частотности ситуации, связанной с данным явлением.

Референция к классам открытых множеств или родовая референция в спонтанной речи происходит по установленным в языке отношениям с некоторыми стилистическими отклонениями, чаще сниженного характера. В случаях объективного отсутствия однословной номинации класса и в силу частотности конситуации, связанной с использованием такой номинации, креативное имя имеет высокий потенциал закрепления в узусе (*бойлерист, вязайнер, трасса, спотыкач*).

3.2.4. Референтные группы семантических дериватов

Референтные группы единиц, использованных в речи как результат семантического переноса, отличаются традиционным для теории метафор явлением блендинга [224, с. 133], в результате которого предмет, лицо или явление наделяются свойствами иного класса. Механизм этого приема описан выше в рамках анализа инкорпорирования свойства другого класса в дескрипцию индивида, а также при рассмотрении случаев выделения таксономического подвида с помощью новообразования.

Поскольку семантический перенос чаще всего используется для характеристики объекта, постольку основным типом референции семантических переносов будет сравнительная атрибуция: *Вон у него торчит кишечник в ухе, вряд ли он меня вообще слышит* (отец о сыне и его наушниках) / *О, настоящая Анжела* (мать о пышных волосах дочери) / *Все они такие деловые, сурово-деловые – прямо броня* (о таможенниках) / *Чистый казбек...* (подросток о короткой прическе) / *Это мой зарядный аккумулятор* (пожилой человек о своей собаке) / *Тут одни сухофрукты. Не сядешь* (о пожилых пассажирах автобуса). Внутри группы единиц

атрибутивной референции по основаниям, действующим для прямых номинаций, выделяются единицы с референцией к единичным объектам и к классам. К первым можно отнести функционально-метонимическое название *Хамсятник* Керченского Государственного морского технологического университета, а ко вторым – креативно переосмысленные номинации *броня* и *сухофрукты*.

Небольшое количество метафорически употребленных имен имеют пространственно-определенную идентифицирующую референцию: *Ну весь наш бомонд приближенных к ректору выступил, а мы так просто отсидели / Пойдемте в дом, а то вертолеты разлетались – Да, пойдем, ненавижу этих кровопийц* (о комарах) / *Дайте мне крокодилы* (о стоматологических клещах). Референциальные механизмы для каждого случая отдельные: единица *бомонд* имеет при себе развернутую дескрипцию – *приближенных к ректору*; идентификация метафоры *вертолеты* устанавливается посредством общекультурного апперцепционного фона и имеет коррелирующую пару *кровопийцы*; общие презумптивные установки, но гораздо более узкой сферы распространения в профессиональной среде имеет и номинация *крокодилы*.

Среди семантических новообразований присутствуют апеллятивы и онимы. Для апеллятивов характерен режим обобщения посредством использования ИС в функции имени класса: *Как это я все успею за сегодня? Я что - волшебник? Гарри Потер? / Я устала тебе все прощать, я же не мать Тереза! / Я как та Мария Магдалина – виновата во всех смертных грехах / Этот город как магнит, это русская Мекка* [о Санкт-Петербурге] / *Крым нужны хозяйственники, время Че Гевары прошло / Мы еще тогда сказали, что Вы – наш Эверест* и т. п. Смена референта ИС является относительной, так как при любых использованиях ИС сохраняется каузация к «мысленному досье» исходного референта – лица или объекта – позволяющая реципиенту установить соотносительность свойств двух различных объектов номинации. При этом существенное значение имеет закреплённость семантического переноса в речевой практике коллектива,

поскольку наиболее оригинальные употребления ИС не подлежат истолкованию вне контекста (см. приведенные выше примеры *Пупырка* и *Фредди Крюгерша*).

Прямые отождествления референта высказывания с носителем ИС имеют, как правило, иронический характер и содержат имплицитное отрицание, ср.: *Тожже мне Колумб! Потише едь, Шумахер! Ох, и Герахля! = *Вообразил себя Колумбом, Шумахером, Гераклом!* В последнем примере эта имплицитная составляющая актуализирована в семантике второй части контаминанта – *рохля*, антонимичной по отношению к использованной ИС *Геракл*.

При онимизации наблюдается обратный процесс – замена имени класса именем собственным: *У кого есть Валерыч?* (класс таблеток валерианы); *Кушай меньше люляшек, а то Люляшковной станешь* (класс любителей люля-кебаба); *Я отключаюсь. Подъехала моя Марфа* (класс маршрутных такси); *Хинкалыч, это потрясающе!* (класс мастеров приготовления хинкали); *Игорь, ты настоящий Похабыч!* (класс похабников), *Смотри: Прикол Приколыч!* (класс забавных зрелищ). Контрастность функций креативного деривата и нарицательного производного усиливается при использовании онимизации по отношению к предметам, нежели к лицам. При этом онимизация носит метаязыковой характер, так как замена имени нарицательного собственным не влияет ни на экстенциональные, ни на интенциональные характеристики класса: референт неонома не получает статуса уникального субъекта и выполняет не идентифицирующую [184], а стилистическую функцию (ср. закрепление данного приема спонтанной речи в городских эргонимах «*Старик Хинкалыч*», «*Диван Диваныч*»).

Возможно и выделение отдельной группы креативных онимов, функционально сходных с неофициальными топонимами. К таковым относятся *Баян Баяныч* (из диалога школьников об учителе музыки: *Вы уже домой что ли? – Ну да, музыки не будет, Баян Баяныч отпустил*); *Глюкоза Гидрокортизоновна* (из диалога медсестер: *Глюкоза Гидрокортизоновна, вы*

карточку Ибрагимовой случайно не забыли сдать в регистратуру?); *Крот Близорукович* (подросток о своем товарище: *Ну и где этот Крот Близорукович? Сколько его ждать будем?*) и *Тошнилкин* (мама болезненно переносящему перелет дочери: *Все, Тошнилкин, прилетели*). Личное имя заменяется креативным производным от названий функционально смежных с лицом явлений (баян, глюкоза, гидрокортизон) или свойств этого лица (близорукость, слабый вестибулярный аппарат). Единица *Крот Близорукович* представляет собой более сложный прием креативного словотворчества – онимизацию зооморфной метафоры.

Замена личного имени креативным имеет арготивную основу: таким образом между говорящими устанавливается закрытый тип контакта, при котором измененное имя для третьих лиц не имеет референта. *Катарсис, Маринадик* в языковой системе относятся к нарицательным именам, тогда как в дружеско-семейном обиходе могут выполнять функцию ИС: *Катарсис, привет. Пойдем сегодня в кино?/ Маринадик, ты со мной или позже приедешь?* Преобразование имени собственного может сопровождаться сменой грамматического рода, как в случае с единицей *Дарий*: *Дарий, спешу напомнить, что «Историю Золушки» я терпела намного больше. Так что не зли меня* (обращение к сестре Дарье).

Референция семантических производных из группы неофициальных топонимов всегда определена и единична, но только для населения данной местности. Ситуация усложненной, не прямой референции в результате использования «регионального пароля» [6, с. 36] преодолевается по мере знакомства приезжего со словарем неофициальной топонимики.

Неофициальные топонимы имеют разную устойчивость, как и сами объекты номинации [9]. Наблюдения показывают, что иногда имя живет дольше своего референта. Так, в Симферополе название уже не существующего торгово-развлекательного центра «*Дикий мед*» сохранилось в неофициальном названии автобусной остановки поблизости «*На меде*». Многие городские реалии получают несколько неофициальных названий,

либо такое название может возникнуть у некого временного объекта, часто возникающего в ходе городских реконструкций и перепланировок (ср.: название такого района *Переделкино* в Симферополе или любой крупной стройки *Ашан* в Евпатории).

С другой стороны, проблемы референции топонимов затрагивают и изменения общекультурного фона [9, с. 40], когда имя содержит компонент другой культурной эпохи как, например, каламбурная переноминация района Севастополя *Учкудуевка*. Референция связанных с местной топонимикой имен представляет собой особый раздел прагматики, который, кроме знаний общей культуры и истории страны, и требует овладения субкультурой региона и конкретного населенного пункта [6; 9; 185; 215], что, в свою очередь, подводит к необходимости изучения местного ономастикона в школьной и вузовской программе [164, с. 7–11, 57–75; 215, с. 132–137].

Референциальные механизмы как морфологических, так и семантических новообразований в своем большинстве представлены атрибутивным типом, который подчеркивает интенцию говорящего выразить собственное, часто негативное, отношение к конкретному объекту внеязыковой действительности (*Герахля, Переделкино*) и зафиксировать результаты своей оценки в наиболее экспрессивной форме.

3.3. Актуализация временной локализации референта посредством креативных единиц

Референциальное разграничение предикатных групп в составе высказывания связано с временной локализацией действий: протекающие в конкретный момент времени соотносятся с индивидуализированными именами и именными группами (инстантами), а лишенные временной локализации – с классами и абстрактными индивидами. В этой связи анализ креативных предикатов и предикативных выражений способствует

уточнению пропорций индивидуальных и абстрактных референтов в массе креативных единиц.

Среди новообразований спонтанной речи глаголы по частотности занимают второе место. Среди глагольных креативов превалируют формы актуального времени, соответствующие ситуации *ad hoc* живого общения. Актуальность времени может быть манифестирована как личной формой настоящего времени, так и формами повелительного наклонения либо посредством указательных частиц и междометных групп, в том числе и при перфективации действия. В данных случаях глаголы выступает актуализатором референции к индивидуальному объекту в эпизодической ситуации: *Глянь, как **агрится** дамочка! Я тебе **аллокаю**, а ты **молчишь!** / **Ой**, мне больше не наливать – голову уже **вертолетит** / **Хватит** меня бесить! – А что, ты уже **греешься?** / **Декабренчит** со всех сторон. Скоро Новый год / Кто **хочет** с нами **засебячиться?** / **Ничего себе!** Как у тебя голова **заволосилась!** / **Извините**, совсем голос **садится**, пойду **лимонничать** / **Минусеет** / **О-о-о**, кто-то у нас уже **налился** / **Ого**, ты **намакаронилась** / **Смотрите**, совсем, как кошка, валяется и лапы так же держит. Совсем уже **окОтилась** собака / Ты не **умнякай**, пойдем лучше посидим в кафе / Я в кино. **Можешь хелпануть** с выбором места? / Ты, что, опять **чипсуешь?** / **Шуруют-муруют** студенты с защитами курсовых. Актуальность не всегда вербализована. Так, у глагольных форм предикатов *минусеет* и *шуруют-муруют* актуальность оформляется конситуацией, ср.: *В зимний крымский день женищина подходит к окну и говорит, глядя на снижающийся столбик термометра: «**Минусеет**»; Наблюдая движение в коридорах факультета после защиты курсовых проектов, преподаватель отмечает: «**Шуруют-муруют** студенты...».* Вне контекста временная локализация данных действий, выраженных креативами, может быть неопределенно расширенной (ср.: **Уже который день минусеет. *Как ни выйдешь в коридор, там шуруют-муруют студенты).**

В спонтанной речи актуальности высказывания может быть фиксирована темпоральными локализаторами *сейчас* и *сегодня*: *Сейчас как грозанет!* / *Сегодня приду и как блендерну хрен по-новому* / *Сегодня никого не завтракаю, ищите в холодильнике сами – опаздываю на работу* / *Я думаю, что меня так наслаждает сегодня?* Поняла: это полное отсутствие людей / *Я сегодня все пробки пересчитал!* Если сочетание локализатора и формы будущего времени совмещает момент речи и момент начала кратного (самого по себе эпизодического действия), то включение темпорального локализатора в предложение с глаголом неопределенного вида накладывает ограничение на такую неопределенность, придавая гномическим предикатам *наслаждаться* и *завтракать* эпизодическое значение (ср. значение постоянного настоящего при отсутствии локализаторов: *Отсутствие людей меня наслаждает. Я никого утром не завтракаю, потому что опаздываю на работу*).

Дополнительным актуализатором действия, связанного с моментом речи, при глагольной форме совершенного вида выступает наречие *уже*: *Да не буду я ему помогать, он меня набигхитил уже* / *Не могу смотреть на эти теплые пальто. Уже повеснело* / *Не надо меня будить. Я уже саморазбудился* / *Сними с нее сумку, а то она уже так обрахитилась, что встать не может* / *Когда ты уже, наконец, угнездишься?* Наречие подчеркивает наличие результата или нацеленность на результат во время речевого акта, что само по себе связано с эпизодическим характером предиката. В этом смысле представляется закономерным сочетание других средств актуализации с наречием *уже*, например, повелительного наклонения: *Хватит уже телефонить, нам скоро выходить; Хватит уже швейцариться, скажи что-нибудь!*

Сочетание локализатора *опять* с предикатами указывает на повторяемость события: *О-о-о, опять нарциссишься* / *Ты, что, опять чипсуешь?* Введение в эти же высказывания междометий отражает присутствие говорящего в один из моментов постоянного состояния

референта (состояние нарциссизма и пристрастия к чипсам). Без локализатора *опять* предикативное значение высказывания утрачивает темпоральную однозначность и может быть интерпретировано как актуальное, так и неактуальное постоянное: ср. *ты нарциссишься, ты чипсуешь*.

Менее существенна роль указательных локализаторов актуальности *вот, это, этот* при перфектных глаголах, в структуру грамматического значения которых входят основные признаки эпизодического предиката – кратность и завершенность: ***Вот это** меня клемануло в пояснице!* / *Ну **вот** – зашлаковались* / *Ну **вот** я и отсобеседовалась*. Надеюсь, прокатит / *Когда уже **этот** рабочий день закончится?* – *И не говори!* Я уже сама ***нафрекенбочилась!*** При изменении локализатора или в его отсутствие референциальный тип предикации сохраняется: **клемануло в пояснице* – актуальное время, эпизодический предикат, **клемануло вчера в пояснице, после того как подняла тяжесть* – относительное время, эпизодический предикат.

В целом значение перфектности актуализируется в одной трети всех зафиксированных глагольных креативов, что отражает общую тенденцию в современном глагольном словообразовании [128, с. 6], в основе которой – экспрессивно-прагматический потенциал категории вида [165, с. 21]. Степень соотнесенности результата действия и момента его вербализации в высказываниях с предикатами совершенного вида может быть практически синхронной *Я **поднаелся**, теперь хочу на катамаран* / *Как хорошо, будто **морьнуло** в лицо* / *Что-то я поганенько себя **зачувствовала*** / *Всё, пора в домик, а то слишком активный сегодня, **разрадовался***. Сбежишь еще снова [о хомяке]. Такая одновременность действия и речи позволяет отнести события и ситуации, выраженные перфектной формой, к актуальному времени.

Встречается в спонтанной речи и использование форм настоящего времени в значении будущего. В живом диалоге на собрании волонтерской

организации руководитель обращается к присутствующим членам с императивным призывом: *Последнюю неделю **работаем** до упора*, на что один из присутствующих заявляет: *Я уже **упоролся**, можно мне домой?* При этом обыгрывается неопределенность предела совершения действия и актуального состояния говорящего.

В материале исследования отмечается сочинительная связь эпизодических перфектных предикатов и предикатов качественных, регистрирующих постоянные состояния индивида, как показатель актуальности прошедшего действия в момент речи. При этом степень давности совершенного действия не ограничивает возможности такой сочетаемости и может варьироваться по степени неопределенности, ср.: *Мой телефон же **кирпичнулся**, теперь вообще не знаю, как быть / Она уже **несколько лет назад ушла** на пенсию...и **сейчас экскурсоводит** по Крыму в свое удовольствие.*

Использование именных групп в функции темпорального локализатора наблюдается и в высказываниях нарративного типа: *А я слышала, что **ночью** кто-то ходил. – Да вставал. Но не **бессонничал** / Ты почему **до шести часов** никуда не вышла? – Я собирала Аню, **доубирывала**, мыла голову / У меня дочка до 11 лет вообще не читала. А с **одинадцати** начала читать, и читала, и читала, и **расчиталась** / В общем, **до самого утра** мы в этом клубе **фестивалили**.* Определенность временного промежутка совершения процессуального действия предопределяет частотность форм прошедшего времени в значении имперфекта (*бессонничал, доубирывала, фестивалили*).

Более характерные для текстовых нарративов креативные формы относительной темпоральности фиксируются в спонтанном диалоге реже: *Кстати, когда я **вчера вечером** вышла кормить котят, то совсем рядом с верандой сидела соседская кошка, или чисто-серая, или коричнево-серая, – я не **развидела** / Что-то я конкретно **напрягнулся**, когда он **дошёл** до моей фамилии / **Как приедем домой** – первым делом надо будет таблетку*

юзнуть. Немногочислены и случаи творческого словообразования глаголов в условной и интенциональной модальности: *Если что-то забыл, просто **джемься** / Если помучиться, всегда что-нибудь можно **сколхозить** / Там есть интересный рельефчик, но его одного мало. Его **надо** обязательно с чем-то **сочетнуть**. / Мне **нужно обнулиться**, забыть его и жить дальше.* Ограниченность креативных усилий при обозначении обобщенного факта, нелокализуемого во времени, может быть обусловлена стилистическим «конфликтом» между содержательно нейтральным значением абстрактного времени и экспрессивно маркированным окказионализмом.

В свою очередь экспрессивная составляющая спонтанного диалога предопределяет актуализацию действия посредством обращений, частиц и междометных групп: ***Ну** что, **морячки**, наморячились? / **Ну** вот опять ты **монетничаешь** / **Ну** ты, **мама**, сейчас **орнула** / **Ну** что, когда **отхепнибездим** твой день рождения? / **Ну**, освекровилась, так сказать / **Ну** и отйожилась же я там!* и т. п.

Среди предикатных новообразований содержатся глаголы совершенного вида, которые можно отнести к гномическим – устанавливающим референцию к абстрактному индивиду: *А тебе не кажется, что наши айфонишки покупают дорогие модели только ради того, чтобы **повиппендриваться**?* Креативный предикат *повиппендриваться* коррелирует с именным новообразованием *айфошники*, которое вне контекста обращено к открытому множеству лиц – любителей цифровых продуктов фирмы *Apple*. Однако неопределенность данного множества в высказывании проиндексировано местоимением *наши*, что сужает круг референтов лицами известными говорящему. Таким образом, высказывание фиксирует предположительную ситуацию (*кажется*) и содержит утверждение возможности относительно постоянного состояния (*покупают*) части класса (*наши*) и одновременную атрибуцию (*повиппендриваться*) этой ситуации.

Атрибутивный тип референции, устанавливаемый, как правило, к абстрактному индивиду, может реализоваться посредством глаголов

несовершенного вида: *Что ты все время **пенишься** на меня по пустякам? / Вы [кошки] успеваете **проголодываться** быстрее, чем я / Говорит, что изменилось много чего, но одно осталось неизменным: что раньше, что сейчас чиновники **синекурят** в депутатских креслах.* В первом примере квалитативный предикат выражает значение постоянного признака субъекта действия, на что указывает темпоральный локализатор *все время*. Возможность сочетания предиката с тем же локализатором определяет обобщенный характер действия в реплике, обращенной к голодным кошкам, ср.: *Вы всегда/все время/постоянно успеваете проголодываться.* Последний пример представляет собой развернутое сопоставление двух периодов времени (*тогда* и *сейчас*), внутри которого содержится пропозиция неизменности состояния класса чиновников, выраженная креативным глаголом *синекурят*. Сходную логическую структуру, но в синтаксически свернутом виде, имеет реплика из диалога преподавателей о речевых привычках студентов: *Они теперь все **окают**. Говорят «ок», даже не «окей».* Здесь так же, как и во фразе о чиновниках, сопоставляется *теперь* с отсутствующим *тогда/ранее* и фиксируется изменение состояния класса (*даже не*), выраженного актуальным настоящим несовершенного вида (*окают*).

В спонтанной речи имеют место обобщения эпизодических действий: *Зачем так **граммофонить**? / Знаешь, главное – это не **канализировать** негатив, а то тебя на все не хватит / Стоит **налаковиться** хорошенько, проходишь с прической два дня / **Таксерить** не каждый хочет / Хорошо, когда он [борщ] стоит, все продукты в нем **женятся**, а потом ты кушаешь / Я волнуюсь, ... а **хамелеонить** как-то некрасиво.* В приведенных примерах безличные предикативные конструкции с креативными глаголами характеризуют некое действие вне временного контекста, за исключением окказионализма *женятся*. В ситуации обобщенного значения референция высказывания устанавливается семантическими компонентами смыслового глагола: *граммофонить, канализировать, налаковиться, таксерить,*

жениться, хамелеонить, а именно – семой лица, ограничивающей сочетаемость креативов классом людей. Этот референциальный статус имени в высказывании, помимо несовершенного вида глагола, актуализирован дейктически: *все продукты женятся, таксерить не каждый хочет*. Большая часть данных примеров представляет собой тропеическое преобразование аксиологического характера. На модальные особенности указывают другие компоненты предикативных конструкций: усилительно-вопросительное сочетание *зачем так*, отрицание *не*, категории состояния *хорошо, некрасиво*. Креативы *налаковиться* и *таксерить* образованы морфологическим способом и не содержат аксиологического компонента, а лишь обозначают факт действительности. Свойство новообразований выражать обобщенное значения действия как системного состояния мира может быть принято в качестве основания для их узуализации.

Создание креативной единицы предопределяется условиями прямой речи, что обуславливает актуальный режим предикации высказываний, который манифестируется личными формами глаголов и темпоральными локализаторами настоящего времени. Перфектное значение глаголов также связано с моментом речи. Локализация действия во времени разной степени определенности устанавливает, в свою очередь, референцию к единичному объекту: слушателю, самому говорящему, говорящему и слушателю как единому целому или иному актанту. Несмотря на эпизодичность большинства ситуаций спонтанной речи, среди референтов высказываний оказываются и лица как носители определенных свойств в отвлечении от их конкретно-временных манифестаций (абстрактные индивиды). Уникальный объект референции [214, с. 58] устанавливается при помощи предиката *грозанет*, соотносящего высказывание с явлением природы. Использование креативов в безличных предикатных выражениях имплицитно содержит указание на открытое множество референтов общего класса людей, то есть на бесконечное множество возможных употреблений нестандартного глагола.

3.4. Иллокутивная составляющая высказываний, содержащих креативные единицы

Использование языковых знаков в устной речи всегда полифункционально. Это аксиоматическое положение положено в основу коммуникационной модели Р. О. Jakobsona, выделявшего шесть основных видов функций речевого высказывания в соответствии с шестью компонентами речевой ситуации: адресатом, адресантом, контекстом, сообщением, кодом и контактом [219, с. 198]. Признавая основополагающей референтивную или денотативную ориентацию высказывания и одновременно учитывая полифункциональную природу речи, ученый указывает на различия в «иерархической организации» функций [там же] разных высказываний. Таким образом, в лингвистику вводится понятие интенциональной направленности речевой деятельности, в последствии разрабатывавшейся Дж. Остином, Дж. Серлем, Н. Д. Арутюновой. Интенциональность признается смыслообразующей категорией, которая, как и пресуппозиция, составляет имплицитный слой высказывания и во многом определяет строение фразы. Известна классификация речевых актов Дж. Серля на основании ментальных состояний «обращенных вовне» [176], представляющая видовую детализацию основных функций, перечисленных Р. О. Jakobsonом. В рамках нашего исследования расширенная классификация функций речевого акта не имеет существенного значения, поскольку виды иллокуции в самом общем виде сводятся к разграничению информационной и фатической направленности коммуникации. По мнению Т. Г. Винокур, эти две стороны речевой деятельности представляют собой исходную дихотомию [35, с. 7], последующие модификации которой не меняют основного противопоставления.

Наличие некой интенции при вступлении в коммуникацию является безусловным [89, с. 222], также не вызывает возражений тезис о исходной непротиворечивости этой интенции [23, с. 446]. В соответствии с

интенциональной направленностью выбирается та или иная форма построения высказывания [31, с. 266], лексические средства, которые по-разному манифестируют интенциональное содержание и определяют какая из языковых функций доминирует в конкретном случае. Введение в высказывание креативного элемента служит, в силу его повышенной экспрессивности, усилению реализуемой функции. То есть окказионализмы прежде всего вступают средствами аффективного воздействия на слушателя, но воздейственная сила, в разной степени присущая всем речевым актам, не всегда исчерпывает интенцию говорящего.

Аффективная направленность речи на слушающего в наиболее чистом виде реализуется в высказываниях директивного характера: *Пойди, посмотри, что там брат делает. Ты же у меня парламентарша*. Вторая часть высказывания содержит характеризующую номинацию, использование которой направлено на достижение воздейственного эффекта – заставить слушающего выполнить предписание. Ироничность характеристики не снижает экспрессивности окказионализма, а следовательно, и эффективности его использования. Аффективная функция прослеживается и во фразе водителя *Пardonьте, мадам, это маршрутка, а не президентский люкс*, в которой креативность глагола выражает реакцию на ситуативный контекст (недовольство пассажирки условиями проезда) и содержит каузатор интенции (‘некомфортно, т.к. условия не люкс’). Большая директивность выражена в высказывании *Ты не умнякай, пойдём лучше посидим в кафе*, где окказионализм *умнякать*, в отличие от характеристики *парламентарша*, даёт пейоративную оценку слушателю ввиду стилистической сниженности креативного глагола. Использование окказионализмов для усиления аффективной стороны речи уже стало традиционным приемом рекламы, в том числе и устной на рынке: *Берите огурцы, по сто рублей, но огурцы сладучие!!!*, которая направлена на оправдание цены товара и склонение слушателя к покупке.

Второй по значимости функцией высказываний с креативными единицами является эмотивная, направленная на выражение личности говорящего – адресанта сообщения. К таковым будут относиться высказывания, содержащие креативные предикаты *Солнышко, кушать хочешь? - Нет, у бабушки полный живот **напирожила** / Разминдальничалась я с вами / И что ты ему сказала?» – «Все, что о нем думаю. **Сэмоционировала** от души* или единицы субъективной оценки *Давай ещё пачку этих чипсов. Они **восхрустительные**, отвечаю / Цвет такой сложный, темно-синий с белыми потертостями, как у меня был когда-то. И фасон **класснющий** / У меня **сусликоватые** черты лица, так что скорее всего выберу каскад* и тавтологические конструкции усиления признака: *На защите магистерской работы студентка была **амеба амебой** / Иногда тот или иной преподаватель представляется тебе **сухарь сухарём** / Красивый город, центр предназначен для туристов, много музеев, но стоит свернуть с центральных улиц, везде **чернота чернотой** и подобные. Оценочный элемент, характеризующий говорящего, также содержат некоторые контаминанты и отфраземные слияния, рассмотренные выше (*котопотам, кривославие курицелание, фильмокрут, шилопопость*). Креативность использованных единиц в этих случаях становится средством презентации личности говорящего и его картины мира [198, с. 41-42], которая в большей степени субъективна, чем пропозициональное утверждение.*

Для исследования функциональных особенностей креативных единиц спонтанной речи оказывается существенной фатическая направленность высказывания. В определении Р. О. Якобсона это вид сообщений, направленных на установление, продолжение или прерывание коммуникации [219, с. 201]. Фатика как самостоятельная интенциональная область речевой деятельности имеет весьма разнообразные средства выражения [158]. Прежде всего к этой области относятся формулы речевого этикета, вводные слова и конструкции, а также некоторые единицы, форма которых смещает коммуникационный фокус с содержания на форму его выражения [12]. К

последним относятся такие характеризующие номинации как *бедасечка*, *хворастик*, *хворобушек* и другие окказионализмы субъективной оценки, номинативная функция которых оказывается вторичной по отношению к фатической. Так, добавление уменьшительно-ласкательного суффикса *-ечк-* к существительному отвлеченного значения не может быть мотивировано объективным изменением названного явления, так как отвлеченные понятия имеют языковые ограничения в выражении степени своего проявления, которые преодолеваются не морфемными, а лексическими средствами (ср.: *большая беда* – *маленькая неприятность*, *большая дружба* – *небольшая размолвка/ссора*, но не **маленькая беда/дружба*). Стало быть, уменьшительность формы выполняет в высказывании роль интенционального оператора, назначение которого в данном случае заключается в поддержании необходимого уровня эмпатии к говорящему. Показательна в этом отношении повторяемость субъективной оценки во фразе: *Бедный ты мой, хворобушек*, где семантика характеризующего предиката *бедный* усилена определительным компонентом *хворый* контаминанта, выступающего в роли обращения. Фатическая обусловленность образования креативной единицы подкрепляется уменьшительно-ласкательным значением форманта *-ушк-* второй основы контаминанта *воробушек*. Таким образом, в одном высказывании трижды использованы средства выражения эмпатии.

Выделение фатических высказываний из ряда стилистически экспрессивных должно осуществляться с учетом номинативной неполноты новообразования. Механизм усиления стилистического значения в семантике креативной единицы рассмотрен выше при описании суффиксального образования стилистических дублетов системных единиц, возникновение которых направлено на сокращение психологической дистанции между коммуникантами. Если использование стилистически сниженной единицы *школота* реализует интенцию выделения из массы молодежи определенного слоя школьного возраста, то новообразования *отдыхайки*, *подружайки*,

рискач не имеют такой социальной детерминированности и представляют собой средства выражения именно фатического типа иллокуции.

Особой разновидностью средств поддержания контакта являются этикетные формулы. В нашей картотеке содержатся стилистические варианты прощания *Все, это мое последнее слово! Досвидос! / Алло, здравствуйте! – Досвиданствуйте! / Ну все, я пошла спать. Ночи-ночи / Сорян, не знала, что так получится, мне очень жаль.* При функциональной однородности всех стилистически сниженных единиц выделяется эмпатически отрицательная форма прощания *досвиданствуйте*, которая возникает как экспрессивно подчеркнутый отказ установления коммуникации.

Фатическая направленность речи выражается посредством контаминантов разноязычных основ *алейкум-привет, саламирую, селямствуйте*, возникающих в результате межнационального взаимодействия. К этой же группе относится и контаминант благодарности *саголчик* (*Ух, как тебе к лицу это платье! - Саголчик* [кр.-тат. – ‘спасибо’], *дорогая*), фатический потенциал которого усилен уменьшительно-ласкательным суффиксом *-чик-* (ср. с русскими разговорными формами *спасибочки* или *спасибки*). Данная группа может быть расширена единицей *океюшки* (*Ну, хорошо, студентам всё передам, океюшки*, ср. с русской разговорной формой *ладушки*, производной от *ладно*), которая при функциональном сходстве с русско-крымскотатарскими контаминантами имеет отличие: новообразование выступает показателем не уровня коммуникативного взаимодействия в условиях полилингвальной ситуации Крыма [13], а ассимиляции заимствования, поскольку прагматических установок на тесный контакт с носителями английского языка в реальной ситуации не отмечается. Тенденция к межъязыковой интерференции проявляется в других, неэтикетных, формах креативной суффиксации и сложения: *анашка, бабашка, баларики, баласенок, Колотун-баба, хапалушка* (о девушке в хиджабе, от крымскотатарского *къапалы* – ‘закрытый,

укрытый'), *ярым-пополам* (буквально: 'пополам-попалам'), *яхшиибись* (контаминация крымскотатарского *яхши* – 'хорошо' – и русского экспрессива *зашибись*), в том числе и украино-русских деминутивов – *гамашок*, *кавенька*, *очерга*.

В реализации иллокутивной направленности высказывания могут быть задействованы и референциальные отношения, как в случаях косвенного отказа и перлокутивного успеха. Примером отказа является ответ преподавателя на вопрос студентов о возможности сдачи зачета «автоматом»: *Получите вы свои **автоматы** только в армии*. Здесь использован прием буквализации [159, с. 68-69] значения языковой единицы, результатом которой является перемещение референции из одного денотативного пространства отвлеченных понятий ('автоматическое выполненные действия') в предметное пространство ('оружие/прибор автоматического типа'). Перлокутивный успех был достигнут предложением студента в ситуации оценивания на зачете: *А не пойти ли нам на **джекпот**?* Креативность и тактичность организации фразы (косвенная форма пожелания) вызвала отклик у преподавателя, и студент получил максимальных 100 баллов. Обращает внимание обратность семантической операции: в первом случае имеет место буквализация прямого значения (*автомат* – предмет), во втором – развитие переносного (*джекпот* – как обозначение максимального уровня успеха)

Анализ фатической и информационной направленности высказываний закрепляет высказанное выше предположение о разграничении фактов креативного использования языковых единиц в пропозициональных и контактоустанавливающих целях. В одних случаях при помощи новообразования решаются задачи однословной номинации объективно существующей реалии или развитие категориальной таксономии, в других – создаются условия коммуникативного взаимодействия как частного, так и межнационального характера. При этом любая из функций высказывания с креативной единицей получает экспрессивное усиление

индивидуализирующим, «деавтоматизирующим» [139, с. 76] характером новообразования.

3.5. Языковая игра и метаязыковая рефлексия в речевом акте

Многочисленные исследования творческого словообразования последнего десятилетия предпринимались как исследования поэтической функции языка. В модели Р. О. Jakobsona эта функция связывается с установкой говорящего на сообщение [219, с. 202]. Для обозначения художественного аспекта речевой деятельности Е. А. Земской было введено в систему русских терминов понятие языковой игры (ЯИ). Поэтический характер индивидуальных элементов разговорной речи определяется отсутствием прагматического задания: вместо идентификации объектов действительности, говорящий, по мнению Е. А. Земской, «инкрустирует» речь, демонстрируя возможности языка и свое умение ими креативно оперировать [65]. Данное определение справедливо отчасти, поскольку, несмотря на безусловную активизацию в окказионализме языковых потенций, высказывание строится с учетом доминирования одной функции речевого акта. В случаях, когда окказионализм по своей структуре и значению направлен на идентификацию объекта или лица, поэтическая сторона высказывания не может быть признана доминирующей. С точки зрения референции, это случаи обращения к открытому классу денотатов языкового знака (см. п. 3.2.3). Поскольку, по мнению, Дж. Серля, ЯИ не имеет отношения к «серьезному положению дел» [176, с. 74], постольку в ее формах должна быть проявлена денотативная виртуальность (мифологичность денотата), а также интенциональная обращенность речи на саму себя.

Непосредственно поэтическая функция креативных единиц реализуется при референции к вымышленному денотативному пространству [214, с. 239]. Такое пространство может конструироваться в процессе обмена репликами,

как, например, в диалоге между знакомыми женщиной (А) и мужчиной (Б) и мужчиной-продавцом (В) на рынке: (А) *О, опять ты!* [улыбается] **Маньяк!** – (Б) *Да* [улыбается], *я тебя преследую.* – (В) *Он хочет на вас напасть.* – (А) [смеется] *Да, да!* – (В) *Нет, он не на вас, он на ваш пакет хочет напасть.* Игровая функция подхватывается и развивается в игровой текст, в котором допускается и семантический перенос признака с одного референта на другой (*маньяк*) и субъективное изменение интенционала референта (*напасть на пакет* – косвенное выражение одушевленности).

Создание игрового пространства может проходить и в рамках устного нарратива, как в рассказе девушки: *Для влюбленных по вечерам катамараны превращаются в катароманы, на которых после у этих молодых людей рождаются катаРоманчики.* Виртуальность денотативного пространства проявляется в контаминации *катароманы*, объединяющей транспорт и происходящее на нем действие и в большей степени – во второй контаминации нарицательного и собственного имен существительных *катаРоманчики*, семантика которого не поддается точному определению, а референция не имеет определенного денотата (дети с именем Роман?).

Примеры «референциальной чистоты» [163, с. 308] креативных единиц не характерны для спонтанной речи, за исключением детских высказываний: *Папа, а знаешь, как называются великие лилипуты-изобретатели? Велипуты!* Созданный в речевом потоке креативный контаминант *велипуты* отражает развитие фантазийного пространства и параллельное освоение словообразовательных приемов языка. В речи взрослых поэтическая сторона коммуникации доминирует гораздо реже. Если признать, что основная масса создающихся *ad hoc* единиц связана с установлением атрибутивной референции [214, с. 114-118] и иллокутивно направлена на выражение личности говорящего, его субъективной оценки действительности, то следует признать доминирование эмотивной и аффективной функций – экспрессивных по своей сущности.

Т. Г. Винокур рассматривает аффективность высказывания как неустранимый элемент любого высказывания, как информационного, так и фатического [33, с. 90-92] типа. Следовательно, ЯИ, направленная на усиление экспрессивного компонента речи, может быть рассмотрена не как отдельная функциональная составляющая, а как дополнительный элемент. В то же время, задачи идентификации не согласуются с усилением аффективного воздействия. Таким образом, к фактам ЯИ следует относить единицы, структура или содержание которых не связаны с выражением эмпатии или задачами лексической объективации смысла, т. е. языковой экономии. Это положение накладывает ограничение на интерпретацию контаминантов как явлений ЯИ, поскольку многие креативные единицы данной структуры возникают в качестве компрессии предикативной или описательной конструкции (*акемосы, бомжуан, драмахозяйка, дряники, зряплата, котопотам, здравозахоронение, рахитектура, храпунцель, штормально* и т. п.). Субъективная характеристика объекта, манифестированная такими контаминантами, указывает на установление атрибутивной референции, которая скорее призвана емко выразить личность говорящего, а не инкрустировать речь. Двухязычные контаминанты (*яхшибись, алейкум-привет, селямствуйте, Колотун-баба*) скорее реализуют фатическую интенцию говорящего, нежели поэтическое задание.

К явлениям ЯИ могут быть отнесены креативные результаты субституции или тмезиса: *мужик – музык, ВАЗик – тазик, красивая – крысивая, степлер – сцеллер, упорхни – упорхнись, хлебобулочные – хлебобублочные, швея – шфея*. При замене или вставке структурного сегмента существенных семантических приращений не происходит, сохраняется референция к исходному денотату, в отдельных случаях добавляется ирония, как средство интимизации общения. Следовательно, несмотря на определенность денотата, высказывания с такого типа креативными единицами отличаются ослаблением прагматической функции, которая может быть истолкована как проявление ЯИ.

Такой же семантической тождественностью системному аналогу отличаются некоторые креативные переноминации: *Айфоныч, Валерыч, Прикол Приколыч*. Процесс перехода языковой единицы из категории имени нарицательного в категорию имени собственного не имеет прагматического задания. При этом процесс обратной замены имени собственного паронимически близким именем нарицательным (*Катарсис, Маринадик*) направлен на интимизацию общения и в функциональном аспекте свидетельствует о фатической доминанте высказывания. Аналогичные переноминации транспортных средств (*марфа, мерин, мурзик, финик*), на наш взгляд, относятся к средствам экономии речевых усилий, поскольку обладают более простой структурой по сравнению с заимствованными названиями, а также разграничивают подвиды одного класса объектов (ср.: *мерин* – «Мерседес» класса Е и *мурзик* – «Мерседес» класса С), т. е. прагматически нагружены. Еще одна группа креативных онимов устанавливает атрибутивную референцию к конкретному лицу, характеризуя его по функционально смежным предметам (*Баян Баяныч, Глюкоза Гидрокортизоновна*) либо по типичному для лица признаку, как постоянному (*Крот Близорукович*), так и эпизодически ситуационному (*Люляшкова, Похабыч, Тошилкин, Хинкалыч*). Поскольку такие переноминации не имеют аксиологического компонента и являются неофициальной заменой существующего ИС, они могут быть отнесены к явлениям ЯИ.

Не следует относить к ЯИ переноминации жаргонного типа, произвольно меняющих значение системной единицы (явление гипосемии в терминологии В. П. Изотова [74, с. 10]), такие как синонимичные единицы *баян* и *бока* ('нечто, неуместное, неловкое, неудобное'), *бурса* ('пту'), *желтуха* ('желчь'), *стамеска* ('эсэмэска'). Подобные новообразования создаются в рамках формирования закрытого, арготивного подтипа языка, функционально отличного от ЯИ.

Создание креативной единицы путем структурного переразложения системной единицы (гетеросемии [там же]), напротив, представляет собой

наиболее яркий пример ЯИ: *задушевные, обеспечение, пончик, селезенка, фломастер*. Референция высказываний с данными креативами устанавливается опосредовано – через соотнесение структуры новообразования с системным знаком, в результате чего выделяются несуществующие в исходном слове морфемы: *обес-печение, пон-чик, фло-мастер*. Единица *задушевные* меняет в контексте последовательность словообразования: не *душа* → *задушевный*, а *задушить* → *задушевный* (*У каждого есть задушевные друзья – те, кто так и норовят задушить*). Все примеры не имеют прагматической обусловленности и используются исключительно с целью ввести в обыденный диалог игровой элемент.

Произвольность словообразования, как наиболее характерный признак творческого импульса, наблюдается при трансемии – переносе значений на основе паронимической аттракции [74, с. 11]: *баба Клава, башкортостан, Галоша, кроссовочек, кроссотка, Дубаи, Пушкарь*. В основе данного переноса лежит такой же эффект созвучности номинаций, какой рассматривался выше в связи с онимизацией. Прием трансемии отличается тем, что изменение структуры слова преимущественно происходит внутри разряда существительного: *Балаклава* → *баба Клава*, *кроссовер* → *кроссовочек*, *Дубки* → *Дубаи*, *улица Пушкина* → *Пушкарь*. Единицы *башкортостан, Галоша, кроссотка, маскарад* образованы с изменением грамматических категорий, но их структура не полностью включает структуру производного креатива, как это наблюдалось при ониминизации (ср.: *Марина* → *Марина-дик*, *Кат-я* → *Кат-арсис*, но *Гол-ландия* → *Гал-оша*, *крос-совер* → *крос-отка*, «*Моск-вич*» → *маск-арад*). По своей функции оба типа словопроизводства направлены на переноминацию объектов действительности, которая имеет условный, игровой характер.

Прагматически не обусловлены, на наш взгляд, результаты применения в спонтанной речи гендиадиса: *едрит-кудрит, кофе-пофе, обэхаэс-махаэс, трусы-мусы, тютели-матели, узи-музи* и им подобные, которые представляют собой сочетание полноценного слова и его паронимического

отзвучия [221, с. 470], не имеющего самостоятельной семантики, но вносящей в стилистику высказывания компонент пренебрежительности.

К ЯИ могут быть также отнесены креативы, созданные непродуктивными синтаксическими способами, такими как слияние *Надеждакомпасмойземной* и разливание *Осень нас тупила*. Синтаксическое словообразование с точки зрения прагматики затрудняет коммуникацию, не позволяя экономить речевые усилия, поскольку внутрь высказывания встраивается конструктивно самостоятельное предложение или словосочетание. С референциальной стороны идентификация лица посредством окказионализма *Надеждакомпасмойземной* не вносит никаких сдвигов ни в интенционале референта, ни в ситуации, связанной с ним, а следовательно, усложнение номинации не обусловлено прагматически. Отсутствие прагматического задания наблюдается и при разливании части предложения *Осень наступила* в *Осень нас тупила*, происшедшем совершенно спонтанно в разговоре о снижении успеваемости между студентами. В данном случае наблюдается активизация в процессе ЯИ метаязыковой функции, когда участники диалога фокусируются на соотношениях языковых форм, а не на выражении смысла.

Метаязык, наряду с фатикой и прагматикой, выступает третьей сферой иллокутивной направленности высказывания. В основе метаязыковых операций лежат закономерности кода, преломленные в сознании его носителей. Для разговорной речи этот вид высказываний редок. Большая часть метаязыковых высказываний относится к детской речи. Кроме примеров, приведенных выше (*пролетарий, украшательство*) можно отметить следующую фразу: *Бабушка, а почему ручей называется ручей, а не журчей? Он же журчит, а не ручит!* В подобных случаях целью коммуникации становятся закономерности системы языка и отклонения от этой системы. При этом метаязыковая рефлексия может носить субъективный характер, как, например, во фразе *Удивительное слово – лукошко. Как будто само по себе круглое и мягкое, идеально подходит для*

представления самого предмета. Данный вид метаязыковой интроспекции содержит личную психофизиологическую характеристику восприятия знака и не соотносит номинацию с объективными языковыми закономерностями.

Более регулярным случаем проверки кода среди взрослых носителей языка является ситуация обсуждения значения неологизма. Так, во время праздничного застолья между гостями возникает следующий диалог по поводу качества шашлыка: (1) *Хороший шашлык – аль-денте.* [часть гостей смеется, часть недоумевает] – (2) *Что такое аль-денте?* – (3) *Макароны.* – (4) *Нет, не макароны, это способ их приготовления. Недоваренные.* – (2) *Ага, понятно.* Креативность приема заключена в семантическом переносе содержания еще не закрепившейся в языке инновации *аль-денте* (с итальянского – ‘на зубок’) на другой подвид категории ‘продукты’ – мясное блюдо. В составе высказывания креативная единица формирует ироничную оппозицию предикату *хороший*, так как под *аль-денте* имеется в виду непрожаренность шашлыка.

Вариант метаязыкового замечания представлен в высказывании преподавателя *Вы должны делать доклад научной речью, а не какбыми*, где окказиональное слияние союза и частицы субстантивируется для фиксации и устранения речевого недочета, т. е. – в метаязыковых целях. Подобный тип высказывания представляет собой и уже приводимый пример диалога между преподавателями: *Они теперь все окают.* – *В смысле?* – *Говорят «ок», даже не окей.*

Выявление поэтической функции в высказываниях, содержащих окказионализмы, сопряжено с установлением референции нестандартного знака и определением иллокутивной направленности высказывания. Креативные единицы, создаваемые на основе системных и не меняющие при этом семантических или функциональных характеристик своих мотиваторов, представляют примеры ЯИ. Игровые формы словообразования, как правило, ориентированы на вымышленное денотативное пространство и прагматически ослаблены. Такие факты языка отражают желание говорящего

не просто использовать языковую систему, но «воздействовать на язык», подобно творцам художественного слова.

Выводы по главе 3

Интегративный подход к креативным явлениям спонтанной речи подразумевает рассмотрение имплицитного содержания, которое в потоке речи конфигурируется пресуппозицией, референцией и иллокутивной направленностью высказывания. Для спонтанной речи не характерны сдвиги исходных прагматических установок, могущие повлечь аномальность дискурса в целом вплоть до абсурда или нонсенса. Пресуппозиция обеспечивает интеракцию говорящих в условиях неполноты живой речи. Созидание нестандартного знака в потоке речи теоретически нарушает постулат ясности, что на практике преодолевается общностью апперцепционного фона.

Референция как механизм соотнесения знаков с окружающей действительностью позволяет установить функциональную специфику созданной единицы и всего высказывания. Определенность или неопределенность, как и тип предикации (гномический или эпизодический) указывают интенциональную направленность речевого действия: во вне – к экстралингвистическому контексту или внутрь – в область субъективных представлений и образов говорящего. В первом случае посредством креативной единицы создается однословная номинация существующего объекта или описательно обьективированного смысла, или выполняется таксономическая категоризация. Во втором – активизируется денотативное пространство субъективных человеческих представлений. Кроме этого, спонтанно созданный окказионализм может соотноситься не с объектом действительности, а с другим словом, чаще всего – собственным мотиватором. В подавляющем большинстве референтами креативных единиц выступают конкретные единичные объекты денотатного класса или эти же

объекты, взятые в отвлечении от их индивидуализирующих свойств в повторяющихся ситуациях (абстрактные индивиды). Референция креативного знака к открытому множеству денотатов может быть квалифицирована как дополнительный фактор возможной неологизации такого знака (*вязайнер, спотыкач*).

Тип референта связан с интенциональной направленностью высказывания – выражения пропозиционального содержания или установления и поддержания коммуникативного контакта. Среди креативов, реферирующих к конкретному лицу или существу, выделяется группа единиц, в семантике которых наблюдается смещение обобщенных значений аффиксов (*бедасечка, хворастик*) или периферийных коннотаций в центр смысловой структуры слова. В контактоустанавливающих целях используются креативы этикетных форм: *алейкум привет, селямствуите, саголчик* и т.п., отражающие полилингвальную языковую ситуацию региона.

Непосредственно номинативная, когнитивная функция высказывания связана с установлением референции к открытому множеству денотатов. Подобная иллокутивная направленность коммуникации, в свою очередь, влияет на стилистическую нейтральность креативной единицы и высказывания в целом. В силу этих причин среди новообразований фиксируются только единичные примеры номинаций классов.

Референциальные отношения имен в структуре высказывания соотносятся с определенным типом предикативных выражений. Поскольку глагольная группа креативов является второй по численности, постольку оказывается существенным анализ референции в аспекте пропорций различных типов предикатов – гномических и эпизодических и их темпоральных локализаторов. В результате данного анализа у глагольных креативов установлено преобладание предикативной функции актуального времени и частотность использования локализаторов актуальности *сейчас, здесь, теперь*, что соответствует определению речевых новообразований как единиц *ad hoc* возникновения. Логическим следствием такого положения

глагольных креативов становится ограниченность их возникновения в целях фиксации обобщенного факта, нелокализуемого во времени. Эпизодический характер актуального действия предопределяет конкретность референции к индивидуализированному лицу или объекту.

Важной составляющей коммуникативного акта является его иллокутивная направленность – на фиксацию состояний внеязыковой действительности, на установление контакта, на моделирование ситуации в вымышленном денотативном пространстве или на форму вербального оформления высказывания. В этом аспекте доминируют креативные единицы с эмотивной функцией выражения личности говорящего, когда нестандартный знак подчеркивает индивидуальность оценки действительности, усиливая экспрессивность высказывания. Кроме этого, креативы функционируют в качестве фатического средства минимизации дистанции между коммуникатами, стилистическим маркером интимизации общения.

Отдельной сферой функционирования креативных единиц спонтанной речи выступают высказывания игрового (языковая игра) и метаязыкового характера, сущность которых заключается в проверке потенций не только языковой системы, но и самих говорящих к творческому использованию кода. При соотнесении прагматического компонента высказываний, содержащих нестандартную единицу, с системой функций речевого акта выявляется недостаточность формального признака для отнесения единицы к явлениям языковой игры. В силу творческого характера любого креатива основной его функцией является эмотивная – выражение личности говорящего, его оценки действительности. При этом поэтическая функция выступает сопутствующей, но не доминирующей. К явлениям языковой игры безусловно можно отнести только такие высказывания, креативные единицы в которых не имеют в качестве референта реального денотата, или возникновение креатива в таком высказывании направлено на обсуждение способов вербализации смысла.

Анализ прагматических составляющих высказывания расширяет возможности классификации нестандартных единиц по типу обусловленности их возникновения в соответствии с ориентацией на конситуацию, личность говорящего или сам язык.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Применение интегративного анализа при изучении особенностей функционирования креативных единиц в спонтанной речи позволило апробировать приемы их классификации с позиций системности и прагматической обусловленности. На этапе сбора устного материала и формирования картотеки была выявлена дискуссионность понятий «разговорность» и «спонтанность», а также возник вопрос нормативного порога в современном разговорном дискурсе. Сопоставление различных трактовок понятия «разговорность» и анализ материала исследования показали обоснованность концепции О. А. Лаптевой, в которой дифференцирующими признаками разговорности выступают непринужденность и устность. Значимость устности как параметра разговорности подтверждается не только наличием в системе языка стилистически немаркированного общего сленга как нейтрального элемента речевой коммуникации любого уровня, но и ослаблением позиции диалектных элементов в разговорной речи.

Существенным для данного исследования явилось разграничение понятий «неподготовленная» и «спонтанная» речь, связанное с различной спецификой ее функционирования. Неподготовленность детерминирует синтаксическую неполноту, сдвиги артикуляции и хезитации. Спонтанность, понимаемая как произвольность речи, позволяет представить речевое действие как творческий акт преодоления коммуникационных клише и имеет непосредственное отношение к теории окказиональности и лингвистике креатива. Креативность говорящего, отказывающегося от традиционных схем и средств коммуникации в пользу преобразующего эксперимента, реализуется при условии интенциональной самопроизвольности креативного речевого действия.

Задача фиксации новых форм и значений напрямую связана с вопросом о параметрах их узуализации. Проведенное исследование показало, что к

параметрам узуализации относятся деривационные, референциальные отношения нестандартной единицы, а также фактор ее социальной обусловленности. В процессе исследования параметров узуализации рассмотрены смежные вопросы лексикографической фиксации нестандартных единиц. Предложено дополнить внедренную Н. З. Котеловой схему комментирования окказионализмов зоной социальных характеристик говорящего (пол, возраст, национальность, уровень образования, место и время фиксации единицы) и расширить контекстуальную часть описанием невербальной стороны коммуникации, а в зону грамматических характеристик включить информацию о лексической системности между окказионализмами при ее наличии. В итоге лексикографическое описание окказионализма приобретает трехзонное членение соответственно параметрам узуализации: грамматическому, лексико-словообразовательному и референциально-социальному (контекстуальному).

С вопросом особенностей функционирования креативных единиц в спонтанной речи связано разграничение концептуально близких понятий. В этой связи в настоящем исследовании в качестве общего обозначения всех новых явлений языка и речи используется термин инновация, конструктивный компонент содержания которого позволяет отделить ненамеренные нарушения языковых форм (ошибки и оговорки) от намеренно-творческих. Все инновации, в свою очередь, подразделяются на неологизмы и новообразования в зависимости степени социальной востребованности внеязыковой реалии, обозначенной нестандартным знаком. Внутри группы новообразований выделяются потенциальные и окказиональные единицы. Для дифференциации среди окказиональных явлений нестандартных единиц устной речи предложен термин речевой креатив.

Дальнейшая классификация новообразований осуществлена с учетом степени отклонения новой единицы от системной модели. Анализ отклонений проводился сопоставительным методом. Объектом сравнения

выступали компоненты продуктивных моделей языка и варианты функционально близких компонентов новообразований (частей слова). В ходе анализа системных девиаций 1/3 единиц оказались потенциально системными или содержали небольшой сдвиг в области лексико-семантической группы производной или производящей основы, не нарушающий общекатегориальную принадлежность созданной единицы ни в эмпирическом (таксономические классы), ни в грамматическом (части речи) аспекте. Таким образом в материале исследования был выделен слой потенциализмов. Распределение единиц на шкале потенциальности-окказиональности проводилось с учетом особенностей их семантики – наличия или отсутствия в языке однословной номинации обозначаемого явления и присутствия метафорического переноса в семантической структуре единицы. Наиболее ослабляющим потенциальность структуры фактором признано изменение категориальной принадлежности производящей основы (с предметно-конкретной на собирательную или абстрактно-отвлеченную). При измерении системного потенциала учитывался масштаб социальной востребованности новообразования – от глобальных языковых тенденций (актуальное восполнение парадигмы наименований лиц женского рода - *докторесса*) до ситуативно обусловленных (*парламентерша*).

Отклонением окказионального типа признавалось изменение частеречной принадлежности производящей основы или деривата или использование несистемных способов словообразования (субституции и тмезиса). Дублирование креативной единицей значения системного эквивалента также рассматривалось как фактор усиления окказиональности. Соответственно типам нарушения модельных параметров выделено семь основных групп окказионализмов или семь степеней их системности, каждая из которых может иметь несколько подвидов при дальнейшем сопоставлении типов нарушения. Группу наиболее близких к системным образцам единиц составили креативы, образованные по продуктивным системным словообразовательным моделям с нарушением лексико-семантической

группы производящей основы. Вторую группу составили единицы, образованные по продуктивным системным словообразовательным моделям **с нарушением частеречной принадлежности** производящей основы. Третью – образованные **по непродуктивным словообразовательным моделям** с нарушением модельной схемы, четвертую - образованные **по индивидуальным словообразовательным моделям**. Каждая из первых трех групп подразделена еще на две с учетом степени социальной обусловленности ее создания: для заполнения объективно существующей лакуны номинации или для выражения субъективной оценки действительности.

Классификация семантических дериватов проводилась в соответствии с принципом «открытости» мотивации: более системными признавались дериваты, развивающее уже закрепленное в узусе переносное значение (*быть черствым, как сухарь; быть запущенным, как сарай*), либо дериваты метонимических типов, объективно обусловленных пространственной или функциональной смежностью (*флаерок* – ‘распространитель флаеров’). Метафорические типы деривации в силу индивидуального ассоциирования отличались неоднородностью мотивации и классифицировались как более окказиональные.

Анализ креативных единиц был расширен за счет рассмотрения имплицитного содержания речевого акта, содержащегося в его пресуппозиционной, референциальной и иллокутивной составляющих. Исследование показало сохранность исходных прагматических установок при структурных и семантических отклонениях. Пресуппозиция выполняет ограничительную функцию при создании креативных единиц в разговорном дискурсе. И это отличает спонтанное экспериментаторство от художественной речи, где степень аномальности авторских единиц допускает абсурд или нонсенс. Сохранность пресуппозиции разного уровня (от частно-интимной до общекультурной) детерминирована ориентацией говорящих на успешность коммуникации.

Анализ референциальной стороны креативного знака показал значимость категории определенности. Большинство креативных номинаций реферирует к единичным объектам действительности, идентифицируя каждый в ряду однородных объектов, а креативные предикаты чаще устанавливают атрибутивную референцию к таким единичным объектам. Оператором определенности в устной речи, кроме предикатов, выступает оstenсивное указание на включенный в конситуацию объект речи, а также темпоральные локализаторы, выраженные обращениями, именными группами и наречиями времени. Помимо этого, новообразование может сопровождаться в диалоге развернутой дескрипцией его содержания. У определенных референтов креативных единиц отмечены случаи изменения интенционала, когда вторичное свойство объекта интерпретируется в речи как дифференцирующее.

Референция к открытому классу объектов указывает на прагматический характер новообразования: знак используется для однословной номинации существующего типа явлений. При этом происходит лексическая объективация описательно существующего в языке смысла (*бойлерист* – ‘мастер по ремонту бойлеров’) или выполняется процедура таксономической категоризации (*вязайнер* – ‘дизайнер вязаных изделий’).

Референция тесно связана с иллокутивной направленностью высказывания – информативной или фатической. Иллокутивная составляющая высказывания определяет выбор денотативного пространства, конфигурирующего дискурс. При информативной направленности дискурса денотативное пространство является релевантным для всех участников коммуникации и ориентировано на общность их пресуппозиционных установок. При выражении эмпатии референциальные отношения не являются доминантой коммуникации, уступая место установлению или поддержанию коммуникативного контакта. Фатическая иллокуция сопровождается смещением обобщенных значений аффиксов или

периферийных коннотаций в позицию ядерных в семантической структуре слова.

Особый случай отношения к действительности представлен номинациями вымышленного лица (*катаРоманчики*) или литературного персонажа (*велипуты*), реферирующими к виртуальному денотативному пространству человеческих представлений, что характерно для художественной функции языка. При метаязыковых операциях новообразование соотносится не с объектом действительности, а с другим словом, чаще всего – собственным мотиватором. Иллокутивный аспект языковой игры и метаязыковых операций связан с демонстрацией возможностей языкового знака и системы в целом, а также с реализацией личности говорящего, выражением его субъективной оценки действительности.

Анализ креативных единиц спонтанной речи в прагматическом аспекте позволил не только расширить способы классификации креативных единиц спонтанной речи включением референциальных показателей, но и отразить взаимосвязь намерений говорящего с конвенциональными установками и потенциями языка. Комплексное интегративное описание фактов спонтанного словотворчества в дальнейшем может послужить основой для создания практических методик стимулирования речевой и общей креативности, столь востребованной во всех сферах современного общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ИС – имя собственное

КИПУ – Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова

КЛЯ – кодифицированный литературный язык

КУКИиТ – Крымский университет культуры, искусства и туризма

КФУ – Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

НКРЯ – Национальный корпус русского языка

РР – разговорная речь

ЯИ – языковая игра

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаторцева С. И. Проблемы неологии и русская неография : дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 / Алаторцева С. И. – СПб., 1998. – 318 с.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. – Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
3. Апресян Ю. Д. Языковые аномалии: типы и функции / Ю. Д. Апресян // Res Philologica : Филологические исследования. – М. ; Л. : Наука, 1990. – С. 50–71.
4. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–9.
5. Арутюнова Н. Д. Стратегия и тактика речевого поведения / Н. Д. Арутюнова // Прагматические аспекты изучения предложения и текста. – Киев, 1993. – С. 3–15.
6. Аюпова Л. Л. Языковая ситуация в Республике Башкортостан: социолингвистический аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.19 / Аюпова Л. Л. – Уфа, 1998. – 40 с.

7. Бабенко Н. Г. Оказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ : учебное пособие. / Н. Г. Бабенко. – Калининград, 1997. – 84 с.
8. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – 394 с.
9. Баранова Л. А. Народные топонимы Симферополя (к вопросу о формировании лингвокраеведческой компетенции иностранных учащихся) / Л. А. Баранова, М. С. Фильцова // Русский язык в поликультурном мире : X Международная научно-практическая конференция : сб. науч. статей. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т. 2. – С. 40–47.
10. Беликов В. И. Социолингвистика : учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 315 с.
11. Бенвенист Э. Формальный аппарат высказывания / Э. Бенвенист // Общая лингвистика / под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Прогресс, 1974. – С. 311–319.
12. Блинова О. В. Слушай, смотри, подожди, скажи, извини: частотные императивы как «коммуникативные девайсы» / О. В. Блинова // XLV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 14–21 марта 2016 г. : тезисы докладов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2016. – С. 615–616.
13. Богданович Г. Ю. Еще раз о тексте, дискурсе, языковой картине мира в полилингвокультурной ситуации / Г. Ю. Богданович // Современная картина мира: крымский контекст : коллект. моногр. – Кн 1 / под ред. Г. Ю. Богданович. – Симферополь, 2017. – С. 12–31.
14. Бодуэн де Куртенэ И. А. Лекции по введению в языковедение / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – Пг., 1917. – 223 с.
15. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей : учеб. пособ. для студ. высш. учеб. заведений / Д. Б. Богоявленская. – М. : «Академия», 2002. – 320 с.

16. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И. Н. Борисова. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2001. – 408 с.
17. Брагина А. А. Норма, контекст, синонимический ряд / А. А. Брагина // Литературная норма и просторечие. – М. : Наука, 1977. – С. 185–203.
18. Будагов Р. А. К проблеме устойчивых и подвижных элементов в лексике / Р. А. Будагов // Известия АН СССР. – 1951. – Т. 10. – Вып. 2. – С. 105–115.
19. Будагов Р. А. Наблюдения над языком и стилем И. Ильфа и Е. Петрова / Р. А. Будагов // Ученые записки ЛГУ. Серия «Филологические науки». – Вып. 10. – 1946. – С. 220–248.
20. Будагов Р. А. Человек и его язык / Р. А. Будагов. – М. : МГУ, 1976. – 430 с.
21. Букалов А. С. Общий сленг и городское просторечие: проблема дифференциации [Электронный ресурс] / А. С. Букалов. – 2013. – Режим доступа: <http://ekhsuir.kspu.edu/handle/123456789/181> (дата обращения: 14.03.2021).
22. Булыгина Е. Ю. Словари активного типа: объем лексикографической информации и способы ее представления / Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская // Слова и словари : сб. научных статей / отв. ред. В. А. Ефремов. – СПб. : Свое издательство, 2015. – С. 156 – 165.
23. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 574 с.
24. Булыгина Ю. В. Языковая игра в речи студентов и преподавателей как способ создания смехового пространства в общении : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Ю. В. Булыгина. – Саратов, 2011. – 23 с.
25. Бурькин А. А. Лексический материал словарей «Новые слова и значения» в контексте новых лексикографических источников / А. А. Бурькин // Неология и неография. – СПб., 2016. – С. 13–15.
26. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учебное пособие для вузов / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 304 с.

27. Виноградов В. В. Из истории современной русской литературной лексики / В. В. Виноградов // Известия АН СССР. – 1950. – Т. 9. – С. 376–392.
28. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 60–87.
29. Виноградов В. В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка / В. В. Виноградов [Электронный ресурс]. – 1977. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics2/vinogradov-77h.htm> (дата обращения 14.03.2021).
30. Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски) / В. В. Виноградов. – Л. : Типография Химтехиздата, 1925. – 165 с.
31. Виноградов С. Н. Аксиологический аспект словоупотреблений и текстовых повторов / С. Н. Виноградов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2007. – № 6. – С. 265–269.
32. Винокур Г. О. Маяковский – новатор языка / Г. О. Винокур. – М. : Сов. писатель, 1943. – 136 с.
33. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения : монография / Т. Г. Винокур. – М. : Наука, 1993. – 172 с.
34. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т. Г. Винокур. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 240 с.
35. Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как выражение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего / Т. Г. Винокур // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М. : Наука, 1993. – С. 5–29.
36. Винокур Т. Г. Устная речь и стилевые свойства высказывания (к постановке вопроса) / Т. Г. Винокур // Разновидности городской устной речи. – М. : Наука, 1988. – С. 44–84.
37. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. – М. : Гнозис, 1994. – Ч. 1. – С. 75–321.

38. Выготский Л. С. Мышление и речь. – М. ; Л. : Государственное социально-экономическое издательство, 1934. – 320 с.
39. Габинская О. А. О понятии новизны лексической единицы в ономасиологическом исследовании / О. А. Габинская // Закономерности словопроизводственного процесса в ономасиологическом аспекте : научные труды. – Курск : Курский педагогический институт, 1980. – Т. 205. – С. 16–25.
40. Габинская О. А. О языковом и речевом статусе неологизмов / О. А. Габинская // Проблемы ономасиологии : научные труды ; под науч. ред. И. С. Торопцева. – Курск : КурГУ, 2015. – Т. 46 (139). – С. 157–165.
41. Газизов Р. А. Коммуникативная категория вежливости в немецкой лингвокультуре (ситуативно-стратегический анализ) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.04 / Р. А. Газизов. – Уфа, 2011. – 44 с.
42. Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект / Б. М. Гаспаров // Лингвистическая семантика и семиотика. I. Семантика номинации и семиотика устной речи // Тартуский университет : ученые записки. – Вып. 442. – Тарту : ТГУ, 1978. – С. 64–112.
43. Голев Н. Д. Стихийная узуализация номинативных единиц / Н. Д. Голев // Известия УрФУ. – 2001. – № 20. – С. 94–101.
44. Гловинская М. Я. Слабообщечная лексика в просторечии и разговорной речи / М. Я. Гловинская // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты : сб. статей в честь 80-летия Игоря Александровича Мельчука. – М. : Языки славянских культур, 2012. – С. 186–190.
45. Голованова Л. Н. Лингвокреативность как свойство языкового сознания личности [Электронный ресурс] / Л. Н. Голованова, Е. Н. Панкратова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 3. – Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=20288> (дата обращения: 15.03.2021).
46. Головин Б. Н. Введение в языкознание : учебное пособие / Б. Н. Головин. – М. : Высшая школа, 1977. – 311 с.

47. Голубова В. М. Исследования природы креативного мышления и креативности личности / В. М. Голубова // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – № 2–5. – С. 1067–1071.
48. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // *Новое в зарубежной лингвистике*. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 217–237.
49. Граудина Л. К. Разговорные и просторечные формы в грамматике / Л. К. Граудина // *Литературная норма и просторечие*. – М. : Наука, 1977. – С. 77–111.
50. Грачев М. А. Язык молодежи : лингвистический ландшафт Нижнего Новгорода / М. А. Грачев, Т. В. Романова ; Администрация Нижнего Новгорода. - Нижний Новгород : Книги, 2008. – 253 с.
51. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте : монография / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2008. – 165 с.
52. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Наука, 1996. – 225 с.
53. Гугунава Д. В. Особенности словотворчества в современной литературной критике. ИЛИ Специфика словопроизводства в литературной критике произведений постмодернизма : автореф. дисс канд. наук : 10.02.01 / Д. В. Гугунава. – Нижний Новгород, 2003. – 23 с.
54. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // В. фон. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 37–297.
55. Гуревич К. М. Психологическая диагностика : учебное пособие / К. М. Гуревич, Е. М. Борисова. – М. : изд-во УРАО, 2000. – 183 с.
56. Гуревич Л. С. Прагмасемантический анализ как методологическая основа исследования диапазона смысловых реализаций слова / Л. С. Гуревич // *Слово в предложении: коллект. монограф.* – Иркутск : ИРГЛУ, 2010. – С. 216–250.

57. Ерофеева Т. И. Нормы устной городской литературной речи в социолингвистической интерпретации / Т. И. Ерофеева // Русский язык сегодня. – Вып. 4. Проблемы языковой нормы : сб. статей / отв. ред. Л. П. Крысин. – М., 2006. – С. 206–214.
58. Ерофеева Т. И. Локальные элементы в литературной речи горожан / Т. И. Ерофеева // Языковой облик уральского города. – Свердловск : УрГУ, 1990. – С. 15–22.
59. Земская Е. А. Активные процессы в русском языке последнего десятилетия XX века [Электронный ресурс] / Е. А. Земская. – Режим доступа: <http://linguistics-online.narod.ru/index/0-393> (дата обращения 14.03.2021).
60. Земская Е. А. Городская устная речь и задачи ее изучения / Е. А. Земская // Разновидности городской устной речи. – М. : Наука, 1988. – С. 5–44.
61. Земская Е. А. Окказиональные и потенциальные слова в русском словообразовании / Е. А. Земская // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд, 1972. – Т. 1. – С. 19–28.
62. Земская Е. А. Политематичность как характерное свойство непринужденного диалога / Е. А. Земская // Разновидности городской устной речи : сб. науч. трудов / отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. – М. : Наука, 1988. – С. 234–259.
63. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. – М. : Русский язык, 1979. – 240 с.
64. Земская Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М. : Наука, 1992. – 220 с.
65. Земская Е. А. Языковая игра / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Наука, 1983. – С. 172–214.
66. Земская Е. А., Китайгородская М. А. Современное городское просторечие и задачи его описания / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская // Словарные категории: сб. статей / Ответ. ред. Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1988. – С. 166–171.

67. Земская Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, М. А. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 277 с.
68. Золотарева М. Н. Неологизмы современного русского языка в деривационном аспекте: на материале неологизмов 70 – 90 годов XX века с глагольными корнями : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / М. Н. Золотарева. – Екатеринбург, 2001. – 21 с.
69. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // Вопросы языкознания. – М., 1964. – № 6. – С. 26–38.
70. Захаров В. П. Словообразовательные неологизмы в русском языке (корпусное исследование / В. П. Захаров // Неология и неография. – СПб. : Нестор-История, 2016. – С. 57–64.
71. Захарова О. С. К проблеме соотношения понятий «окказионализм» и «потенциальное слово» / О. С. Захарова // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – 2013. – № 3. – С. 14–25.
72. Иванова Г. А. Городская вывеска: внешняя и внутренняя сторона эргонима / Г. А. Иванова // Интерпретация образа человека: Опыт лингвистического описания собирательного образа горожанина (образ жителей г. Кирова) / науч. ред. Л. В. Калинина, С. В. Чернова. – Киров : Изд-во ВятГГУ, 2011. – С. 57–62.
73. Изотов В. П. Возможности русского словообразования / В. П. Изотов // Материалы Всероссийской научной конференции «Русский язык: прошлое, настоящее, будущее» // Альманах «Говор» – Саратов ; Сыктывкар : Изд-во Коми РИПКРО МО РК, 1996. – С. 5–7.
74. Изотов В. П. Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка) : автореф. дис... д-ра фил. наук : спец. 10.02.01 / В. П. Изотов. – Орел, 1998. – 36 с.
75. Ильясова С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – 4-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2015. – 296 с.

76. Ирисханова О. К. Лингвокреативные основания теории номинализации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 / О. К. Ирисханова. – М., 2005. – 55 с.
77. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : монография / О. С. Иссерс. – Омск, 1999. – 285 с.
78. Каллистратидис Е. В. Языковая игра в неформальной интернет-коммуникации: на материале русского языка начала XXI века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 / Е. В. Каллистратидис. – Ростов-на-Дону, 2013. – 23 с.
79. Капанадзе Л. А. О жанрах неофициальной речи / Л. А. Капанадзе // Разновидности городской устной речи : сб. науч. трудов / ответ. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. – М. : Наука, 1988. – С. 230–234.
80. Капанадзе Л. А. Современное городское просторечие и литературный язык / Л. А. Капанадзе // Городское просторечие. Проблемы изучения. – М. : Наука, 1984. – С. 5–12.
81. Каргаполова И. А. «Языковая игра» в лексикографическом и научном освещении: концептуально-методологический анализ / И. А. Каргаполова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – Серия филологические и исторические науки, культурология. – 2007. – № 9 (47). – С. 44–53.
82. Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И. Т. Касавин. – М. : Канон+, 2008. – 437 с.
83. Кацнельсон С. Д. О грамматической семантике / С. Д. Кацнельсон. Общее и типологическое языкознание. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. – С. 145–152.
84. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение, обозначение / С. Д. Кацнельсон. – М. : Едиториал УРСС, 2011. – 112 с.
85. Кестер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нонстандарт. [Электронный ресурс] / З. Кестер-Тома // Русистика. – Берлин, 1993. – № 2. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics2/koester-93.htm> (дата обращения: 14.03.2021).

86. Киреев Н. И. К истории слова голимый / Н. И. Киреев // Русский язык в научном освещении. – 2018. – № 2 (36). – С. 148–158.
87. Китайгородская М. В. Наблюдения над построением устного просторечного текста / М. В. Китайгородская // Разновидности городской устной речи : сб. науч. трудов / отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. – М. : Наука, 1988. – С. 156–182.
88. Китайгородская М. В. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 496 с.
89. Клюев Е. В. Речевая коммуникация : учеб. пособие / Е. В. Клюев. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.
90. Кобозева Н. И. Прагмасемантическая аномальность высказывания и семантика модальных частиц / Н. И. Кобозева // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста : сб. науч. тр. Ин-та языкознания АН СССР. – М. : Наука, 1990. – С. 194–203.
91. Ковынева И. А. Голофразис как способ словообразования в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 / И. А. Ковынева. – Орел, 2007. – 23 с.
92. Коновалова О. Ю. Языковая игра в современной русской речи / О. Ю. Коновалова : монография. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2008. – 196 с.
93. Копнина Г. А. Лингвистика креатива / Г. А. Копнина // Эффективное речевое общение. – Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2014. – С. 272–273.
94. Костинский Ю. М. К оценке и возможной активизации лексического потенциала языка / Ю. М. Костинский // Литературная норма и просторечие. – М. : Наука, 1977. – С. 118–145.
95. Котелова Н. З. Банк русских неологизмов // Н.З. Котелова. Избранные работы / Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. – СПб. : Нестор- История, 2015. – С. 240–243.

96. Котелова Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Н. З. Котелова. Избранные работы / Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. – СПб. : Нестор-История, 2015. – С. 181–200.
97. Котелова Н. З. Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов // Н.З. Котелова. Избранные работы / Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. – СПб. : Нестор-История, 2015. – С. 254–267.
98. Красса С. И. Модели языковой игры в социолекте / С. И. Красса, А. В. Волкогонова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2012. – № 25. – С. 74–79.
99. Красина Е. А. Лингвистическая прагматика / Е. А. Красина. – М. : Изд-во РУДН, 2006. – 54 с.
100. Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века / Л. П. Крысин // Исследования по славянским языкам. – № 5. – Сеул, 2000. – С. 63–91.
101. Крысин Л. П. «О Толковом словаре русской разговорной речи» / Л. П. Крысин // Слово и язык. – М.: Языки славянских культур, 2011. – С. 446–456.
102. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века : сб. статей. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 144–238.
103. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М. : ИЯ РАН, 1997. – 331 с.
104. Кудинова Т. А. «Общий жаргон» в системе субстандарта [Электронный ресурс] / Т. А. Кудинова // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2010. – № 5. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/5/Kudinova/> (дата обращения: 17.03.2021).
105. Кудинова Т. А. Языковой субстандарт: социологические, лингвокультурологические и лингвопрагматические аспекты интерпретации

- : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 / Т. А. Кудинова. – Нальчик, 2011. – 44 с.
106. Кудрявцева Л. А. Общий сленг в русском языке / Л. А. Кудрявцева // Владимир Иванович Даль и современные филологические исследования. – Киев : ИПЦ «Киевский университет», 2002. – С. 198–202.
107. Кудрявцева Л. А. Язык города: общий сленг [Электронный ресурс] / Л. А. Кудрявцева. – Режим доступа: <http://www.russian.kiev.ua/archives/2005/0512/051220ct01.shtml>
108. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка / Э. В. Кузнецова. – М. : Высш. шк., 1989. – 215 с.
109. Купина Н. А. К проблеме выделения семантической модели / Н. А. Купина // Закономерности словопроизводственного процесса в ономаσιологическом аспекте. Научные труды. Т. 205. – Курск : Курский педагогический институт, 1980. – С. 3–7.
110. Лаврова Н. А. Специфика значения и функции окказионального слова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 10. – С. 161-164.
111. Ларин Б. А. К лингвистической характеристике города / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание. – М. : Просвещение, 1977. – С. 189 – 199.
112. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание. – М. : Просвещение, 1977. – С. 175 – 189.
113. Ларионова А. Ю. Неформальный студенческий дискурс: социолингвистический и лингвокультурологический аспекты: на материале граффити : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.19 / А. Ю. Ларионова. – Екатеринбург, 2011. – 41 с.
114. Лаптева О. А. Дискуссионные вопросы изучения устной литературной речи в аспекте нормы / О. А. Лаптева // Статус стилистики в современном языкознании : межвуз. сб. науч. тр. – Пермь : Перм. ун-т, 1992. – С. 148–160.

115. Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана: разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте / О. А. Лаптева. – Изд. 5-е, стер. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 520 с.
116. Лаптева О. А. Современная русская публичная речь в свете теории стиля / О. А. Лаптева // Вопросы языкознания. – 1978. – № 1. – С. 18–37.
117. Лебедева Н. Б. Русская естественная письменная речь: проблемы и задачи лабораторного исследования / Н. Б. Лебедева // Актуальные проблемы русистики : сб. статей / под ред. Т. А. Демешкиной. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 257–263.
118. Лебедева Е. Б. Уточнение понятия «языковая игра» в лингвистике / Е. Б. Лебедева // Язык и культура. – 2014. – № 4. – С. 48–63.
119. Левашов Е. А. Надежда Захаровна Котелова (1925–1990) / Е. А. Левашов // Н. З. Котелова. Избранные работы. – СПб. : Нестор-История, 2015. – С. 3–7.
120. Лингвистика креатива-2 : коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург : ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. Ун-т», 2012. – 379 с.
121. Лопатенко Н. А. Существительные с суффиксом *-j(o)/-j(e)* в говорах Среднего Урала / Н. А. Лопатенко // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – Вып. 4. – С. 104–106.
122. Лутовинова О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации / О. В. Лутовинова // Известия Российского педагогического университета им. А. И. Герцена. – № 71. – 2008. – С. 58–65.
123. Лыков А. Г. Можно ли окказиональное слово назвать неологизмом? / А. Г. Лыков // Русский язык в школе. – 1972. – № 2. – С. 85–89.
124. Лыков А. Г. Современная русская лексикология (Русское окказиональное слово) / А. Г. Лыков. – М. : Высшая школа, 1976. – 120 с.
125. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДКГ Гнозис, 2003. – 252 с.
126. Малеева М. С. Ономасиологическая характеристика словообразовательных контекстов (на материале окказиональных слов) / М. С. Малеева //

- Закономерности словопроизводственного процесса в ономаσιологическом аспекте. Научные труды. Т. 205. – Курск : Курский педагогический институт, 1980. – С. 25– 40.
127. Маринова Е. В. Новые слова или новые варианты: о множественности интерпретации некоторых лексических новаций XXI века / Е. В. Маринова // Труды Института русского языка им В.В. Виноградова. – Вып. 19. – Материалы междунар. науч. конф. Вторые Григорьевские Чтения «Неология как проблема лингвистической поэтики». – М.: ИРЯ РАН, 2019. – С. 290–296.
128. Маркова Е. М. Роль СМИ в демократизации и креативизации современного русского языка (круглый стол) (В соавторстве с : Рацибурская Л.В., Иссерс О.С., Мельник Ю.А., Зайцева И.П., Сипко Й., Радченко М.В.) // [Электронный ресурс] / Е. М. Маркова // Вестник Московского государственного областного университета. - 2017. № 1.– 46 с. – Режим доступа: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/799> (дата обращения: 29.03.2021).
129. Мартине А. Основы общей лингвистики / А. Мартине // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 3. – М. : Прогресс, 1963. – С. 366–566.
130. Марченко Е.И. Когнитивные подходы к исследованию неологизмов / Е. И. Марченко // Вестник КРСУ. – 2013. – Том 13. – № 9. – С. 148–151.
131. Матезиус В. О потенциальных языковых явлениях / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок. – М. : Прогресс, 1967. – С. 42–69.
132. Минеева З. И. Активные процессы в деривации неоагентов в современном русском языке (1960–2016 гг.) : структурно-семантический и прагматический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 / Минеева З. И. – Петрозаводск, 2017.
133. Минеева З. И. Контаминация в образовании номинаций человека / З. И. Минеева // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2015. – Т. 25. – Вып. 2. – С. 58–68.

134. Миськевич Г. И. Наблюдения за новыми словами / Г. И. Миськевич // Литературная норма и просторечие. – М. : Наука, 1977. – С. 112– 117.
135. Морено Я. Театр спонтанности / Я. Морено – пер. с англ. ; под ред. В. В. Макарова, Б. И. Хасана. – Красноярск : Фонд ментального здоровья, 1993. – 124 с.
136. Мурясов Р. З. Грамматика производного слова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.04 / Р. З. Мурясов. – Ленинград, 1990. – 40 с.
137. Намитокова Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект : монография / Р. Ю. Намитокова. – Ростов : изд-во Ростовского ун-та, 1986. – 160 с.
138. Николина Н. А. Активные процессы в сфере сложения в современном русском языке / Н. А. Николина // Вестник Нижегородского университета им. Н. А. Лобачевского. – 2013. – № 6 (2). – С. 171–173.
139. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего: От замысла к высказыванию / Б. Ю. Норман. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 232 с.
140. Норман Б. Ю. Между языком и текстом: потенциальная грамматика / Б. Ю. Норман // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2012. – Выпуск 10. – С. 5–17.
141. Нухов С. Ж. Языковая игра как одна из форм проявления общеэстетической категории комического / С. Ж. Нухов // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. – № 1. – С. 171–178.
142. Нухов С. Ж. Языковая игра: возможные подходы и трактовки явления / С. Ж. Нухов // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. – № 1. – С. 165–170.
143. Огольцева Е. В. Аспекты изучения потенциальности словообразовательной модели / Е. В. Огольцева // Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах. – Н. Новгород : НовГУ, 2001. – С. 121–128.
144. Орехова Н. В. Спонтанность как психологическое понятие / Н. В. Орехова // Сибирский психологический журнал. – 2011. – № 51. – С. 7–19.

145. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью : монография / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 272 с.
146. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
147. Панов М. В. Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование / М. В. Панов // Лексика современного русского литературного языка : коллективная монография. Кн. 1. – М. : Наука, 1968. – 185 с.
148. Панов М. В. О балансе внутренних и внешних зависимостей в развитии языка / М. В. Панов // Труды по общему языкознанию и русскому языку. – Т. 1. / Под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. – М. : Языки славянской культуры, 2007. – С. 458–466.
149. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку / М. В. Панов. Т. 2 / Под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. – М. : Языки славянской культуры, 2007. – 848 с.
150. Петров А. В. Отфразелогическая деривация сквозь призму базовых понятий словообразования / А. В. Петров // Восточноукраинский лингвистический сборник. Донецкий национальный университет / под ред. Е. С. Отина. – Донецк : Донеччина, 2004. – С. 242–264.
151. Петров А. В. Реализация творческого потенциала в речи крымчан / А. В. Петров // Современная картина мира: крымский контекст: коллект. моногр. Кн 1 / Т. В. Аржанцева, Г. Ю. Богданович, С. Я. Дикарева и др. – под ред. Г. Ю. Богданович. – Симферополь, 2017. – С. 45–68.
152. Пешковский А. М. Объективная и нормативная точки зрения на язык / А. М. Пешковский // Избранные труды. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 50–63.
153. Плотникова Л. И. Словотворчество как феномен языковой личности: порождение, функционирование, узуализация нового слова : автореферат дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 / Л. И. Плотникова. – Белгород, 2004. – 42 с.

154. Попова М. А. Факторы и векторы процесса неологизации современного русского языка / М. А. Попова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – Выпуск № 2. – С. 72–75.
155. Попова Т. В. Неология и неография современного русского языка : учеб. пособие / Т. В. Попова, Л. В. Рацибургская, Д. В. Гугунава. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 168 с.
156. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 300 с.
157. Почепцов Г. Г. Коммуникативные технологии XX в / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук : Ваклер, 1999. – 348 с.
158. Рабенко Т. Г. Фатика и средства ее реализация в радиоэфире / Т. Г. Рабенко // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 3 (29). – С. 50–59.
159. Радбиль Т. Б. Прагмасемантические аномалии в среде языковых аномалий русской речи / Т. Б. Радбиль // Русский язык в научном освещении. – № 2. (12). – 2006. – С. 56–79.
160. Радченко М. В. Причины и способы появления окказиональных слов в языке прессы [Электронный ресурс] / М. В. Радченко // Современные исследования социальных проблем. – 2013. – № 4 (24) – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-sposoby-poyavleniya-okkazionalnyh-slov-v-yazyke-pressy/viewer> (дата обращения: 15.03.2021).
161. Рацибургская Л. В. Антропонимы в современном медийном словотворчестве / Л. В. Рацибургская // Вестник Московского государственного областного университета. - 2017. № 1.– С. 9–13. – Режим доступа: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/799> (дата обращения: 29.03.2021).
162. Рацибургская Л. В., Соловьева Д. В. Медийные новообразования как фактор коммуникативных рисков / Л. В. Рацибургская, Д. В. Соловьева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. – 2018. – Т. 17. – № 4. – С. 81–89.

163. Ревзина О. Г. Поэтика окказионального слова / О. Г. Ревзина // Язык как творчество : сб. научных трудов к 70-летию В. П. Григорьева. – М. : РАН, Инс-т русского языка им. В. В. Виноградова, 1996. – С. 303–308.
164. Региональная лингвистика (Крайний Север-Восток России) : учеб. пособие / Под ред. А. А. Соколянского. – Магадан : СВГУ, 2016. – 219 с.
165. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики : монография / Е. Н. Ремчукова. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 224 с.
166. Ремчукова Е. Н. Феномены массового лингвокреатива: актуальный комплекс «понаехали – понаехали тут – понаехавшие» / Е. Н. Ремчукова // Лингвистика креатива-3 : Коллективная моногр. / под общ. ред. проф. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург : ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. Ун-т», 2014. – С. 286–303.
167. Розен Е. В. На пороге XXI века : Новые слова и словосочетания в немецком языке : учеб. пособие / Е. В. Розен. – М. : Менеджер, 2000. – 192 с.
168. Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования / С. Л. Рубинштейн. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 145 с.
169. Русская грамматика : в 2 томах / Н. Ю. Шведова (Гл. ред.). Т. 1. – М. : Наука, 1980. – 788 с.
170. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / под ред. Е. А. Земской. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 480 с.
171. Сальникова В. В. Семантический и словообразовательный аспекты изучения окказиональных и потенциальных неологизмов / В. В. Сальникова, Т. Р. Шайхутдинова // Science Time. – 2014. – № 7 (7). – С. 380–382.
172. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры : монография / В. З. Санников. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. – 544 с.
173. Селищев А. М. Язык революционной эпохи / А. М. Селищев. – М. : Работник просвещения, 1928. – 248 с.
174. Сенько Е. В. Теоретические основы неологии / Е. В. Сенько. – Владикавказ : Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова, 2001. – 107 с.

175. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 242 с.
176. Серль Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Серль // Философия языка / сост. Дж. Р. Серль. – Изд. 2-е. – М. : Едиториал УРСС, 2010. – С. 56–75.
177. Сиротинина О. Б. Современная русская разговорная речь и ее особенности / О. Б. Сиротинина. – М. : Просвещение, 1974. – 144 с.
178. Ситько Ю. Л. Активные процессы в русском языке г. Севастополя / Ю. Л. Ситько // Аналитический сборник по результатам мониторинга функционирования русского языка в г. Севастополе : сб. статей / сост. Ю. Л. Ситько. – Севастополь: ОО САЭЛ, 2007. – С. 188–201.
179. Скворцов Л. И. Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии / Л. И. Скворцов // Литературная норма и просторечие. – М. : Наука, 1977. – С. 29–57.
180. Складеревская Г. Н. Метафора в системе языка : монография / Г. Н. Складеревская. – СПб. : Наука, 1993. – 151 с.
181. Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как системное образование / Г. Г. Слышкин // Вестник Воронежского университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 1. – С. 29–34.
182. Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI вв. / Отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Языки славянской культуры, 2007. – 709 с.
183. Стернин И. А. Наведение сем в значении слова / И. А. Стернин // Исследования по семантике. – Уфа : Башкирский гос. ун-т, 1988. – С. 13–17.
184. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного : монография / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
185. Тан Хайюе. Функционирование неофициальных топонимов в русских и китайских языках / Тан Хайюе, М. Ю. Криницкая // Ученые заметки ТОГУ. 2016. – Т. 7. – № 3(2). – С. 143–146.
186. Текзекбаева Г. А. Спонтанная речь как объект лингвистики / Г. А. Текзекбаева // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. – № 1. – С. 76–79.

187. Тогоева С. И. Психолингвистические проблемы неологии : монография / С. И. Тогоева. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2000. – 155 с.
188. Торопцев И. С. Исходные моменты лексической объективации / И. С. Торопцев // Проблемы ономазиологии: научные труды / под науч. ред. И. С. Торопцева. – Т. 46 (139). – Курск : КурГУ, 2015. – С. 3–88.
189. Трик Х. Е. Основные направления изучения экспериментального творчества / Х. Е. Трик // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. – М., 1981. – С. 260–362.
190. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. – Российская акад. наук, Инс-т русского яз. им. В. В. Виноградова, 1996. – 221 с.
191. Улуханов И. С. О причинах, влияющих на степень системности и нормативности языковых единиц / И. С. Улуханов // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – Т. 50. – № 4. – М. : Наука, 1991. – С. 291–304.
192. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания : монография / И. С. Улуханов. – Изд. 4-е. – М. : URSS, 2007. – 254 с.
193. Федянина О. Н. Лексика некодифицированных сфер языка в речи горожан / О. Н. Федянина // Интерпретация образа человека: Опыт лингвистического описания собирательного образа горожанина (образ жителей г. Кирова) / науч. ред. Л. В. Калинина, С. В. Чернова. – Киров : Изд-во ВятГГУ, 2011. – С. 79–94.
194. Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография / Н. И. Фельдман // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4. – С. 64–73.
195. Фещенко В. В. Язык как творчество и творчество в языке / В. В. Фещенко // Критика и семиотика. – 2012. – Вып. 17. – С. 84–94.
196. Флоря А. В. К вопросу о русской неологии / А. В. Флоря // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2000. – № 2. – С. 4–8.

197. Фомина М. И. Лексикология / М. И. Фомина. – 4-е изд., испр. – М. : Высшая школа, 2001. – 415 с.
198. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М. : Русский язык, 2002. – 216 с.
199. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм; пер. с англ. А. И. Фета. – Philosophical archive. Sweden, 2016. – 231 с.
200. Фуникова С. В. Языковая игра как актуальная тенденция в городской коммуникации (на материалах г. Белгорода) / С. В. Фуникова // Научный результат. Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». – 2016. – Т. 2, № 3. – С. 35–40.
201. Ханпира Э. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании русского языка / Э. Ханпира // Развитие словообразования русского языка. – М. : Наука, 1966. – С. 153–166.
202. Ханпира Э. Окказиональные элементы в современной речи / Э. Ханпира // Стилистические исследования : сб. статей. – М. : МГУ, 1972. – С. 245–318.
203. Харченко В. К. Креатив разговорного дискурса / В. К. Харченко // Лингвистика креатива-2 : коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург : ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. – С. 147–164.
204. Хейзинга Й. Homo ludens; Статьи по истории культуры / Йохан Хейзинга / Сост., пер. и авт. вступ. ст. Д. В. Сильвестров ; Науч. коммент. Д. Э. Харитоновича. – М. : Прогресс-традиция, 1997. – 412 с.
205. Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли : пер. с англ. / Н. Хомский. – М. : КомКнига, 2005. – 232 с.
206. Хорошева Н. В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках / Н. В. Хорошева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – № 3 (15). – С. 32–36.

207. Цейтлин С. Н. Детские инновации: к истории изучения / С. Н. Цейтлин // Лингвистика креатива-2 : коллективная моногр. / под общ. ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012. – С. 49–62.
208. Цикушева И. В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования / И. В. Цикушева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 90. – С. 169–171.
209. Цыганова Н. Д. Полиаспектное описание неолексем (по материалам словотворческих интернет-сайтов) : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Н. Д. Цыганова. – Абакан, 2015. – 20 с.
210. Шарипова О. А. Неофициальные топонимы как подсистема языка города / О. А. Шарипова // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 4. – Т. 1. Гуманитарные науки. – С. 203–206.
211. Шарифуллин Б. Я. Языковая политика в городе: право языка vs. языковые права человека (право на имя) / Б. Я. Шарифуллин // Юрислингвистика-2 : русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 172–181.
212. Шарифулин Б. Я. Общая характеристика речевой ситуации в российском городе начала XXI века / Б. Я. Шарифуллин // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 1. – С. 67–85.
213. Шихкебиров Н. И. Языковая игра в тосте: автореферат дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Н. И. Шихкебиров. – Махачкала, 2012. – 24 с.
214. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
215. Шмелева Т. В. Ономастика : учеб. пособие / Т. В. Шмелева. – Славянск-на-Кубани : Издат. центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2013. – 161 с.
216. Шмелева Т. В. Язык города: опыт изучения и перспективы. История как серия открытий / Т. В. Шмелева // Аналитический сборник по итогам

- мониторинга функционирования русского языка в г. Севастополе : сб. статей / сост. Ю. Л. Ситько. – Севастополь : ОО САЭЛ, 2007. – С. 111–162.
217. Юнаковская А. А. «Язык города» как лингвистическая проблема / А. А. Юнаковская // Вестник Омского университета. – 2011. – № 3. – С. 193–197.
218. Юнг К. Общие аспекты психоанализа / К. Юнг // Критика психоанализа / пер. с нем. и англ. под общ. ред. В. Зеленского. – СПб. : Гуманитарное агентство «Академический проект», 2000. – 304 с.
219. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика. Структурализм : «за» и «против» / Р. О. Якобсон. – М. : Прогресс, 1975. – С. 193–230.
220. Якобсон Р. О. Лингвистика в ее отношении к другим наукам / Р. О. Якобсон // Избранные работы. – М. : Прогресс, 1985. – 460 с.
221. Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – М. : Индрик, 2001. – 504 с.
222. Ященко Т. А. Прагматонимы как отражение языковой картины мира крымчанина / Т. А. Ященко, Сунь Юйминь // Современная картина мира: крымский контекст : коллект. моногр. Кн. 1 / под ред. Г. Ю. Богданович. – Симферополь, 2017. – С. 68–90.
223. Amabile T. The social psychology of creativity / T. Amabile. – N. Y., 1973. – 245 p.
224. Fauconnier, G., Turner, M. Conceptual Integration Networks / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive Science. 1998, Vol. 22(2), Pp. 133-187.
225. Fasold W. Ralph and Preston R. Dennis The psychological unity of inherent variability: old Occam whips out his razor. Sociolinguistic variation. Theories, methods and applications. – Cambridge University Press, 2007. – Pp. 45-70.
226. Guilford J. P. Creativity. American psychology. 1950, vol.5, no. 9. – Pp. 444-454.
227. Labov W. On the mechanism of linguistic change / W. Labov. – Georgetown University, Washington. Monograph No18. Languages and linguistics. – Pp. 91-115.

228. Rosch E. Principles of categorization // Cognition and categorization. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – Pp. 26-48.
229. Torrance E. P. Some products of twenty-five years of creativity research. Educational perspectives. 1984, Vol. 22, no. 3. – Pp. 47-59.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

230. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
231. Грачев М. А. Словарь современного молодежного жаргона : более 6000 жаргонизмов / М. А. Грачев. - Москва : Эксмо, 2007. – 666 с.
232. Елистратов В. С. Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг. : Около 9 000 слов, 3 000 идиоматических выражений / В. С. Елистратов. – М. : Русские словари, 2000. – 684 с.
233. Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона : Ок. 450 слов / Под общим руководством Р. И. Розиной. – М. : Азбуковник, 1999. – 320 с.
234. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – Режим доступа : <https://www.efremova.info> (дата обращения 01.04.2021).
235. Клименко Е. Н. Словарь екатеринбуржца / Е. Н. Клименко, Т. В. Попова. – Екатеринбург : Уральский государственный лесотехнический университет, 2012. – 132 с.
236. Новое в русской лексике: словарные материалы, 1993 / Сост. Левашов Е. А. ; Под ред. Буцевой Т. Н. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. – 448 с.
237. Новое в русской лексике: словарные материалы, 1994: [А – Я] / Российская акад. наук, Ин-т лингвистических исслед. ; под ред. Ю. Ф. Денисенко. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 398 с.

238. По-пермски говоря: словарь пермских слов и выражений. – Пермь : «Слово», 2013. – 105 с.
239. Словарь современного русского города / под ред. д-ра филол. наук, проф. Б. И. Осипова. – М. : ООО «Русские словари» : ООО «Астрель»: ООО «АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2003. – 563 с.
240. Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным / А. Н. Тихонов. – М. : АСТ, 2014. – 639 с.
241. Толковый словарь русской разговорной речи. – Вып. 1: А–И. / отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 776 с.
242. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В. В. Химик. – СПб. : Норинт, 2004. – 762 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ

243. myslang.ru
244. www.ruscorpora.ru
245. teenslang.su

ПРИЛОЖЕНИЕ

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК КРЕАТИВНЫХ ЕДИНИЦ СПОНТАННОЙ РЕЧИ КРЫМЧАН

1. АБРАМОВИЧ	46. БАРАШЕК
2. АВТОДЖЕНТЕЛЬМЕН	47. БАХСАН
3. АВТОКЛАВА	48. БАХУВРЕНЦИЯ
4. АВТОМАТ	49. БАХЧИК
5. АВТОПОМОЙКА	50. БАХЧИПАРИЖ
6. АГНИЯ БАРТО	51. БАШКОРКОСТАН
7. АГРИТЬСЯ	52. БАЯН
8. АДЖИПАРИЖ	53. БАЯН БАЯНЫЧ
9. АДИК	54. БЕГЕМОТНИК
10. АЙМОБИЛА	55. БЕДАСЕЧКА
11. АЙФОБИЯ	56. БЕДНЯЖИТЬ
12. АЙФОНЩИКИ	57. БЕЗДЕЛОПРОИЗВОДСТВО
13. АЙФОНЫЧ	58. БЕЛОСВАДЕБНОЕ
14. АКВАРИУМ	59. БЕРЕМЕНЯТА
15. АККУМУЛЯТОР	60. БЕРЕМЧАТЫЕ
16. АККУРАШЕЧКО	61. БЕСОМЫКА
17. АКМЕМОСЫ	62. БЕССОННИЧАТЬ
18. АКЦИОНЕР	63. БИЖА
19. АЛЕЙКУМ ПРИВЕТ	64. БИЗНЕСМЕНОВИЧ
20. АЛЕША	65. БИРЖА
21. АЛИНЕНОК	66. БЛАГОДЯКУЮ
22. АЛКОБОЛЬ	67. БЛАГОЛЕНИЕ
23. АЛКОРИТМЫ	68. БЛЕНДЕРНУТЬ
24. АЛЛЕРГИТЬ	69. БЛИСТЕНЬКИЙ
25. АЛЛОКАТЬ	70. БЛУДИТЬСЯ
26. АЛЬ-ДЕНТЕ	71. БОБИТА-СЕНЬОРИТА
27. АМЕБА АМЕБОЙ	72. БОГОВАТЬ
28. АНАШКА / БАБАШКА	73. БОДРЯНКА
29. АНЖЕЛА ДЭВИС	74. БОДРЯЧКОВО
30. АРИСТОГАД	75. БОЙЛЕРИСТ
31. АРИСТОТЕЛЬ	76. БОКА
32. АРМАГЕДДОНЕЦ	77. БОКЕЕ
33. АРШИК	78. БОЛЬНУТЬ
34. АТЛАНТИЧЕСКИЙ	79. БОМБА
35. АШАН	80. БОМБАСТЕР
36. БАБА КЛАВА	81. БОМБЕЗНЫЙ
37. БАБА-ЯГА	82. БОМБИЧЕСКИЙ
38. БАБКОМЕТ	83. БОМЖУАН
39. БАБУШКОФОН	84. БОМОНД
40. БАКЛУШКА	85. БОМР
41. БАЛАРИКИ	86. БОРОДИНКА
42. БАЛАСЕНОК	87. БРАКОРАЗВОДОЧНЫЙ
43. БАЛИРЕНЕТКИ	88. БРОВИКЮР
44. БАНКОМАТ	89. БРОНЯ
45. БАНЯ	90. БУДИЛО

91. БУДИЛОЧКА
92. БУДКА
93. БУДНЯЖКА
94. БУКСИРКА
95. БУЛЬКАЛКА
96. БУРАТИНО 2
97. БУРСА
98. БУРСИТЕТ
99. БУТЕРБРОДСКИЙ
100. БУЯНКА
101. БЫКОВАТЬ
102. ВАГАНЬКОВСКИЕ
103. ВАЛЕРЫЧ
104. ВАЛЮТНО
105. ВАМПИРЕНЬШ
106. ВАН ЛАВ
107. ВАНГА
108. ВАРИК
109. ВЕЛИПУТЫ
110. ВЕРТИХВОСТИТЬ
111. ВЕРТОЛЕТИТЬ
112. ВЕЧЕРТИНКА
113. ВЗРОСЛЫШИ
114. ВИПАРЬ
115. ВИСКОВНИЧАТЬ
116. ВИТАМИНИТЬСЯ
117. ВОЗДУЙЧИК
118. ВОКЗАЛКА
119. ВОЛНИВЫЙ
120. ВОЛОСНИЦЫ
121. ВОНЯВКА
122. ВОРОБЕЙНИК 2
123. ВОРОТЧИК
124. ВОРУНИШКА
125. ВОСХРУСТИТЕЛЬНЫ
- Й
126. ВПОПЫШКАХ
127. ВРАКУЛА
128. ВТОЛПИТЬСЯ
129. ВЫПЛАКИВАТЬ
130. ВЫСОКОПОСТАВЛЕ
- НИЕ
131. ВЫСПЛЮСЕНЬЕ
132. ВЯЗАЙНЕР
133. ВЯЗТЬ В БОРОДУ
134. ГАД ЖЕ ТЫ
135. ГАЙЦЫ
136. ГАЛОША
137. ГАМАШОК
138. ГАРРИ ПОТЕР
139. ГВАРДИЯ
140. ГВОЗДИТЬ
141. ГЕРАКЛ
142. ГЕРАКЛ СУШЕНЫЙ
143. ГЕРАХЛЯ
144. ГИТАРИТЬ
145. ГИТЛЕР В ЮБКЕ
146. ГЛАЗНЮК
147. ГЛАЗ-ТОПАЗ
148. ГЛАМУРНО-ПЕДИКЮРНО
149. ГЛЮКОЗА
- ГИДРОКОРТИЗОНОВНА
150. ГНЕЗДЫШКО
151. ГОЛИМО
152. ГОРОД-СОБИРАТЕЛЬ
153. ГОСПОДАМА
154. ГРАММОФОНИТЬ
155. ГРАФНИЧАТЬ
156. ГРЕТЬСЯ
157. ГРОЗАНУТЬ
158. ГРУСТИНКА
159. ГРЫЖАНУТЫЙ
160. ГРЯЗИНКА
161. ГУГЛ
162. ДАРИЙ
163. ДВЕРНОЙ ХАКЕР
164. ДВЕСТИ
165. ДЕВУШКИ-
- ШАРМАНКИ
166. ДЕЗЕШКА
167. ДЕКАБРЕНЧИТЬ
168. ДЕКАБРИТЬ
169. ДЕМОКРАДИЯ
170. ДЕФАТЬ
171. ДЖАМШУТЫ
172. ДЖАНКОНГ
173. ДЖАН-ПАРИЖ
174. ДЖЕКПОТ
175. ДЖЕМИТЬСЯ
176. ДЖЕМТЛЬМЕН
177. ДИВАНТНИК
178. ДИДЖЕНЯ
179. ДИКООБРАЗИТЬ
180. ДИСТРОФИЧНЫЙ
181. ДНЕВРИНКА
182. ДНОКЛАСНИКИ
183. ДОГ-ШОУ
184. ДОЖДЕДНЕВЬЕ
185. ДОЖДИЛЯНДИЯ
186. ДОКАНАЕВ
187. ДОКТОРЕССА

188.	ДОЛГОИГРАЮЩИЕ	238.	ЗАКОМПЛИМЕНТИТ
189.	ДОНОСИТЕЛЬНАЯ	Б	
190.	ДОПЛАНИВАТЬСЯ	239.	ЗАМЕНИЧКА
191.	ДОСВИДАНСТВОВАТ	240.	ЗАМЕЧАТЕЛЬНО
Б		241.	ЗАМОТАЙЛО
192.	ДОСВИДОС	242.	ЗАМУЛЬТИВАРИТЬ
193.	ДОСТАТЬСЯ	243.	ЗАОБЕДАТЬСЯ
194.	ДОУБИРОВЫВАТЬ	244.	ЗАПЕТЛЯТЬ
195.	ДРАМАХОЗЯЙКА	245.	ЗАПИТОНИТЬ
196.	ДРЕМ ДРЕМОМ	246.	ЗАПРЕТКА 2
197.	ДРОВОПРОВОД	247.	ЗАПЫЛИТЬ
198.	ДРЫХОДНЫЕ	248.	ЗАСЕБЯЧИТЬСЯ
199.	ДРЯНИКИ	249.	ЗАУЧКА
200.	ДУБААР	250.	ЗАФИЗКУЛЬТУРЕНН
201.	ДУБАИ	БЫ	
202.	ДУБИШКА	251.	ЗАХОМЯЧИТЬ
203.	ДУРКУЛЬ	252.	ЗАЦЕЛУЙКА
204.	ДУХОВЕЙЧИК	253.	ЗАЧУВСТВОВАТЬ
205.	ДЫРЧИК	254.	ЗАШЛАКОВАТЬСЯ
206.	ДЯТЕЛ	255.	ЗВЕЗДЕВО
207.	ЕВПАСИТИ	256.	ЗВЕЗДИТЬ
208.	ЕВРАШКА	257.	ЗВУЧКА
209.	ЕГОЛЮБИЕ	258.	ЗДРАВОВАХОРОНЕН
210.	ЕДРИТ-КУДРИТ	ИЕ	
211.	ЕДЫ	259.	ЗЕЛЕНКА
212.	ЕРШИ ЕРШОВИЧИ	260.	ЗЕФИРДУНЯ
213.	ЖАБА ЖАБОЙ	261.	ЗЛОКЛЮЧЕНИЕ
214.	ЖАННА Д'АРК	262.	ЗЛОХОЛУСТЬЕ
215.	ЖЕЛЕЙНЫЕ НЕРВЫ	263.	ЗОЖУШКА
216.	ЖЕЛТУХА	264.	ЗОЛУШКА 2
217.	ЖЕНИТЬСЯ	265.	ЗОЛУШОК
218.	ЖЕНИХАТЬСЯ	266.	ЗРЯПЛАТА
219.	ЖЕНЩИНКИ	267.	ЗУБОЧЕСКА
220.	ЖЕРЕБИТЬСЯ	268.	ЗЫРИНГ
221.	ЖИВЫЕ-МЕРТВЫЕ	269.	ИЗИ
222.	ЖИРИНКА	270.	ИЗЮМИНКОВАЯ
223.	ЖРАТИНГ	271.	ИНДИГРЕДИЕНТЫ
224.	ЖРИ-ЛАНКА	272.	ИНОСТРАШЫЙ
225.	ЖУКОВКА	273.	ИСЛЯМДИНЬО
226.	ЖУРФАКЕР	274.	ИТАЛЬЯНКА
227.	ЖУРЧЕЙ	275.	ЙОГИНЯ
228.	ЖУЧКА	276.	ЙОГНУТЬСЯ
229.	ЖЮРИТЬ	277.	КАВЕНЬКА
230.	ЗАБЕСПОКОИТЬ	278.	КАВКАЗЕЦ
231.	ЗАВОД	279.	КАЗБЕК
232.	ЗАВОЛОСИТЬСЯ	280.	КАКАРИ
233.	ЗАВТРАКАТЬ	281.	КАКБЫМИ
234.	ЗАДЕРГУШКА	282.	КАКНИБУДЬЦЫ
235.	ЗАДОДЖИТЬ	283.	КАНАЛИЗИРОВАТЬ
236.	ЗАДУШЕВНЫЕ	284.	КАНИКУЛА
237.	ЗАЖИЖИТЬ	285.	КАРАДАГИЗМ

286. КАРАИМИТЬСЯ
 287. КАРАНДАШИ
 288. КАРТОФАН
 289. КАРТЮФЕЛЬ
 290. КАТАРОМАНЧИКИ
 291. КАТАРОМАНЫ
 292. КАТАРСИС
 293. КАТОХА
 294. КВАДРАТЫ
 295. КЕП (КАПИТАН
 ОЧЕВИДНОСТЬ)
 296. КИБЕРБАБУЛЛИНГ
 297. КИПТУШНИК
 298. КИРПИЧНУЛСЯ
 299. КИСЛУХА
 300. КИТАЙ
 301. КИТОДОЙНЯ
 302. КИШЕЧНИК
 303. КИШЛАК
 304. КИШЛАК
 КИШЛАКОМ
 305. КЛАССНЮЧИЙ
 306. КЛЕМАНУЛО
 307. КЛИМАТИТЬ
 308. КЛИПЧИК
 309. КНИГОЛИЧНИЦА
 310. КОВРОЖКА
 311. КОЛЛИЗЕЙ
 312. КОЛОТУН-БАБА
 313. КОЛУМБ
 314. КОЛХОРОПОЛЬ
 315. КОНТРПРИСОЕДИНЕ
 НЕЦ
 316. КОПОК
 317. КОРРОЗЕЙКА
 318. КОСМАЧОМ
 319. КОСМОПОЛИТЕН
 320. КОСТЯ-ЛАКОСТЯ
 321. КОТИКОЛОГ
 322. КОТОПОТАМ
 323. КОТОСТРОФА
 324. КОТЮМОРОН
 325. КОФЕЕВНИЧАТЬ
 326. КОФЕ-ПОФЕ
 327. КОЧКОЛЯНДИЯ
 328. КОШМАРИТЬ
 329. КОЩЕЙ КОЩЕЕМ
 330. КРАСИВЕННЫЙ
 331. КРАСНОЩЕЧКИ 2
 332. КРЕМИРОВАТЬ
 333. КРИВОСЛАВИЕ
 334. КРОВОПИЙЦЫ И
 ВЕРТОЛЕТЫ
 335. КРОКОДИЛЫ
 336. КРОССОВОЧЕК
 337. КРОССОТКА
 338. КРОТ
 БЛИЗОРУКОВИЧ
 339. КРУГЛЯШКА
 340. КРУЖИНКА
 341. КРЫМНАШ
 342. КРЫСИВАЯ
 343. КРЯСАВЧИК
 344. КУБАНЬ
 345. КУБИК
 346. КУКУЗЮМ
 347. КУПЕШКА
 348. КУПИТЬСЯ
 349. КУРЕКУК
 350. КУРЖИ
 351. КУРИБЕЛЬНЫЙ
 352. КУРИЦЕЛАПИЕ
 353. КУРОЧКА
 354. КУСАКА
 355. КУШИЩЕ
 356. КЪАВЕШКА
 357. КЫШНУТЬ
 358. ЛАБОРАТОРКА
 359. ЛАЙТОВАЯ
 360. ЛАЙТОВО
 361. ЛАКОМИТЬ
 362. ЛЕНТА
 363. ЛЕНТЯЙКА
 364. ЛЕПО
 365. ЛЕТНЕВАТЫЙ
 366. ЛЕТНИКОВЫЙ
 367. ЛИБЕРАЛЬЩИНА
 368. ЛИМОННИЧАТЬ
 369. ЛИНЕЙКА
 370. ЛОБОВОЕ
 371. ЛОМАЙКА
 372. ЛОНДОЛЬНЦО
 373. ЛОСЯШИ И БЕРЕЗКИ
 374. ЛОШИЦА
 375. ЛУКОШКО
 376. ЛЬВОВОЛОСЫ
 377. ЛЮЛЯШКОВНА
 378. ЛЯЗЬ
 379. МАДОННА
 380. МАЖОРЕТКА
 381. МАЗИК
 382. МАКФАРОЖКИ

383. МАЛОНЕБЕРУШКА
 384. МАЛЬВИННИК
 385. МАМА КАРЛО
 386. МАНГУПИЗМ
 387. МАНЬЯЧИЗМ
 388. МАРИНАДИК
 389. МАРИЯ МАГДАЛИНА
 390. МАРФА
 391. МАРШЬТЕ
 392. МАСКАРАД
 393. МАТРЕШКИ
 394. МАТЬ ТЕРЕЗА
 395. МАТЯ
 396. МАЯЧНИК
 397. МЕД
 398. МЕДВЕДЯТА
 399. МЕДОВОРЫ
 400. МЕККА
 401. МЕНДЕЛЕЕВ
 402. МЕРИН
 403. МЕТАНУТЬ
 404. МИКРОВОЛНИРОВА
 ТЬ
 405. МИЛОТА
 406. МИЛЬДОНИАДА
 407. МИМОЗЫРЯ
 408. МИНУЛОНАДЦАТЬ
 409. МИНУСЕТЬ
 410. МИСТЕР ПРОПЕР
 411. МНОЖКО
 412. МОЗГАИКА
 413. МОЗГОЕДЫ
 414. МОКРАЯ
 ДИСКОТЕКА
 415. МОКРЫШЕЛЬ
 416. МОНЕТНИЧАТЬ
 417. МОРОЖЕНКО
 418. МОРЬНУТЬ
 419. МОЦАРТ
 420. МОЧЕГОРСК
 421. МУЗЫК
 422. МУЛЬКА
 423. МУЛЬТИВАРКА
 424. МУЛЬТИЗОР
 425. МУ-МУ
 426. МУРЗИК
 427. МЫЛЬНО-РЫЛЬНОЕ
 428. НАБАРДАЧИТЬ
 429. НАБИГХИТИТЬ
 430. НАБРАТЬСЯ
 431. НАГЛАЗНИКИ
 432. НАДЕЖДАКОМПАСМ
 ОЙЗЕМНОЙ
 433. НАДОБИТЬСЯ
 434. НАКАРМАНИТЬСЯ
 435. НАКЛЮКВАТЬСЯ
 436. НАКОНДИНИТЬСЯ
 437. НАЛАКОВИТЬСЯ
 438. НАЛИТЬСЯ
 439. НАМАКАРОНИТЬСЯ
 440. НАМОРЯЧИТЬСЯ
 441. НАПИРОЖИТЬ
 442. НАПРЯГНУТЬСЯ
 443. НАРНИЯ
 444. НАРЦИССИСА
 445. НАРЦИССИТЬСЯ
 446. НАСЛАЖДАТЬ
 447. НАСПАРТАЧИТЬ
 448. НАФРЕКЕНБОЧИТЬС
 Я
 449. НАЧАЙНИЦА
 450. НЕ АЛЕ
 451. НЕСКАЖУК
 452. НИГЕРАКЛ
 453. НОВОГОДИЗАЦИЯ
 454. НОРМАЛДЫ
 455. НОСОПЛЮЙ
 456. НОСОПЫРКА
 457. НОЧЕР
 458. НОЧИ-НОЧИ
 459. НОЧНИЧЕСТВО
 460. НОЧНОЙ ДОЖОР
 461. НОЯБРЬНУТЬ
 462. НУДИЗМ
 463. НУДНИ
 464. НЫТКА
 465. ОБЕСПЕЧЕНИЕ
 466. ОБЛИМОНИТЬ
 467. ОБЛОКЕРЕТЬСЯ
 468. ОБНАСТРОЕНИТЬ
 469. ОБНУЛИТЬСЯ
 470. ОБОНЯТЕЛЬНАЯ
 471. ОБРАХИТИТЬСЯ
 472. ОБУВАТЕЛЬ
 473. ОБЭХАЭС-МАХАЭС
 474. ОВЦА
 475. ОГНЕВОЙ
 476. ОГРЫЗКОФОН
 477. ОГУРЕНЬШ
 478. ОДЕЯЛИЗИРОВАТЬ
 479. ОДНОГОРОДКА
 480. ОДНОГРУСТНИЦА

481. ОДНОИМЕНЦЫ
 482. ОЙОЙОЙКА
 483. ОКАТЬ
 484. ОКЕЮШКИ
 485. ОКÓТИТЬСЯ
 486. ОЛДОВЫЙ
 487. ОЛДУШКИ
 488. ОЛЕНЬ
 489. ОПРИЧАЛИТЬСЯ
 490. ОРЕШНИК
 491. ОРНУТЬ
 492. ОСВЕКРОВИТЬСЯ
 493. ОСЕНЬ НАС ТУПИЛА
 494. ОСТРОУМНИЦА
 495. ОСТРОУХИЕ
 496. ОТБУЛОЧИТЬСЯ
 497. ОТДЫХАЙКИ
 498. ОТЕЦ-ГЕРОИН
 499. ОТЙОЖИТЬСЯ
 500. ОТКИДУШКА
 501. ОТНОШАТЬСЯ
 502. ОТРЕВНИВИТЬСЯ
 503. ОТСОБЕСЕДОВАТЬСЯ
 Я
 504. ОТУСПОКОИТЬ
 505. ОТХЕППИБЕЗДИТЬ
 506. ОТШИБИТОС
 507. ОЧЕРГА
 508. ПАДИК
 509. ПАЛЬЧАТКИ
 510. ПАРДОНИТЬ
 511. ПАРКЕТКА
 512. ПАРЛАМЕНТЕРША
 513. ПЕДУЛИЩЕ
 514. ПЕЛЬМЕННИЧАТЬ
 515. ПЕНИТЬСЯ
 516. ПЕННО-
 ПУЗЫРЬКОВОЕ
 517. ПЕРВОКУРИЦА
 518. ПЕРЕДЕЛКИНО
 519. ПЕРЕЕД
 520. ПЕРЕЗВОНИЛКА
 521. ПЕРЕМЫСЛ
 522. ПЕРЕОБУТЬСЯ
 523. ПЕРЕСЧИТАЛ
 524. ПЕРЛИНКА
 525. ПЕТРУГАН
 526. ПЕТУХАРИЯ
 527. ПЕШКАРИТЬ
 528. ПИВЕЦ
 529. ПИКАССО
 530. ПИРАТКА
 531. ПИТАЛО
 532. ПИЦЦБУРГ
 533. ПЛОСКОЗЕМЕЛЬНЫ
 Й
 534. ПЛЮШКИНКА
 535. ПОБОРОДЕТЬ
 536. ПОВЕСНЕТЬ
 537. ПОВИППЕНДРИВАТЬ
 СЯ
 538. ПОВСЕДНЕВЩИНА
 539. ПОГАНЕНЬКО
 540. ПОГОВОРИТЕЛЬ
 541. ПОГОВОРОЧНАЯ
 542. ПОДНАЕСТЬСЯ
 543. ПОДПОДУШНИК
 544. ПОДРАДИРОВАТЬ
 545. ПОДРУЖАЙКИ
 546. ПОДСЛУШИВАТЕЛЬ
 547. ПОДСОСЕДИТЬСЯ
 548. ПОДШАМАНИТЬ 2
 549. ПОДШТАЛЬНИК
 550. ПО-ЗЕВСКИ
 551. ПОЗДРАВЛЯТЬСЯ
 552. ПОЙДЕТСКИЙ
 553. ПОЛИЦИОНЕР
 554. ПОМЕЛОДРАМИТЬ
 555. ПОМОГАНИЕ
 556. ПОНЧИК
 557. ПОПЕРЕВЫБИРАТЬ
 558. ПОПИСАТЕЛЬ
 559. ПОПОШНИЦА
 560. ПОСЛЕЛЕТНИЙ
 561. ПОТЕРЯШЕЧКА
 562. ПОУМНОЕ
 563. ПОФИКСИТЬ
 564. ПОХАБЫЧ
 565. ПРАВДУН
 566. ПРИГЛАСИТЬСЯ
 567. ПРИЗОРНЫЙ
 568. ПРИКАЗАНО
 ВЫЖИТЬ
 569. ПРИКОЛ ПРИКОЛЫЧ
 570. ПРИНЦЕССА-
 БАБУЛЕССА
 571. ПРИПЛЮСНУЛЬЯРД
 572. ПРОВАЛИДОЛИТЬ
 573. ПРОГОЛАДЫВАТЬ
 СЯ
 574. ПРОЛЕТАРИЙ
 575. ПРОПЕТЛЯТЬ

576. ПРОТАЯНЫ
 577. ПРУЖИНИТЬСЯ
 578. ПУПЫРКА
 579. ПУРГИНКА
 580. ПУСЕЧНЫЙ
 581. ПУСТОЗВОН
 582. ПУТИНОВЕДЕНИЕ
 583. ПУХИ
 584. ПУХОЧИХ
 585. ПУШЕНЦИЯ
 586. ПУШКА
 587. ПУШКАРЬ
 588. ПУШКИН
 589. ПЯТАЧОК
 590. РАБОТНИЦА-
 НЕЛЕНИВИЦА
 591. РАЗБАТОНИТЬСЯ
 592. РАЗВИДЕТЬ
 593. РАЗГРУСТИТЬСЯ
 594. РАЗДАЙБЕДА
 595. РАЗДРУЖИТЬСЯ
 596. РАЗЗВЕРИН
 597. РАЗМИНДАЛЬНИЧАТ
 БСЯ
 598. РАЗМОКРИТЬ
 599. РАЗНООБРАЗ
 600. РАЗРАДОВАТЬСЯ
 601. РАНОВСТАЙКА
 602. РАСКЛУБОЧИТЬ
 603. РАСПРЕКРАСИЕ
 604. РАСЧИТАТЬСЯ
 605. РАХИТЕКТУРА
 606. РВАНОСТЬ
 607. РЕЙТУЗНЫЙ
 608. РЕКЛАМНЕЕ
 609. РЕПИТОБУМЕР
 610. РЕЧКА-АКМЕЧЕЧКА
 611. РИСКАЧ
 612. РИТОРИТЬ
 613. РОГИЙ
 614. РОДСТВЕННЫЕ
 ТУШИ
 615. РОЗАРИТЯНИН
 616. РОЗОЧКА
 617. РОКИСТИЧЕСКИЙ
 618. РОКФЕЛЛЕР
 619. РОКФЕЛЛЕРША
 620. РОСКОШЕСТВОВА
 ТЬ
 621. РУБЛЕВКА
 622. РУБЧОНКА
623. РУКОКРЮК
 624. РУКОТЕНЦЕ
 625. РЫБУСЯ
 626. РЯБУШКА
 627. САГЪ ОЛЧИК
 628. САЛАМИРУЮ
 629. САМОГОНКА
 630. САМОРАЗБУДИТЬСЯ
 631. САМОСМЕЙКИ
 632. САМУРАЙНИЧАТЬ
 633. САРАЙ САРАЕМ
 634. САРКАЗМИНКА
 635. СВЕЖЕПОНАЕХИ
 636. СВЕРЛА
 637. СВЕЧКА
 638. СВИНОПЛЯСКИ
 639. СВОБОБОТА
 640. СЕБЯШКА
 641. СЕВАС
 642. СЕГАЛЯТА
 643. СЕКОНДХОЛКА
 644. СЕЛЕЗЕНКА
 645. СЕЛФИВОД
 646. СЕЛЯМСТВУЙТЕ
 647. СЕРШИЛКИ
 648. СИГНАШКА
 649. СИМУЛЯТОР
 КАССИРА
 650. СИМФЕРОПЫЛЬ
 651. СИНЕКУРИТЬ
 652. СИНТАКСИЧКА
 653. СИРОПОЛЬ
 654. СКВОЗНЯК
 655. СКОЛХОЗИТЬ
 656. СКОЛЬЗОТА
 657. СКРОМНИТЕЛЬНАЯ
 658. СЛАВЯНКА
 659. СЛАДУЧИЙ
 660. СЛОНОТОП
 661. СЛУХОЕЖКА
 662. СМЕХДЕРЖАВА
 663. СМОРЖИК
 664. СНЕГИРЯТА
 665. СНЕГОПОЛИС
 666. СНЕГОПУЗИК
 667. СНЕГОЧВЯК
 668. СОБАЧЕЕ
 669. СОРЯН
 670. СОЧЕТНУТЬ
 671. СПОЙЛЕР
 672. СПОТЫКАЧ 3

673. СТАЛИН
 674. СТАМЕСКА
 675. СТЕКЛЯШКА
 676. СТЕРИЛЬНО
 677. СТЕРИЛЬНЫЙ
 678. СТОЯМБУС
 679. СТРАХОГОР
 680. СТРАШНОСТИ
 681. СТРЕКОЛАПКА
 682. СТЭНДАПИТЬСЯ
 683. СУПЕРОВСКИЙ
 684. СУПРУЖЕСКАЯ
- ПАРА
685. СУСАНИН
 686. СУСЛИКОВАТЫЙ
 687. СУХАРЬ СУХАРЕМ
 688. СУХАЯ
- ТАНЦПЛОЩАДКА
689. СУХОФРУКТЫ
 690. СФАРИТЬСЯ
 691. СЦЕПЛЕР
 692. СЭМОЦИНИРОВАТЬ
 693. СЭСЭМЭСИТЬСЯ
 694. ТАБЛЕТКА
 695. ТАЗИК
 696. ТАКСЕРИТЬ
 697. ТАКСИСТ
 698. ТАНКОВАТЬ
 699. ТАРАРЫГА
 700. ТЕЛЕПОРТИРОВАТЬ
 701. ТЕЛЕФОНИТЬ
 702. ТЕЛЕФОНЯ
 703. ТЕЛОКЛЕЙКА
 704. ТЕПЛЫШКО
 705. ТЕРАФЛЮШКА
 706. ТЕРПИМОТУРА
 707. ТЕТЕРЬ
 708. ТЕЩИН ЯЗЫК
 709. ТОКСИЧНЫЙ
 710. ТОЛПОРУБКА
 711. ТОЛСТЕНОК
 712. ТОЛСТЯК
 713. ТОПИК
 714. ТОРМОЗИЛО
 715. ТОРТИТЬ
 716. ТОРТОВНИЧАТЬ
 717. ТОШНИЛКИН
 718. ТРАВА ТРАВой
 719. ТРАССА
 720. ТРЕЗВОНКА
 721. ТРЕТЬЕКУРЫ
722. ТРИ ПОРОСЕНКА
 723. ТРУСЫ-МУСЫ
 724. ТУНИСЫ И ТУРЦИИ
 725. ТУПЕЕЦ
 726. ТУПИЧКОВАЯ
 727. ТУТОВКА
 728. ТХЭКВОНДОСТИК
 729. ТЮТЕЛИ МАТЕЛИ
 730. УГНЕЗДИТЬСЯ
 731. УЗИ-МУЗИ
 732. УКРАШАТЕЛЬСТВО
 733. УКУЛЯЛЯ
 734. УЛИЦИОНЕР
 735. УЛЫБАЙКА
 736. УЛЫБНУТЬСЯ
 737. УМНЯКАТЬ
 738. УПОРОТЫЙ
 739. УПОРОТЬСЯ
 740. УПОРХНУТЬСЯ
 741. УПРАЖНЮШКИ
 742. УРОДСТВЕННИКИ
 743. УСТНЕНЬКО
 744. УТЯШ
 745. УХОТЕР
 746. УХТЫШКА
 747. УЧКУДУЕВКА
 748. УШАТАННАЯ
 749. ФАРШ
 750. ФАСОЛЕВАЯ
- ПЕЩЕРА
751. ФАСТФУДОВАЯ
- ЖЕЛЕЗА
752. ФЕЕРЕЙКА
 753. ФЕСТИВАЛИТЬ
 754. ФИЛОЛОГИНЯ
 755. ФИЛЬМОКРУТ
 756. ФИНИК
 757. ФИОЛЕТОВО
 758. ФЛАЕРОК
 759. ФЛОМАСТЕР
 760. ФОНТАНЫ-СИТИ
 761. ФОТОГРАФ-
- ВИДЕОГРАФ
762. ФРЕДДИ КРЮГЕРША
 763. ХАЙТАРМУШКИ
 764. ХАЛАТНИКИ
 765. ХАМЕЛЕОНИТЬ
 766. ХАМСЯТНИК
 767. ХАПАЛУШКА
 768. ХАРКАЛЬНАЯ
 769. ХВОРАСТИК

- 770. ХВОРИЖКИ
- 771. ХВОРОБУШЕК
- 772. ХЕЛПАНУТЬ
- 773. ХИНКАЛЫЧ
- 774. ХИХИДНО
- 775. ХЛЕБОБУБЛОЧНЫЕ
- 776. ХЛЕСТОВКА
- 777. ХОЗЯЙКА МЕДНОЙ

ГОРЫ

- 778. ХОКЕЙ
- 779. ХОМЯЧОК
- 780. ХОТЕЛЕНЬКА
- 781. ХОТИМЫЙ
- 782. ХОХОТАЛО
- 783. ХРАПУНЦЕЛЬ
- 784. ХУДОХУДОЖНИК
- 785. ХЬЮСТОН
- 786. ЦЕНТРОШАТНИК
- 787. ЦК
- 788. ЦУКАТИТЬСЯ
- 789. ЧАЕМАН
- 790. ЧАЙКОФСКИЙ 2
- 791. ЧАЙНИСС
- 792. ЧЕ ГЕВАРА
- 793. ЧЕБУПИЦА
- 794. ЧЕБУРАШКА
- 795. ЧЕЛИКОБАКТЕРЫ
- 796. ЧЕРВОТОЧИТ
- 797. ЧЕРНОТА ЧЕРНОТОЙ
- 798. ЧЕРНЬ
- 799. ЧЕХАРДИТ
- 800. ЧИНГИЗРЕНЦИЯ
- 801. ЧИПСОВАТЬ
- 802. ЧИРКА
- 803. ЧИТАЙКА
- 804. ЧУДАСИЯ
- 805. ШАЙБОЧКА
- 806. ШАМАРНУТЬ

- 807. ШАРМИНКА
- 808. ШАУРМИСТЫ
- 809. ШАУРМЯУ
- 810. ШВЕЙЦАРИТЬСЯ
- 811. ШЕДЕВРАШЕЧКА
- 812. ШЕПОТИТЬСЯ
- 813. ШЕРЛОК
- 814. ШЕСТАЯ/ СЕДЬМАЯ

ГОРКА

- 815. ШИВА
- 816. ШИКАРДОС
- 817. ШИЛОПОПОСТЬ
- 818. ШИРПОТРЕБИТЬСЯ
- 819. ШКОЛОТА
- 820. ШОРКИ
- 821. ШТОРМАЛЬНО
- 822. ШТРУДЕНЬ
- 823. ШТУРМИТЬ
- 824. ШУМАХЕР 2
- 825. ШУРУЮТ-МУРУЮТ
- 826. ШУТКА-НАНАЙКА
- 827. ШФЕЯ-

ВОЛШЕБНИЦА

- 828. ЩЕДРИТЬ
- 829. ЭВЕРЕСТ
- 830. ЭКСКУРСОВОДИТЬ
- 831. ЭЛЬФИЙКА
- 832. ЭТНА
- 833. ЭФИРИТЬСЯ
- 834. ЮЖКА 2
- 835. ЮЗАТЬ
- 836. ЮЗНУТЬ
- 837. ЯМИСТЫЕ
- 838. ЯРЧИТЬ
- 839. ЯРЫМ-ПОПОЛАМ
- 840. ЯХШИБИСЬ
- 841. GPS

КАРТОТЕКА КРЕАТИВНЫХ ЕДИНИЦ СПОНТАННОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА

АБРАМОВИЧ

Молодая девушка выбирает шоколад в супермаркете. К ней подбегает мальчик и просит купить ему Киндер-сюрприз, на что девушка отвечает: «Перебьешься, я тебе не *Абрамович* киндеры покупать».

Девушка 20-25 лет, супермаркет «Фуршет», г. Симферополь, 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

АВТО-ДЖЕНТЕЛЬМЕН

Девушка за рулем замечает, проезжая левый поворот о пропустившем ее водителе встречной машины: «*Уважаю таких мужиков – автоджентельменов*».

Девушка, 27-ми лет, г. Симферополь, март 2017.

Д. А. Таньчева

АВТОКЛАВА

Подошедшую к автоклаву для стерилизации инструментов медсестру, другой сотрудник клиники, смеясь, назвал *Автоклавой*.

Мужчина, около 30 лет, крымский татарин, высшее образование, ул. Семашко, 19, г. Симферополь, ноябрь 2018 г.

И. В. Чепурина

АВТОМАТ

Студенты второго курса инженерного направления просят преподавателя поставить зачет автоматически по текущим оценкам. На что преподаватель отвечает: «*Получите вы свои автоматы только в армии*».

Мужчина, 35 лет, преподаватель вуза, г. Симферополь, КИПУ, июнь 2016 г.

Н. Джапарова

АВТОПОМОЙКА

В ответ на замечание о необходимости отвезти машину на автомойку мужчина замечает: «*Ее на автомойку пора бы*».

Мужчина, 45 лет, г. Симферополь, октябрь 2016 г.

А. Левицкая

АГНИЯ БАРТО

Пожилая женщина, вспоминая юные годы, сказала: «*Знала математику, как стихи Агнии Барто*».

Женщина, 65-70 лет, русская, образование высшее, Симферополь, 25 июля 2017

А.В. Петров

АГРИТЬСЯ

Молодой человек обращает внимание своей девушки на ссорящихся в автобусе женщин: «*Глянь, как агрится дамочка!*»

Молодой человек, 19-20 лет, славянской внешности, г. Симферополь, маршрутное такси №54, июнь 2019 г.

Е. Поликарпова

АДЖИПАРИЖ

Иронично-любовное название п. Аджимушкой.

п. Аджимушкой, 2016 г.

Н. Ткаченко

АДИК

Из разговора женщин на улице: «*Надоел мне этот детский адик!*».

Женщина, около 50-ти лет, крымская татарка, Симферопольский район, с. Маленькое, ноябрь 2019 г.

Д. Войченко

АЙМОБИЛА

Бытующее в среде молодежи название популярного смартфона фирмы «Apple».
г. Симферополь, март, 2016 г.

А. Левицкая

АЙФОБИЯ

В ответ на вопрос, не хочет ли молодой человек приобрести себе айфон, он произносит: *«Так много вокруг развелось айфонов, что у меня развилась айфобия»*.

Молодой человек, 22 года, г. Симферополь, ноябрь 2016 г.

А. Левицкая

АЙФОНЩИКИ

В разговоре о телефонах парень спрашивает: *«А тебе не кажется, что наши айфонщики покупают дорогие модели только ради того, чтобы повиппендриваться?»*, и начинает смеяться.

Молодой человек, 21 год, студент, парк им. Гагарина, г. Симферополь, октябрь 2018г.

В. Савельев

АЙФОНЫЧ

Бытующее в среде молодежи название популярного смартфона фирмы «Apple».
г. Симферополь, март 2016 г.

А. Левицкая

АКВАРИУМ

Девушка на остановке, видя приближающийся троллейбус с большими окнами, говорит своему молодому человеку: *«Опять аквариум – не поеду!»*

Девушка, 20-25 лет, г. Симферополь, 2016 г.

Л. Тарсиевич

АККУМУЛЯТОР

Пенсионер утром на спортивной площадке двигается с гантелями за собакой. Мужчина поясняет знакомому, который занимается тут же, насчет собаки: *«Это мой зарядный аккумулятор»*.

Мужчина, около 60-ти лет, русский, г. Симферополь, 6 ноября 2019 г.

О. Матвиенко

АККУРАШЕЧКО

Женщина средних лет, набрав ведро воды, направилась во двор и споткнулась. Дочь произнесла: *«Аккурашечко!»*

Девочка, 14 лет, русская, Симферопольский район, с. Маленькое, август 2019 г.

М. Соломкина

АКМЕМОСЫ

Девушка выходит зимой из маршрутки в районе Ак-Мечеть: *«Ух, ну и холодно! Мы прям как эскимосы!»*, на что ее подруга замечает: *«Мы не эскимосы, мы акмемосы»*.

Девушка, 19 лет, крымская татарка, г. Симферополь, район Ак-Мечеть, остановка «Улица Звездная», февраль 2019 г.

Л. Османова

АКЦИОНЕР

Разговор парня и девушки: *«Вика, а ты знала, что я акционер?»* - *«Покупаешь акции?»* - *«Покупаю по акции»*.

Молодой человек, около 20 лет, славянской внешности, г. Симферополь, ТЦ «Меганом», декабрь 2018 г.

З. Муслимова

АЛЕЙКУМ ПРИВЕТ

Перефразированное восточное приветствие *«Селям алейкум – алейкум селям»* в среде крымских татар.

Э. Умерова

АЛЕША

Постоянное название личного телефона.

Девушка, 24 года, русская, образование высшее, воспитатель детсада, г. Симферополь, 2019 г.

О. Матвиенко

АЛИНЕНОК

Отец, увидев обиженное лицо дочери Алины, отмечает: «*О, Алиненок опять обиделась!*»

Мужчина, 46 лет, украинец, Джанкойский р-н, с. Луганское, июнь 2019 г.

А. Лобанова

АЛКОБОЛЬ

Женщина громко ругает нетрезвого мужа за разбитую витрину: «*Ты – одна сплошная **алкоголь**, за которую мне приходится расплачиваться всю жизнь!*»

Женщина, 40–45 лет, славянской внешности, г. Симферополь, осень 2017 г.

А. Давыдкина

АЛКОРИТМЫ

Пожилая женщина жалуется подруге: «*Нормальный человек поступил бы разумно. А у этих пьянчуг свои **алкоритмы** в голове.*»

Женщина, 60–65 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2016 г.

А.Завалишина

АЛЛЕРГИТЬ

Мама предупреждает дочку, играющую с хомяком: «*Ксюша, не приближай хомяка к лицу, опусти его!*» Дочь ее успокаивает: «*Он меня **не аллергает**, он меня **не аллергит**.*»

Девочка, 15 лет, русская, г. Симферополь, февраль, 2018 г.

И. В..Чепурина

АЛЛОКАТЬ

Женщина возмущается при разговоре по телефону: «*Я тебе **аллокаю**, а ты молчишь!*»

Женщина, около 30-ти лет, русская, г. Симферополь, рынок «Пальмира», сентябрь 2019 г.

И. Дерен

АЛЬ-ДЕНТЕ

Во время застолья в компании друзей подают шашлык. Один из гостей, попробовав кусочек, делится впечатлением: «*Ничего шашлык. **Аль-денте**.*» Некоторые из гостей дружно смеются. Одна женщина уточняет: «*Аль-денте? Это как?*» Высказавшийся уточняет: «*Это макароны так варят. Полусырые.*» Другой гость дополняет: «*На зубок.*»

Мужчина, 47 лет, русский, образование высшее, предприниматель, г. Евпатория, 9 мая 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

АМЕБА АМЕБОЙ

Преподаватель по мобильному телефону поделилась с коллегой впечатлением от выступления студентов: «*На защите магистерской работы студентка была **амеба амебой**.*»

Женщина, 35 лет, высшее филологическое образование, русская, г. Симферополь, 09 июня 2016 г.

А. В. Петров

АНАШКА (БАБАШКА)

В крымско-татарском языке «ана» – мама, «баба» – папа. Дети называют родителей «*анашка*» и «*бабашка*», выражая уменьшительно-ласкательное значение через русский аффикс *-ик-*.

Н. А. Сляднева

АНЖЕЛА ДЭВИС

Мать говорит о дочери 16 лет, вышедшей из душа: «*О, настоящая **Анжела Дэвис**.*», имея в виду распушившиеся кудри девушки.

Женщина, 40 лет, с. Лоховка, Советский р-н Республика Крым, 2016 г.

Э. Меджитова

АРИСТОГАД

В очереди около кассы конфликт между покупателями: *«Ишь **аристогад** какой! Фрак напялил, а совесть забыл».*

Женщина, 30–35 лет, славянской внешности, г. Симферополь, июнь 2017 г.

А. Добродей

АРИСТОТЕЛЬ

Уличный разговор молодого человека с друзьями: *«Да не умею я красиво говорить, я вам **Аристотель** что ли?»*

Мужчина, 18-20 лет, неславянской внешности, г. Симферополь, проспект Кирова, июнь 2016 г.

А. Давыдкина

АРМАГЕДДОНЕЦ

При обсуждении последствий урагана в Москве мужчина замечает насчет возможности достижения стихией Крыма: *«В последнее время только грозят, но как-то не доходит до нас **армагеддонец!**»*

Мужчина, 28 лет, русский г. Севастополь, ул. Ватутина, ноябрь 2019 г.

Н. Рыжова

АРШИК

Район Аршинцево в городе Керчь
г. Керчь, 2018 г.

А. Зудина

АТЛАНТИЧЕСКИЙ

Мужчина в разговоре с женой: *«Помню, помню этот твой купальник **атлантического цвета**»*

Мужчина, 55 лет, русский, музыкант, пгт. Штормовое, пляж, май 2015г.

Н. Ю. Тимофеева

АШАН

Любая крупная стройка в Евпатории иронично называется **Ашан**. Таким образом подчеркивается невозможность каких-либо масштабных событий в городе.

г. Евпатория, ноябрь 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

БАБА КЛАВА

Название Балаклавы, пригорода Севастополя
Балаклава, 2017 г.

Л. М. Тащилина

БАБА-ЯГА

Девочка маме, сломавшей ногу, в гипсе и на костылях: *«Не волнуйся, мамочка, ножка заживет. И будешь ты нормальная женщина, а не **Баба-яга**».*

Девочка, 4 года, г. Белогорск, 2016 г.

Н. С. Терехова

БАБКОМЕТ

Разговор двух молодых людей о снятии наличных с банкомата: *«Пойдем быстрее к **бабкомету** у меня бабла не осталось».*

Мужчина, 17-19 лет, студенты, г. Симферополь, 2016 г.

Д. Таньчева

БАБУШКОФОН

В магазине продаж цифровой техники мужчина обращается к продавцам: *«Ребята, помогите, надо матери устройство выбрать попроще» - «**Бабушкофон** имеете в виду? Чтобы лучше было видно?»*

Мужчина, лет 30, продавец техники, г. Симферополь, февраль 2017 г.

В. Савельев

БАКЛУШКА

Женщина с неудовольствием рассказывает знакомой о невестке: *«Да она такая **баклушка**, до обеда спит, а работы полон дом».*

Женщина 70-ти лет, русская июль 2016, г. Симферополь,

А. Трушина

БАЛАРИКИ

Вернувшаяся с работы мать встречает бегущих навстречу детей фразой: *«Соскучились, мои баларики!»*

Женщина, 35 лет, крымская татарка, г. Симферополь г. Симферополь, 2016 г.

Д. Мамбетов

БАЛАСЕНОК

Мать улыбаясь, смотрит на расшалившегося сына: *«Вот, разошелся, баласенок!»*

Женщина, 35 лет, крымская татарка, г. Симферополь, 2016 г.

С. Османова

БАЛИРЕНЕТКИ

«Внучка купила себе такие красивые балеринетки, с бантом, на каблучке, просто глаз радуется» - сообщает бабушка знакомой.

Женщина, примерно 60-ти лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2017 г.

А. Ганоцкая

БАНКОМАТ

Буфетчица при получении суммы за заказ возмущается: *«Давайте без сдачи! Я вам не банкомат!»*

Женщина, 40 лет, русская, г. Симферополь, 2016 г.

А. Трушина

БАНЯ

В городе Керчь на месте, где пятнадцать лет назад была баня, сейчас находится магазин одежды «Герд». Этот магазин жители города называют баней.

г. Керчь, март 2018 г

А. Зудина

БАРАШЕК

Девушка отказывается пойти с подружкой на улицу, объясняя: *«Там дождь, а под дождем я барашком становлюсь»*, имея в виду, что у нее сильно завиваются кудри.

Девушка, 19 лет, г. Симферополь, август 2016 г.

А. Добродей

БАХСАН

Разговор двух женщин на улице: *«Разве рынок в Бахчике будет открыт? – «Конечно, Бахсан ждет нас всегда!»*

Женщина, 40-45 лет, восточной внешности, г. Симферополь

Э. Аблязов

БАХУВРЕНЦИЯ

Разговор студентов о предстоящей конференции, посвященная теме бахуврихи: *«Как там твоя бахувренция, готов выступить? – «Всегда готов!» – «Ни пуха, ни пера».*

Девушка, 20-21 год, русская, факультет славянской филологии и журналистики, КФУ им. Вернадского, г. Симферополь, 2018 г.

Н. Катасов

БАХЧИК

Так называют крымчане город Бахчисарай.

г. Симферополь, 2017 г.

А.В. Петров

БАХЧИПАРИЖ

Так шуточно называют жители Бахчисарая свой город. Так же знают его и немногие туристы.

г. Бахчисарай, март 2016.

А.В. Петров

БАШКОРТОСТАН

Разговор между двумя парнями: *«Вчера всю ночь с ребятами гуляли. Сегодня так башкортостан болит».*

Молодой человек, около 20-ти лет, славянской внешности, г. Симферополь, осень 2019 г.

Д. Шугаев

БАЯН

В ответ на шутку приятеля парень с неудовольствием отмечает: *«Нет, это уже баян»*, имея в виду неактуальность данной шутки.

Молодой человек 20-22 года, славянской внешности, Кировский район, с. Владиславовка, ул. Курская, август 2019 г.

А. Когут

БАЯН БАЯНЫЧ

Из разговора школьников: *«Вы уже домой что ли?» – «Ну да, музыки не будет, Баян Баяныч отпустил».*

Школьники 13-15 лет, г. Белогорск, 2017 г.

Н. С. Терехова

БЕГЕМОТНИК

Женщина уговаривает подругу пойти в тренажерный зал, однако та с негодованием замечает, что *«в этом бегемотнике»* ей делать нечего.

Женщина, 35-ти лет, г. Симферополь, сентябрь 2016.

Д. А. Таньчева

БЕДАСЕЧКА

Девушка в разговоре с подругой сокрушается: *«Вот бедасечка!»*

Девушка, 20 лет, г. Симферополь, 2016 г.

Б. Фезиев

БЕДНЯЖИТЬ

Разговор с друзьями в кафе: *«Я бедняжу, не потому что у меня нет денег. Просто я привыкла не тратить много на всякую ерунду».*

Девушка, 17 лет, русская, ученица, г. Симферополь, 2016 г.

А. Добродей

БЕЗДЕЛОПРОИЗВОДСТВО

Лаборант кафедры сетует на отсутствие ожидаемого документа: *«Безобразие. Так долго обрабатывать. Безделопроизводство какое-то».*

Мужчина, 56 лет, русский, образование среднее специальное, лаборант, КФУ им. Вернадского, февраль 2019 г.

А. В. Петров

БЕЛОСВАДЕБНОЕ

Девушка в разговоре с мамой на рынке: *«Мне хочется белосвадебное платье, чтобы все было как положено...»*

Девушка, около 20 лет, славянской внешности, г. Симферополь, август 2018 г.

БЕРЕМЕНЯТА

Женщина после обильного обеда с беременной подругой шутит, поглаживая свой живот: *«Вот это мы с тобой беременчатые».* Беременная подруга подхватывает: *«Да, беременята».* Обе от души смеются.

Женщина, около 40 лет, славянской внешности, Симферопольский район, с. Пожарское, апрель 2019 г.

Н. Кикоть

БЕРЕМЧАТЫЕ

Женщина после обильного обеда с беременной подругой шутит, поглаживая свой живот: «*Вот это мы с тобой **беремчатые***». Беременная подруга подхватывает: «*Да, **беременята***». Обе от души смеются.

Женщина, около 40 лет, славянской внешности, Симферопольский район, с. Пожарское, апрель 2019 г.

Н. Кикоть

БЕСОМЫКА

Глядя на бестолково бегающую по квартире внучку, бабушка сокрушается: «*Ах, ты, **бесомыка!** Сядь, посиди!*»

Женщина, 65-70 лет, русская, г. Симферополь, январь 2019 г.

Н. Кикоть

БЕССОННИЧАТЬ

Дочь замечает утром матери: «*Папа за лето в эту жару первый раз ночью спал*». Мать возражает: «*А я слышала, что ночью кто-то ходил*». Дочь уточняет: «*Да вставал. Но не **бессонничал***».

Девушка, 16 лет, русская, г. Симферополь, 2018г.

И. В. Чепурина

БИЖА

Девушка, рассматривая ассортимент ювелирного магазина, резюмирует по телефону: «*Я совершенно не могу здесь ничего выбрать. Тут не украшения, а сплошная **бижа***».

Девушка, 22-25 лет, славянской внешности, г. Феодосия, торговый центр «Смайл», май 2019 г.

В. Пугач

БИЗНЕСМЕНОВИЧ

Мужчина при встрече в маршрутке со своим приятелем, одетым в элегантный мужской костюм, шутит: «*О, **Борис Бизнесменович!***».

Мужчина, 30-35 лет, русский, г. Симферополь, маршрутное такси № 30, январь, 2019 г.

Э. Сейджиалилова

БИРЖА

Небольшая площадь на пересечении улиц Очаковцев и Адмирала Октябрьского. Севастополь, март 2017 г.

И. Фесенко

БЛАГОДЯКУЮ

Из разговора студентов: «В какой аудитории будет проходить занятие?» – «В 204-й» – «*Премного **благодаряю!***»

Девушка, 25 лет, русская, студентка, г. Симферополь, филологический факультет КФУ им. Вернадского, октябрь 2019 г.

О. Матвиенко

БЛАГОЛЕНИЕ

Парень обращается к своему другу: «*Где мое **благоление**, когда уже будут выходные?*»

Молодой человек, 22 года, русский, студент ПТУ, г. Симферополь, 2018 г.

А. Завалишина

БЛЕНДЕРНУТЬ

Разговор знакомых-сотрудников на прогулке: «*А зачем вы кофемолку для хрена используете? Запах ведь не отмывается? У вас есть блендер?*» – «*Точно, и не подумал же! Сегодня приду и как **блендерну** хрен по-новому...*»

Мужчина, около 45 лет, русский, г. Симферополь, 2018 г.

А. Лобанова

БЛИСТЕНЬКИЙ

Женщина делится со знакомой своим впечатлением от подарка дочери: «*Вот мне дочурка подарила туфли, они такие красивые, **блистенькие***».

Женщина, 56-58 лет, русская, Белогорский р-н, с. Цветочное, август 2019 г.

А. Кулик

БЛУДИТЬСЯ

При виде нескольких отдельно бродящих туристов, экскурсовод замечает: *«А вот кто-то заблудился. Надо подождать»*. На что один из туристов замечает: *«Мы не заблудились. И вы к нам, пожалуйста, сюда не блудитесь»*.

Женщина, 45-50 лет, славянской внешности, гора Ай-Петри, осень 2018 г.

И. В. Чепурина

БОМБИТА-СЕНЬОРИТА

Мужчины обсуждают впечатление от общей знакомой: *«Ты ее видел?»- «Видел! Вся такая бомбита-сеньорита. Ух!»*

Мужчина, 30-35 лет, крымский татарин, г. Симферополь, ул. Толстого, 2018 г.

В. Богомазова

БОГОВАТЬ

Разговор в среде преподавателей вуза о докторе математических наук, известном в российских научных кругах ученом: *«Боря написал научную статью, получил тысячу долларов гонорар и теперь богуэт»*.

Мужчина, около 60 лет, русский, преподаватель вуза, Симферополь, ноябрь, 2018.

А. Замятина

БОДРЯНКА

Женщина, интересуясь, купила ли дочь черный хлеб *«Бодрость»*, спрашивает: *«Бодрянку купила?»*.

Женщина, 40 лет, г. Симферополь, 2016.

У. Эядинова

БОДРЯЧКОВО

На набережной, вылезая из моря, мужчина сообщает о своих ощущениях после прохладной воды: *«Ничего так, бодрячково»*.

Мужчина, 30-35 лет, славянской внешности, г. Евпатория, набережная им. Терешковой, июль 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

БОЙЛЕРИСТ

В момент ожидания мастера по ремонту котлов дочь спрашивает мать: *«Нам долго еще бойлериста ждать?»*.

Девушка, 16 лет, русская, г. Симферополь, февраль 2018 г.

И. В. Чепурина

БОКА

Мужчина, осматривая новую, после ремонта квартиру друга, пробует открыть оконную створку на балконе, но она не открывается полностью из-за потолочного светильника. Гость с удивленной гримасой спрашивает хозяина: *«Это что за бока?»*, на что хозяин с раздражением поясняет: *«Да вот так рассчитали высоту окна. Такие «умельцы» - вырвать руки...»*

Мужчина, 50 лет, русский, образование среднее специальное водитель, г. Евпатория, пр-т Победы, сентябрь 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

БОКЕЕ

Женщина спрашивает у взрослых дочек, которым было поручено сделать покупки: *«Вы где кукурузу покупали?» – «На рынке, справа». – «Там, где Дима раньше торговал?» – «Да, но только чуть-чуть бокее»*.

Девушка, 15 лет, русская, пгт Новый Свет, июль 2018 г.

БОЛЬНУТЬ

Молодой человек разговаривал с девушкой. Вдруг резко заболела рука: «**Больнуло**», – сообщил он и схватился за руку, прервав разговор.

Молодой человек, 20-25 лет, русский, г. Симферополь, 2018 г.

Е. Лунева

БОМБА

Местная жительница на набережной, общаясь с приезжими отдыхающими объясняет положение с ассортиментом на рынке и говорит: «*Арбузы не те, кормовые. Надо брать темные, а их нет. Но дыни возле вас [пауза]– бомба*».

Женщина 65-68 лет, восточной внешности, г. Евпатория, набережная м. В. Терешковой, август 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

БОМБАСТЕР

После просмотра кинофильма мальчик делится с другом впечатлением: «*Крутой был бомбастер*».

Мальчик, 15-16 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

БОМБИЧЕСКИЙ

Муж после ужина сообщает жене свои ощущения: «*Спасибо, очень вкусно: и жаркое, и соус, а салат вообще – бомбический*».

Н. Ю. Тимофеева

БОМЖУАН

В разговоре с подругой о поклоннике девушка сообщает: «*Ну, вообще, я поняла, что это бомжуан, и отишла его*».

Девушка, 20-ти лет, г. Симферополь, декабрь 2016.

Д. А. Таньчева

БОМОНД

Женщина в разговоре по телефону: «*Ну весь наш бомонд приближенных к ректору выступил, а мы так просто отсидели*».

Женщина, 34-36 лет, славянской внешности, автобус Симферополь-Евпатория, осень 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

БОМР

Мужчина в разговоре с приятелем сокрушается: «*Знаешь кто такой БОМР? Вот это я - без определенного места работы*».

Мужчина 45-ти лет, русский, г. Симферополь, июль 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

БОРОДИНКА

Название Бородинского рынка в г. Симферополе
г. Симферополь, февраль 2017 г.

А. Добродей

БРАКОРАЗВОДЧНЫЙ

Женщина говорит знакомой в поликлинике: «*Ленкин муж не бросил пить?*». Знакомая эмоционально отмахивается: «*Да куда там, бракоразводочный полным ходом идет, скоро квартиру отсудит*».

Женщина, 45 лет, русская, г. Симферополь, июль 2016 г.

А. Киба

БРОВИКЮР

Выходя из своей комнаты после наведения макияжа, дочь обращается к родным: «*Посмотрите, какой у меня бровикюр!*»

Девушка, лет 25, русская, г. Симферополь, январь 2017 г.

И. А. Чепурина

БРОНЯ

Женщина в разговоре о таможенниках на границе: *«Все они такие деловые, сурово-деловые – прямо **броня**».*

Женщина, 55-60 лет, славянского вида, г. Евпатория, август 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

БУДИЛО

Мужчина рассказывает товарищу о сложностях утреннего подъема: *«И **будило** разрывалось, и голова раскалывалась – настроение ни к черту».*

Мужчина, 32 года, русский, г. Симферополь, август 2019 г.

Д. Шугаев

БУДИЛОЧКА

На остановке отец замечает маленькой дочери: *«Если бы не ты, то я бы проспал, и мы бы опоздали».* На что девочка реагирует: *«Папа! Я твоя **будилочка**, да?»*

Девочка, около 3 лет, славянской внешности, г. Симферополь, декабрь 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

БУДКА

Название Буденовского рынка в г. Симферополе
г. Симферополь, февраль 2017 г.

А. Добродей

БУДНЯЖКА

Диалог двух подруг – студентки и абитуриентки: *«Я так устала... Скорее бы уже лето, на море поехать. А то сплошные будни. Надоела эта рутина».* – *«Эх ты, **будняжка**...»*

Девушка, 17 лет, русская, выпускница школы, г. Симферополь, май 2017 г.

Е. Луппиан

БУКСИРКА

Так называют свою старосту студенты, за ее постоянную помощь и поддержку. Имеется также и ласкательная форма слова: *буксирочка*.

Студенты КФУ, факультет биологии, г. Симферополь, май 2016.

Д. А. Таньчева

БУЛЬКАЛКА

Девочка рассказывает о чаепитии в гостях у бабушки: *«Бабушка включила эту **булькалку**, она так кипела, так кипела, потом отключилась, и потом мы пили чай».*

Девочка, 3-4 года, восточной внешности, г. Белогорск, ул. Гагарина, май 2019 г.

А. Кулик

БУРАТИНО

При выборе одежды в магазине парня возмущает цена платья, которое хочет купить его девушка, и он произносит: *«Я тебе **не Буратино**! Нельзя другое выбрать?»*

Молодой человек, 25-30 лет, г. Севастополь, июнь 2016 г.

Л. Сулейманова

Пенсионерка обсуждает с друзьями действие тех или иных лекарств и говорит: *«Я во все инструкции сую свой длинный, как у **Буратино**, нос».*

Женщина, 60-65 лет, русская, преподаватель КФУ, г. Симферополь, 13 июля 2017 г.

А. В. Петров

БУРСА

Народное название профессионально-технических училищ №19 и №46 в г. Евпатория.
Закрепилось с середины 80х годов XX века.
г. Евпатория, 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

БУРСИТЕТ

В автобусе утром встретив знакомую мужчина спрашивает: «*Ты куда?*» – «*На работу, в бурсу*».
– «*А, в **бурситет!***».

Мужчина, 54 года, казах, высшее образование, г. Евпатория, май, 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

БУТЕРБРОДСКИЙ

Отец приглашает семью к чаепитию: «*Пойдемте, будем пить **чайкофского с бутербродским!***»

Мужчина, 54 года, крымский татарин, г. Симферополь, район Фонтаны, май 2019 г.

Э. Бекирова

БУЯНКА

Реакция пассажирки на ссору двух женщин в салоне маршрутного такси: «*Вот люди пошли невоспитанные, **буянка** какая-то. Сплошная невоспитанность...*»

Женщина, 55-60 лет, славянской внешности, г. Симферополь, весна, 2018 г.

Д. А. Таньчева

БЫКОВАТЬ

Юноша успокаивает своего агрессивного товарища у входа в кафе: «*Ты чего **быкуешь** сразу? Успокойся уже!*»

Юноша, 22-25 лет, славянской внешности, пгт. Ленино, 2017 г.

Ф. Джаппарова

ВАГАНЬКОВСКИЕ

Женщина средних лет в общении с ровесницей, рассматривает список группы в автошколе, обращает внимание, что фамилии дам, старше 35 лет помечены преподавателем и тут же резюмирует: «*Смотри, он отметил всех нас – **ваганьковских***».

Женщина, 38 лет, русская, г. Евпатория, ул. Софьи Перовской, август 2012 г.

Н. Ю. Тимофеева

ВАЛЕРЫЧ

Студентка второго курса КИПУ перед экзаменом спрашивает у одногруппниц: «*У кого есть **Валерыч?***», имея в виду таблетки валерианы.

Девушка, 20 лет, студентка, г. Симферополь, КИПУ, апрель 2017 г.

Н. Рыжова

ВАЛЮТНО

Экскурсовод уговаривает даму-экскурсанта, якобы перевидавшую уже все крымские красоты, выйти из автобуса и подойти к располагающейся на обрыве Ай-Петри символической ротонде – Серебряной беседке, чтобы полюбоваться необыкновенно красивым видом на Южнобережье. Нехотя выполнив настойчивый совет гида, женщина в восторге произносит: «***Валютно!***»

Женщина, 45-50 лет, русская, гора Ай-Петри, май 2019 г.

И. В. Чепурина

ВАМПИРЕНЬШ

Молодой человек, обращаясь к спутнице произносит: «*Ты мой **вампиреньш***», намекая на ее характер.

Молодой человек, русский, 19 лет, г. Симферополь, ноябрь 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

ВАН ЛАВ

Девушка в магазине одежды, обнаружив понравившуюся модель блузки, реагирует, обращаясь к подруге: «*Да это просто **ван лав!***», подчеркивая степень своего удовольствия.

Девушка, 20 лет, г. Симферополь, 2016 г.

А. Замятина

ВАНГА

Молодой человек по телефону сообщает своему коллеге, что им в этом месяце задерживали зарплату. На вопрос коллеги о дате выплаты молодой человек ответил: «Я же не **Ванга**, я не знаю, когда выдадут зарплату».

Мужчина, 21 год, крымский татарин, охранник, г. Симферополь, 2016 г.

В. Скворцова

ВАРИК

Девушки обсуждают, как поступить в сложной ситуации. Услышав предложение подруги, другая отвечает: «Знаешь, мне кажется, это вообще не тот **варик**, который стоит рассматривать».

Девушка, 20-22 года, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

А. Мартянова

ВЕЛИПУТЫ

Девочка, обращаясь к своему отцу: «А знаешь, как называются великие лилипуты-изобретатели? **Велипуты!**»

Девочка 10-ти лет, г. Симферополь, май 2016.

Д. А. Таньчева

ВЕРТИХВОСТИТ

Женщина рассказывает знакомой об учебе ребенка: «Все вроде ничего: учителя нормальные, только **вертихвостит** учительница по математике».

Женщина, 40-45 лет, славянской внешности, г. Симферополь, Центральный автовокзал, февраль 2019 г.

А. В. Петров

ВЕРТОЛЕТИТЬ

Выпив немного вина за столом у родственников, женщина отмечает: «Ой, мне больше не наливать – голову уже **вертолетит!**»

Женщина, крымская татарка, 34 года, г. Симферополь, апрель 2019 г.

В. Бекирова

ВЕЧЕРТИНКА

Девушка рассказывает о своих планах на выходные: «В субботу будет **вечертинка**».

Девушка, около 20-ти лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

А. Кулик

ВЗРОСЛЫШИ

В школе в День учителя девятиклассник спрашивает преподавателя английского языка: «Вот у малышей больше нет уроков. А у нас?» - «Но вы же не малыши, а **взрослыши**. Поэтому у вас будут».

Женщина, 35-40 лет, русская, образование высшее, г. Симферополь, школа № 41, 2018 г.

Д. Дьяченко

ВИПАРЬ

Девушка 20-ти лет в разговоре с подругами рассказывала о походе в ночной клуб и назвала парней из ВИП-зоны – **випарями**.

Девушка 20-ти лет, г. Симферополь, 2016 г.

А. Ганоцкая

ВИСКОВНИЧАТЬ

Девушки обсуждают будущую вечеринку: «Что отмечать будем?» – «Какая разница? Будем **висковничать**».

Девушка, 25 лет, русская, г. Симферополь, май 2019 г.

Л. Вечканова

ВИТАМИНИТЬСЯ

«После болезни привыкла **витаминиться**», - сообщает женщина своей знакомой при покупке зелени.

Женщина, 72 года, белоруска, пенсионерка, образование высшее техническое, г. Симферополь, 2016 г.

В. Савельев

ВОЗДУЙЧИК

Молодой человек, прощаясь с обидевшейся не него супругой, попытался ее поцеловать, но девушка увернулась со словами: *«Нетушки, обойдешься сегодня **воздуйчиком**»*, имея в виду воздушный поцелуй.

Девушка, около 25 лет, русская, г. Евпатория, 18 мая 2017 г.

В. Савельев

ВОКЗАЛКА

Район Вокзального шоссе в городе Керчь.

г. Керчь, 2017 г.

А. Зудина

ВОЛНИВЫЙ

В разговоре девушек одна замечает другой: *«Ну ты и **волнивая** сегодня. Успокойся»*.

Девушка, 18-20 лет, студентка, Крымский федеральный университет, г. Симферополь, 2018 г.

А. Тураева

ВОЛОСНИЦЫ

Девушка реагирует на новые ресницы сестры: *«Ну ты и **волосницы** себе нарастила!»*

Девушка, около 20 лет, русская, г. Симферополь, 2018 г.

О. Матвиенко

ВОНЯВКА

Проходя по набережной, дочка прикрывает рукой нос и говорит отцу: *«Кажется, нам срочно надо отсюда уходить. Эта водичка слишком уж **вонявка**»*.

Девочка, 5-7 лет, славянской внешности, г. Симферополь, набережная, 12 мая 2019 г.

О. Матвиенко

ВОРОБЕЙНИК

В разговоре двух подруг девушка произносит: *«Пойдем дальше, туда, где **воробейник** есть, покрошим им»*.

Девочка, 13-ти лет, г. Симферополь, сентябрь 2016.

Д. А. Таньчева

Из разговора двух женщин: *«Отводила сегодня племянника в сад. Ну и галдеж же там. Натуральный **воробейник**»*.

Женщина, 30-ти лет, г. Симферополь, февраль 2017.

Д. А. Таньчева

ВОРОТЧИК

Во время футбольного матча вратарь отбивает мяч и в этот момент приятель из его команды одобрительно кричит: *«**Воротчик!**»*.

Молодой человек, 20 лет, русский, г. Симферополь, ул. Аральская, февраль 2018 г.

И. Саенко

ВОРУНИШКА

Мама отчитывает сына: *«Ты говоришь, что не трогал игрушку Максима, а папа сказал, что видел, как ты брал ее, пока Максим отвлекся. Значит, ты у меня **ворунишка**. Стыдно...»*.

Женщина, около 30 лет, славянской внешности, г. Севастополь, пр-т Генерала Нахимова, апрель 2019 г.

Н. Кикоть

ВОСХРУСТИТЕЛЬНЫЙ

В продуктовом магазине, около кассы, парень говорит своему приятелю: *«Давай еще пачку этих чипсов. Они **восхрустительные**, отвечаю»*.

Мужчины, 18–20 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2017 г.

И. В. Чепурина

ВПОПЫШКАХ

Девушка на остановке встречается подругу: *«Ой, успела! Перед универом **впопышках** забежала в магазин за водой».*

Девушка, 22-25 лет, славянской внешности, г. Севастополь, автобусная остановка «Площадь Нахимова», март 2019 г.

Н. Кикоть

БРАКУЛА

В разговоре об общем знакомом, которого уличили во лжи, девушка называет его *«Граф Бракула»*.

Девушка, 19 лет, русская, г. Симферополь, 2018 г.

А. Дьяченко

ВТОЛПИТЬСЯ

Девушка рассказывает по телефону о свежих впечатлениях: *«Я стою в очереди, хотя тоже тороплюсь, а этот парень **втолпился** передо мною. Ну что за человек?»*

Девушка, лет 20, русская, г. Симферополь, 2018 г.

В. Савельев

ВЫПЛАКИВАТЬ

Педагог делится впечатлением от подведения студентки: *«Пришла красавица неподготовленная – я ей сказала, что четыре не поставлю. Так она стала эту четверку у меня **выплакивать**».*

Женщина, 38 лет, русская, образование высшее, преподаватель вуза, г. Симферополь, ул. Лесная, июнь 2019 г.

Т. Бобкова

ВЫСОКОПОСТАВЛЕНИЕ

На прогулке две женщины обращались к девочке, лет одиннадцати, по-видимому внучке одной из них. Девочка отвечала высокомерно и заносчиво. На что в конце концов бабушка сказала: *«Ну простите нас, **Ваше высокопоставление!**».*

Женщина, около 60 лет, славянской внешности, парк Шевченко, г. Симферополь. 20 марта 2018 г.

И. В. Чепурина

ВЫСПЛЮСЕНЬЕ

Разговор двух девушек: *«Наташа, ну что, как дела на работе продвигаются?» - «Ой, я так устала, поскорее бы **высплюсенье**».*

Девушка, 25-27 лет, славянской внешности, г. Симферополь, ул. Кирова, октябрь 2018 г.

Д. Поликарпова

ВЯЗАЙНЕР

Встреча двух подруг на бегу: *«Привет!» – «Привет! Как ты? Все там же?» – «Нет, на дому **вязайнером** работаю».*

Женщина, 22-25 лет, славянской внешности, г. Евпатория, март 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ВЗЯТЬ В БОРОДУ

Мужчина рассказывает товарищу о другом своем знакомом, взявшем в долг деньги, и с осуждением констатирует: *«**Взял в бороду**, а теперь мыкается».*

Мужчина, 40 лет, русский, г. Симферополь, июнь 2019 г.

Д. Астратенко

ГАД ЖЕ ТЫ

Женщина при обращении к мужу, только приобретшему новый ноутбук, говорит: *«**Гад же ты американский!**»*

Женщина, 45 лет, русская, г. Симферополь, ноябрь 2016 г.

М. Зозуля

ГАЙЦЫ

Разговор двух мужчин в машине о работниках ДПС: *«И как ты там с этой фарой проехал? Там же **гайцы** третий день стоят».*

Н. Ю. Тимофеева

ГАЛОША

Бывшее Севастопольское военно-морское училище им. П.С. Нахимова.
Севастополь, март 2017 г.

И. Фесенко

ГАМАШОК

Женщина в разговоре о документах: *«Все: снилс, страховку – сложила вместе в (пауза)... есть у меня такой... **гамашок** и убрала в сумку, а паспорт вынула»*

Женщина, 66 лет, русская, музыкант, г. Евпатория, ноябрь 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

ГАРРИ ПОТЕР

Мальчик в ответ матери, объявившей ребенку список дел на день возмущается: *«Как это я все успею за сегодня? Я что - волшебник? **Гарри Потер?**»*

Мальчик, 12 лет, г. Симферополь, март 2017 г.

Е. Иванова

ГВАРДИЯ

Название, данное гарнизону Гвардейское его жителями.

Мужчина, 39 лет, военнослужащий, пгт. Гвардейское, ноябрь 2016 г.

О. Дычинская

ГВОЗДИТЬ

При обучении пению под гитару преподаватель отмечает: *«Вот в этом месте **гвоздить** не обязательно»*, имея в виду пение высоким, пронзительным голосом.

Мужчина, 57 лет, русский, учитель игры на гитаре, г. Симферополь, 2017 г.

В. Савельев

ГЕРАКЛ

Брат встречает сестру у автобуса. У девушки тяжелая сумка, брат говорит: «Дай сумку понесу». Девушка говорит: *«Не надо, она не тяжелая»*. Брат отвечает: *«Ты же **не Геракл**»*.

Мужчина, 25 лет, крымский татарин, автовокзал, г. Симферополь, 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

ГЕРАКЛ СУШЕНЫЙ

Отец, наблюдая за сыном, замечает: *«Ты **прямо Геракл сушеный**»*, имея в виду худощавое сложение подростка.

Мужчина, 45 лет, русский, Кировский район, с. Владиславовка, ул. Пушкина, август 2019 г.

А. Когут

ГЕРАХЛЯ

Наблюдая попытки сотрудника ресторана приподнять тяжелую музыкальную колонку, владелец колонки отмечает: *«Ох, и **Герахля!**»*, иронично снижая использованное имя собственное, смешав его с нарицательным *рохля*.

Мужчина, 57 лет, г. Симферополь, декабрь 2016 г.

И. Прохоров

ГИТАРИТЬ

Парень приглашает девушку в поход со словами: *«Присоединяйся! Будет весело, будем у костра **гитарить**»*.

Мужчина, 20 лет, русский, высшее образование, г. Симферополь, 2016 г.

Е. Луппиан

ГИТЛЕР В ЮБКЕ

Мальчик в рассказе о своей учительнице сообщает: *«Она как Гитлер в юбке. Ее все дети боятся».*

Мальчик, 10 лет, магазин «Южный», г. Симферополь, 2016 г.

В. Скворцова

ГЛАЗНЮК

Пожилая женщина лет семидесяти, украинка, в очереди в поликлиники жалуется на «сегодняшнюю» медицину, в том числе на то, как врачи проводят прием пациентов: *«Беспредел! А по-другому и не скажешь! Они принимают только по записи, а запись то уже на два месяца вперед «забита». Мне к сердечнику надо было еще зимой – сердце болело. Прихожу, а мне говорят: «На май записываться будете?» Да я так и помру до мая! А этот глазнюк! Ишь какой! Один раз в неделю принимает и то с 9 до 12. Вот как к нему попасть?!»*

Женщина, 60-65 лет, славянской внешности, г. Симферополь, ул. Лизы Чайкиной, городская поликлиника №4, апрель 2019 г.

А. Лобанова

ГЛАЗ-ТОПАЗ

Встретив во дворе своего дома голубоглазую соседку, мужчина хвалит ее: *«Спасибо, Аллочка, что ты меня в этот магазин направила. Нашел то, что нужно. У тебя глаз-топаз!»*

Мужчина, 45 лет, г. Симферополь, ноябрь 2016.

Д. А. Таньчева

ГЛАМУРНО-ПЕДИКЮРНО

Разговор подруг: *«Завтра столько дел».* – *«Да, я завтра пойду в салон, куча процедур. Все будет гламурно-педикюрно, как я люблю».*

Девушка, около 20 лет, русская, г. Ялта, ресторан «Апельсин», ноябрь 2019 г.

Е. Лунева

ГЛЮКОЗА ГИДРОКОРТИЗОНОВНА

В детской поликлинике медсестра обращается к коллеге: *«Глюкоза Гидрокортизоновна, вы карточку Ибрагимовой случайно не забыли сдать в регистратуру?»*, на что вторая медсестра с улыбкой отвечает: *«Нет, сдали как положено».*

Девушка, 25 лет, русская, г. Ялта, ул. Красноармейская, детская поликлиника, июнь 2019 г.

М. Соломкина

ГНЕЗДЫШКО

Опасный участок дороги в г. Ялта с крутым поворотом вокруг расположенной здесь клумбой небольшого размера с густой растительностью, по форме напоминающей гнездо.

г. Ялта, март 2016 г.

Н. Парфенова

ГОЛИМО

Заведующий отделением в медколледже рассматривает документы в комьютере и одновременно комментирует вслух: *«Так, это не тот образец, это еще тогда сделано, когда все было голимо».*

Женщина, 37 лет, украинка, образование высшее, преподаватель химии, медколледж «Монада», г. Евпатория, май 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ГОРОД-СОБИРАТЕЛЬ

В беседе двух знакомых на остановке появляется следующий пассаж: *«Город постоянно грязный, пыльный, тесный! Дороги и тротуары ямистые, набережная ушатанная. А люди, где отдыхают, там и мусорят. «Город собиратель»! Похоже, что собиратель мусора!»*

Женщина, 40-45 лет, остановка Центральный автовокзал, ул. Киевская, г. Симферополь, 2016 г.

А. В. Петров

ГОСПОДАМА

Парень протягивает руку своей спутнице, выходящей из автобуса, со словами: «*Дама...*», на что девушка довольно прозаично реагирует: «*Не надо. Я **господама**, я сама в состоянии спуститься*».

Девушка, 22 года, русская, г. Симферополь, май 2019 г.

О. Матвиенко

ГРАММОФОНИТЬ

Женщина сделала замечание вошедшему и уже с порога кричащему покупателю: «*Зачем так **граммофонить**? Я же не глухая*».

Женщина-продавец, 34 года, русская, ул. Караимская, г. Евпатория, 16 июля 2017г.

Н. Ю. Тимофеева

ГРАФНИЧАТЬ

Мужчина делает замечание своей племяннице: «*Смотри, какая важная стала. **Не графничай***».

Мужчина, 47 лет, русский, г. Симферополь, май 2018 г.

И. В. Чепурина

ГРЕТЬСЯ

Девушки ссорятся: «*Хватить меня **бесить!***» – «*А что, ты уже **греешься?***»

Девушка, 19 лет, крымская татарка, г. Симферополь, ул. Ак-Кая, апрель 2019 г.

Л. Османова

ГРОЗАНУТЬ

«*Сейчас как **грозанет!***» – обращается женщина к подруге перед ливнем.

Женщина, 45-ти лет, г. Симферополь, май 2016 г.

Д. А. Таньчева

ГРУСТИНКА

Разговор двух женщин-коллег на работе: «*Что это вы, Дарья Владимировна, какая-то сегодня расстроенная, грустная?*» - «*Не знаю*», - вздыхает, - «*Не то чтобы грустная, так... **грустинка***».

Женщина, 36 лет, образование высшее, преподаватель сестринского дела, г. Евпатория, март 2020 г.

Н. Ю. Тимофеева

ГРЫЖАНУТЫЙ

Женщина спрашивает дочку, наблюдающую в окно частного дома за играющими на лужайке котами: «*Ты заметила, что у нашей кошки в последнее время все котята **грыжанутые?***».

Женщина, 40-45 лет, г. Симферополь, 2018 г.

В. Карпенко

ГРЯЗИНКА

После того, как размыло дождем тропинку в парке, для маленькой девочки она превратилась в «*грязинку*».

Девочка, 5-ти лет, русская, г. Симферополь, ноябрь 2016 г.

Д. А. Таньчева

ГУГЛ

На уроке литературы ученица правильно отвечает на заданные преподавателем вопросы, на что один из одноклассников замечает: «*Да вы что угодно у нее спрашивайте, на все ответит. Это же **Гугл** ходячий!*»

Молодой человек, 17 лет, учащийся, школа № 15, г. Феодосия, 2016 г.

Э. Меджитова

ДАРИЙ

Из разговора двух сестер: «*Перестань, мы смотрели «Ходячий замок» уже шесть раз. Давай что-то другое?*» – «***Дарий**, спешу напомнить, что «Историю Золушки» я терпела намного больше. Так что не зли меня*».

Девушка, 18 лет, русская, г. Симферополь, 2018 г.

И. В. Чепурина

ДВЕРНОЙ ХАКЕР

Студент рассказывает сокурсникам о случившейся с ним неприятности: *«Вчера дверь заклинило. Пришлось замок ломать. Я теперь дверной хакер».*

Молодой человек, 24 года, русский, г. Симферополь, октябрь 2016 г.

А. Левицкая

ДВЕСТИ

Синопский спуск, место сбора молодежи, неформальных субкультур.

Севастополь, март 2017 г.

И. Фесенко

ДЕВУШКИ-ШАРМАНКИ

Из разговора двух парней: *«Надо избегать девушек-шарманок. У них на уме только одна несчастная тема – свадьба. Даже отношения им не так важны».*

Парень, около 25 лет, русский, г. Симферополь, декабрь 2016 г.

Д. А. Таньчева

ДЕЗЕШКА

В разговоре школьников один спрашивает: *«Народ, а дезешку по русскому на завтра кто-нибудь сделал?»*

Мальчик, 12 лет, г. Симферополь, октябрь 2016 г.

А. Горбик

ДЕКАБРЕНЧИТЬ

В канун Нового года, мужчина, в кафе за столиком замечает по поводу общей атмосферы: *«Декабренчит со всех сторон. Скоро Новый год».*

Мужчина, 40-45 лет, г. Симферополь, 2018 г.

А. Лобанова

ДЕКАБРИТЬ

Девушки о погоде: *«И это весна? Холодина же!» – «Да, декабрит на лице немного».*

Девушка, около 20 лет, русская, студентка, КФУ им. В. И. Вернадского, март 2018 г.

Д. Шеремет

ДЕМОКРАДИЯ

Мужчины обсуждают политику на Украине. Один из них резюмирует: *«За что боролись неизвестно, но пришли к тому что, демокрадию развели».*

Мужчина, около 45 лет, русский, г. Симферополь, 2019 г.

Н. Китасов

ДЕФАТЬ

Сын посвящает мать в нюансы компьютерной игры: *«Завалить этого монстра невозможно. Нужно дефать изо всех сил» - «Дефать – это как?» - «Защищаться».*

Мальчик, 10 лет, русский, г. Евпатория, осень 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

ДЖАМШУТЫ

Семейная пара, прогуливаясь по ул. Пушкина в г. Симферополе, отмечает неудовлетворительные результаты реконструкции: *«Опять каких-то джамшутов понабрали, вот и сделали тяп-ляп».*

Мужчина, около 30 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2016 г.

А. Волоховский

ДЖАНКОНГ

В электричке молодой человек сообщил попутчику, что едет в Джанконг, имея в виду город Джанкой.

г. Симферополь, март 2016 г.

Э. Абсалимова

ДЖАН-ПАРИЖ

Из разговора двух студенток, проживающих в Джанкойском районе Крыма: *«Ты когда в наш Джан-Париж уезжаешь?»*

Девушка, 18 лет, грузинка, студентка, г. Симферополь, пр-т Вернадского, факультет славянской филологии и журналистики Крымского федерального университета, ноябрь 2019 г.

Э. Сулейманова

ДЖЕКПОТ

Студент специальности «Программная инженерия» КФУ им. В.И. Вернадского сдает зачет по английскому языку. Преподаватель ставит ему 97 баллов, но студент предлагает: *«А не пойти ли нам на джекпот?»*. Преподаватель улыбнулся и поставил 100 баллов.

Мужчина, лет около 20 лет, русский, Симферополь, КФУ, 30 мая 2016.

Д.Таньчева

ДЖЕМИТЬСЯ

Разговор студентов-музыкантов: *«Если что-то забыл, просто джемься»*.

Мужчина, около 20 лет, крымский татарин, г. Симферополь, 2017 г.

Э. Зинадинов

ДЖЕМТЛЬМЕН

Девушка делится впечатлением от поведения своего нового знакомого: *«Он не мужик, а пavidло – джемтльмен!»*

Девушка, 18-22 года, русская, г. Симферополь, 2018 г.

А. Ясинская

ДИВАНТНИК

Девочка жалуется подруге на своего брата, который ничего не делает в отличие от брата подруги: *«Вот твой брат десантник, а мой дивантник, не учится даже»*.

Девочка, примерно 14 лет, г. Симферополь, 2017 г.

А. Ганоцкая

ДИДЖЕНЯ

Разговор друзей в начале вечеринки: *«Кто у нас сегодня на музыке?» – «Женя». – «Будет диджеем, дидЖеня»*.

Парень, 18 лет, г. Симферополь, весна 2018 г.

А. Соловьева

ДИКООБРАЗИТЬ

Из разговора мамы с дочкой: *«Нельзя тебя одну ни на день оставлять. Сразу дикообразить начинаешь, беспорядки наводишь»*.

Женщина, 40-ка лет, г. Симферополь, июнь 2017.

Д. А. Таньчева

ДИСТРОФИЧНЫЙ

Женщина на рынке о помидорах: *«И еще вот этих дистрофичных помидорок положите»*.

Женщина, около 50 лет, русская, г. Симферополь, Центральный рынок, декабрь 2016 г.

А. Добродей

ДНЕВРИНКА

Дети играют и танцуют под музыку. Девочка восторженно говорит: *«Вот такая у нас дневринка»*.

Девочка, 5 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

А. Мартянова

ДНОКЛАССНИКИ

Из разговора двух студенток: *«У меня такая школа была кошмарная. Я и на встречи этих дноклассников не хожу»*.

Девушка, 20 лет, студентка, г. Симферополь, КФУ, факультет географии, апрель 2016.

Д. А. Таньчева

ДОГ-ШОУ

После просмотра телепередачи, содержанием которой были политические дебаты, женщина сокрушенно резюмирует: *«Как обычно, одно лишь дог-шоу вместо нормальных человеческих переговоров».*

Женщина, 62 года, крымская татарка, г. Симферополь, апрель 2019 г.

Д. Емцов

ДОЖДЕДНЕВЬЕ

Из разговора молодежи о погоде: *«Странная погода в последнее время – холодно, сплошное дождедненье».*

Девушка, 17 лет, русская, г. Симферополь, май 2017 г.

Е. Луппиан

ДОЖДИЛЯНДИЯ

«Не Симферополь, а Дождиляндия какая-то!» - воскликнула девушка, передвигаясь с подругой по городу в сильный ливень.

Женщина, 20 лет, русская, студентка, г. Симферополь, 2017 г.

В. Скворцова

ДОКАНАЕВ

Преподаватель во время лекции после очередного замечания студенту, слишком громко общающемуся с соседом, повышает голос: *«Да что же это такое! Канаев! Да ты не Канаев, ты Доканаев! Сил уже нет на тебя!»*

Женщина, 45 лет, русская, преподаватель, г. Евпатория, ул. Революции, 60, медколледж «Монада», сентябрь 2019 г.

Н. Ю. Тимофеева

ДОКТОРЕССА

У кабинета эндокринолога образовалась внушительная очередь, а самого доктора на месте нет. Один из пациентов интересуется у выходящей из кабинета врача медсестры: *«Ну, и где же ваша докторесса?»*

Мужчина, около 50 лет, славянской внешности, г. Феодосия, городская поликлиника, г. Симферополь, 2017 г.

Э. Меджитова

ДОЛГОИГРАЮЩИЕ

При покупке конфет в кондитерском отделе молодой человек напоминает своей девушке о сосательных конфетах: *«Надо еще догоиграющих купить!»*

Молодой человек, около 20-25 лет, г. Джанкой, декабрь 2016 г.

Ю. Авалишина

ДОНОСИТЕЛЬНАЯ

На занятии по культуре речи в медицинском колледже студенты-заочники работают с формами документов личного характера: заявлением, объяснительной, служебной/докладной запиской. Одна из студенток спрашивает преподавателя: *«А после объяснительной составлять доносительную?»*, имея в виду докладную записку.

Женщина, 35 лет, крымская татарка, образование общее среднее, домохозяйка, г. Евпатория, ул. Революции, 60, февраль 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ДОПЛАНИВАТЬСЯ

Мама интересуется планами дочери на воскресенье, которое она собиралась провести с подругой: *«Вы завтра когда с Катей встречаетесь?»* – *«Мы еще не допланивались».*

Девочка, 14 лет, русская, г. Симферополь, осень, 2018 г.

И. В. Чепурина

ДОСВИДАНСТВОВАТЬ

Желая отвадить назойливого собеседника, девушка при телефонном вызове включает громкую связь. Происходит краткий диалог: «Алло, здравствуйте!» – «**Досвиданствуйте!**», и девушка со смехом кладет трубку.

Девушка, 20 лет, крымская татарка, г. Симферополь, ул. Ак-Кая, март 2019 г.

Л. Османова

ДОСВИДОС

После бурных выяснений отношений с сыном, мать выкрикивает: «*Все, это мое последнее слово! Досвидос!*»

Женщина, 37 лет, русская, образование среднее специальное, парикмахер, г. Евпатория, ул. Ленина, сентябрь 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ДОСТАТЬСЯ

На рынке продавщица обращается к покупательнице, неудобно стоящей у ящиков с мандаринами: «*Девушка, мандаринки все хорошие, но если вы **достанетесь**, то эти тоже можете набирать*».

Женщина, 35-37 лет, крымская татарка, г. Феодосия, центральный рынок, октябрь 2019 г.

И. В. Чепурина

ДОУБИРОВАТЬ

«*Ты почему до шести часов никуда не вышла?*» – негодует мать, обращаясь к дочери, с которой приехали отдохнуть на море. Дочь объясняет: «*Я собирала Аню, **доубировывала**, мыла голову*».

Девушка, 21 год, русская, пгт. Новый Свет, июль 2018 г.

И. В. Чепурина

ДРАМАХОЗЯЙКА

Из разговора двух мужчин: «*А моя уже год дома сидит и драмы разводит*». – «*Драмахозяйка...*».

Мужчина, 35-ти лет, г. Симферополь, июль 2016 г.

Д.А. Таньчева

ДРЕМ ДРЕМОМ

В разговоре о студентах: «*На защите курсовых работ студенты прекрасны, а в аудитории на практических занятиях по грамматике – **дрем дремом***».

Женщина, около 40 лет, преподаватель, г. Симферополь, КФУ, февраль 2016.

И. В. Чепурина

ДРОВОПРОВОД

Парень раздраженно реагирует на просьбу родственников сходить за дровами: «*Я вам, что, **дровопровод**? Туда-сюда доставлять деревянные?*»

Молодой человек, 20 лет, русский, Симферопольский район, пгт. Пионерское, август 2019 г.

Д. Емцов

ДРЫХОДНЫЕ

Мечтая о предстоящих выходных, студентки делятся планами. Одна из них сообщает: «*А я на этот раз устрою себе **дрыходные***».

Девушка, 18 лет, русская, г. Симферополь, 2019 г.

А. Ясинская

ДРЯНИКИ

«*Сегодня опять вчерашние **дряники***», – невесело констатирует девушка, глядя на тарелку с ужином.

Девушка, 18 лет, русская, г. Симферополь, февраль, 2018 г.

И. В. Чепурина

ДУБААР

Выйдя на улицу из помещения, студент-заочник ежится и говорит: «*Дубаар пришел*».

Мужчина, 20-21 год, крымский татарин, г. Симферополь, март 2018г.

И. В. Чепурина

ДУБАИ

Ироничное название поселка Дубки около г. Симферополя.
г. Симферополь, 2017 г.

Н. Парфенова

ДУБИШКА

Дети большой группой играли в прятки. Мальчик, который был ведущим и искал своих друзей, смог отыскать одного, но тот не хотел выходить из укрытия. Тогда ведущий возмутился: *«Ты, что думаешь, что я дубишка!? Выходи быстро, я тебя нашел!»*

Мальчик, 8-9 лет, славянской внешности, г. Симферополь, ул. Киевская, детский парк, 23 мая 2019 г.

А. Мартянова

ДУРКУЛЬ

Гора в черте г. Белогорска. В речи горожан в случае неодобрительной реакции можно услышать фразу: *«Ага, сейчас, только разгон с Дуркуля возьму!»*

июнь, 2017 г.

В. Здорова

ДУХОВЕЙЧИК

Пожилая женщина об обогревателе: *«Сейчас включим духовейчик – душок сразу пойдет».*
Женщина, 80 лет, г. Белогорск, 2016 г.

Н. С. Терехова

ДЫРЧИК

Мужчина рассказывает жене о встрече с приятелем: *«Я ему позвонил – он приехал».* Жена удивленно уточняет: *«Как приехал? Ему, что, права вернули?»* - *«Нет,»* - отвечает муж, - *«он дырчик купил, на нем и приехал».*

Дырчик – разновидность мопеда с навесным мотором, обычно низкого качества и поэтому слишком громко работающим, издающим ревущие звуки.

Мужчина, 55 лет, русский, музыкант, г. Евпатория, август 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

ДЯТЕЛ

Разговор молодых парней на улице: *«Ну разве ему можно объяснить? Он же нормальных слов не понимает – дятел!»*

Молодой человек, около 25 лет, славянской внешности, г. Евпатория, ул. Интернациональная, лето 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЕВПАСИТИ

Ироничное название г. Евпатории.
г. Евпатория, май 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЕВРАШКА

Из разговора мужчин об экономике: *«Ты видел, как курс еврашки опять поднялся?»*

Мужчина, 40-45 лет, русский, г. Симферополь, маршрутное такси №64, август 2019 г.

Д. Шугаев

ЕГОЛЮБИЕ

В разговоре с подругой о любимом парне девушка замечает: *«У меня во отношении него нет самолюбия, есть только еголюбие».*

Девушка, 20 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2016г.

Н. Ю. Тимофеева

ЕДРИТ-КУДРИТ

Продавец, упаковывая купленную вещь, поворачивается к покупателю и, увидев протянутую ей тысячерублевую купюру, восклицает: *«Едрит-кудрит! Где ж я вам сдачу возьму?!»*

Женщина, 55 лет, русская, продавец одежды, вещевого рынка «Пассаж», г. Евпатория, 17 сентября, 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЕДЫ

Женщина звонит по телефону приятельнице после совместного посещения сафари-парка, где они несколько раз перекусывали в разных кафе: *«Звоню узнать, как ты себя чувствуешь после тех ед, которые мы ели в «Тайгане»?»*

Женщина, 30 лет, русская, г. Симферополь, пр-т Кирова, осень 2018 г.

И. В. Чепурина

ЕРШИ ЕРШОВИЧИ

Крымский республиканский стоматологический центр; реакция на новостной сюжет по телевизору, установленному в коридоре клиники, о мошенниках, отбирающих квартиры: *«Ерши Ершовичи какие-то!»*

Женщина, 60-65 лет, русская, г. Симферополь, 14 июня 2016 г.

А. Давыдкина

ЖАБА ЖАБОЙ

Разговор учеников в школе: *«Эта старая училка – жаба жабой».*

Мальчик, 11 лет, п. Советское, ноябрь 2016 г.

Л. Н. Валило

ЖАННА Д'АРК

После стрижки парикмахер на вопрос пожилой клиентки о непривычной форме висков поясняет: *«Так моднее – зачем мы будем Жанну д'Арк делать».* При этом жестом показывает прямую линию висков.

Мужчина, 39 лет, парикмахер-стилист, г. Евпатория, салон «Ли Гранд», июль, 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЖЕЛЕЙНЫЕ НЕРВЫ

Девушка, 20 лет: *«Мои желейные нервы не выдержат такой накал незаслуженных обвинений»*

Девушка, 20 лет, русская, г. Симферополь, пр-т Вернадского, январь 2018 г.

З. Муслимова

ЖЕЛТУХА

Из разговора по телефону: *«Всю желтуху... желчь вылила на меня. Ты что не знаешь Алимешку?»*

Мужчина, 65-70 лет, крымский татарин, г. Симферополь, троллейбус №6, 28 февраль 2019 г.

А. В. Петров

ЖЕНИТЬСЯ

Женщина в разговоре о кулинарии *«Я не люблю сразу борщ есть. Сразу там все по отдельности. Хорошо, когда он стоит, все продукты в нем желятса, а потом ты кушаешь».*

Женщина, 65 лет, врач-преподаватель, г. Евпатория, пер. Типографский, апрель 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЖЕНИХАТЬСЯ

Пожилая женщина наблюдает за группой девушек и парней и с улыбкой произносит: *«Что парни – без девчат скучно? Женихайтеся, пока студенты».*

Женщина, 65-70 лет, славянской внешности, ул. Киевская, май 2019 г.

А. Тураева

ЖЕНЩИНКИ

В разговоре между преподавателями вспоминают уже не работающего преподавателя-мужчину. Одна из женщин вспоминает: *«Ну как он говорил, помните? «Женщинки...» – мне очень импонирует».*

Женщина, 64 года, украинка, образование высшее, преподаватель медицинского колледжа, г. Евпатория, ул. Революции, 60, октябрь 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЖЕРЕБИТЬСЯ

Дама, преподаватель музыки, в очереди выступающих на конкурсе объясняет: *«Репетируем по очереди: как **жеребилились**, так и выступаем, так и репетируем»*.

Женщина, 55-60 лет, русская, преподаватель игры на фортепиано, г. Симферополь, март 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЖИВЫЕ-МЕРТВЫЕ

Название микрорайона Загородный, примыкающий к территории кладбища в г. Симферополе. г. Симферополь, 2016 г.

И. Васютина

ЖИРИНКА

Из разговора девушек: *«Я уже нашла джинсы, которые надену, но у меня в них **жиринка** не застегивается»*.

Девушка, 18 лет, студентка, г. Симферополь, ул. Киевская, март 2019 г.

М. Соломкина

ЖРАТИНГ

Девушка заявляет подруге: *«После хорошей прогулки появляется аппетит и тянет на **жратинг**»*.

Девушка, 15 лет, русская, г. Симферополь, 2018 г.

А. Тураева

ЖРИ-ЛАНКА

Обсуждая коллегу с работы, которая уехала на иностранный курорт, одна из женщин недовольно сказала: *«Мы здесь собственную **Жри-Ланку** устроим, я как раз бананов накупила на целый взвод»*.

Женщина, 50-ти лет, г. Симферополь, апрель 2017.

Д. А. Таньчева

ЖУКОВКА

Улица Маршала Жукова в г. Симферополе
г. Симферополь, март 2017г.

Е. С. Белова

ЖУРФАКЕР

Во время беседы молодой человек говорит собеседнику, что он *журфакер*. Как оказалось, он учится на факультете журналистики.

Мужчина, около 20 лет, г. Симферополь, 2017 г.

Э. Зинандинов

ЖУРЧЕЙ

Девочка, читая с бабушкой книгу о природе, спрашивает: *«Бабушка, а почему ручей называется ручей, а не **журчей**? Он же журчит, а не ручит!»*

Девочка, 5 лет, г. Джанкой, ноябрь 2016 г.

Ю. Авалишина

ЖУЧКА

Улица Маршала Жукова в г. Симферополе
г. Симферополь, март 2017г.

Е. С. Белова

ЖЮРИТЬ

В компанию музыкантов приходят новые гости. Знакомятся. Во время разговора выясняется, что сын новых знакомых – участник музыкальных конкурсов. Одна из присутствующих, член конкурсных жюри, всплескивает руками: *«Ой! Ваня! Это же наша знаменитость! Я хоть поближе познакомлюсь с тем, кого **жюрию**»*.

Женщина, 65 лет, русская, образование высшее, директор музыкальной школы, г. Евпатория, 9 мая 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЗАБЕСПОКОИТЬ

Разговор подруг на улице: *«Так странно, хоть и занимаюсь спортом, но в последнее время поджелудочная железа болит. Не знаю, в чем дело»*. – *«У тебя фастфудовая железа болит. Большие еды жирной ешь, другие органы **забеспокоят**»*.

Девушка, 19-20 лет, славянской внешности, г. Севастополь, ул. Лазарева, май 2019 г.

Н. Кикоть

ЗАВОД

Из разговора в молодежной компании: *«Мы купаемся **на заводе**, вы туда?»*. Имеется в виду пляж неподалеку от бывшего завода Гидроприбор.

Молодой человек, 18 лет, русский, пгт. Орджоникидзе, июнь 2018 г.

Ю. Ковалева

ЗАВОЛОСИТЬСЯ

Девочка при встрече с тетей, которую не видела долгое время, восклицает: *«Ничего себе! Как у тебя голова **заволосилась!**»*

Девочка, 5 лет, русская, г. Симферополь, автовокзал, ул. Киевская, март 2019 г.

Э. Сулейманова

ЗАВТРАКАТЬ

Мама ставит домашних в известность: *«Сегодня **никого не завтракаю**, ищите в холодильнике сами – опаздываю на работу»*.

Женщина, 47 лет, русская, образование высшее, преподаватель, г. Симферополь, 2018 г.

И. В. Чепурина

ЗАДЕРГУШКА

Внучка, увидев привязанный под навесом старый карниз, спрашивает бабушку: *«Ба, а что у тебя карниз здесь делает?»*. Бабушка отвечает: *«А это из бани. Когда ремонт делали ее убрали. На нем **задергушка** раньше весела»*.

Женщина, 68 лет, украинка, Симферопольский район, с. Перевальное, май 2019 г.

А. Денисенко

ЗАДОДЖИТЬ

от англ. *dodge*- уклоняться

Парень объясняет приятелю причину опоздания: *«Я **задоджил** автобус, он жесть забитый был, так-то я бы не опоздал»*.

Молодой человек, 16-17 лет, славянской внешности, г. Симферополь, автобусная остановка «Больница им. Семашко», сентябрь 2019г.

Э. Сулейманова

ЗАДУШЕВНЫЕ

Мужчина в разговоре с товарищем отмечает: *«У каждого есть **задушевные** друзья – те, кто так и норовят задушить»*.

Мужчина, 65 лет, г. Симферополь, ноябрь 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЗАЖИЖИТЬ

Женщина рассказывает подруге рецепт сметанного торта: *«...Потом **блендернешь** банан и **зажижишь** творожный крем»*

Женщина, 60-65 лет, русская, г. Севастополь, сентябрь 2018 г.

А. Денисенко

ЗАКОМПЛИМЕНТИТЬ

Девушка рассказывает подруге о прошедшем свидании: *«Он меня вчера закомплиментил по полной»*.

Девушка, 20 лет, русская, г. Симферополь, весна 2018 г.

А. Мусаелян

ЗАМЕНИЧКА

Девочка рассказывает родным о прошедшем школьном дне: *«На алгебру к нам пришла заменичка и стала так быстро объяснять и листать слайды, что мы вообще ничего не поняли и мало что успели записать»*.

Девушка, 14 лет, русская, г. Симферополь, 2018 г.

И. В. Чепурина

ЗАМЕЧАТЕЛЬНО

В маршрутке общительный мужчина заводит разговор с соседкой: *«Вы знаете, что иногда замечательно, может оказаться замечательно! Вы знаете, такое слово, да? А знаете ли Вы, что сам Владимир Даль – мой родственник. Мой отец тоже Владимир Иванович, и тоже из Дании. Предок самого Даля, представляете?!»*

Мужчина, лет 55, русский, г. Симферополь, 2017 г.

Э. Аидинова

ЗАМОТАЙЛО

«Ну что, замотайло, кушаешь?» – спрашивает дедушка маленького внука, любящему, чтобы мясо заматывали в блинчик.

Мужчина, 55 лет, русский, г. Симферополь, весна 2018 г.

И. В. Чепурина

ЗАМУЛЬТИВАРИТЬ

Женщина обращается к домочадцам: *«Ну, что вам сегодня замультиварить?»*

Женщина, 40 лет, домохозяйка, русская, г. Симферополь, ноябрь 2016г.

Н. Г. Лаук

ЗАОБЕДАТЬСЯ

На привале туристов женщина напоминала подругам о прошлом интересном походе на Ай-Серезе: *«Хороший маршрут был. Тогда еще спустились поздно. Мы заобедались, помните?»*

Женщина, 55 лет, русская, Восточный Крым, март, 2018 г.

И. В. Чепурина

ЗАПЕТЛЯТЬ

Учащийся строительного колледжа, решив не идти на последнюю пару, сообщает: *«С последней пары запетляем!»*

Юноша, 16 лет, русский, учащийся, г. Евпатория, ЕТСТСО, май 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЗАПИТОНИТЬ

Студенты КФУ в разговоре о предстоящем ужине: *«Давай запитоним оставшиеся со вчера пельмени»*.

Молодой человек, 19-22 года, г. Симферополь, КФУ, ноябрь 2016 г.

С. Филатов

ЗАПРЕТКА

Из разговора в молодежной компании: *«Завтра на море на Запретку идем?»*. Имеется в виду пляж, который в СССР был запретной зоной, из-за расположения рядом завода Гидроприбор.

Молодой человек, 18 лет, русский, пгт. Орджоникидзе, июнь 2018 г.

Ю. Ковалева

Из разговора в молодежной компании: *«На Запретку хотели идти, но говорят там волны, пошли на заводской [пляж]»*

Девушка 23 года, русская, пгт. Орджоникидзе, 2018 г.

ЗАПЫЛИТЬ

Водитель отмечает момент скоростного обгона его машины другой: «*Ого, как запылил!*», хотя на чистой после недавнего теплого ливня не было пыли.

Мужчина, 45-50 лет, русский, г. Евпатория, трасса Евпатория-Мирный, сентябрь 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЗАСЕБЯЧИТЬСЯ

Молодой человек на туристическом маршруте, поднявшись на гору Ставри-Кая спросил, имея в виду себя и свою спутницу: «*Кто хочет с нами засебачиться?*»

Молодой человек, 25-30 лет, русский, г. Ялта, сентябрь 2018 г.

И. В. Чепурина

ЗАУЧКА

Девушка в разговоре с преподавателем обсуждает персонаж художественного произведения: «*Ну она была серьезная девушка. Не то, чтобы заучка, но стремилась к образованию.*»

Девушка, 16 лет, русская, студентка, г. Евпатория, ул. Революции, 60, октябрь 2019 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЗАФИЗКУЛЬТУРЕННЫЙ

Медсестра при массаже спортсмена восклицает: «*Ого, какой зафизкультуренный!*»

Женщина, 40–45 лет, русская, врач-массажист, образование высшее медицинское, г. Симферополь, июнь 2017 года.

В. Савельев

ЗАХОМЯЧИЛА

Женщина в разговоре с сидящей в коляске маленькой внучкой на вид 1-1,5 лет, наблюдая как ребенок ест яблоко, отмечает: «*Захомячила яблочко? Захомячила. Хомяк ты, хомяк.*»

Женщина, около 50 лет, славянской внешности, г. Евпатория, пр-т Победы, март 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЗАЦЕЛУЙКА

Маленькая дочь просит мать при расставании в детском саду: «*Мама, не целуй, а то зацелуйку оставишь.*»

Девочка, около 3 лет, славянской внешности, г. Симферополь, сентябрь 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЗАЧУВСТВОВАТЬ

Мама поздним вечером, перед сном обращается к дочери: «*Что-то я поганенько себя зачувствовала. Принеси терафлюшку.*»

Женщина, 47 лет, русская, образование высшее, преподаватель, г. Симферополь, апрель 2018 г.

И. В. Чепурина

ЗАШЛАКОВАТЬСЯ

Попав в пробку, водитель сокрушается: «*Ну вот – зашлаковались!*»

Мужчина, 57 лет, г. Симферополь, ноябрь 2016 г.

И. Прохоров

ЗВЕЗДЕВО

Муж выглядывает на улицу с балкона и, оглядев ночное небо, сообщает жене: «*А тут-то звездево! Разошлись тучи!*»

Мужчина, 59 лет, русский, образование среднее специальное, музыкант, г. Евпатория, ул. Володарского, октябрь 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЗВЕЗДИТЬ

При встрече на городском параде 1-го мая нарядные подружки делают друг другу комплементы: «*Ты великолепно выглядишь!*» – «*А ты вообще звездишь! Я скоро ослепну!*»

Девушка, 20-22 года, славянской внешности, г. Феодосия, май 2019 г.

Л. Османова

ЗВУЧКА

В маршрутке одна подруга, достав телефон, говорит другой: *«Мне позвонили, а я как поставила свой телефон на беззвучку, чтоб ребенка не разбудить, так он и остался. Пора ставить на **звучку**».*

Женщина, около 30 лет, крымская татарка, г. Симферополь, июнь 2018 г.

Н. Г. Лаук

ЗДРАВООХОРОНЕНИЕ

Преподаватель в рассказе о проведенной лекции в медицинском колледже сообщает коллегам: *«Я им [студентам] говорю, что с такими знаниями, как у вас, в стране не здравоохранение, а **здравоохранение** будет».*

Мужчина, 58 лет, русский, преподаватель истории, медколледж «Монада», г. Евпатория, октябрь 2017г.

Н. Ю. Тимофеева

ЗЕЛЕНКА

Бывшее здание «Зеленый театр» на улице Ленина, д. 2 в г. Симферополе. Одноименный отель. г. Симферополь, март 2017г.

Е. Ершова

ЗЕФИРДУНЬЯ

Полненькая девочка примеряет шапку с изображением улыбающегося облачка и говорит своей маме: *«Мама, смотри, я зефирка!»*, на что мама отвечает: *«Тамила, ты не зефирка, ты **зефирдунья**!».*

Женщина, 30-35 лет, крымская татарка, г. Симферополь, торговый центр «Центрум», магазин «Сгоор», апрель 2019 г.

Э. Бекирова

ЗЛОКЛЮЧЕНИЕ

Муж возмущенно рассказывает жене о посещении врача: *«Он меня даже не осматривал и бумаги не смотрел!»* - *«А ты ему показывал выписку из больницы?»* - *«Естественно! Все показывал, и **злoклyчение** это тоже!»*

Мужчина, 58 лет, русский, образование среднее специальное, музыкант, г. Евпатория, февраль 2018 года.

Н. Ю. Тимофеева

ЗЛОХОЛУСТЬЕ

Сын рассуждает о недостатках культурного отдыха в маленьком городе: *«Даже пойти некуда в этом **злoхoлyстье**!»*

Мальчик, 11 лет, русский, г. Евпатория, апрель 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЗОЖУШКА

Девушка рассказывает о своем решении менять образ жизни: *«Все, с сегодняшнего дня я на ПП [полезном питании] и буду бегать и ходить на спортплощадку!»* Парень удивляется: *«Ты, что на ЗОЖ [здоровый образ жизни] перешла?»* – *«Ну да».* – *«Ух, ты, моя **Зожушка**!»*

Молодой человек, около 30 лет, славянской внешности, г. Симферополь, маршрутное такси №54, май 2019 г.

А. Кучер

ЗОЛУШКА

Знакомая шутя называет свою старшую дочь **Золушка** или «моя крепостная» за помощь во время сессии.

Женщина, 43-х лет, крымская татарка, г. Симферополь, 2017 г.

Э. Умерова

Разговор двух подруг: *«Чем занимаешься?»* – *«**Золушкой** Васильевной работаю».*

Женщина, 45-ти лет, крымская татарка, г. Симферополь, 2017 г.

Э. Умерова

ЗОЛУШОК

Во время просмотра телешоу о детях, школьник комментирует историю о подростке-бездельнике: *«Вот это Золушок, переутомился, наверное»* и смеется.

Мальчик, 12 лет, русский, г. Симферополь, 2018 г.

О. Матвиенко

ЗРЯПЛАТА

Из обращения мужа к жене: *«Учитывая, какая маленькая и редкая у тебя зарплата, можно было бы переименовать ее в зряплату»*.

Мужчина, 45 лет, г. Алушта, июль 2016.

Д. А. Таньчева

ЗУБОЧЕСКА

Мальчик растерянно обводит глазами ванную и спрашивает: *«А куда делась моя зубоческа?»*

Мальчик, 3 года, русский, г. Судак, ул. Бирюзова, июнь 2019 г.

С. Салиев

ЗЫРИНГ

Во время обсуждения предстоящей прогулки девушка реагирует на отказ подруги: *«Раз не хочешь шопинг – будет зыринг!»*

Девушка, 15 лет, русская, г. Симферополь, 2018 г.

А. Бискуп

ИЗИ

Разговор школьниц: *«Ну как, пересдала свою химию?» – «Да вообще изи»*.

Девочка, 13-14 лет, славянской внешности, г. Симферополь, маршрутное такси №41, 28 мая 2019 г.

М. Соломкина

ИЗЮМИНКОВАЯ

Один молодой человек рассказывает другому о девушке: *«А она вроде бы вся такая загадочная, с изюминкой... О! Изюминковая!»*

Мужчина, 17-18 лет, г. Симферополь, 2017 г.

Ф. Джаппарова

ИНДИГРЕДИЕНТЫ

В тематическом ресторане, при заказе индийского блюда, ребенок спросил у мамы, какие в этом блюде *ингредиенты* и когда мать исправила слово на «ингредиенты», девочка возразила: *«Если кафе индийское, значит еда из ингредиентов»*.

Девочка 7 лет, г. Симферополь, декабрь 2015.

Д. А. Таньчева

ИНОСТРАШНЫЙ

Студентка факультета иностранных языков на вопрос: *«А ты, что, на инязе учишься?»*, улыбаясь, со вздохом отвечает: *«Да, инострашный изучаю!»*

Девушка, около 20 лет, русская, факультет иностранных языков, КФУ, г. Симферополь, 2018 г.

Н. Катасов

ИСЛЯМДИНЬО

Разговор мужчин о местной знаменитости, футболисте: *«Наш Ислям настоящий Ислямдиньо!»*

Мужчина, 30-35 лет, крымский татарин, пгт Нижнегорский, 2018 г.

Ф. Мензатова

ИТАЛЬЯНКА

Итальянское кладбище времен первой обороны Севастополя.

Севастополь, март 2017 г.

И. Фесенко

ЙОГИНЯ

Разговор девушек в раздевалке спортивного зала: «Тренерша бывшая по йоге мне постоянно названивает. Это уже напрягает». – «А вот моя **йогиня** ни разу за все время не позвонила».

Девушка, 25 лет, русская, Симферопольский район, пгт. Гвардейское, сентябрь 2019 г.

Д. Шеремет

ЙОГНУТЬСЯ

Девушка жалуется подруге на свое занятие в центре йоги: «У меня все тело по швам трещит, а у тренера ни один мускул на лице **не йогнется**».

Девушка, около 25 лет, г. Симферополь, февраль 2017г.

Д. А. Таньчева

КАВЕНЬКА

В магазине кофе пожилая покупательница спрашивает продавца: «**Кавенька** по чем?».

Женщина, 67 лет, украинка, г. Симферополь, сентябрь 2018 г.

Д. Стенникова

КАЗБЕК

Разглядывая себя в зеркало после новой, более короткой стрижки, мальчик невесело заключает: «**Чистый казбек...**» В ответ на эту фразу парикмахер начинает его успокаивать: «Ну и совсем не так уж и плохо, челка отрастет».

Мальчик, 13 лет, русский, г. Евпатория, ул. Эскадронная, май 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

КАКАРИ

Жена жалуется мужу на плохой ассортимент обуви в городских магазинах: «Ну вообще смотреть не на что!» - «А в «Кари» ты заходила?» Жена машет разочаровано рукой: «Да была я в этом **«Какари»!** Ерунда полная!»

«Кари» - сеть обувных магазинов.

Н. Ю. Тимофеева

КАКБЫМИ

Преподаватель на защите бакалаврских работ говорит студентке: «Вы должны делать доклад научной речью, а не **какбыми**»

Женщина 55-ти лет, высшее образование, филолог, русская, г. Симферополь, 3 июня 2016 г.

А. В. Петров

КАКНИБУДЬЦЫ

Студент 2 курса факультета славянской филологии и журналистики, комментируя свою работу, сказал преподавателю: «Я сделал анкету **какнибудьцы**».

Молодой человек 20 лет, г. Симферополь, КФУ, июнь, 2016 г.

А. В. Петров

КАНАЛИЗИРОВАТЬ

Разговор между подругами об отношениях в коллективе: «Знаешь, главное – это не **канализировать** негатив, а то тебя на все не хватит».

Девушка, 20-25 лет, славянской внешности, г. Симферополь, ул. Киевская, октябрь 2018 г.

А. Тураева

КАНИКУЛА

Школьник в разговоре с товарищами жалуется: «Надоели эти уроки. Все учим, учим, хоть бы одну **каникулу** сделали».

Мальчик, 12-13 лет, русский, г. Симферополь, весна 2018 г.

Е. Лунева

КАРАДАГИЗМ

Около мангупского озера женщина-экскурсовод рассказывает: «У любителей *Крыма* есть термин **карадагизм** – «бесконечная тяга к Карадагу». По аналогии родилось понятие «мангупизм» – бесконечная тяга к этому месту, которое сегодня стало очень популярным для отдыха и экскурсий. Сегодня стало модно путешествовать и активно отдыхать».

Женщина, 55 лет, образование высшее, экскурсовод, г. Симферополь, март 2018 г.

И. В. Чепурина

КАРАИМИТЬСЯ

Классный руководитель спрашивает девятиклассников, которые на школьном фестивале должны представлять караимский этнос *Крыма*: «Вы решили, кто будет участвовать? Пора начинать **караимиться**».

Женщина, 26-28 лет, г. Симферополь, 2018 г.

А. Денисенко

КАРАНДАШИ

При виде маленьких узких кабачков на рынке девушка произносит: «Какие **карандаши**».

Девушка, 19 лет, русская, г. Симферополь, апрель 2019 г.

А. Трегубова

КАРТОФАН

В маленьком кафе в обеденное время рабочие зашли перекусить: «С чем пирожки?» – «С ветчиной, с грибами, картошкой, яйцами и сыром». – «С картошкой берем?» – «Нет, с **картофаном** мне не пойдет».

Мужчина 25-30 лет, русский, ул. Суходольная, г. Симферополь, июнь 2018 г.

Д. Стенникова

КАРТРЮФЕЛЬ

На рынке на вопрос покупателей, почему такая дорогая картошка, продавец отвечает: «Потому что это не картофель, а **картрюфель**!»

Мужчина, крымский татарин, около 35 лет, г. Симферополь, 2016 г.

Д. А. Таньчева

КАТАРОМАНЧИКИ

Студентка в разговоре с подругой: «Для влюбленных по вечерам катамараны превращаются в катароманы, на которых после у этих молодых людей рождаются **катароманчики**».

Девушка, 20 лет, г. Симферополь, июнь 2016 г.

Д. А. Таньчева

КАТАРОМАНЫ

Студентка в разговоре с подругой: «Для влюбленных по вечерам катамараны превращаются в **катароманы**, на которых после у этих молодых людей рождаются катароманчики».

Девушка, 20 лет, г. Симферополь, июнь 2016 г.

Д. А. Таньчева

КАТАРСИС

Девушка звонит по телефону подруге Кате: «**Катарсис**, привет. Пойдем сегодня в кино?»

Девушка 16 лет, русская, студентка, г. Симферополь, ул. Воровского, август 2019 г.

А. Тураева

КАТОХА

Юноша, делая с друзьями покупки в магазине, говорит: «Сегодня будем **катоху** есть».

Молодой человек, 17-18 лет, русский, г. Симферополь, 2018 г.

А. Бискуп

КВАДРАТЫ

Часть Симферопольского водохранилища с дном в виде бетонных квадратов. Часто туда ходят купаться.

г. Симферополь, 2017 г.

Е. Ершова

КЕП (КАПИТАН ОЧЕВИДНОСТЬ)

Ироничное употребление фразы «*Да ты **кеп!***» в значении ‘невероятно догадливый, смекалистый’

Молодой человек, 20 лет, КФУ, ноябрь 2016 г.

А. Замятина

КИБЕРБАБУЛЛИНГ

Парень рассказывает товарищу: «*Выхожу из подъезда, весь, разумеется, при параде: черная куртка с черепом на спине, рваные джинсы. Бабки на лавочке как начали меня обсуждать. И какое им до меня дело?! **Кибербабуллинг**, одним словом.*»

Молодой человек, 18-20 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

М. Асанова

КИПТУШНИК

На остановке молодой человек, неодобрительно взглянув на двух других, поедающих пиццу на остановке автобуса, замечает товарищу: «*Ох, уж эти **киптушники!***», очевидно зная, что эти двое – студенты КИПУ.

Молодой человек, 18-20 лет, славянской внешности, г. Симферополь, автобусная остановка «Центральный рынок», февраль 2019 г.

Э. Бекирова

КИРПИЧНУЛСЯ

Разговор двух студенток: «*Мой телефон же **кирпичнулся**, теперь вообще не знаю, как быть.*»

Девушка, 19 лет, русская, КФУ, г. Симферополь, 15 мая 2017 г.

А. Давыдкина

КИСЛУХА

Заметив унылое выражение лица подруги, девушка интересуется: «*Что ты **кислуху** поймала?*»

Девушка, 16 лет, славянской внешности, г. Симферополь, торговый центр «Меганом», магазин «Mohito», 2 мая 2019 г.

В. Гаевская

КИТАЙ

На центральном рынке в разговоре с подругой, сравнивая одежду на рынке с заказанной в одном из китайских интернет-магазинов, девушка замечает: «*Ну, знаешь, **Китай Китаю** рознь: большинство плохого, конечно, но это платье мне нравится*»

Девушка, лет 18, русская, г. Симферополь, июнь 2016

А. Давыдкина

Главный корпус Таврической академии в разговоре студентов возникает фраза: «*У нее телефон **Китай Китаем**, а она на камеру жалуется.*»

Мужчина, лет 20, студент, русский, г. Симферополь, март 2016

А. Давыдкина

КИШЛАК

«*Я живу в самом красивом **кишлаке** Крыма – Симферополе!*» – шутка жителя Симферополя.

Мужчина, около 50-60 лет, славянской внешности, преподаватель НАПКС, г. Симферополь, июнь 2016 г.

С. Балицкая

КИШЛАК КИШЛАКОМ

Проезжая на автобусе село Многоречье Бахчисарайского района, экскурсовод сказал: «*Вот **кишлак кишлаком**.*»

Женщина, 55 лет, экскурсовод, образование высшее, г. Симферополь, февраль 2016 г.

И. В. Чепурина

КЛАССНЮЧИЙ

Муж рассказывает жене об увиденной модели джинсов: «*Цвет такой сложный, темно-синий с белыми потеростями, как у меня был когда-то. И фасон **класснючий**.*»

Мужчина, 59 лет, русский, образование среднее специальное, г. Евпатория, ул. Дм. Ульянова, июль 2019 г.

Н. Ю. Тимофеева

КЛЕМАНУЛО

Женщина неожиданно вскрикнула при наклоне и объяснила подроспевшему на помощь мужу: *«Вот это меня **ломануло** в пояснице».*

Женщина, 45 лет, русская, образование высшее, преподаватель, г. Евпатория, ул. Дом. Ульянова, ноябрь 2018 г.

КИСЛУХА

Заметив унылое выражение лица подруги, девушка интересуется: *«Что ты **кислых** поймала?»*

Девушка, 16 лет, славянской внешности, г. Симферополь, торговый центр «Мегаом», магазин «Mohito», 2 мая 2019 г.

В. Гаевская

КЛИМАТИТЬ

Женщина делится своим впечатлением от пребывания в Крыму: *«Мне совершенно не нравится здешняя погода. Она мне **не климатит**».*

Женщина, 55-60 лет, русская, г. Феодосия, июнь 2019 г.

Л. Османова

КЛИПЧИК

Женщина рассказывает подруге о своем самостоятельном выступлении на концерте, посвященном Дню учителя: *«Я хотела другую песню, украинскую. Такую душевную, а они сказали, что она заунывная и не подходит для праздника. Ну и ладно, я сделаю **клипчик** и отошлю крестному на Украину как подарок к юбилею».*

Женщина, 42 года, украинка, домохозяйка, г. Евпатория, ул. Революции, октябрь 2019 г.

Н. Ю. Тимофеева

КНИГОЛИЧНИЦА

В разговоре о прочитанных книгах девушка назвала подругу *«книголичница»* из-за ее пристрастия к чтению.

Девушка, 20-22 года, русская, г. Симферополь, 2018 г.

С. Седина

КОВРОЖКА

Разговор в театре, во время антракта: *«А у них тут новую **коврожку** постелили!»* [указывает рукой на ковер].

Женщина, 50 лет, русская, г. Симферополь, 2017 г.

Э. Аядинова

КОЛЛИЗЕЙ

Жилой дом в бухте Омега г. Севастополя, по архитектурной форме напоминающий амфитеатр Древнего Рима.

Севастополь, 2017 г.

Н. Рыжова

КОЛОТУН-БАБА

Крымский татарин детей с новогоднего утренника, с улыбкой сообщает проходившему мимо знакомому: *«Своих жду. Когда им там **Колотун-баба** подарки раздаст».*

Мужчина 35-40 лет, крымский татарин, г. Симферополь, 2017 г.

Э. Умерова

КОЛУМБ

*«Тоже мне **Колумб!**»* — фраза, сказанная школьником в ответ на высказывание его приятеля о сложности какой-то новой компьютерной игры.

Мальчик, около 14 лет, русский, г. Симферополь, школа-лицей №3 им. А. С. Макаренко, 2016 г.

Деминова М. С.

КОЛХОРОПОЛЬ

Из разговора по телефону о Симферополе: *«Быстрее бы уехать из этого **Колхорополя**».*

Девушка, 22-25 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2019 г.

А. Давыдкина

КОНТРИПРИСОЕДИНЕНЕЦ

Накануне мероприятий, приуроченных к годовщине Общекрымского референдума студент просит сокурсников: *«Кто завтра придет, скажите, что меня не будет: участвую в мероприятиях, приуроченных к годовщине референдума. Тех, кто скажет, что это неуважительная причина, можете считать контриприсоединенцами»* [смеется].

Молодой человек., 20 лет, русский, студент; март 2018 г.

А. Рыбин

КОПОК

Женщина зовет обедать внучку-школьницу, копающую в огороде, на что та отвечает: *«Еще один **копок** – и приду».*

Девочка, 10 лет, русская, г. Симферополь, 2018г.

Е. Лунева

КОРРОЗЕЙКА

Пляж на Северной стороне г. Севастополя, расположенный недалеко от научного института по изучению коррозии металлов.

Севастополь, 2017 г.

Н. Рыжова

КОСМАЧОМ

Бабушка выходит в прихожую и увидев одетого внука без головного убора спрашивает: *«Ты почему **космачом**? Простудишься».*

Женщина, 60-65 лет, русская, г. Симферополь, ноябрь 2018 г.

И. В. Чепурина

КОСМОПОЛИТЕН

В переполненную маршрутку заходит девушка с распущенными длинными волосами. Через остановки три-четыре мужчины возмущенно говорят: *«Девушка, уберите свой **космополитен**».*

Мужчина, около 35 лет, г. Евпатория, июнь 2016.

В. Кравченко

КОСТЯ-ЛАКОСТЯ

Девушка отмечает приятность парфюмерного запаха фирмы «Lacoste» у знакомого: *«Боже, как мне нравится твой парфюм! Ты у нас прямо **Костя-Лакостя!**»*

Девушка, около 18 лет, восточной внешности, г. Симферополь, ул. Пушкина, май 2019 г.

В. Пугач

КОТИКОЛОГ

На вопрос *«Кем ты хочешь стать?»* мальчик отвечает: *«**Котикологом!** Буду котиков лечить!»*

Мальчик, 8 лет, крымский татарин, г. Симферополь, район Фонтаны, январь 2019 г.

Э. Бекирова

КОТОПОТАМ

Разговор по телефону [предположительно с женой] в магазине: *«Я не буду покупать ему корм! Это уже не кот, а **котопотам** какой-то!»*

Мужчина, около 35 лет, русский, супермаркет «Фуршет», г. Симферополь, 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

КОТОСТРОФА

Во время уборки комнаты кот старается залезть повыше из-за пугающего звука пылесоса. Хозяйка, устав от его прыжков и перемещений, сетует: *«Не кот, а **котострофа!**»*

Девушка, 21 год, русская, г. Симферополь, 2019 г.

А. Бискуп

КОТЮМОРОН

Молодые рабочие в перерыве обсуждают домашние дела. Один из парней рассказывает о повадках домашнего любимца: *«Наш кот такой чудной: мясо не ест, любит траву, обожает воду, в то время, как обычные коты бегут от воды»*. На что его товарищ реагирует фразой: *«У тебя прям какой-то котюморон»*.

Молодой человек, 23 года, русский, г. Белогорск, с. Криничное, июнь 2019 г.

Д. Шеремет

КОФЕЕВНИЧАТЬ

Мужчина обращается на улице к супруге: *«Пойдем скорее домой. Будем кофеевничать и тортеевничать»*.

Мужчина, около 50 лет, славянской внешности, г. Симферополь, парк Тренева, май 2019 г.

А. Соловьева

КОФЕ-ПОФЕ

Из разговора таксистов на стоянке: *«Пока кофе-пофе, пока бензин купишь, – так все деньги и уходят»*.

Мужчина, около 50-ти лет, крымский татарин, таксист, г. Симферополь, март 2018 г.

Д. Панова

КОЧКОЛЯНДИЯ

Водителя легкового автомобиля, трясущегося по симферопольским дорогам в районе Марьино, возмущается: *«Да что за кочколяндия у вас здесь!»*

Мужчина, 37 лет, русский, г. Симферополь, 2018 г.

Ю. Ковалева

КОШМАРИТЬ

Дочь отвечает матери, упрекающей ее за плохие оценки: *«Мам, ну хватит кошмарить! Я сама разберусь со своими проблемами»*.

Девушка, 14-16 лет, супермаркет «Ашан», г. Симферополь, ноябрь 2016 г.

А. Горбик

КОЩЕЙ КОЩЕЕМ

Девушка в разговоре по телефону: *«Я недавно встретила свою одноклассницу, она так изменилась, такая худая – Кощей Кощеем»*.

Девушка, 20 лет, г. Симферополь, октябрь 2016 г.

Ю. Авалишина

КРАСИВЕННЫЙ

Женщина примеряет на рынке платье маленькой девочке: *«Вот, самое оно: и тебе идет, красивенное такое»*.

Женщина, около 45 лет, русская, Ленинский район, г. Симферополь, 2018 г.

Н. Кикоть

КРАСНОЩЕЧКИ

«Любой абрикос полезен, но я предпочитаю краснощечки», – так женщина назвала абрикосы сорта «Абрикос краснощекий» в разговоре с преподавателем.

Женщина 75 лет, бывшая служащая, русская, г. Евпатория, март 2016 г.

А. В. Петров

Разговор на рынке продавца с покупателем: *«Это наш, крымский абрикос – колировка»* - *«Да, я знаю, я люблю такие. Вкус настоящего абрикоса. Только они раньше были краснощечие»*. – *«А краснощечек нет еще, но будут. Будут, будут: один бочок розовенький, а другой – оранжевый. Приходите.»*

Женщина, 50-55 лет, крымская татарка, и женщина, около 65 лет, славянской внешности, г. Евпатория, колхозный рынок, июль 2017г.

Н. Ю. Тимофеева

КРЕМИРОВАТЬ

Муж после душа, держа в руках крем, спрашивает у жены: *«Ну, ты будешь меня **кремировать**?»*
 Мужчина, 55 лет, русский, высшее образование, г. Симферополь, ноябрь 2017 г.

И. В. Чепурина

КРИВОСЛАВИЕ

Из разговора двух пожилых женщин: *«Неправильная сейчас вера, нехорошая. Разве православие это? Это **кривославие** какое-то!»*

Женщина 60-ти лет, г. Симферополь, апрель 2016 г.

Д. А. Таньчева

КРОВОПИЙЦЫ И ВЕРТОЛЕТЫ

В разговоре о комарах молодые люди так называли насекомых: *«Пойдемте в дом, а то **вертолеты** разлетались»* - *«Да, пойдём, ненавижу этих **кровопийц**»*.

Молодой человек и девушка 17 лет, г. Симферополь, июнь 2016 г.

Э. Муртазаева

КРОКОДИЛЫ

Стоматолог при удалении зуба обращается к медсестре: *«Дайте мне **крокодилы**»*, имея в виду медицинские щипцы для такого удаления.

Мужчина, 35-37 лет, русский, г. Симферополь, ул. Февральская, январь 2019 г.

А. Лобанова

КРОССОВОЧЕК

Мужчина, владелец кроссовера, в разговоре о плохих дорогах с гордостью заявляет: *«А мой **кроссовочек** проходит такие ямы безболезненно»*.

Мужчина, 47 лет, русский, образование высшее, предприниматель, г. Симферополь, 2018 г.

Д. Емцов

КРОССОТКА

В момент мягкого прохождения машины по ухабу водитель кроссовера одобрительно произносит: *«**Кроссотка!**»*

Мужчина, 47 лет, русский, образование высшее, предприниматель, г. Симферополь, 2018 г.

Д. Емцов

КРОТ БЛИЗОРУКОВИЧ

Разговор в компании подростков: *«Ну и где этот **Крот Близорукевич**? Сколько его ждать будем?»*. Через некоторое время появляется подросток в очках и присоединяется к компании.

Мальчик, 14-15 лет, славянской внешности, г. Феодосия, ул. Чкалова, июнь 2019 г.

Л. Османова

КРУГЛЯШКА

Работник туристической сферы спрашивает у коллеги о клиенте: *«Откуда, говоришь, надо забрать человека?»* На что второй отвечает: *«Будет стоять **на Кругляшке**»*, имея в виду санаторий в г. Саки, главный вход которого имеет округлую форму.

Мужчина, 45 лет, русский, образование высшее, г. Саки, 2016 г.

Н. Парфенова

КРУЖИНКА

Мужчина рассказывает в гостях о своем внуке: *«Эти современные дети такие смышленные. Когда мы с ним ремонтировали устройство, и я вытащил пружину, он спрашивает: «Почему ты говоришь пружинка, если она круглая? Это же **кружинка**». Ну и что на это скажешь? Ведь и правда круглая»*.

Мальчик, 7 лет, русский, г. Евпатория, ул. Чапаева, август 2019 г.

Н. Ю. Тимофеева

КРЫМНАШ

Мужчина делится впечатлением о посещении своей бывшей школы: *«Зашел – а там сплошь **Крымнаш!**»*, имея в виду ситуацию патриотического угара.

Мужчина, 30-35 лет, г. Симферополь, КФУ, сентябрь 2016 г.

Н. Ткаченко

КРЫСИВАЯ

Мать нередко называет дочку *«красивая»*, объясняя это тем, что ее девочка-красавица родилась в год крысы.

Женщина, 49 лет, русская, образование высшее, преподаватель географии, г. Симферополь, 2019 г.

А. Конак

КРЯСАВЧИК

Из разговора двух девушек, кормивших уток в парке и восторгавшихся селезнем: *«Смотри какой **красавчик!**»*

Девушка 25-ти лет, г. Симферополь, декабрь 2015.

Д.А. Таньчева

КУБАНЬ

Название Кубанского рынка на одноименной улице в г. Симферополе.
г. Симферополь, 2016 г

Л. Тарсиевич

КУБИК

Куйбышевский рынок в г. Симферополе
г. Симферополь, февраль 2017 г.

Л. Тарсиевич

КУКУЗЮМ

На рынке женщина недовольно оценивает внешний вид винограда: *«Это не виноград, а **кукузем** какой-то»*.

Женщина, около 45 лет, крымская татарка, г. Симферополь, Центральный рынок, сентябрь 2019 г.

Э. Сулейманова

КУПЕШКА

Из разговора двух женщин: *«Я недавно **купешку** приобрела. Наконец-то можно выкинуть старый шкаф»*.

Женщина 50-ти лет, г. Симферополь, октябрь 2015.

Д. А. Таньчева

КУПИТЬСЯ

Дочь в ответ на просьбу матери сходить за хлебом замечает: *«Хлеб, мама, может уже и не купиться, слишком поздно для выходного дня»*.

Девочка, 14 лет, русская, г. Симферополь, июнь 2019 г.

И. В. Чепурина

КУРЕКУК

Мальчик, рассматривая книжку, восклицает при виде петуха: *«**Курекук!**»*
Мальчик, 3 года, г. Симферополь, 2016 г.

И. Гуленко

КУРЖИ

Разговор двух подруг на набережной: *«Устала после куржей»*. – *«После курортников?»* – *«Да, какие это курортники? Орут, гадят, где не попадая – **куржи**, настоящие **куржи!**»*

Женщина, 50-55 лет, г. Евпатория, август 2016г.

К. Виниченко

КУРИБЕЛЬНЫЙ

Разговор двух парней в кафе: *«Ну как кальян?»* – *«**Курибельный!**»*.

Молодой человек, 18-19 лет, славянской внешности, г. Симферополь, лаунж-кафе «Сенатор», май 2019 г.

Н. Катасов

КУРИЦЕЛАПИЕ

Студент на просьбу товарища дать ему свой конспект замечает: *«Бери, пользуйся, если только сможешь разобрать это **курицелание**»*

Мужчина, 20-22 года, КФУ, г. Симферополь, 2016 г.

В. Савельев

КУРОЧКА

Девушка в разговоре с подругой предлагает: *«Пошли на **Курочку**, прогуляемся»*. Курочкой называют парк студгородка КФУ, в котором есть сооружение в виде курицы.

Девушка, 21 год, г. Симферополь, 2016 г.

Б. Фезиев

КУСАКА

Женщина в разговоре с ребенком о дворняжке: *«Не дразни **кусаку**, без пальцев останешься»*.

Женщина, лет 30, г. Симферополь, январь 2017 г.

С. Заитова

КУШИЩЕ

Получив в маршрутке сдачу кучей мелочи, мужчина шутит: *«Я словил **кушище**»*.

Мужчина, 30 лет, русский, г. Симферополь, 2016

А. Замятина

КЪАВЕШКА

от кр.-тат. *къаве* - кофе

Молодой человек, обращаясь к девушке, перед заказом в кафе спрашивает: *«**Къавешку** будешь?»*

Молодой человек, 20-22 года, крымский татарин, г. Симферополь, 2018 г.

Э. Сулейманова

КЫШНУТЬ

Молодой человек жалуется другу на то, что девушка, с которой он решил съехаться (квартира принадлежит ей), выгнала его. *«Прикинь, она меня **кышнула**»*

Мужчина, 25-30 лет, русский, г. Симферополь, июнь 2017 г.

Е. Морозова

ЛАБОРАТОРКА

Бывшее Лабораторное шоссе на улице Ревякина.

Севастополь, март 2017 г.

И. Фесенко

ЛАЙТОВАЯ

Преподаватель колледжа рассказывает о проведенном выходном в парке аттракционов: *«Я поехала на самой простой горке, без резких поворотов. Такая себе плавная, **лайтовая** горочка... И все равно страшно было»*.

Женщина, 37 лет, украинка, образование высшее, преподаватель, г. Евпатория, ул. Революции, 60, сентябрь 2019 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЛАЙТОВО

Мужчина рассказывает о мучившем его псориазе: *«Сейчас все прошло, не совсем, но не так как раньше. Раньше – я весь в корке был, как в шлеме, а теперь – так, **лайтово**. Жить можно»*.

Мужчина, 45 лет, русский, образование среднее специальное, парикмахер, г. Евпатория, декабрь 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЛАКОМИТЬ

Во время вечернего чаепития с конфетами и печеньем мама спрашивает у дочки о любимом хомячке: *«А ты сегодня Адольфа уже лакомила?»*

Женщина, 45-48 лет, русская, образование высшее, преподаватель, г. Симферополь, март 2018 г.

И. В. Чепурина

ЛЕНТА

Название улицы Ленина в г. Керчи среди молодежи: *«Поехали на Ленту?»*. Возможно, это связано с тем, что улица узкая и длинная, как лента.

г. Керчь, 2017 г.

Э. Зинандинов

ЛЕНТЯЙКА

Пожилая женщина, обращаясь к внучке с просьбой передать пульт дистанционного управления телевизором, произносит: *«Подай мне лентяйку»*.

Женщина, 60 лет, пенсионерка, г. Симферополь, октябрь 2016 г.

А. Левицкая

ЛЕПО

При примерке шапки в магазине женщина обращается к другой покупательнице с вопросом: *«Как вы думаете, эта шапка сидит на мене лепо?»*

Женщина, 45-50 лет, г. Евпатория, ул. Дм. Ульянова, январь 2017.

Н. Ю. Тимофеева

ЛЕТНЕВАТЫЙ

Мама интересуется у дочки-подростка, собирающейся гулять в теплый мартовский день: *«Какую обувь наденешь?» – «Кроссовки свои». – «Они летневатые для сегодня. Лучшие найди ботинки»*.

Женщина, 45 лет, русская, образование высшее, преподаватель, март 2018 г.

И. В. Чепурина

ЛЕТНИКОВЫЙ

Уезжая от родственников из Крыма, подросток делится своим впечатлением: *«Какой хороший был летниковый период в Крыму»*.

Мальчик, 14 лет, гостивший летом, пгт. Гурзуф, лето 2018 г.

А. Тураева

ЛИБЕРАЛЬЩИНА

В разговоре о политике между студентами молодой человек замечает товарищу, эмоционально критикующему правительство: *«И не надо либеральщину нести!»*.

Мужчина, около 20 лет, русский, студент, г. Симферополь, 2017 год.

В. Савельев

ЛИМОННИЧАТЬ

Женщина, простуженная, беседует с коллегой по телефону, который в ответ на ее хриплый голос советует пить чай вприкуску с большим количеством лимона. Женщина, заканчивая разговор: *«Извините, совсем голос садится, пойду лимонничать»*.

Женщина, 45 лет, русская, преподаватель КФУ им. В. И. Вернадского, филолог, г. Симферополь, март 2017 г.

И. В. Чепурина

ЛИНЕЙКА

Ровная стена граффити, стоящая вдоль железнодорожных путей г. Симферополя.

Молодой человек, 18 лет, г. Симферополь, ноябрь 2016 г.

Е. С. Белова

ЛОБОВОЕ

Парень при виде своей знакомой в больших, экстравагантных темных очках делает ей комплимент: *«Какое у тебя лобовое серьезное!»*

Молодой человек, 24-25 лет, крымский татарин, г. Симферополь, 2018 г.

Э. Сулейманова

ЛОМАЙКА

На остановке одна женщина жалуется другой: *«Во всех нормальных городах – стройка, а у нас – ломайка».*

Женщина, 40-ка лет, г. Симферополь, апрель 2017.

Д. А. Таньчева

ЛОНДОЛЬНЦО

Шутливое название Московского кольца. Оно используется в молодежной среде, в основном среди жителей микрорайона. Использовать название начали после того, как входную дверь подъезда в одном из дворов Москольца покрасили в цвета флага Великобритании.

г. Симферополь, 2016 г.

М. С. Демина

ЛОСЯШИ И БЕРЕЗКИ

Разговор в преподавательской между завотделением и педагогом: *«У вас сейчас с кем пара, Надежда Семеновна?» - «С заочниками».* – *«Это лосяши и березки?» - «Да, с ними».* Не участвовавший в диалоге третий педагог спрашивает: *«А почему лосяши и березки?»* Завотделением поясняет: *«Потому что в этой группе есть студентки Лось и Березкина».*

Женщина, 36 лет, украинка, образование высшее, преподаватель химии в медицинском колледже, г. Евпатория, ул. Революции, апрель 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЛОШИЦА

Женщина делится своими впечатлениями о пребывании в больнице: *«Со мной такая лошица была в палате, а ребенка родила всего два семьсот».*

Женщина, 52 года, г. Джанкой, 2018 г.

Ю. Ковалева

ЛУКОШКО

На улице одна подруга делится с другой: *«Удивительное слово – лукошко. Как будто само по себе круглое и мягкое – идеально подходит для представления самого предмета».*

Женщина 45-ти лет, г. Симферополь, ноябрь 2015 г.

Д. А. Таньчева

ЛЬВОВОЛОСЫ

Молодой человек, не выдерживая долгого выбора товара в отделе бытовой химии, возмущенно сказал: *«Да сколько мы еще для твоих львоволос будем шампунь выбирать?!».*

Молодой человек, 25-30 лет, г. Симферополь, 2018 г.

А. Конак

ЛЯЗЬ

Женщина о погоде: *«Что за климат? Намокло – подморозило. Лязь, да и только».*

Женщина, 35 лет, русская, г. Симферополь, 2017 г.

И. В. Чепурина

ЛЮЛЯШКОВНА

Подруга делает замечание полной девушке, очень любящей люля-кебаб: *«Кушай меньше люляшек, а то Люляшковной станешь».*

Девушка, 19 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

А. Ясинская

МАДОННА

Всякая девушка, ведущая себя расслаблено и разнежено: *«Что ты тут разлеглась, как Мадонна?»*

Девушка 19 лет, г. Симферополь, ноябрь 2016 г.

Т. Г. Чуприна

МАЖОРЁТКА

Во время поездки с детьми в МДЦ «Артек» мамы разговаривают о провизии: «*У тебя вода есть?*» – «*Две бутылки*». – «*Мажоретка*».

Женщина, около 35 лет, славянской внешности, трасса Симферополь-Ялта, март 2018 г.

В. Карташова

МАЗИК

В компании молодежи в магазине один парень предлагает: «*Давайте купим **мазик** домой. Бутеры с чем будем делать?*»

Молодой человек, 20-25 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

На занятии по культуре речи студентка медицинского колледжа спрашивает у соседки: «*А как на жаргоне майонез?*». Соседка, улыбнувшись незнанию сокурсницы, отвечает: «*Мазик*».

Женщина, 30 лет, русская, образование среднее специальное, медсестра, г. Евпатория, ул. Революции, 60, февраль 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

МАКФАРОЖКИ

В продуктовом магазине женщина перечисляет своему спутнику: «*Масло, мясо, **макфарожки***».

Женщина, 40-ка лет, г. Симферополь, сентябрь 2016 г.

Д. А. Таньчева

МАЛОНЕБЕРУШКА

Девушка рассказывает об общении с лицом, вымогавшем взятку: «*Этот малонеберушка ясно дал мне понять, что ему не нужны уговоры! И сумму озвучил!*»

Женщина, 30 лет, г. Симферополь, 2016 г.

И. Васютина

МАЛЬВИННИК

Мужчина, увидев в саду у друзей цветущие деревца разноцветных мальв, воскликнул: «*Какой **мальвинник!***»

Мужчина, около 60 лет, русский, преподаватель КФУ, г. Симферополь, 13 июля 2017 г.

А. В. Петров

МАМА КАРЛО

В разговоре женщина сообщает своей собеседнице о прошедшем рабочем дне: «*Напахалась, как **мама Карло***».

Женщина, 45-50 лет, г. Симферополь, декабрь 2016 г.

А. В. Петров

МАНГУПИЗМ

Около мангупского озера женщина-экскурсовод рассказывает: «*У любителей Крыма есть термин карадагизм – бесконечная тяга к Карадагу*». По аналогии родилось понятие «*мангунизм*» – бесконечная тяга к этому месту, которое сегодня стало очень популярным для отдыха и экскурсий. Сегодня стало модно путешествовать и активно отдыхать».

Женщина, 55 лет, образование высшее, экскурсовод, г. Симферополь, март 2018 г.

И. В. Чепурина

МАНЬЯЧИЗМ

Девушка рассказывает подруге об отношениях с парнем: «*В последнее время он очень сильно поправился, меня начинает пугать его **маньячизм** по отношению к еде*».

Девушка, 25-27 лет, славянской внешности, г. Симферополь, торговый центр «Гагаринский», декабрь 2019 г.

А. Шинкоренко

МАРИНАДИК

Девушка обращается к подруге по имени Марина: «*Маринадик, ты со мной или позже приедешь?*»

Девушка, 21 год, русская, г. Феодосия, 2017 г.

Л. Безверхняя

МАРИЯ МАГДАЛИНА

Обсуждая с подругой свои отношения с мужем, женщина замечает: «*Я как та **Мария Магдалина** – виновата во всех смертных грехах*».

Женщина, 30-35 лет, г. Белогорск, сентябрь 2016 г.

С. И. Меджитова

МАРФА

При виде подъезжающей маршрутки разговаривающая по телефону девушка произносит: «*Я отключаюсь. Подъехала моя **Марфа***».

Девушка, 20-25 лет, славянской внешности, г. Симферополь, зима 2018 г.

И. В. Чепурина

МАРШЬТЕ

Учительница – крымская татарка – заходит с учениками в полную маршрутку. Крутом жара, духота. Приближается нужная группе учеников остановка. Учительница мягко, с улыбкой, словно отмахиваясь: «*Все, **маршьте** уже отсюда!*»

Э. Аидинова

МАСКАРАД

Водитель иномарки, указывая на пытающийся преодолеть крутой подъем дороги, говорит попутчику: «*Смотри как **маскарад** пыжится*», имея ввиду марку автомобиля «Москвич».

Л. Тарсиевич

МАТРЕШКИ

Среди жителей Симферополя можно услышать фразу: «*Пойдем к **Матрешкам** за сладостями*». Так называют продавщиц кондитерского магазина «Матрешки».

г. Симферополь, 2016 г.

Л. Тарсиевич

МАТЬ ТЕРЕЗА

Мать ругается с дочерью-подростком, которая снова что-то натворила: «*Я устала тебе все прощать, я же не **мать Тереза!***»

Женщина, 40 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

МАТЯ

Во время компьютерной игры двух разнополых школьников мальчик хвалится своим успехом: «*О-о-о! Вот как играет батя!*». На что девочка парирует: «*Смотри, как сейчас будет играть **матя!***»

Девочка, 17 лет, крымская татарка, Симферопольский район, с. Софиевка, ул. Партизанская, 12, 25 ноября 2019 г.

Э. Сулейманова

МАЯЧНИК

Мужчина 80 лет в разговоре о своем новом коллеге: «*Вот он ходит и ходит, и все спрашивает, надоел – **маячник!***»

Мужчина, около 80 лет, русский, г. Евпатория, морской порт, ноябрь 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

МЕД

Остановка «Кольцевая ГРЭС» в г. Симферополе называется в народе «*На меде*», потому что здесь в начале 2000х был построен ТРЦ «*Дикий Мед*».

г. Симферополь, 2016 г.

Е. С. Белова

МЕДВЕДЯТА

Девочка рассказывает о посещении зоопарка: «*В зоопарке был безрогий олень, рогий олень, лама, **медведята**...*»

Девочка 7-8 лет, июнь, г. Симферополь, 2016 г.

И. В. Чепурина

МЕДОВОРЫ

После того, как студента во второй раз обсчитали в кондитерском магазине «Медоборы», он стал называть данное кафе «**Медоворы**».

Мужчина, 19 лет, студент факультета математики, г. Симферополь, январь 2016 г.

Д. А. Таньчева

МЕККА

Преподаватель обсуждает с коллегой по мобильному телефону поездку в С.-Петербург: «*Этот город как магнит, это русская Мекка*».

Женщина, 45 лет, русская, высшее образование, КФУ им. В. И. Вернадского, Симферополь, 17 июля 2017 г.

А. В. Петров

МЕНДЕЛЕЕВ

Два школьника обсуждают домашнее задание. Один говорит: «*Я не Менделеев, зачем мне его таблица?*»

Мальчик, 13 лет, русский, г. Симферополь, май 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

МЕРИН

В машине между родственниками идет разговор о поломке машины марки «Мерседес». Мужчина спрашивает: «*Так у вас мерин?*». Другой кивает: «*Ну да*». Но тут вмешивается сидящая сзади женщина: «*Не мерин, а мурзик! Мерин – это эска, а у нас цешка!*», имея в виду разницу габаритов С и S класса марки «Мерседес».

Женщина, 45 лет, русская, образование высшее, преподаватель, г. Евпатория, ул. Интернациональная, июль 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

МЕТАНУТЬ

Девушка, наблюдая за подметавшей двор сестрой, делает замечание: «*Получше мети, получше*». На что сестра с угрозой в голосе отвечает: «*Сейчас ка-а-ак метану!*»

Девушка, 18 лет, русская, г. Севастополь, пгт. Солнечный, июнь 2019 г.

Л. Османова

МИКРОВОЛНИРОВАТЬ

Один студент спрашивает у другого, проживающего в общежитии: «*Ты сам готовишь?*» На что тот ответил: «*Я микроволнирую*», и засмеялся.

Мужчина, 18 лет, русский, КФУ, г. Симферополь, сентябрь 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

МИЛОТА

В магазине одежды женщина реагирует на понравившуюся модель: «*Какая милота!*»

Женщина, 25-30 лет, славянской внешности, г. Симферополь, ТЦ «Меганом», 28 июня 2019 г.

Н. Ю. Тимофеева

МИЛЬДОНИАДА

Группа мужчин в троллейбусе обсуждали новости, в том числе о закрытии олимпийских играх и отстранении российской сборной от участия в соревнованиях. Один из мужчин сказал: «*Да нам вообще не надо было на эту мильдониаду ехать!*».

Мужчина, около 50 лет, русский, г. Симферополь, август 2018 г.

И. В. Чепурина

МИМОЗЫРЯ

Мама обращает внимание на то, что маленький сын замер перед прилавком игрушек в супермаркете и говорит: «*Что стоишь тут, как **мимозыря**? Я же сказала, что игрушки покупать не будем*».

Женщина, 25-28 лет, славянской внешности, г. Симферополь, магазин «Ассорти», апрель 2019 г.

Э. Сейджалилова

МИНУЛОНАДЦАТЬ

Пожилая женщина в разговоре с подругой вспоминает: «*Было это лет **минулонадцать** назад*».

Женщина, 65-70 лет, славянской внешности, г. Симферополь, центральный рынок, сентябрь 2019 г.

И. Дарец

МИНУСЕТЬ

В зимний крымский день женщина подходит к окну и говорит, глядя ни снижающийся столбик термометра: «***Минусеет***».

Женщина, 40-45 лет, русская, г. Симферополь, зима 2018 г.

Е. Карташова

МИСТЕР ПРОПЕР

Девушка обсуждает с подругой домашний беспорядок и замечает: «*Да, **Мистер-Пропер** нам не помешал бы!*»

Девушка, лет 25, славянской внешности, г. Симферополь, 2016 г.

С. Меджитова

МНО́ЖКО

Дома на кухне дочь спрашивает мать: «*Я очень хочу фундук. Можно поем немножко?*» – «*Да хоть **множко***».

И. В. Чепурина

МОЗГÁИКА

Рассказывая о себе, девушка сообщает: «*Мое мировоззрение – это **мозгаика** из определенной литературы, мифологии...*»

Девушка, 19 лет, русская, студентка, факультет славянской филологии и журналистики КФУ, г. Симферополь, август 2018 г.

И. Саенко

МОЗГОЁДЫ

Пенсионерка в разговоре с незнакомой женщиной говорит: «*Дети – это **спиногрызы** (нужно накормить, одеть), а внуки **мозгоеды***».

Женщина, 70-ти лет, русская, Симферополь, 26 июля 2017 г.

А. В. Петров

МОКРАЯ ДИСКОТЕКА

Дискоотека в санатории им. Мокроусова.

Севастополь, 2017 г.

Н. Рыжова

МОКРЬШЕЛЬ

Девочка описывает матери свое состояние: «*Продолжаю болеть, сегодня начался уже **мокрышель**. Врач говорила, что это хорошо, лучше, чем сухой*».

Девочка, 15 лет, русская, г. Симферополь, январь 2018 г.

И. В. Чепурина

МОНЁТНИЧАТЬ

Внучка просит у бабушки разменять ей пятьдесят рублей мелочью, на что бабушка отвечает: «*Ну вот опять ты **монетничаешь***».

Женщина, 60-65 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

Н. Ибраимова

МОРО́ЖЕНКО

Девочка просит на улице маму: «Мамочка! Купи **мороженко!**»

Девочка, около 5 лет, славянской внешности, ул. Крупской, г. Евпатория, август 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

МОРЬНУТЬ

Отец с дочкой прогуливались по улице после слабого осеннего дождя, когда приятно пахло свежестью, как на море. Вдруг подул ветер, и девушка, улыбнувшись, удовлетворенно произнесла: «*Как хорошо, будто **морьнуло** в лицо...*»

Девушка, 16-18 лет, русская, г. Симферополь, осень 2018 г.

И. В. Чепурина

МОЦАРТ

Гуляя довольно долго по торгово-развлекательному центру, молодой человек предлагает спутницам: «*Пойдемте, поедим где-нибудь, а то у меня в животе **Моцарт** поет*»

Молодой человек 17 лет, г. Севастополь, 2016 г.

Л. Сулейманова

МОЧЕГОРСК

Презрительное название г. Саки
г. Симферополь, ноябрь 2016 г.

Н. С. Терехова

МУЗЫК

Мама в разговоре с дочерью, сажающейся за выполнение творческого задания, шутливо пожелала: «*Пусть к тебе сегодня придет муза, а лучше **музык***».

Женщина, 47 лет, г. Симферополь, ноябрь 2016 г.

Н. Парфенова

МУЛЬТИВАРКА

Мальчик вбегает в комнату с криком: «*Быстрее включайте **мультиварку**, я могу пропустить важную серию!*», имея в виду телевизор как прибор «изготовления» мультфильмов.

Мальчик, 6 лет, с. Штормовое, Сакский район, декабрь 2016 г.

Н. Никитенко

МУЛЬТИЗОР

Девочка родителям дома: «Включайте **мультизор**, там сейчас «Смешарики» начнутся!»

Девочка, 6 лет, г. Симферополь, ноябрь 2016 г.

О. Боднар

МУ-МУ

Мужчина, занимающийся IT-технологиями, называет мультимедийные устройства «**му-му**».

Мужчина, 26 лет, русский, образование высшее, программист, г. Симферополь, 2019 г.

А. Шинкоренко

МУРЗИК

В машине между родственниками идет разговор о поломке машины марки «Мерседес». Мужчина спрашивает: «*Так у вас мерин?*». Другой кивает: «*Ну да*». Но тут вмешивается сидящая сзади женщина: «*Не мерин, а **мурзик**! Мерин – это эска, а у нас цешка!*», имея в виду разницу габаритов C и S класса марки «Мерседес».

Женщина, 45 лет, русская, образование высшее, преподаватель, г. Евпатория, ул. Интернациональная, июль 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

МЫЛЬНО-РЫЛЬНОЕ

Женщина в супермаркете, обращаясь к дочери, произносит: «*Так, надо же еще **мыльно-рыльное** купить*», и направляется в отдел бытовой химии.

Женщина, 45 лет, крымская татарка, г. Симферополь, супермаркет «Фреш», 2017 г.

Э. Умерова

НАБАРДАЧИТЬ

Девушка жалуется по телефону: «*Вчера племянничек в гостях был, так **набардачил**, что убирали до поздней ночи*».

Девушка, 25 лет, крымская татарка, образование высшее, администратор гостиницы, г. Белогорск, ул. Гагарина, октябрь 2019 г.

В. Бекирова

НАБИГХИТИТЬ

В разговоре по телефону девочка произносит: «*Да не буду я ему помогать, он меня **набигхитил** уже*», имея в виду аналогию с деятельностью южнокорейской компании BigHit, размещавшей фальшивые материалы о музыкальных группах.

Девочка, 11 лет, славянской внешности, г. Симферополь, маршрутное такси №7, апрель 2019 г.

Л. Османова

НАБРАТЬСЯ

Разговор подруг на улице: «Так что, мы собираемся на следующей неделе?» – «*Слушай, давай сначала **наберемся**, там решим*».

Девушка, 20-22 лет, славянской внешности, г. Симферополь, апрель 2019 г.

Э. Бекирова

НАГЛАЗНИКИ

Парень обращается к товарищам: «*Подождите меня еще немного, я сейчас **наглазники** надену и все вместе пойдем*». И достает контейнер с глазными линзами.

Молодой человек, 16 лет, г. Симферополь, 2018 г.

С. Колодко

НАДЕЖДАКОМПАСМОЙЗЕМНОЙ

Диалог преподавательницы и студентки на кафедре: «*Спасибо вам, я пойду*». – «*Хорошо, до встречи. И передай **Надеждекомпасмойземной**, чтобы она выслала мне материал*».

Женщина, 47 лет, русская, образование высшее, преподаватель, факультет славянской филологии и журналистики, Крымский федеральный университет, г. Симферополь, 12 декабря 2018 г.

И. В. Чепурина

НАДОБИТЬСЯ

Семейный бытовой диалог мамы и дочери-студентки: «*Почему **швабра** здесь, а не в спальне, где я ее специально оставила?*» – «*Вчера **надобилась**, чтобы убрать после рабочих. Сейчас отнесу*».

Девушка, 18 лет, русская, г. Симферополь, апрель, 2018 г.

И. В. Чепурина

НАКАРМАНИТЬСЯ

Соседи обсуждают предстоящее собрание собственников многоквартирного дома: «*А что будет на собрании?*» – «*Будут выбирать председателя. Он уже там **накарманился**. А, [махнула рукой] не хочу туда идти*».

Женщина, 73 года, белоруска, образование высшее техническое, пенсионерка, г. Симферополь, 10 марта 2018 г.

Т. Бобкова

НАКЛЮКВАТЬСЯ

Девушка заказала сидр со вкусом клюквы. Когда заказ подали ее молодой человек сказал шутливым тоном: «*Любимая, постарайся **не наклюкваться***».

Молодой человек, 21-22 лет, русский, г. Симферополь ул. Кирова, февраль 2018 г.

И. В. Чепурина

НАКОНДИНИТЬСЯ

Разговор женщин о мужьях: «*А твой что?*» – «*Тьфу, мой праздновать раньше начал и **накондинился** с утра*».

Женщина, 40-45 лет, славянской внешности, г. Симферополь, остановка «ГРЭС», 8 апреля 2019 г.

Д. Емцов

НАЛАКОВИТЬСЯ

В студенческом общежитии девушка помогает соседке по комнате с прической: *«Стоит налакковаться хорошенько, проходишь с прической два дня».*

Девушка, 20 лет, русская, г. Симферополь, 2018 г.

О. Матвиенко

НАЛИТЬСЯ

Жена при виде подвыпившего мужа констатирует: *«О-о-о, кто-то у нас уже налился»*, на что муж отвечает: *«Да нет, все под контролем».*

Женщина, 30-35 лет, славянской внешности, Симферопольский район, с. Пожарское, апрель 2019 г.

Э. Сейджилилова

НАМАКАРОНИТЬСЯ

Девочка, принарядившись, сообщает бабушке: *«Я ушла к Андрею на день рождения».* Выглянувшая из кухни бабушка замечает относительно внучкиной прически: *«Ого, ты намакаронилась»*, имея в виду часто накрученные локоны.

Девушка, 17 лет, русская, Симферопольский район, с. Перово, май 2019 г.

Э. Сулейманова

НАМОРЯЧИЛИСЬ

Женщина с дочками возвращаются с пляжа. Их встречает мужчина, отец семейства, и говорит: *«Ну что, морячки, наморячились?!»*

Мужчина, около 45 лет, г. Евпатория, июнь 2016 г.

В. Кравченко

НАПИРОЖИЛА

Мама, забирая дочку от бабушки, интересуется у малышки: *«Солнышко, кушать хочешь?»* - *«Нет, у бабушки полный живот напирожила».*

Девочка, 4-5 лет, славянской внешности, г. Симферополь, ул. Пушкина, ноябрь 2019 г.

Е. Грунистая

НАПРЯГНУТЬСЯ

Студент на занятии тихо сообщает соседу о своей реакции на комментарии преподавателя: *«Что-то я конкретно напругнулся, когда он дошел до моей фамилии».*

Молодой человек, 21 год, русский, г. Симферополь, 2018 г.

А. Рыбин

НАРНИЯ

Разговор двух студенток: *«Решила сегодня убрать свою Нарнию и уже пожалела, что начала: у меня там такой Армаггедон, кошмар просто».*

Девушка, 19 лет, крымская татарка, г. Симферополь, апрель 2019 г.

Е. Грунистая

НАРЦИССИСА

Мужчина в разговоре по стационарному телефону с коллегой учителем характеризует директора одной из Симферопольских школ как *нарциссису*.

Мужчина, 60 лет, русский, высшее образование, г. Симферополь, март 2016 г.

А. В. Петров

НАРЦИССИТЬСЯ

Пожилая женщина, послушав рассказ своей соседки о достижениях последней в садоводстве, с неудовольствием произносит: *«О-о-о, опять нарциссишься!»*

Женщина, 65-70 лет, славянской внешности, г. Симферополь, ул. Франко, июнь 2019 г.

А. Соловьева

НАСЛАЖДАТЬ

В разговоре между преподавателями-филологами во время туристической прогулки по безлюдному району соляных озер одна из собеседниц сообщает: *«Я думаю, что меня так **наслаждает** сегодня? Поняла: это полное отсутствие людей. Весь день и вся красота – только наши!»*

Женщина, 45-48 лет, русская, образование высшее, преподаватель, о. Сасык-Сиваш, г. Евпатория, 2018 г.

И. В. Чепурина

НАСПАРТАЧИТЬ

Из разговора о футболе: *«Спартакowцы чего-то в этот раз ничего не показали» - «Показали. Только не то, что надо. **Наспартачили** так, что вспоминать тошно».*

Мужчина, 60 лет, украинец, г. Евпатория, музыкант, образование среднее специальное, ул. Фрунзе, май 2019 г.

Н. Ю. Тимофеева

НАФРЕКЕНБОЧИТЬСЯ

Разговор двух работниц из технического персонала в торговом центре: *«Когда уже этот рабочий день закончится?» – «И не говори! Я уже сама **нафрекенбочилась!**»*

Женщина, 35-40 лет, славянской внешности, г. Симферополь, торговый центр «Меганом», 25 мая 2019 г.

Э. Сейджиалилова

НАЧАЙНИЦА

В студенческом общежитии студентка спрашивает свою соседку по комнате, к которой каждый день приходит одногруппница на чай с пустыми руками: *«И не надоела тебе эта **начайница?**»*

Девушка, 21 год, русская, г. Симферополь, ул. Беспалова, 2018 г.

А. Завалишина

НЕ АЛЕ

Девушка при встрече с подругой замечает: *«Погода сегодня, прямо скажем, **не але**».*

Девушка, 18-20 лет, славянской внешности, г. Симферополь, зима 2018 г.

А. Анисимова

НЕСКАЖУК

Разговор двух подруг: *«А что ты написала в сообщении?» - «Не скажу». – «С каких это пор ты **нескажук?**»*

Девочка, 12 лет, Русская, г. Симферополь, МБОУ 8, апрель 2017 г.

В. Скворцова

НИГЕРАКЛ

Парень во время просмотра фильма в кинотеатре при появлении на экране афроамериканца с развитой мускулатурой восклицает: *«Ого! Вот это **нигеракл!**»*

Молодой человек, около 25 лет, г. Севастополь, лето 2018 г.

В. Скворцова

НОВОГОДИЗАЦИЯ

Девушка делится своими впечатлениями перед Новым годом: *«Я обожаю всю эту **новогодизацию**, ощущение праздника. Даже, несмотря на то, что сессия, все равно радостно и хочется уже домой».*

Девушка, 20-22 года, студентка, КФУ им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, 2018 г

Д. Панова.

НОРМАЛДЫ

Дочь спрашивает отца: *«Папа, как дела?» Отец ей отвечает: «**Нормалды**».*

Девушка, 18-ти лет, крымская татарка, г. Симферополь, апрель 2016 г.

Э. Зинандинов

НОСОПЛЮЙ

Две женщины в маршрутке разговаривают о детях: *«А мой – вечный **носоплюй**. Как в садик пойдет, сразу насморк».*

Женщина, 25-30 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

В. Черепанова

НОСОПЫРКА

Возглас мужчины, шедшему по улице со своей спутницей: *«Ой, **носопырка** зачесалась».*

Мужчина, 40-45 лет, славянской внешности, г. Симферополь, ул. Кечкеметская, октябрь 2018 г.

Е. Грунистая

НОЧЕР

Из разговора двух девушек: *«Может тебя мама все-таки отпустит? Закончится где-то к часу ночи».* – *«Нет. У нас с ней уговор: максимум, я возвращаюсь **ночером**. А после двенадцати в нашей семье уже ночь».*

Девушка, 17-ти лет, г. Симферополь, июль 2017.

Д. А. Таньчева

НОЧИ-НОЧИ

Мать перед сном прощается с дочерью и ее подругой: *«Ну все, я пошла спать. **Ночи-ночи**».*

Женщина, 36 лет, служащая, г. Симферополь, ноябрь 2016 г.

О. Дычинская

НОЧНИЧЕСТВО

Разговор женщин на остановке о детях: *«То она к одной подруге пошла, то к другой, третьей, десятой... Да что это за **ночничество** такое».*

Женщина, 45-50 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

Д. Шеремет

НОЧНОЙ ДОЖОР

Девушка говорит подруге в кафе: *«Знаешь, как только стрелка часов заходит за 21.00, во мне просыпается какой-то **ночной дожор** и никакие диеты не поддаются мне».*

Девушка, 25 лет, русская, образование высшее, г. Симферополь, 2018 г.

Е. Грунистая

НОЯБРЬНУТЬ

Разговор девушек на улице: *«Холодно, жуть».* – *«Ага, ветер **ноябрьнул**».*

Девушка, 20-25 лет, славянской внешности, г. Симферополь, осень 2018 г.

И. В. Чепурина

НУДИЗМ

В неприязненном разговоре с сыном, не желающим выполнять обязанности и при этом жалующимся на свою загруженность, мать резко обрывает его пространные жалобы: *«Хватит уже вить! Надоел этот твой **нудизм**!»*

Женщина, 44 лет, русская, образование высшее, педагог, г. Евпатория, 13 октября 2017 года.

Н. Ю. Тимофеева

НУДНИ

Женщина сокрушается в разговоре со знакомой: *«Последние дни отпуска...и снова рабочие **нудни**».*

Женщина, 45-50 лет, русская, г. Симферополь, 2018 г.

А. Шинкоренко

НЫТКА

Мальчик просит у старшей сестры телефон, она отказывает, обосновывая тем, что он «нытик», на что мальчик отвечает: *«Сама ты **нытка**!»*

Мальчик, 7-8 лет, славянской внешности, г. Симферополь, маршрутное такси №30, март 2019 г.

Э. Бекирова

ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Мама наказала дочь. *«Она лишила меня всего сладкого на неделю! Это даже не гадость, это **обеспечение** моей души!!!»*

Девочка, 13 лет, русская, г. Симферополь, 2017 г.

Е. Морозова

ОБЛИМОНИТЬ

*«Ты зачем меня **облимонила!**»* – вскрикнула женщина, когда приятельница нечаянно брызнула на нее лимонным соком, выдавливая его в чашки с чаем.

Женщина, около 45 лет, русская, г. Симферополь, март 2019 г.

И. В. Чепурина

ОБЛОКЕРЕТЬСЯ

Компания девушек-студенток, возвращающихся с похода, заходит в переполненную маршрутку. Одна из девушек восклицает: *«Даже не знаешь, как **облокереться!**»*

Девушка, 20-22 года, крымская татарка, г. Симферополь, 2017 г.

Э. Аидинова

ОБНАСТРОЕНИТЬ

Расстроенная девушка констатирует: *«Все так надоело! Опять меня **обнастроенили!**»*

Девушка, 19 лет, крымская татарка, г. Симферополь, ул. Ак-Кая, май 2019 г.

Л. Османова

ОБНУЛИТЬСЯ

Девушка в разговоре с подругой делает вывод о своей личной жизни: *«Мне нужно **обнулиться**, забыть его и жить дальше».*

Девушка, 20-25 лет, русская, г. Симферополь, март 2018 г.

А. Соловьева

ОБОНЯТЕЛЬНАЯ

*«Какая **обонятельная** женщина!»* - произнесла девушка, почувствовав дорогой приятный запах духов от проходящей мимо незнакомки.

Девушка, 25-30 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

А. Завалишина

ОБРАХИТИТЬСЯ

*«Сними с нее сумку, а то она уже так **обрахитилась**, что встать не может»* – обращается муж к жене с просьбой помочь дочери выйти из машины.

Мужчина, 46 лет, русский, образование высшее техническое, г. Симферополь, июль 2017 года.

В. Савельев

ОБУВАТЕЛЬ

Мужчина рассказывает о своем неудачном опыте общения с представителем нового бизнеса: *«Ну вообще получилось, что этот парень никакой не представитель фирмы, а мелкий **обуватель**».*

Мужчина, 35-40 лет, русский, г. Симферополь, 2018 г.

И. Саенко

ОБЭХАЭС-МАХАЭС

Женщина о работе в поликлинике: *«Проверяли нас каждые три месяца, в частности, **обэхаэс-махаэс!**»*

Женщина, 67 лет, русская, образование среднее специальное, медсестра, г. Симферополь, 25 февраля 2019 г.

А. В. Петров

ОВЦА

Женщина что-то ищет в сумке: *«Куда же я его засунула, **овца...**»*

Женщина, около 40 лет, славянской внешности, супермаркет «Фреш», г. Евпатория, ноябрь 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

Разговор мужчин после посещения офиса водоканала: *«Как с этой **овцой** договариваться? Ничего не понимает!»*

Мужчина, около 45 лет, крымский татарин, ул. Дм. Ульянова, г. Евпатория, апрель 2018 г.
Н. Ю. Тимофеева

ОГНЕВОЙ

У преподавателя медакадемии на окне растет горький перец «Огонек». Ее знакомые, пенсионеры, русские, рассматривают растение, один вспоминает, что его дедушка очень любил есть перец, особенно с борщом, другой говорит: *«Да, он **огневой**»*.

Мужчина, около 60 лет, русский, образование высшее, г. Симферополь, 16 августа 2017г.
А. В. Петров

ОГРЫЗКОФОН

В разговоре студентов: *«Да прекрати этот **огрызкофон** рекламировать, как будто на нем свет клином сошелся!»*

Молодой человек, 19 лет, г. Симферополь, КФУ, ноябрь 2016 г.
В. Савельев

ОГУРЕНЬШ

Мать заходит в комнату с приподнятым настроением и, видя сына, произносит: *«Привет, огурчик! **Огуреньш** мой любимый!»*

Женщина, 45 лет, русская, высшее образование, г. Евпатория, осень 2017 г.
Н. Ю. Тимофеева

ОДЕЯЛИЗИРОВАТЬ

Из разговора девушки по телефону: *«Самой трудной задачей по утрам стало **не одеялизировать** себя»*.

Девушка, около 20-ти лет, славянской внешности, г. Симферополь, маршрутное такси № 30, ноябрь 2019г.

В. Черепанова

ОДНОГОРОДКА

Девушка, встретив знакомого из города, где родилась, восклицает: *«Ой, это мой **одногородка!**»*
Девушка, около 20 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

А. Тураева

ОДНОГРУСТНИЦА

Разговор двух девушек об учебе: *«Меня и еще одну девичу она [преподаватель] даже слушать не стала. Мы ей не все задания сдали. Так вот, сидит эта **одногрустница** и чуть не ревет, хочет переводиться из группы»*.

Девушка, 18-20 лет, славянская внешность, пр-т Вернадского, КФУ, январь 2019 г.

В. Богомазова

ОДНОИМЕНЦЫ

Преподаватель на лекции, спрашивает: *«Есть однофамильцы в группе?» – «Есть **одноименцы**»*.
Молодой человек, 19 лет, г. Симферополь, КФУ, февраль 2018 г.

И. В. Чепурина

ОЙОЙОЙКА

Молодой человек отреагировал на вздыхания и ойканье молодой девушки: *«Ну что ты переживаешь, моя **ойойойка?**»*

Мужчина, лет 20-ти, г. Белогорск, ноябрь 2016 г.

В. Здорова

ОКАТЬ

Из диалога преподавателей: *«Они теперь все **окают**»*. – «В смысле?» – «Говорят «ок», даже не окей».

Женщина, русская, высшее образование, преподаватель химии, медколледж «Монада», г. Евпатория, апрель 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ОКЕЮШКИ

Разговор по телефону лаборанта кафедры с преподавателем заканчивается его фразой: *«Ну, хорошо, студентам все передам, **океюшки**»*.

Женщина, 25 лет, русская, КФУ, г. Симферополь, апрель 2019 г.

И. В. Чепурина

ОКОТИТЬСЯ

Вернувшись домой после пляжа, семья обращает внимание на собаку у подъезда. Мама говорит: *«Смотрите, совсем, как кошка, валяется и лапы так же держит. Совсем уже **окотилась** собака»*.

Женщина, 40-45 лет, славянской внешности, пгт. Новый Свет, лето 2018 г.

Е. Лунева

ОЛДОВЫЙ

Парень, собираясь в кинотеатр, приглашает друга и просит: *«Я в кино. Можешь хелпануть с выбором места?»* – *«Не-а, без меня.»*. – *«Чего так?»* – *«Это уже третья попытка Marvel переписать **олдовый** сюжет»*.

Молодой человек, 20-25 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

Д. Шугаев

ОЛДУШКИ

Парень рассказывает товарищам о школьном прошлом: *«Когда мы учились в одиннадцатом, десятиклассники обращались к нам **олдушки**»* – *ласково и уважительно»*.

Молодой человек 19 лет, русский, Черноморский район, с. Водопойное, МБОУ «Водопойненская средняя школа», июнь 2019 г.

С. Колодко

ОЛЕНЬ

Две продавщицы снаружи магазина одежды, увидев эвакуатор возле машины своих клиентов, кричат внутрь помещения клиентам: *«Бегите, быстрее машину переставьте!»* И вдогонку выбежавшим покупателям одна другой замечает: *«Говорили им, не ставить на проезжей части. Вот **олени**!»*

Женщина, 45-50 лет, славянской внешности, образование среднее специальное, ул. Дм. Ульянова, г. Евпатория, июнь 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ОПРИЧАЛИТЬСЯ

Мужчина о своей знакомой по работе: *«Теперь она **опричалилась** в Питере»*.

Мужчина 45-ти лет, г. Симферополь, февраль 2016.

Д. А. Таньчева

ОРЕШНИК

Название нового микрорайона г. Белогорска. Возникло по расположению микрорайона: он находится в саду, где растут грецкие орехи и фундук.

г. Белогорск, 2016 г.

Ф. Факирова

ОРНУТЬ

Мальчик выскакивает из комнаты на резкий крик матери: *«Ну ты, мама, сейчас **орнула**...»*

Мальчик, 12 лет, русский, г. Евпатория, 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ОСВЕКРОВИТЬСЯ

*«Ну, **освекровилась**, так сказать»* - сообщает девушка подруге о своем браке. То же самое говорят женщины о ситуации женитьбы сына, имея в виду, что они стали свекровями.

Девушка, 22 года, армянка, г. Симферополь, 2017 г.

А. Мусаелян

ОСЕНЬ НАС ТУПИЛА

В разговоре двух студентов о сложностях обучения возникает фраза-объяснение неудач: *«Осень нас тупила»*.

Молодой человек, около 20 лет, г. Симферополь, маршрутка №64, лето 2017 г.

З. Алиева

ОСТРОУМНИЦА

Комментируя шутку девочки, мама обратилась к дочери – *«Какая ты у меня остроумница!»*.

Женщина, 35 лет, русская, г. Симферополь, июль 2017 г.

Д. А. Таньчева

ОСТРОУХИЕ

Мужчина на вопрос о том, в каком подъезде проживает определенный гражданин советует: *«Надо спросить наших остроухих [бабушек], они точно знают...»*

Мужчина, около 40 лет, г. Евпатория, июнь 2016.

В. Кравченко

ОТБУЛОЧИТЬСЯ

Разговор подруг в пекарне: *«Хочу булочку с маком и трубочку»*. – *«Хватит столько есть мучного. Скоро отбулочишься уже»*.

Женщина, 25-30 лет, славянской внешности, г. Симферополь, пекарня «Ваниль», май 2019 г.

С. Мустафаева

ОТДЫХАЙКИ

В телефонном разговоре в ответ на вопрос, почему такой грустный тон владелица отеля отвечает: *«Все нормально. Отдыхайки только замучили. Капризные такие в этом сезоне»*

Женщина, 55 лет, русская, владелица частного пансионата, г. Судак, май 2016г.

Н. Ю. Тимофеева

ОТЕЦ-ГЕРОИН

Мужчина осуждает папашу, не заботящегося о дочери-подростке: *«Я таких вообще не понимаю: настрогол детей и свалил. Отец-героин...»*.

Мужчина, 64 года, русский, образование высшее, преподаватель, г. Евпатория, 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ОТЙОЖИЛАСЬ

Рассказывая о посещении занятия йогой, женщина замечает: *«Ну и отйожилась же я там!»*

Женщина, 55 лет, экскурсовод, г. Симферополь, февраль 2017 г.

И. А. Чепурина

ОТКИДУШКА

Гуляя по Ботаническому саду, девушка предлагает подруге присесть на лавочку, на что подруга отвечает: *«Пойдем дальше, поищем другую, а то эта без откидушки»*.

Девушка, 20 лет, русская, студентка, г. Симферополь, пр-т Вернадского, Ботанический сад им. Н. Багрова, июнь 2019 г.

А. Соловьева

ОТНОШАТЬСЯ

Прятељница рассказывает подруге о переписке с мужем этой подруге: *«Мы с ним не то что переписываемся, мы, как это сейчас называется, - относимся: другу другу пересылаем картинки и видео. Всякую ерунду»*.

Женщина, 69 лет, русская, образование среднее специальное, преподаватель музыки, г. Евпатория, 2018г.

Н. Ю. Тимофеева

ОТРЕВНИВИТЬСЯ

Девушка в разговоре об отношениях с молодым человеком сообщает: *«Достал он меня уже. Не буду ничего больше делать. Отревнивилась, хватит»*.

Девушка, 20-22 года, студентка, Крымский федеральный университет, г. Симферополь, 2018 г.

А. Ясинская

ОТСОБЕСЕДОВАТЬСЯ

Девушка по телефону делиться впечатлением от пройденного собеседования при приеме на работу: «*Ну вот я и **отсобеседовалась**. Надеюсь, прокатит*».

Девушка, 20-25 лет, славянской внешности, г. Симферополь, маршрутное такси №95, май 2019 г.

Л. Османова

ОТУСПОКОИТЬ

Парень, слушая жалобы своего коллеги на усталость и нервность, шутливо советует: «*Иди в спа, там тебя **отуспокоят***».

Молодой человек, 24-25 лет, восточной внешности, г. Севастополь, проспект Нахимова, апрель 2019 г.

Э. Сейджалилова

ОТХЕПИБЕЗДИТЬ

Друзья обсуждают приближающееся торжество: «*Ну что, когда **отхепибездим** твой день рождения?*»

Молодой человек, 20-25 лет, крымский татарин, г. Симферополь, маршрутное такси №48, 22 мая 2019 г.

И. Саенко

ОТШИБИТОС

При резком торможении маршрутки замечает товарищу, имея в виду поведение водителя: «*Не удивляйся. В нашем городе таких **отшибитос** очень много*».

Молодой человек, 20-25 лет, русский, г. Симферополь, 2018 г.

А. Рыбин

ОЧЕРГА

Женщина замечает в очереди, что есть те, кто не свою *очергу* подходит.

Женщина, лет 45, г. Симферополь, октябрь 2016 г.

А. Добродей

ПАДИК

Молодой парень предлагает своим друзьям: «*Давайте в **падике** подождем Антона*».

Молодой парень, около 17 лет, русский, г. Симферополь, ул. Залесская, февраль 2018г.

Н. Катасов

ПАЛЬЧАТКИ

После работы женщина жалуется своим домашним: «*Убиралась в теплице и куда дела потом **пальчатки** – ума не приложу*».

Женщина, 60 лет, крымская татарка, Белогорский район, с. Сары-Су, октябрь 2019 г.

А. Кулик

ПАРДОНИТЬ

Водитель междугороднего рейса отшучивается от возмущенной пассажирки, которой неудобно на первом сидении: «***Пардоньте**, мадам, это маршрутка, а не президентский люкс*».

Мужчина, около 50-ти лет, славянской внешности, водитель, г. Судак, автовокзал, сентябрь 2019 г.

С. Салиев

ПАРКЕТКА

Так называет чечетку в паркетном зале своего университета студенты хореографического факультета: «***Паркетку** будем сегодня отрабатывать*».

Студенты КУКИИТ, факультет хореографии, г. Симферополь, октябрь 2015.

Д. А. Таньчева

ПАРЛАМЕНТЕРША

Бабушка попросила четырехлетнюю внучку посмотреть, что делает в смежной комнате ее обидевшийся старший брат. *«Ты у меня **парламентерша**»*, - сказала бабушка.

Женщина, 75 лет, бывшая служащая; г. Евпатория, февраль 2016.

А. В. Петров

ПЕДУЛИЩЕ

Из разговора по телефону: *«Давай завтра в час у центрального входа **педулища** встретимся»*, имея в виду Гуманитарно-педагогической академию, филиал Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского в г. Ялте (ранее Ялтинское педагогическое училище).

Девушка, около 20-ти лет, славянской внешности, г. Ялта, набережная, май 2019 г.

Е. Грунистая

ПЕЛЬМЕННИЧАТЬ

Пожилая женщина сообщает собеседнице: *«А я пельменей сегодня налепила, своих на ужин позвала – будем **пельменничать**»*.

Женщина, около 60 лет, г. Симферополь, декабрь 2016 г.

А. Замятина

ПЕНИТЬСЯ

Девушка в ссоре с парнем произносит: *«Что ты все время **пенишься** на меня по пустякам?»*

Девушка, около 20 лет, славянской внешности, г. Симферополь, апрель 2019 г.

Д. Поликарпова

ПЕННО-ПУЗЫРЬКОВОЕ

Проходя по торговому центру, девушка спрашивает подругу: *«Где тут **пенно-пузырьковое** купить?»*.

Девушка, около 20 лет, г. Симферополь, декабрь 2016 г.

Д. А. Таньчева

ПЕРВОКУРИЦА

Куратор первого курса уточняет в перерыве у своей студентки: *«Анифе, как это сейчас тебя Даня [студент 3 курса] назвал?»* Девушка смущенно заулыбалась: *«**Первокурицей**...»*

Молодой человек, 19 лет, студент колледжа, русский, г. Евпатория, октябрь 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ПЕРЕДЕЛКИНО

Название центрального района города Симферополь в связи с постоянным некачественным ремонтом, который приходится переделывать.

Женщина, около 50 лет, г. Симферополь, февраль 2017 г.

Д. А. Таньчева

ПЕРЕЕД

Диалог коллег после небольшого застолья в день рождения одной из них: *«Людочка, доедайте, допивайте все, что на столе. Я ушла»*. – *«О, нет. Я уже переела. У меня **переед**»*.

Женщина, 45 лет, русская, образование высшее, май, 2018 г.

И. В. Чепурина

ПЕРЕЗВОНИЛКА

Разговор по телефону: *«Занята сейчас? А, перезвони после работы тогда... или сбрось **перезвонилку**, я наберу»*.

Женщина, 45-47 лет, славянской внешности, г. Симферополь, маршрутное такси №49, июль 2019 г.

В. Богомазова

ПЕРЕМЫСЛ

Гуляя по парку, девочка комментирует маме разговор с подругой по телефону: *«Катя сейчас звонила из художки. Смеялась, не могла остановиться. Ей плохо»*. – *«Как плохо? Смеялась же?»* – *«Плохо в **перемысле**. Мы с ней так называем ее приступы веселья»*. – *«В каком еще **перемысле**?»* – *«Ну в переносном смысле»*.

Девушка, 14 лет, г. Симферополь, сентябрь, 2018 г.

И. В. Чепурина

ПЕРЕОБУТЬСЯ

Разговор двух мужчин в маршрутке автобуса №65: «*А чего ты на работу автобусом? У тебя же машина*». – «*Я еще не успел **переобуться**. Гололед сегодня. На днях в автосервис заеду*» - «*А, да, правильно*».

Мужчина, 30-40 лет, славянской внешности, г. Симферополь, маршрутное такси №65, май 2018 г.

В. Богомазова

ПЕРЕСЧИТАЛ

Водитель маршрутки рассказывает знакомым после работы: «*Я сегодня все пробки **пересчитал***». Мужчина, около 50 лет, русский, г. Симферополь, 24 мая 2016 г.

А. В. Петров

ПЕРЛИНКА

В магазине одежды бабушка любит свою внучку: «*Да ты просто **перлинка!***» Женщина, 50 лет, г. Симферополь, 2016 г.

А. Замятина

ПЕТРУГАН

Женщина-повар в ресторане, около 50 лет при виде грязной, неаккуратно собранной петрушки, восклицает: «*О! Вот это **петруган** сегодня привезли, глянь!*»

Женщина, около 50-ти лет, образование среднее специальное, повар, г. Симферополь, 2018 г.

А. Лобанова

ПЕТУХАРИЯ

Мама на прогулке объясняет дочке, что место, где растут много роз, называется розарием, в сиригании растет сирень, а в иридарии – ирисы, или петушки. Дочка говорит: «*Если растут **петушки**, значит, это **петухария***».

Девочка 6 лет, г. Симферополь, Ботанический сад им. Н. В. Багрова, июнь 2016 г.

А. Добровольская

ПЕШКАРИТЬ

Одна студентка говорит другой: «*Ты как хочешь, но я до Свечки **пешкарить** не собираюсь*», имея в виду, что не пойдет пешком в самый дальний корпус КФУ.

Девушка, 20 лет, КФУ, г. Симферополь, декабрь 2016 г.

А. Горбик

ПИВЕЦ

Женщины обсуждают мужей: «*Мой стал как-то избегать застолья. Наверное, пить уже не может*». – «*А мой **пивец** теперь*». – «*То есть? Поет, что ли?*» - «*Ага, как пива напьется, так и поет*». Смеются.

Женщина, 52 года, русская, г. Евпатория, 2018 г.

Ю. Ковалева

ПИКАССО

Молодая мать, рассказывая об успехах дочери в обучении живописи, заявляет: «*Будущий **Пикассо** растет*»

Девушка 25 лет, Джанкойский район, с. Медведевка, 2016 г.

С. Дьякова

Д. Поликарпова

ПИРАТКА

Разговор по телефону на улице: «*На «Генуэзский шлем» еду, **пиратку** надо купить*», имея в виду ежегодный рыцарский фестиваль «Генуэзский шлем» в г. Судак.

Мужчина, 25–27 лет, русский, г. Симферополь, 2017 г.

А. Рыбин

ПИТАЛО

Школьник на перемене ищет у одноклассников зарядное устройство: «*Ни у кого нет **питала**?*»
 Мальчик, 12 лет, славянской внешности, г. Симферополь, школа №11, 29 апреля 2019 г.

А. Рыбин

ПИЦЦБУРГ

Молодежь обсуждает, куда пойти перекусить: «*Может в **Пиццабург**?*» - предлагает парень местное кафе фаст-фуда.

Молодой человек, около 25 лет, г. Симферополь, январь 2017 г.

М. Зозуля

ПЛОСКОЗЕМЕЛЬНЫЙ

В споре с сокурсниками молодой человек с раздражением произносит, обращаясь к другу: «*Пойдем. Я уже устал слушать бред этих **плоскоземельных**.*»

Молодой человек, 21 год, русский, г. Симферополь, пр-т Вернадского, КФУ, ноябрь 2018 г.

Д. Астратенко

ПЛЮШКИНКА

В разговоре с женой о предстоящих расходах мужчина с иронией замечает жене: «*Ты у меня **плюшкинка**.*»

Мужчина, около 50 лет, русский, пенсионер со средним образованием, г. Симферополь, 13 августа 2017 г.

А. В. Петров

ПОБОРОДЕТЬ

На остановке встретились двое мужчин. Один из них очень удивился: «*Ого, ты **побородел**!*»

Мужчина, около 40 лет, г. Симферополь, сентябрь 2016 г.

Д. А. Таньчева

ПОВЕСНЕТЬ

В магазине девушка, осматривая ассортимент, заявляется подруге: «*Не могу смотреть на эти теплые пальто. Уже **повеснело**.*»

Девушка, около 20 лет, русская, г. Симферополь, апрель 2018 г.

И. В. Чепурина

ПОВИПЕНДРИВАТЬСЯ

В разговоре о телефонах парень спрашивает: «*А тебе не кажется, что наши айфончики покупают дорогие модели только ради того, чтобы **повиппендриваться**?*», и начинает смеяться.

Молодой человек, 21 год, студент, парк им. Гагарина, г. Симферополь, октябрь 2018г.

И. В. Чепурина

ПОВСЕДНЕВЩИНА

«*«Гарри Поттер» – это плохо?! А что хорошо?! Сериалы?! Да как эта **повседневщина** может нравиться?! И зачем смотреть их по телевизору, если каждый день видишь это вживую?*» – с раздражением спорит студент с однокурсниками.

Мужчина, около 20 лет, русский, студент, г. Симферополь, июль 2017 года.

В. Савельев

ПОГАНЕНЬКО

Мама поздним вечером, перед сном обращается к дочери: «*Что-то я **поганенько** себя почувствовала. Принеси терафлюшку.*»

Женщина, 47 лет, русская, образование высшее, г. Симферополь, апрель 2018 г.

И. В. Чепурина

ПОГОВОРИТЕЛЬ

Девушка в автобусе обсуждает тему поклонников: «*У каждой девушки должен быть тайный почитатель. Ну, или пописатель. На крайний случай – **поговоритель**.*»

Девушка, 22-25 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

А. Мартьянова

ПОГОВОРОЧНАЯ

Девушка реагирует на удачное употребление подругой поговорки: «*Ты моя **поговорочная!***»

Девушка, 18 лет, русская, г. Симферополь, 2018 г.

А. Конак

ПОДНАЕТСЯ

Мальчик выходит с родителями из кафе и сообщает: «*Я **поднаелся**, теперь хочу на катамаран*».

Мальчик, 10-12 лет, славянской внешности, г. Симферополь, август 2018 г.

В. Черепанова

ПОДПОДУШНИК

Девушка сообщает своему парню: «*Сегодня нужно сменить постель, я привезла чистое белье*», на что парень с неудовольствием замечает: «*Ой, не люблю я это делать. Особенно вот этот **подподушник** надевать!*»

Молодой человек, 24 года, русский, г. Симферополь, 2019 г.

Е. Грунистая

ПОДРАДИРУЕТ

Мальчик 9 лет маме об отце: «*Ты говоришь, а папа тебе **подрадирует***».

Мальчик, 9 лет, русский, г. Евпатория, маршрутка №6, октябрь 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

ПОДРУЖАЙКИ

Из разговора девушки по телефону в кафе: «*Да, сидим тут с **подружайками***».

Девушка, 23 года, г. Симферополь, 2016 г.

А. Добродей

ПОДСЛУШИВАТЕЛЬ

Парень замечает об одном своем однокурснике: «*Нормально, теперь свой **подслушиватель** есть*».

Молодой человек, 24 года, русский, студент, филологический факультет Крымского федерального университета, г. Симферополь, 2018 г.

А. Мартьянова

ПОДСОСЁДИТЬСЯ

Женщина рассказывает знакомой о своем прошлом: «*Там была обкомовская столовая, а мы райком, но тоже там **подсоседились***».

Женщина, 73 года, белоруска, образование высшее техническое, пенсионерка, г. Симферополь, 23 марта 2018 г.

А. В. Петров

ПОДШАМАНИТЬ

В разговоре двух знакомых о покупке собственности женщина говорит: «*Нет, тот дом ничего, он старый, но, если его **подшаманить** – нормально будет. Но этот очень старый*».

Женщина, 35-37 лет, крымская татарка, г. Евпатория, колхозный рынок, июль 2017 г.

В разговоре преподавателей, встретившихся во время отпуска: «*Ну как время проводите, Наталья Валентиновна?*» - «*Ну как: там **подшаманю** – тут. Так слегка, чтобы не сильно убиваться, а вид был, словно ремонт сделан*».

Женщина, 47 лет, русская, образование высшее, преподаватель, г. Евпатория, ул. Некрасова, 2019 г.

Н. Ю. Тимофеева

ПОДШТАЛЬНИК

Мужчина сетует на ошибку почтальона: «*Две недели эту посылку ждал, а этот **подштакльник** не в ту квартиру ее отнес*».

Мужчина, около 30 лет, славянской внешности, водитель, г. Симферополь, ноябрь 2019 г.

И. Саенко

ПО-ЗЕВСКИ

Пытаясь предостеречь подругу от плохого знакомого, девушка говорит: «*Да он же натуральный бабник. Ведет себя **по-зевски** – разве что только к столбам фонарным еще не приставал*».

Девушка, 25-ти лет, г. Симферополь, июнь 2017.

Д. А. Таньчева

ПОЗДРАВЛЯТЬСЯ

8 марта утром муж на кухне подходит к жене, подыскивая слова для поздравления: «*Мамочка... я...*». Жена прерывает мужа: «*Спасибо, дорогой, **поздравляюсь**...*»

Мужчина, 55 лет, русский, г. Симферополь, март 2018 г.

И. В. Чепурина

ПОЙДЕТСКИЙ

Молодой человек в компании друзей положительно отзывается о вчерашнем посещении кинотеатра: «*Пойдетский фильм оказался!*»

Б. Фавзиев

ПОЛИЦИОНЕР

В разговоре между студентами студентка говорит: «*Ну, получается, в Америке **полицейские** получше будут, чем у нас...*»

Девушка, 20 лет, факультет славянской филологии и журналистики, КФУ, г. Симферополь, 2018 г.

Е. Карташова

ПОМЕЛОДРАМИТЬ

Собираясь в кино, девушка предлагает подруге: «*Давайте **помелодрамит**!*»

Девушка, 18-20 лет, русская, г. Симферополь, 2018 г.

С. Салиев

ПОМОГАНИЕ

Девушка с насмешкой замечает младшему брату, рассказывающему про день в детском саду: «*Что же ты без **помогания** и одеться сам не можешь*».

Девушка, 25 лет, восточной внешности, г. Симферополь, ул. Чехова, октябрь 2019 г.

Е. Грунистая

ПОНЧИК

После выслушивания нотаций жены муж отвечает: «*Я **пончик***», имея в виду, что он все понял.

Мужчина, 25 лет, Сакский р-н, январь, 2017 г.

Н. Никитенко

ПОПЕРЕВЫБИРАТЬ

Продавец обуви на рынке жалуется на покупателя: «*Целую вечность торчал здесь. **Поперевыбирал** все что можно и нельзя*».

Мужчина, около 40 лет, г. Симферополь, 2018 г.

М. Соломкина

ПОПИСАТЕЛЬ

Девушка в автобусе обсуждает тему поклонников: «*У каждой девушки должен быть тайный почитатель. Ну, или **пописатель**. На крайний случай – поговоритель*».

Девушка, 22-25 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

А. Мартянова

ПОПОШНИЦА

Два педагога обсуждают слабую студентку: «*Она очень старательная, хотя учеба ей дается трудно*». – «*Я таких называю **попошницами**. Знаете, берут усидчивостью и достигают часто большего, чем способные лентяи*».

Женщина, 35 лет, украинка, образование высшее, преподаватель математики, г. Евпатория, март 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ПОСЛЕЛЕТНИЙ

Из разговора студентов: *«Послелетние дни такие грустные. Хочется обратно на море, где тепло и весело».*

Девушка, 18-20 лет, русская, КФУ и. В. И. Вернадского, 2018 г.

И. В. Чепурина

ПОТЕРЯШЕЧКА

Студенты приходят на кафедру жаловаться преподавателю, что их обычную аудиторию заняли, а другой свободной они не нашли. В ответ на это преподаватель с улыбкой говорит: *«Ну что ж, потеряшечки мои, пойдёмте разбираться».*

Женщина, 45 лет, русская, образование высшее, преподаватель, г. Симферополь, пр-т Вернадского, КФУ, декабрь 2019 г.

А. Соловьёва

ПОУМНЫЙ

Студенты обсуждают участие в предстоящей конференции. Один из парней заявляет: *«Если будет что-то посильное и поумное [смеется], пойду».*

Муж., 20 лет, русский, студент;

А. Рыбин

ПОФИКСИТЬ

от англ. -fix чинить

Разговор в компании молодых людей: *«Ну что, нам тебя ждать, нет?» – «Я пофиксил проблему не парьтесь, я буду».*

Молодой человек, 20-22 года, русский, г. Симферополь, 2018 г.

И. Саенко

ПОХАБЫЧ

Мальчики-школьники возвращаются с уроков, спорят, шумят, рассказывают о чем-то своем. Один из ребят начинает просить что-то у другого, но получает отказ. В итоге, тот, кто просил, в сердцах: *«Игорь, ты настоящий Похабыч!»*

Мальчик, 11 лет, русский, 8-я школа, г. Симферополь, май 2018 г.

Э. Аидинова

ПРАВДУН

На детской площадке мальчик в слезах подбегает к маме со слезами: *«Мама, Сашка назвал меня вруном! А я не врун, я – правдун!»*

Мальчик, 5 лет, г. Джанкой, ноябрь 2016 г.

Ю. Авалишина

ПРИГЛАСИТЬСЯ

Хозяйка частного дома, выходит на веранду, где обычно почти своих, любимых кошечек, и проверяет, не явились ли незваные гости-незнакомые ей коты: *«Как тут наши кисюльки едят, посмотрим. Чужие, интересно, не пригласились?»*

Женщина, 45- 47 лет, образование высшее, врач, Симферополь, весна 2018 г.

Ю. Ковалева

ПРИЗОРНЫЙ

Разговор двух подруг, отправившихся в субботу на природу: *«Своему сказала, что в субботу меня не будет, так он сразу: «Целый день ребенок будет безпризорный».* Подруга с иронией замечает: *«А если бы он [муж] остался в субботу дома, то ребенок был бы, конечно, призорный...»*

Женщина, около 45 лет, русская, г. Симферополь, 2018 г.

И. В. Чепурина

ПРИКАЗАНО ВЫЖИТЬ

Местные жители называли так жилой массив улицы Героев Сталинграда, построенный в 80-х гг., где из-за непродуманной застройки были постоянные проблемы с транспортом и магазинами.
г. Симферополь, 2016 г.

И. Васютина

ПРИКОЛ ПРИКОЛЫЧ

В парке сидевший на скамейке мальчик делится с сестрой чем-то забавным, что он увидел в своем телефоне: «*Смотри: **Прикол Приколыч!***»

Мальчик, 8-9 лет, славянской внешности, г. Симферополь, парк Тренева, 10 апреля 2019 г.

И. Саенко

ПРИНЦЕССА-БАБУЛЕССА

Внучка ластится к бабушке: «*Ты у меня **принцесса-бабулесса!***»

Девочка, 5 лет, русская, Кировский район, с. Владиславовка, декабрь 2019 г.

А. Когут

ПРИПЛЮСНУЛЬЯРД

В переполненной симферопольской маршрутке пассажир комментирует ситуацию: *«Это водители играют в игры типа «русский теснол», или «**приплюснутьярд**». По-другому такую забитость маршруток не объяснишь».*

Молодой человек, 25-30 лет, славянской внешности, г. Симферополь, май, 2018 г.

С. Колодко

ПРОВАЛИДОЛИТЬ

Пожилой человек после разговора по телефону (по-видимому, с внуком), глубоко вздыхая, говорит: «*Надо срочно себя **провалидолить***».

Мужчина, 60-65 лет, русский, г. Евпатория, июнь 2016 г.

В. Кравченко

ПРОГОЛАДЫВАТЬСЯ

Открыв окно, чтобы бросить еду подбегающим уличным кошкам, хозяйка замечает: «*Вы успеваете **проголаживаться** быстрее, чем я*».

Женщина, 47 лет, русская, г. Симферополь, 2018 г.

И. В. Чепурина

ПРОЛЕТАРИЙ

Ребенок 9 лет, увидев на стекле автобуса надпись «Пролетарий», спрашивает мать: «*Почему здесь написано пролетарий*». Мать отвечает: «*Потому что так называется завод, который делает стекла*». Мальчик делает вывод: «***Пролетарий** – это стекло, через которое пролетают мухи*»

Мальчик, 9 лет, русский, г. Евпатория, маршрутка №6, октябрь 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

Разговор молодых людей в автобусе: «*Сколько там времени уже?*» – «*Без десяти восемь*». – «*Да уж, плохо, из-за этих пробок мы с докладом **пролетарий** как фанера над Парижем*».

Молодой человек, 20-22 года, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

Е. Лунева

ПРОПЕТЛЯТЬ

На рынке разговор двух приятельниц заходит об экономической ситуации в стране. Одна из них говорит: «*Да, тут так трудно, что думаю поехать к дочери в Питер, найти работу и **пропетлять** как-то до пенсии*».

Женщина, 49 лет, еврейка, образование высшее, бухгалтер, г. Евпатория, декабрь 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ПРОТАЯНЫ

Жена замечает жалующемуся на погоду мужу: «*Сегодня все равно легче было идти, чем вчера: дорожки уже **протоптаны** и **протаяны***».

Женщина, 45-48 лет, русская, образование высшее, преподаватель, г. Симферополь, март 2018 г.

И. В. Чепурина

ПРУЖИНИТЬСЯ

Девочка замечает подруге, у которой не получается залезть на высокий барный стул: *«Не пружинься, не достанешь»*.

Девочка, 10 лет, русская, г. Симферополь, декабрь 2018 г.

Д. Поликарпова

ПУПЫРКА

Школьница интересуется у подруги, которая носит курточку сиреневого цвета, спрашивает об этой куртке: *«Динарка, а где твоя пупырка?»*.

Девочка, русская, 13 лет, 8-я школа, г. Симферополь, март 2018 г.

Э. Аидинова

ПУРГИНКА

Разговор двух молодых продавщиц на рынке: *«Как там твой дядя в Сибири, обжился уже?» – «Да, говорит, пурга кончилась, остались только пургинки, блестят. Красота»*.

Девушка, 23-25 лет, восточной внешности, продавец, г. Феодосия, ул. Айвазовского, март 2019 г.

Л. Османова

ПУСЕЧНЫЙ

На занятиях студентка просит свою соседку, держащую палец на листке с практическим заданием: *«Убери свой пусечный палец: он мешает мне писать»*.

Девушка, 18 лет, русская, г. Симферополь, пр-т Вернадского, КФУ, октябрь 2019 г.

Д. Поликарпова

ПУСТОЗВОН

Покормив собаку, женщина замечает: *«Ну вот, немного поела – это уже не пустозвон»*, т.е. не пустое брюхо.

Женщина, 35 лет, русская, г. Симферополь, декабрь 2016 г.

Ю. Авалишина

ПУТИНОВЕДЕНИЕ

Молодой человек восторженно обсуждает речь президента в недавнем интервью и рекомендует учителю младших классов: *«Надо бы ввести в школе для молодого поколения «путиноведение» – науку философии Владимира Владимировича»*.

Молодой человек, 25-30 лет, русский, г. Симферополь, 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ПУХИ

Пожилая женщина пенсионного возраста обсуждает погоду со своей дочерью, у которой ребенок – аллергик: *«Уже тополь расцвел. Все одновременно. Летают его пухи, как от них оградиться?»*

Женщина 55-60 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 3 мая 2018 г.

И. В. Чепурина

ПУХОЧИХ

Диалог мамы с дочерью: *«Мама, почему ты сегодня чихаешь целый день? Ты заболела?» – «Нет, доченька. У меня аллергия на тополиный пух». – «Значит у тебя пухочих?»*

Девочка, 5-6 лет, славянской внешности, г. Симферополь, ул. Куйбышева, май 2019 г.

Д. Панова

ПУШЕНЦИЯ

Сын играет в компьютерную игру. Заходит мать и говорит, что пора садиться делать уроки. Сын отвечает: *«Сейчас, одну только пушеницию пристрою к крепости»*.

Мальчик, 10 лет, русский, г. Евпатория, осень 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

ПУШКА

Разговор между двумя мальчиками в маршрутном такси: «*Я такую вчера себе игру крутую скачал! Ну просто **пушка!***»

Мальчик, 13-14 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ПУШКАРЬ

Улица имени А.С. Пушкина в г. Симферополе.

г. Симферополь, 2016 г.

Д. Мисин

ПУШКИН

Молодой человек читает девушке стихотворение, и она отмечает: «*В тебе живет сам **Пушкин***», подчеркивая его необычайный талант к писательскому труду.

Девушка, 23 года, русская, г. Симферополь, 2017 г.

Л. Тарсевич

РАБОТНИЦА-НЕЛЕНИВИЦА

Придя с работы, мать была приятно поражена идеальной чистоте и приготовленному ужину и назвала свою дочь *работницей-неленивицей* из народной сказки «Мороз Иванович».

Женщина 44 лет, крымская татарка, высшее образование, г. Симферополь, 2017 г.

Э. Умерова

РАЗБАТОНИТЬСЯ

Одна из работниц вечера кафе с раздражением рассказывает коллеге о прошедшем: «*Прихожу домой, смотрю: Витя лежит. Говорю: «Ты чего это **разбатонился** тут? Почему в комнате беспорядок?»*»

Женщина, 40-45 лет, славянской внешности, г. Белогорск, кафе «Гузель», сентябрь 2019 г.

А. Кулик

РАЗВИДЕТЬ

Девочка-подросток маме о кошках на участке своего дома: «*Кстати, когда я вчера вечером вышла кормить котят, то совсем рядом с верандой сидела соседская кошка, или чисто-серая, или коричнево-серая, - я **не развидела***».

Девочка, 15 лет, русская, г. Симферополь, 2018 г.

Л. Османова

РАЗГРУСТИТЬСЯ

Рекомендуя фильм подруге, девушка комментирует: «*Посмотри обязательно. Если взгрустнется, сразу **разгруститься***».

Девушка, около 20 лет, русская, г. Симферополь, 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

РАЗДАЙБЕДА

Есть люди ***раздайбеда***, то есть так называют в народе добродушных людей. Так еще моя бабушка говорила.

Женщина, 75 лет, бывшая служащая; г. Евпатория, февраль 2016.

А. В. Петров

РАЗДРУЖИТЬСЯ

Девушка рассказывает знакомой о своей давней подруге: «*Странно как-то. Столько времени общались, а тут раз – и **раздружились***».

Девушка, 18-20 лет, парк им. Гагарина, г. Симферополь, 2016 г.

А. Горбик

РАЗЗВЕРИН

Мать ругает сына: «*Я тебе устрою! Скажу отцу – он тебя утихомирит!*» - «Мам, ну. Ты, что, ***раззверин** сегодня приняла? Пожалуйста...*»

Молодой человек, 15-16 лет, славянская внешность, г. Симферополь, 2018 г.

В. Богомазова

РАЗМИНДАЛЬНИЧАТЬСЯ

Заведующая продуктовым магазином, сделав выговор продавцам, заключила следующей фразой: *«Разминдальничалась я с вами»*.

Девушка, 25 лет, русская, г. Евпатория, 8 июня 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

РАЗМОКРИТЬ

В кино, после трогательной сцены, плачущая девушка подруге: *«Что-то меня совсем размокрило»*.

Девушка, 20 лет, г. Симферополь, июль 2016.

Д. А. Таньчева

РАЗНООБРАЗ

Девочка, рассказывает маме про свою группу в детском саду: *«А еще у нас есть мальчик, такой разнобраз. Каждый день в новой одежде приходит»*.

Девочка, 4-х лет, г. Симферополь, январь 2017.

Д. А. Таньчева

РАЗРАДОВАТЬСЯ

Подросток, играя с домашним питомцем – хомячком, решает вдруг вернуть его в клетку: *«Все, пора в домик, а то слишком активный сегодня, **разрадовался**. Сбежишь еще снова»*.

Мальчик, 12 лет, русский, г. Симферополь, 2018 г.

И. В. Чепурина

РАНОВСТАЙКА

Рассказ бабушки о своем внуке: *«А внук-то мой такой **рановстайка**! Встает и никому ж спать больше не дает!»*

Женщина, русская, 60-65 лет, рынок, пгт. Ленино, 2017 г.

Ф. Джаппарова

РАСКЛУБОЧИТЬ

Мама просит дочь развернуть спутанные после стирки клубком носки: *«Помоги мне, **расклубочь** вот эти носки»*.

Женщина, 45 лет, русская, г. Симферополь, апрель, 2018 г.

И. В. Чепурина

РАСПРЕКРАСИЕ

На улице девочка жалуется подругам, указывая на очень красивую девушку. *«Вау! Вот это ноги! Такие длинные. Везет же кому-то. Да мне и во снах не снилось иметь такое **распрекрасие**»*.

Девушка, 15-17 лет, русская, г. Симферополь, 2017 г.

Е. Морозова

РАСЧИТАТЬСЯ

Женщина рассказывает приятельнице о старшей дочери: *«У меня дочка до 11 лет вообще не читала. А с одиннадцати начала читать, и читала и читала и **расчиталась**. Сейчас остановиться не может»*.

Женщина, около 40 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

Т. Бобкова

РАХИТЕКТУРА

Проезжая старую часть Симферополя, экскурсовод комментирует: *«Язык не поворачивается назвать постройки в этой части города архитектурой. Моя коллега называет это **рахитектурой**»*.

Женщина, 55 лет, образование высшее, экскурсовод, октябрь 2018 г.

И. В. Чепурина

РВАНОСТЬ

Пожилая женщина с удивлением осматривает джинсы внучки и вздыхает: *«Что за мода пошла? Одна **рваность**...»*

Женщина, 60-ти лет, славянской внешности, г. Севастополь, ул. Кожанова, март 2019 г.

Е. Грунистая

РЕЙТУЗНЫЙ

Библиотекарь при вскрытии пачки бумаги отмечает странность: *«Какой-то **рейтузный** цвет бумаги»*.

Женщина, около 50 лет, русская, среднее образование, библиотекарь КФУ, г. Симферополь, 14 августа 2017 г.

А. В. Петров

РЕКЛАМНЕЕ

Из диалога девочки-подростка с мамой вечером на кухне: *«Мы смотрели рекламу, где соединили рекламу машины и фильма. Там все это соединено.»* - *«Ищут способы сделать рекламу **рекламнее**»*.

Женщина, 47 лет, русская, г. Симферополь, 2018 г.

И. В. Чепурина

РЕПИТОБУМЕР

Две подруги начали обсуждать различные темы с философским подходом и в одном отрывке прозвучала следующая фраза: *«А ты не боишься, что **репитобумером** вернется?»*.

Девушка, 20-25 лет, г. Симферополь, август 2018 г.

И. В. Чепурина

РЕЧКА-АКМЕЧЕЧКА

После сильного ливня подруги обсуждают состояние дорог в разных районах Симферополя: *«У вас, наверное, тоже беда с дорогами?»* – *«У нас просто **речка-Акмечечка**»* (о районе Ак-Мечеть)

Девушка, 18 лет, студентка, г. Симферополь, проспект Вернадского, КФУ, апрель 2019 г.

Э. Бекирова

РИСКАЧ

Сестры после домашнего ужина собираются пить чай. Мама спрашивает: *«Ты какой чай пьешь?»* – *«С калиной»*. – *«А Даша?»* – *«С калиной, имбирем, еще и корицу добавила. Она у нас **рискач**»*.

Девушка, 14 лет, русская, г. Симферополь, 2018 г.

И. В. Чепурина

РИТОРИТЬ

Из разговора студентов: *«... потом практика по риторике. Будем **риторить**»* [смеется].

Молодой человек, 20 лет, русский, г. Симферополь, пр-т Вернадского, факультет славянской филологии КФУ, февраль-март 2018 г.

А. Рыбин

РОГИЙ

Девочка рассказывает о посещении зоопарка: *«В зоопарке был безрогий олень, рогий олень, лама, **медведята**...»*

Девочка 7-8 лет, июнь, г. Симферополь, 2016 г.

И. В. Чепурина

РОДСТВЕННЫЕ ТУШИ

Девушки обсуждают двух неприятных сокурсниц и в разговоре называют их *«родственные **туши**»*, намекая на грузное телосложение девушек.

Девушка, 18-19 лет, крымская татарка, г. Симферополь, ул. Севастопольская, КИПУ, 27 февраля 2019 г.

Л. Османова

РОЗАРИТЯНИН

Из разговора студентов-медиков: *«С этими экзаменами я с ума сойду»*. – *«Ну и прекрасно. Будешь почетным **розаритянином**»*.

Молодой человек, 20-21 год, русский, г. Симферополь, 2018 г.

С. Колодко

РОЗОЧКА

Сокращенное название психиатрической больницы, расположенной на улице им. Розы Люксембург. Часто употребляется в идиоматическом выражении: *«По тебе Розочка плачет»*.
г. Симферополь, 2016 г.

Л. Тарсиевич

РОКИСТИЧЕСКИЙ

При обсуждении творчества известной группы девушка замечает: *«Последняя песня из нового альбома была более рокистической, чем предыдущие»*.

Девушка, 19 лет, русская, студентка, г. Симферополь, апрель 2017 г.

Е. Луппиан

РОКФЕЛЛЕР

В торговом центре мать на просьбу сына купить игрушку замечает: *«Мы не Рокфеллеры, чтобы покупать тебе столько игрушек!»*

Женщина, около 30 лет, русская, г. Симферополь, ТЦ Меганом, 23 июля 2016г.

А. Давыдкина

РОКФЕЛЛЕРША

«Я тебе что, Рокфеллерша?» — фраза, сказанная при разговоре по телефону в очереди в обувном магазине. Исходя из этой и других фраз женщины, можно сделать вывод, что главной темой телефонного разговора являлись денежные расходы, связанные с третьим лицом.

Женщина, около 45 лет, русская, г. Симферополь, магазин «Messir», 2017 г.

М. С. Деминова

РОСКОШЕСТВОВАТЬ

В разговоре о прошлом женщина замечает: *«Обогащались, но не роскошествовали...»*

Женщина, лет 35-40, русская, преподаватель университета, г. Симферополь, 2018 г.

А. Конак

РУБЛЕВКА

После мероприятия подруги возвращаются домой. Дойдя до улицы, где живет подруга, одна с восторгом восклицает: *«Ого, у вас тут везде двух- и трехэтажные дома, такие огромные! Настоящая Рублевка»*.

Девушка, 16 лет, русская, студентка, г. Симферополь, 2017 г.

Э. Меджитова

РУБЧОНКА

Младшая сестра жалуется старшей: *«Мне нечего надеть с джинсами, я никуда не пойду»*. Старшая предлагает: *«Надень во эту рубашку, она хорошая»*. Младшая возмущается: *«Что-о-о? Вот эту рубчонку? Серьезно?»*

Девочка, 13 лет, русская, г. Севастополь, пгт. Солнечный, май 2019 г.

А. Соловьева

РУКОКРЮК

Увидев, как муж прошел по свежим посадкам в цветнике, женщина возмутилась: *«Рукокрюк, шагай отсюда!»*

Женщина, 65 лет, русская, г. Симферополь, май 2018 г.

И. В. Чепурина

РУКОТЕНЦЕ

После мытья рук в ванной сын кричит матери: *«Подай мне рукотенце!»*

Мальчик, 5 лет, крымский татарин, Симферопольский район, с. Софиевка, ул. Партизанская, 12, 2 октября 2019 г.

С. Мустафаева

РЫБУСЯ

Разговор мамы с дочкой при расставании: *«Ну все, рыбуся, давай там аккуратно, не балуйся, звони мне»*. — *«Хорошо, мамочка, не переживай»*.

Женщина, 43 года, русская, г. Севастополь, май 2019 г.

Е. Грунистая

РЯБУШКА

Женщина на пляже по телефону восхищается ранним чудесным морем: *«Море сегодня как горное озеро: изумрудное, прозрачное, спокойное – ни одной **рябушки**».*

Женщина, около 30-ти лет, русская, г. Судак, лето 2018 г.

И. В. Чепурина

САГЪ ОЛЧИК

Девушка при встрече восхищается: *«Ух, как тебе к лицу это платье!»* - *«**Саголчик**, дорогая»,* - отвечает подруга.

Девушка, крымская татарка, 18 лет, студентка, г. Симферополь, 2017 г.

С. А. Зиятдинова

САЛАМИРОВАТЬ

При встрече с соседкой мужчина приветствует: *«**Саламирую!**»*

Мужчина, около 40 лет, крымский татарин, г. Симферополь, январь 2017 г.

Н. А. Сляднева

САМОГОНКА

Мужчина в воспоминаниях о своем отце и его пристрастии к алкоголю сообщает: *«Он любил выпить. Помню, кричит: «Славик! Тащи **самогонку!**» А я не понимал, думал, что за самогонка? **Машинка**, что ли такая?»*

Мужчина, 39 лет, русский, парикмахер-стилист, г. Евпатория, салон Ли Гранд, июль 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

САМОРАЗБУДИТЬСЯ

Утром сын предупреждает входящую будить его мать: *«Не надо меня будить. Я уже **саморазбудился**».*

Молодой человек, 16 лет, г. Симферополь, 2018 г.

Е. Луппиан

САМОСМЕЙКИ

Обсуждая популярного российского актера и телеведущего, молодой человек удивляется вкусу сестры: *«Что тебе в нем может нравиться? У него не шутки, а какие-то **самосмейки**».*

Мужчина, 18 лет, русский, г. Симферополь, июнь 2018 г.

И. В. Чепурина

САМУРАЙНИЧАТЬ

Диалог девушек на рынке у рядов с бутафорным оружием: *«Ого, даже катана есть». – «Катана?» – «Ну да, меч японский. Куплю вот ее и буду **самурайничать**».*

Девушка, 19 лет, крымская татарка, г. Симферополь, ул. Субхи, март 2019 г.

Л. Османова

САРАЙ САРАЕМ

Женщина в разговоре по телефону: *«А моя дача – **сарай сараем**».*

Женщина пенсионного возраста, украинка, высшее образование, учитель, г. Симферополь, декабрь 2015 г.

А. В. Петров

САРКАЗМИНКА

*«Как всегда, сказала с **сарказминкой**»,* - отметила девушка особенность речи сестры.

Девушка, 20 лет, армянка, студентка, г. Симферополь, 2017 г.

А. Мусаелян

СВЕЖЕПОНАЕХИ

Разговор в кафе: *«Да в Крыму сейчас одни **свежепонаехи**, местных не осталось».*

Мужчина, 30 лет, русский, г. Симферополь, 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

СВЕРЛА

Разговор мужа и жены по поводу приготовления ужина: *«Какие мы там варили макароны в последний раз? – «Перекрученные. Челентани, кажется». – «То есть я могу варить спиральки? Да? Сверла, как сказал сосед по гаражу».*

Мужчина, 59 лет, русский, образование среднее специальное, музыкант, г. Евпатория, июль 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

СВЕЧКА

Один из корпусов КФУ в г. Симферополе, представляющий собой высотное здание, выделяющееся на общем фоне городского ландшафта.

г. Симферополь, 2016 г.

Е. С. Белова

СВИНОПЛЯСКИ

Из разговора бабушки с внучкой: *«Ни на какую дискотеку ты не пойдешь. Знаю я эти ваши свинопляски».*

Женщина, 65 лет, г. Симферополь, май 2017.

Д. А. Таньчева

СВОБОДА

Приехавшая на выходные домой студентка восклицает: *«Ура! Свобода!»*, подразумевая, что с наступлением субботы наступает свобода от занятий.

Девушка, 18 лет, г. Симферополь, микрорайон Фонтаны, 2017 г.

З. Алиева

СЕБЯШКА

Мама комментирует фотографию дочери: *«Странный ракурс, тебя словно приплюснуло».* – *«Себяшка. Что ты хочешь».*

Девушка, 24 года, русская, образование высшее, программист, г. Евпатория, лето 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

СЕВАС

Неофициальное название Севастополя.

В поликлинике медсестра встречает знакомую-пациентку: *«О, привет!»* - *«Люся, привет, так давно не виделись! Где твой сынок? Учится?»* - *«Уже закончил. Но остался в Севасе».*

Женщина, 50-55 лет, русская, образование среднее специальное, медсестра, г. Евпатория, ул. Некрасова, июль 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

СЕГАЛЯТА

Студенты обсуждают выполнение курсовых. Все жалуются на то, что не успевают. Одна из девушек спрашивает: *«Интересно, а у кого-нибудь есть такие, которые уже сделали курсовую?»* Другая предполагает: *«Наверное, сегалята сделали»*, имея в виду студентов, работающих под руководством преподавателя Н. А. Сегал.

Девушка, 20 лет, русская, г. Симферополь, пр-т Вернадского, факультет славянской филологии и журналистики КФУ, февраль 2018 г.

А. Давыдкина

СЕКОНДХОЛКА

В женском разговоре: *«Сейчас магазины настоящая секондхолка, ничего хорошего не найдешь».*

Женщина 30-ти лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

СЕЛЕЗЕНКА

В парке наблюдая за утками, девушка говорит подруге: *«Красивый селезень. И селезенка рядом с ним тоже красивая».* Обе смеются.

Девушка, 22-25 лет, набережная р. Салгир, г. Симферополь, 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

СЕЛФИВОД

Мальчик в компании подростков обращается к другу: *«Руслан, зови этого **селфивода**. Здесь есть, что снять»*.

Мальчик, 15-16 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

В. Гаевская

СЕЛЯМСТВУЙТЕ

Диалог знакомых на улице: *«Привет, Энвер!» - «**Селямствуйте**, Александр Борисыч!»*

Молодой человек, крымский татарин, 20-25 лет, г. Симферополь, 2016 г.

Н. А. Сляднева

СЕРШИЛКИ

В компании друзей девушка предлагает посмотреть сериал ужасов. Услышав название один из парней возмутился: *«Ты бы еще что-то нуднее нашла, мы не хотим эти **сершилки** смотреть»*.

Молодой человек, 18 лет, г. Симферополь, 2018 г.

В. Богомазова

СИГНАШКА

Утром при проверке машины хозяин обращается к выходящему из подъезда соседу: *«У меня по ходу **сигнашка** сломалась, не знаешь хорошего электронищика?»*

Мужчина, 60-65 лет, русский, таксист, г. Симферополь, 2019 г.

Л. Османова

СИМУЛЯТОР КАССИРА

Двое подростков проверяют прибора считывания штрих-кода товара в супермаркете: поднеся товар к прибору и увидев на экране цену, один из них с усмешкой произносит: *«**Симулятор кассира**»*.

Мальчик, 14-15 лет, славянской внешности, г. Евпатория, ул. 9 мая, супермакет «Яблоко», октябрь 2019 г.

Н. Ю. Тимофеева

СИМФЕРОПЫЛЬ

Так город Симферополь был назван его жителем за грязь и пыль.

Мужчина 45-ти лет, со средним техническим образованием, г. Симферополь, март 2016.

Д.А. Таньчева

СИНЕКУРИТЬ

Парень рассказывает приятелю о разговоре с дедом: *«Вчера за жизнь в СССР опять говорили»*. – *«Ну и что говорит? Сильно все изменилось?»* – *«Говорит, что изменилось много чего, но одно осталось неизменным: что раньше, что сейчас чиновники **синекурят** в депутатских креслах»*.

Молодой человек, около 25 лет, славянской внешности, г. Симферополь, маршрутное такси №10, май 2019 г.

И. Саенко

СИНТАКСИЧКА

Из разговора студенток: *«Это написано в **синтаксичке**»*. – *«Где?»* – *«Ну, в методичке по синтаксису»*.

Девушка 20 лет, русская, г. Симферополь, КФУ им. В. И. Вернадского, март 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

СИРОПОЛЬ

В маршрутке молодой человек, объясняя по телефону свое местонахождение, сообщил: *«Я сейчас в **Сирополе**»*.

Молодой человек, 25 лет, г. Симферополь, апрель 2016 г.

Е. Трибушина

СКВОЗНЯК

Район г. Керчь, официальное название которого – «Семь ветров».

г. Керчь, ноябрь 2016 г.

Т. Г. Чуприна

СКОЛХОЗИТЬ

Разговор двух молодых людей о сломанном инструменте: *«Как ты думаешь, можно еще починить эту бандуру?»* – *«Если помучиться, всегда что-нибудь можно **сколхозить**»*.

Мужчина, 22 года, русский, образование среднее специальное техническое, г. Симферополь, май 2017 года.

В. Савельев

СКОЛЬЗОТА

Девочка, проходя по замершему месту асфальта, говорит матери: *«Вот это **скользота!**»*

Девочка, 6-7 лет, русская, г. Симферополь, февраль 2016 г.

Д. А. Таньчева

СКРОМНИТЕЛЬНАЯ

Девушка в разговоре с подругой замечает о себе: *«Я вся в маму: такая же **скромнительная**»*.

Девушка, около 20-ти лет, славянской внешности, г. Симферополь, ул. Пушкина, октябрь 2019 г.

Д. Поликарпова

СЛАВЯНКА

Девушка рассказывает о своей подруге, выпускнице факультета славянской филологии КФУ: *«Моя подруга закончила магистратуру на **славянке**»*.

Девушка, около 20 лет, русская, г. Симферополь, 2018 г.

Н. Лаук

СЛАДУЧИЙ

На рынке продавец привлекает покупателей: *«Берите огурцы по сто рублей, но огурцы **сладучие!!!**»*

Женщина, около 50 лет, Центральный рынок, г. Симферополь, апрель, 2017 г.

И. В. Чепурина

СЛОНОТОП

Вслед спускавшейся по лестнице молодежи женщина-техничка замечает с возмущением: *«Что за **слонотопы** вокруг?»*

Женщина, лет 50-ти, славянской внешности, технический персонал общежития, г. Симферополь, 2018 г.

С. Мустафаева

СЛУХОЕЖКА

Парень, негодуя в сторону девушки: *«Вот же ж **слухоежка**. Всем сплетням вокруг веришь»*.

Мужчина, около 25 лет, г. Симферополь, май 2017.

Д. А. Таньчева

СМЕХДЕРЖАВА

В разговоре о политике парень дает оценку положению России: *«Россия – **смехдержава**»*.

Молодой человек, 20-22 года, русский, студент, г. Симферополь, пр-т Вернадского, КФУ, ноябрь 2018 г.

С. Колодко

СМОРЖИК

Район Смержевского в городе Керчь.

г. Керчь, 2017 г.

А. Зудина

СНЕГИРЯТА

Женщина славянской внешности, выбирая пакет возле торговой точки, произносит: *«Нет, с елочкой не хочу. Давайте вот этот, со **снегирятами**»*.

Женщина, русская, 30-35 лет, г. Симферополь, 2016 г.

СНЕГОПОЛИС

Женщина, встретив соседку, замечает: *«Кто-то сглазил нам весну. Настоящий **снегополис** первого марта».*

Женщина, 45-50 лет, г. Симферополь, март, 2018 г.

Д. Шеремет

СНЕГОПУЗИК

Мать, наблюдая за вывозившемся в снегу сыном, у которого сползли штаны и обнажился живот, с улыбкой называет его: *«**Снегопузик**».*

Женщина, около 30 лет, славянской внешности, г. Симферополь, январь 2019 г.

Д. Поликарпова

СНЕГОЧВЯК

Женщина в разговоре о погоде зимой говорит: *«Выпал этот снег и не полежал нормально – сразу в **снегочвьяк** какой-то превратился».*

Женщина, около 40 лет, г. Симферополь, январь 2017 г.

А. Добродей

СОБАЧЕЕ

Член избирательной комиссии одного осуждает проблему сдачи членами комиссии выборной документации в бухгалтерию: *«Но бухгалтера – это просто какие-то собаки. Каждый раз меняются и каждый раз все **собачье и собачье**».*

Женщина, 42 года, г. Симферополь, март, 2018 г.

И. В. Чепурина

СОРЯН

Девушка извиняется перед подругой: *«**Сорян**, не знала, что так получится, мне очень жаль».*

Девушка, 19 лет, русская, студентка, г. Симферополь, пр-т Вернадского, сентябрь 2018 г.

С. Мустафаева

СОЧЕТНУТЬ

На маршруте экскурсовод рассказывает о не включенной в программу местности: *«Там есть интересный **рельефчик**, но его одного мало. Его надо обязательно с чем-то сочетнуть. Я придумаю с чем, и мы обязательно сочтем».*

Женщина, 58 лет, русская, образование высшее, экскурсовод, март, 2018 г.

И. В. Чепурина

СПОЙЛЕР

от англ. *spoiler* – портить, мешать

На учебной экскурсии по городу студенты осматривают несколько сооружений одного архитектора. Преподаватель закачивает рассказ у одного из объектов и сообщает: *«А сейчас мы посмотрим дом самого архитектора и на этом закончим».* Все отправляются на соседнюю улицу. Один из студентов, поравнявшись с преподавателем спрашивает: *«А его дом лучше, чем дом этого богача?».* Преподаватель с хитрой улыбкой отвечает: *«А это вы сейчас сами оцените».* Студент с притворной обидой надувает щеки: *«Ну вот, мне не дали **спойлер**».*

Молодой человек, 18 лет, армянин, студент, г. Евпатория, ул. Дувановская, сентябрь 2019 г.

Н. Ю. Тимофеева

СПОТЫКАЧ

Женщина, объясняя, как найти ателье, замечает: *«Вот как обойдешь здание, там сразу в торце увидишь подвальчик. И **спотыкач** стоит».*

Имеется в виду рекламный щит-указатель, выставляемый на тротуар для обозрения пешеходами.

Женщина, 66 лет, русская, музыкант, г. Евпатория, ул. Демешева, май 2017 г.

Преподаватель объясняет коллеге вид некоего товара: *«Сейчас они всякие делают, могут в черно-белом цвете, как мелом на доске, как на **спотыкачах** бывает, знаете?»*

Женщина, 28 лет, образование средне-специальное, преподаватель медицинских дисциплин, г. Евпатория, февраль 2019 г.

У торгового центра одна из продавщиц, вышедшая к подруге, работающей на выносной точке, смеясь сообщает: *«Вот это ветер, у них там на третьем этаже **спотыкач** упал!»*

Женщина, 30-35 лет, славянской внешности, продавец, г. Евпатория, проспект Победы, ноябрь 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

СТАЛИН

Женщина в поликлинике описывает момент посещения врача: *«Захожу я значит в кабинет, а врач поворачивается и **Сталиным** на меня как посмотрит!»*

Женщина, 60-65 лет, поликлиника, г. Симферополь, 2016 г.

А. В. Петров

СТАМЕСКА

Женщина просит сотрудницу: *«Посмотри в телефоне, наверное, **стамеска** пришла», имея в виду смс-сообщение.*

Женщина, 70 лет, г. Симферополь, октябрь 2016 г.

А. И. Шкарупа

СТЕКЛЯШКА

Неофициальное название района «Завод стеклоизделий» в г. Керчь. Сохраняется несмотря на отсутствие завода.

г. Керчь, ноябрь 2016 г.

Т. Г. Чуприна

СТЕРИЛЬНО

В домашнем разговоре двух родственниц-преподавателей одна жалуется на нестарательных студентов: *«Ох уж эта группа! Что фармакология, что анатомия – **стерильно** полностью!»*

Женщина, 71 год, образование высшее, преподаватель медицинского колледжа, г. Евпатория, пер. Типографский, июнь 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

СТЕРИЛЬНЫЙ

При обсуждении в преподавательской результатов зачета принимавший зачет преподаватель обращается к коллеге: *«Вот вы, Сергей Николаевич, присутствовали, скажите, как Артур отвечал на вопрос билета? Имеет ему смысл пересдавать?»* Коллега отвечает: *«Да он на зачет пришел **стерильный**!»*

Мужчина, 63 года, русский, образование высшее, преподаватель медицинского колледжа, г. Евпатория, весна 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

СТОЯМБУС

Не дождавшиеся преподавателя, студенты идут домой и один из них рассуждает: *«Прикиньте, мы сейчас идем на остановку, а препод к нам на встречу и такой: **Стоямбус**!» Куда это вы собрались? Я вообще то пару не отменял!»*

Молодой человек, 19 лет, русский, студент, г. Симферополь, КФУ, апрель 2019 г.

Д. Поликарпова

СТРАХОГОР

Девочка, после просмотра мультфильма о богатыре Святогоре и вспомнив наставления матери об опасностях в горах, во время экскурсии на Ай-Петри спрашивает мать: *«Мама, а здесь тоже **Страхогор** живет?»*

Девочка, 6 лет, г. Ялта, гора Ай-Петри, июль 2014 г.

Н. Парфенова

СТРАШНОСТИ

В разговоре с другими пациентами больницы женщина произносит: *«Прекратите мне рассказывать эти **страшности**»*.

Женщина, около 70-ти лет, славянской внешности, г. Симферополь, 7я горбольница, ноябрь 2019 г.

А. Соловьева

СТРЕКОЛАПКА

Гуляющий с собакой в парке мужчина подзывает питомца: *«Эй, **стреколапка**, и куда же ты?»*

Мужчина, 35-37 лет, украинец, г. Симферополь, сентябрь 2018 г.

И. В. Чепурина

СТЭНДАПИТЬСЯ

от англ. *stand up* – вставать

Девушки заканчивают обедать в университетской столовой и одна другую поторапливает: *«Ну, что давай **стэндапиться**? Пара скоро, опоздаем!»*

Девушка, 18-19 лет, славянской внешности, г. Симферополь, ноябрь 2017 г.

Ф. Джаппарова

СУПЕРОВСКИЙ

Муж делится с женой впечатлением от пиджака, увиденного в магазине: *«**Суперовский** фасон, **суперовский!**»*

Мужчина, 58 лет, русский, образование среднее специальное, музыкант, г. Евпатория, май 2019 г.

Н. Ю. Тимофеева

СУПРУЖЕСКАЯ ПАРА

При появлении двойного автобуса молодой человек сообщает: *«А вот и **супружеская пара**»*.

Молодой человек, 20-25 лет, русский, г. Симферополь, ноябрь 2016 г.

Л. Тарсиевич

СУСАНИН

Мужчина за рулем возмущается: *«Водит этот **GPS** туда-сюда, точно **Сусанин!**»*

Мужчина, 50 лет, электрик, г. Симферополь, 2016 г.

И. Васильева

СУСЛИКОВАТЫЙ

Девушка в очереди к парикмахеру своей обсуждала с подругой, какая стрижка ей больше подойдет: *«У меня **сусликоватые** черты лица, так что скорее всего выберу каскад»*.

Девушка, около 25 лет, славянской внешности, г. Севастополь, август 2018 г.

СУХАРЬ СУХАРЕМ

Руководителя подразделения вуза делится с коллегами впечатлением: *«Иногда тот или иной преподаватель представляется тебе **сухарь сухарем**, а начнет рассказывать о своей области знаний – совсем другой человек – живой, интересный»*.

Мужчина, около 50-ти лет, русский, высшее образование, г. Симферополь, КФУ имени В.И. Вернадского, октябрь 2016 г.

А. В. Петров

СУХАЯ ТАНЦПЛОЩАДКА

Летняя танцплощадка на Радиогорке, названная в противоположность *Мокрой* дискотеке в санатории им. Мокроусова.

Севастополь, 2017 г.

Н. Рыжова

СУХОФРУКТЫ

Войдя в маршрутку, женщина замечает отсутствие свободных сидячих мест и комментирует ситуацию своему спутнику фразой: «Тут одни **сухофрукты**. Не сядешь».

Женщина, 35-40 лет, славянской внешности, г. Симферополь, маршрутное такси №95, сентябрь 2019 г.

Ф. Джаппарова

СФАРИТЬСЯ

Из рассказа автомобилиста товарищу: «Еду сегодня домой и вижу, как прямо передо мной два автомобиля **сфарились**».

Мужчина, 34 года, русский, г. Керчь, 2018 г.

О. Матвиенко

СЦЕПЛЕР

Ребенок на работе у мамы просит: «Дай **сцеплер**!»

Мальчик, 5-6 лет, русский, г. Симферополь, 2018 г.

Д. Панова

СЭМОЦИНИРОВАТЬ

Разговор подруг: «И что ты ему сказала?» – «Все, что о нем думаю. **Сэмоционировала** от души».

Девушка, 19 лет, крымская татарка, г. Симферополь, ул. Ак-Кая, май 2019 г.

Л. Османова

СЭСЭМЭСИТЬСЯ

При расставании девушка спрашивает подругу: «Когда снова увидимся?», на что подруга отвечает: «Не знаю. Давай **сэсэмэсимся**, там решим».

Девушка, около 25 лет, славянской внешности, г. Симферополь, апрель 2019 г.

Ю. Цветкова

ТАБЛЕТКА

Часть детского парка в Симферополе для роллеров и скейтеров.
г. Симферополь, 2016 г.

Е. Ершова

ТАЗИК

Мужчина в рассказе о происшествии на дороге: «Представь себе такую картину: летит старенький **тазик**, вовсе не Шумахер – 60-70 километров в час, – и в яму». Под «стареньким тазиком» следует понимать автомобиль устаревшей модели.

Мужчина, 34 года, русский, г. Севастополь, 2017 г.

Е. Луппиан

ТАКСЕРИТЬ

В разговоре двух женщин о поисках работы одна спрашивает другую, не сдать ли той в аренду для такси машину, на что вторая отвечает: «Трудно найти надежного человека. **Таксерить** не каждый хочет».

Женщина, лет 40, г. Симферополь, 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

ТАКСИСТ

В разговоре о собаке таксе девушка говорит подруге: «У твоей сестры такой милый рыжий **таксист**».

Девушка, 17 лет, русская, г. Симферополь, 2017г.

А. Замятина

ТАНКОВАТЬ

Во время игры в футбол на детской площадке нападающий кричит другому игроку: «Эй, **танкую** только я!».

Мальчик 11-12 лет, крымский татарин, г. Симферополь, ул. Звездная, май 2019г.

ТАРАРЫГА

Диалог дедушки с внучкой: «Ты такая **тарарыга**, говори медленнее». – «Ну дед Толя, мне столько всего нужно рассказать!»

Мужчина, 65-70 лет, г. Симферополь, 2018 г.

И. Саенко

ТЕЛЕПОРТИРОВАТЬ

В маршрутке, молодой мужчина просит впереди стоящих: «**Телепортируйте**, пожалуйста, за проезд».

Мужчина, 32-35 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

В. Бекирова

ТЕЛЕФОНИТЬ

Обращаясь к своей подруге, которая долго разговаривает по телефону, женщина замечает: «Хватит уже **телефонить**, нам скоро выходить»

Женщина, около 50 лет, русская, автобус №47, г. Симферополь, 7 июля 2017 г.

И. В. Чепурина

ТЕЛЕФОНЯ

Девушка в маршрутке рассказывает приятельнице: «У меня есть **подруга- телефоня**. Ее в реальную жизнь не вытащишь».

Девушка, 22-25 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

А. Завалишина

ТЕЛОКЛЕЙКА

Диалог девочек по дороге в магазин: «Кать, давай купим жвачку с тутовкой». – «А что это?» - «Ну, помнишь мы с тобой брали жвачку, в которой была **телоклейка** с рисунком?» - «Ах, ты о жвачке с татуировкой! Хорошо, купим».

Девочка, 3-4 года, славянской внешности, г. Симферополь, ул. Гаспринского, июнь 2019 г.

З. Муслимова

ТЕПЛЫШКО

Из разговора студенток, после продолжительных холодов: «Наконец-то **теплышко** появилось!»

Девушка, 19 лет, студентка КФУ, г. Симферополь, март 2016.

Д. А. Таньчева

ТЕРАФЛЮШКА

Мама поздним вечером, перед сном обращается к дочери: «Что-то я поганенько себя **зачувствовала**. Принеси терафлюшку».

Женщина, 47 лет, русская, образование высшее, преподаватель, г. Симферополь, апрель 2018 г.

И. В. Чепурина

ТЕРПИМОТУРА

Из разговора мужчин: «Ну как ты, поправился?» «Да, так. Никаких особых симптомов. Одна **терпимотура**».

Мужчина, около 50 лет, русский, г. Симферополь, 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ТЕТЕРЬ

Сын переспрашивает у матери, сушить ли ему голову феном. Мать отвечает: «Я тебе дважды сказала, **тетерь** глухой, что вечером прохладно, поэтому лучше высушить, чтобы не простудится».

Женщина, 47 лет, образование высшее, преподаватель, г. Евпатория, ул. Дм. Ульянова, октябрь 2019 г.

Н. Ю. Тимофеева

ТЕЩИН ЯЗЫК

Участки старой ялтинской за Сапун-горой и новой за Инкерманом автомобильных трасс. От частых поворотов на этих участках у водителей и пассажиров часто кружилась голова.

г. Севастополь, март 2017 г.

И. Фесенко

ТОКСИЧНЫЙ

Девушки обсуждают своих знакомых: *«Она все-таки противная: вечно в претензии ко всем, все в ее представлении недостаточно совершенны»*. – *«Да, она такая. И парень у нее такой же токсичный»*.

Девушка, 16 лет, русская, студентка, г. Евпатория, ул. Революции, 60, сентябрь 2019 г.

Н. Ю. Тимофеева

ТОЛПОРУБКА

В час пик в набитой народом маршрутке женщина не выдерживает и восклицает: *«Не транспорт, а толпорубка какая-то!»*

Женщина, около 50 лет, крымская татарка, г. Симферополь, июнь 2017 г.

В. Скворцова

ТОЛСТЕНОК

Учащиеся 1-го класса вышли на перемене во двор школы. Два мальчика на крыльце школы, один достает шоколадку из портфеля и начинает есть. Друг просит поделиться, а мальчик не дает. Ребенок, который просил, посмотрел с обидой и воскликнул: *«Вовка, ты... ты толстенек!»*

Мальчик, 7-8 лет, г. Симферополь, 2017 г.

Э. Аидинова

ТОЛСТЯК

Пляж в г. Севастополь, расположенный на мысе Толстый.

Севастополь, 2017 г.

Н. Рыжова

ТОПИК

В разговоре студентов одна из девушек рассказывает о поездке в Севастополь: *«Приехали на Северную, там на катер, потом на маршрутку...»* Другая студентка ее обрывает и уточняет: *«У нас в Севастополе маршрутки называют топиками»*.

Девушка, 18 лет, студентка медицинского колледжа, г. Евпатория, ул. Революции, осень 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

ТОРМОЗИЛО

Из разговора таксистов: *«Итак проблем хватает, а тут еще тормозило сломалось»*.

Молодой человек, 22-24 года, крымский татарин, г. Евпатория, ул. 13 ноября, сентябрь 2019 г.

Н. Ю. Тимофеева

ТОРТИТЬ

В разговоре подруг: *«Приходите на чай. Сегодня Маша тортит»*.

Женщина, 40-45 лет, русская, г. Симферополь, 2018 г.

Т. Бобкова

ТОРТОВЕВНИЧАТЬ

Мужчина обращается на улице к супруге: *«Пойдем скорее домой. Будем кофеевничать и тортовевничать»*.

Мужчина, около 50 лет, славянской внешности, г. Симферополь, парк Тренева, май 2019 г.

А. Соловьева

ТОШНИЛКИН

При посадке самолета рейса Санкт-Петербург – Симферополь мать обратилась к страдавшей от тошноты дочери: *«Все, Тошнилкин, прилетели»*.

Женщина, около 30-ти лет, русская, г. Симферополь, аэропорт, осень 2019 г.

Е. Грунистая

ТРАВА ТРАВОЙ

Пожилая дама о походе на рынок: «Сегодня купила черешню – **трава травой**».
Женщина, 70 лет, г. Симферополь июнь, 2016г.

И. В. Чепурина

ТРЕЗВОНКА

При встрече с приятелем пожилой мужчина интересуется: «Как там твоя внучка? Сколько ей?» – «Семь лет исполнилось. Она у нас та еще **трезвонка**».

Мужчина, 65-70 лет, русский, г. Симферополь, автобусная остановка «Центральный рынок», 25 мая 2019 г.

М. Соломкина

ТРАССА

Из речи транспортных работников: «Идет одна **трасса**», что означает, что едут только междугородние автобусы

Мужчина, 40-45 лет, автовокзал, г. Симферополь, 2016 г.

Л. Тарсиевич

ТРЕТЬЕКУРЫ

В разговоре студентов о товарищах третьего курса: «А **третьекуры** на концерт пойдут?»
Мужчина, 20-22 года, г. Симферополь, КФУ, 2017 г.

Э. Зинандинов

ТРИ ПОРОСЕНКА

Три больших частных дома, построенных на границе с лесом по улице Аральской в г. Симферополе.

г. Симферополь, 2016 г.

В. Кубрак

ТРУСЫ-МУСЫ

На рынке две женщины, проходя мимо прилавков с нижним бельем, на ходу бросает: «Тут **трусы-мусы**, это потом посмотрим».

Женщина, около 50 лет, русская, г. Евпатория, август 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ТУНИСЫ И ТУРЦИИ

Преподаватель при виде из окна вида на море восклицает: «Да, отдыхать нужно здесь, в Крыму, а не в **Тунисах и Турциях!**»

Мужчина, высшее образование, пенсионного возраста, русский, г. Судак, 11 июля 2017г

А. В. Петров

ТУПЕЕЦ

Во время лекции преподаватель замечает нерадивому студенту железнодорожного техникума: «Главное не стать **тупейцем**».

Женщина, 58 лет, русская, преподаватель, образование высшее историческое, г. Симферополь, 2014 г.

В. Савельев

ТУПИЧКОВАЯ

В маршрутке №6 женщина просит водителя: «Остановите **на тупичковой** остановке», имея в виду остановку на пл. Металлистов в г. Евпатории, где автобус делает резкий поворот и создается впечатление тупика.

Женщина, 30-35 лет, русская, г. Евпатория, пл. Металлистов, октябрь 2016г.

Н. Ю. Тимофеева

ТУТОВКА

Диалог девочек по дороге в магазин: «Кать, давай купим жвачку с **тутовкой**». – «А что это?» - «Ну, помнишь мы с тобой брали жвачку, в которой была телоклейка с рисунком?» - «Ах, ты о жвачке с **татуировкой**! Хорошо, купим».

Девочка, 3-4 года, славянской внешности, г. Симферополь, ул. Гаспринского, июнь 2019 г.

З. Муслимова

ТХЭКВОНДОСТИК

Парень спрашивает у мальчика-подростка. *«Зачем ты ходишь на танцы» – «Я не только на танцы хожу, я еще и **тхэквондостик**».*

Мальчик, 12-13 лет, русский, г. Симферополь, 2018 г.

В. Карпенко

ТЮТЕЛИ МАТЕЛИ

Женщина, сокрушаясь о сорвавшихся планах по вине дочери, применила ругательство: *«Вот теперь ничего не выйдет, полетит к **тютели матели**!»*

Женщина, 65-70 лет, г. Белогорск, сентябрь 2016 г.

В. Здорова

УГНЕЗДИТЬСЯ

Дедушка говорит своему озорному внуку: *«Когда ты уже, наконец, **угнездишься**?»*

Мужчина, 55-65 л. парк им. Ю.А. Гагарина, г. Симферополь, 2017 г.

Ф. Джаппарова

УЗИ-МУЗИ

Женщина рассказывает знакомой о наблюдении беременной дочки в женской консультации: *«Все дорого, **узи-музи** сделала уже на две тысячи».*

Женщина, 67 лет, образование среднее специальное, бывший медик, г. Симферополь, ул. Маршала Жукова, июнь 2019 г.

А. В. Петров

УКРАШАТЕЛЬСТВО

Мальчик в разговоре с матерью рассуждает о том, что в его классе дети любят заниматься украшением своих творческих работ. При этом вместо слова *украшение* ребенок использует слово *украшательство*. Мать поправляет мальчика: *«Они занимаются не украшательством, а украшением, а точнее – дизайном. Дизайн – это такое занятие, работа человека по украшению чего-либо».* Ребенок, поразмыслив над словами матери, заключает: *«Дизайном занимаются умелые, искусные мастера. А **украшательством** – кто хочет. Это просто, как, например, развесить в классе флажки на нитку».*

Мальчик, 10 лет, г. Евпатория, маршрутка №4, февраль 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

УКУЛЯЛЯ

Парень, наблюдая за проходящей мимо девушкой, замечает ей вслед: *«Ох-хо-хо, что за **укуляля** только что прошла мимо нас».*

Молодой человек, 19-20 лет, студент техникума, г. Симферополь, Крымский многопрофильный колледж, март 2019г.

С. Мустафаева

УЛИЦИОНЕР

Проходя мимо милиционера, подросток обращается к матери: *«О, **улицционер** хранит порядок!»,* на что мать никак не отреагировала.

Мальчик, 12-13 лет, славянской внешности, г. Симферополь, март 2019 г.

А. Лунева

УЛЫБАЙКА

Разговор двух девушек: *«На выходных были в гостях у подруги. Муж у нее такой юморист, столько историй рассказал, одна смешней другой. Да, Рустик у нас **улыбайка**, вечно юморит, и всегда куча историй припасена».*

Девушка, 27 лет, крымская татарка, образование среднее специальное, официант, г. Белогорск, ресторан «Крымский дворик», июль 2019 г.

А. Кулик

УЛЫБНУТЬСЯ

Отец выкидывает остатки несвежей вареной гречки. Сын удивляется: *«Продукты выкидываем?»* Отец поясняет: *«Ну она немного подгуляла... Улыбнулась»*.

Мужчина, 58 лет, русский, музыкант, образование среднее специальное, г. Евпатория, ул. Дм. Ульянова, апрель 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

УМНЯКАТЬ

Подруги на улице обсуждают ухудшение погодных условий: *«Вот сейчас пойдет дождь, я же говорила, что надо взять зонт»*. – *«Ты не умнякай, пойдем лучше посидим в кафе»*.

Девушка, около 25 лет, славянской внешности, г. Евпатория, набережная Горького, май 2019 г.

Н. Ю. Тимофеева

УПОРОТЫЙ

Из разговора подростков: *«Он мне предлагает взамен свою колонку, а ему говорю: «На фиг мне такая упоротая? Ты ее на асфальт ронял четыре раза»*.

Мальчик, 14-15 лет, славянской внешности, г. Евпатория, ул. Колхозная, сентябрь 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

УПОРОТЬСЯ

Председатель общественной организации на собрании волонтеров сообщает: *«Последнюю неделю работаем до упора!»*, на что один из присутствующих заявляет: *«Я уже упоролся, можно мне домой?»*

Молодой человек, 17-19 лет, русский, г. Евпатория, ул. Полупанова, октябрь 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

УПОРХНУТЬСЯ

Поссорившись на остановке, пара молодых людей заходит в автобус, садится и молча едут. Жена пытается снова обсудить происшедшее. Муж с улыбкой предлагает: *«Любимая, упорхнись на время!»*. Жена засмеялась в ответ и потрепала мужа по загривку.

Мужчина, 30-35 лет, русский, г. Симферополь, июль 2016 г.

Э. Аидинова

УПРАЖНЮШКИ

Разговор студенток филфака на перемене: *«Что нам задавали по исторической грамматике?»* – *«Сфоткай вот эти упражняшки»*.

Девушка, 18-20 лет, студентка, факультет славянской филологии и журналистики, КФУ им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, 2018 г.

Д. Панова

УРОДСТВЕННИКИ

Женщина в компании рассказывает о своих родственниках, отмечая при этом: *«Это просто уродственники!»*

Женщина, 50 лет, г. Симферополь, 2017 г.

М. Зозуля

УСТНЕНЬКО

На занятии по теории перевода преподаватель предлагает: *«Давайте еще одно [упражнение] выполним устненько»*.

Женщина, 37 лет, крымская татарка, образование высшее, преподаватель вуза, г. Симферополь, КИПУ, май 2019 г.

Э. Бекирова

УТЯШ

Гуляя по зоопарку, мальчик восклицает, обращаясь к матери: *«Мама, смотри, какой красивенький утяш!»*

Мальчик, 6-7 лет, русский, г. Ялта, зоопарк, 3 мая 2019 г.

М. Соломкина

УХОТЕР

Девушка, вспомнив о своей некомфортной ушанке, которая натирает уши, произносит: *«Скоро **ухотер** придется надевать»*.

Девушка, 19-20 лет, русская, студентка, КФУ им. Вернадского, г. Симферополь, осень 2018 г.

Д. Войченко

УХТЫШКА

Хозяйка обращается к гостю: *«Погоди, я тебя сейчас **ухтышкой** угощу! Собственного производства!»*. После чего подается самогон собственного изготовления, крепость которого заставляет выпившего воскликнуть: «Ух, ты!».

Женщина, 60 лет, г. Симферополь, 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

УЧКУДУЕВКА

Пляж Учкуевка на Северной стороне г. Севастополя.

Севастополь, 2017 г.

Н. Рыжова

УШАТАННАЯ

В беседе двух знакомых на остановке появляется следующий пассаж: *«Город постоянно грязный, пыльный, тесный! Дороги и тротуары ямистые, набережная **ушатанная**. А люди, где отдыхают, там и мусорят. «Город-собирабель»! Похоже, что собирабель мусора!»*

Женщина, 40-45 лет, остановка Центральный автовокзал, ул. Киевская, г. Симферополь, 2016 г.

А. В. Петров

ФАРШ

Мужчина рассказывает товарищу о новой модели китайского внедорожника: *«Выглядит просто как пятая BMW: и кузов, и внутри – полный **фарш**. А вот такого элементарного, как проигрывания флешки, нет»*.

Мужчина, 60 лет, русский, образование среднее специальное, музыкант, ул. Интернациональная, ноябрь 2019 г.

Н. Ю. Тимофеева

ФАСОЛЕВАЯ ПЕЩЕРА

Мужчина на рынке в г. Бахчисарай возмущен долгими поисками фасоли и обращается к жене со следующей фразой: *«Неужели нет фасоли? Если ты без нее не можешь, то поехали жить в **Фасолевою пещеру**»*.

Имеется в виду пещерный город Бакла в Бахчисарайском районе. Бакла в переводе с крымскотатарского означает фасоль.

Мужчина, 30-35 лет, г. Бахчисарай, 2016 г.

Е. Луппиан

ФАСТФУДОВАЯ ЖЕЛЕЗА

Разговор подруг на улице: *«Так странно, хоть и занимаюсь спортом, но в последнее время поджелудочная железа болит. Не знаю, в чем дело»*. – *«У тебя **фастфудовая железа** болит. Большие еды жирной ешь, другие органы беспокоят»*.

Девушка, 19-20 лет, славянской внешности, г. Севастополь, ул. Лазарева, май 2019 г.

Н. Кикоть

ФЕЕРЕЙКА

Ферейная гора в г. Судак, место сбора молодежи города. Возможно представляет собой объединение слова «феерия» и имени собственного горы.

Девушка, 20 лет, студентка, г. Судак, август 2015 г.

Е. С. Белова

ФЕСТИВАЛИТЬ

Молодой человек рассказывает друзьям о прошедшем выходном: *«В общем, до самого утра мы в этом клубе **фестивалили**»*.

Молодой человек, 20-25 лет, г. Симферополь, 2016 г.

А. Горбик

ФИЛОЛОГИНЯ

Парень в ответ на замечание девушки парирует: «**Филологинь** не спрашивали».

Молодой человек, 18-20 лет, русский, г. Симферополь, 2018 г.

О. Матвиенко

ФИЛЬМОКРУТ

Студент в разговоре с нервничающим товарищем успокаивает последнего: «*Спокойно, фильмокрут!*»

Молодой человек, 18-20 лет, г. Симферополь, КФУ, декабрь 2016 г.

А. Аджимурзаева

ФИНИК

Разговор между мужчинами: «Сменил машину?» - «Ну да, взял **Финика**». – «Да? А я прохладно отношусь к *Инфинити*».

Мужчина, 48 лет, русский, предприниматель, г. Евпатория, 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ФИОЛЕТОВО

Разговор супругов на улице: «Ты, наверное, забыла его предупредить?» - «Думаешь, он переживает? Да ему все это **фиолетово**, последствия не волнуют совершенно!»

Женщина, около 45 лет, русская, г. Евпатория, площадь Металлистов, март 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ФЛАЕРОК

В торговом центре парень раздает рекламные листовки. Его замечают две девушки. Одна другой говорит: «О, еще один **флаерок** стоит! Нужно взять у него листик, не зря же работает».

Девушка, 20 лет, русская, г. Симферополь, 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

ФЛОМАСТЕР

Проезжая в маршрутке мимо цветочного магазина, пассажирка говорит по телефону: «А я тебе такого **фломастера** нашла на свадьбу».

Фломастер – производное от *флорист* и *мастер*

Девушка 25 лет, русская, г. Симферополь, 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

ФОНТАНЫ-СИТИ

Название микрорайона Фонтаны в г. Симферополь

г. Симферополь, 2017 г.

А. И. Шкарупа

ФОТОГРАФ-ВИДЕОГРАФ

Студентки обсуждают проведение мероприятия в День защитника Отечества. Одна из девушек замечает: «Нужен **фотограф-видеограф**».

Девушка, 22 года, русская, студентка, г. Симферополь, пр-т Вернадского, факультет славянской филологии КФУ, февраль 2018 г.

А. Конак

ФРЕДДИ КРЮГЕРША

Девушка в разговоре с подругой о мастере-парикмахере: «Не пойду больше к этой **Фредди Крюгерше**».

Девушка, 25 лет, г. Симферополь, 2016 г.

А. Замятина

ХАЙТАРМУШКИ

За кулисами концерта ведущая спрашивает у группы выступающих: «А где **хайтармушки**? Сейчас их выход», имея в виду девочек-крымских татарок, исполняющих крымскотатарский танец.

Женщина, 36 лет, русская, г. Симферополь, 2018 г.

Ф. Мензатова

ХАЛАТНИКИ

Из разговора в очереди в больнице: *«Есть врачи от Бога, а есть эти, халатники».*

Женщина, около 60 лет, г. Симферополь, декабрь 2016 г.

Д. А. Таньчева

ХАМЕЛЕОНИТЬ

Разговор по телефону в маршрутке: *«Он меня в гости пригласил. Хочет с родителями познакомиться. Я волнуюсь, что не понравлюсь: они у него строгие, а хамелеонить как-то некрасиво...»*

Девушка, около 20 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2017 г.

Е. Луппиан

ХАМСЯТНИК

Керченский Государственный морской технологический университет (КГМТУ) местные жители называют *хамсятником*, видимо, за ловлю судами Керченского порта большого количества хамсы.

Девушка, 19 л., г. Керчь, 2017 г.

Э. Вляева

ХАПАЛУШКА

Молодой человек, увидев свою девушку, встречает ее с улыбкой: *«Селям, моя хапалушка».*

Мужчина, около 25 лет, крымский татарин, г. Симферополь, 2017 г.

Э. Умерова

ХАРКАЛЬНАЯ

После семейного ужина в хинкальной сын произносит: *«Что-то не по вкусу мне эта ваша харкальная».*

Мальчик, 12 лет, русский, г. Евпатория, пр-т Победы, сентябрь 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ХВОРАСТИК

Увидев, что сестренка заболела, девушка спросила: *«Ты, что, хворастик?»*

Девушка, 20 лет, крымская татарка, г. Симферополь, 2017 г.

А Добродей

ХВОРИЖКИ

Пожилая женщина, рассматривая скудный ассортимент хлебобулочного магазина: *«Не коврижки, а хворижки какие-то».*

Женщина, 60-65 лет, русская, г. Симферополь, март 2016 г.

Д.А. Таньчева

ХВОРОБУШЕК

Так женщина назвала воробушка с подбитым крылом. *«Бедный ты мой, хворобушек».*

Женщина, около 40 лет, г. Симферополь, июнь 2016 г.

Д. А. Таньчева

ХЕЛПАНУТЬ

Парень, собираясь в кинотеатр, приглашает друга и просит: *«Я в кино. Можешь хелпануть с выбором места?»* – *«Не-а, без меня.»*. – *«Чего так?»* – *«Это уже третья попытка Marvel переписать оловый сюжет».*

Молодой человек, 20-25 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

Д. Емцов

ХИНКАЛЫЧ

Мужчина, по отчеству Михайлович, учит свою жену готовить грузинское блюдо – хинкали. Дает ей попробовать свое блюдо, в ответ она радостным голосом говорит: *«Хинкалыч, это потрясающе!»*

Женщина, русская, 47 лет, г. Симферополь, март 2019 г.

И. В. Чепурина

ХИХИДНО

Мать просит дочь после рассказа ребенка о прошедшем школьном дне: *«Ты можешь повторить нормально еще раз эту историю?»*. Дочь переспрашивает: *«Что тебе не нравится?»* - *Рассказываешь хихидно, не пойму главного, да и вообще смысл всего»*.

Женщина, 47 лет, русская, образование высшее, преподаватель, г. Симферополь, январь 2018 г.

И. В. Чепурина

ХЛЕБОБУБЛОЧНЫЕ

Молодая мама своему мужу перед хлебным магазином: *«Купи каких-нибудь хлебобулочных изделий к чаю»*.

Девушка 20-25 лет, г. Симферополь, 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

ХЛЕСТОВКА

Ребенок 9 лет на прогулке в парке, сорвав большой лопух, сообщает маме: *«Это будет хорошая хлестовка для мух»*.

Мальчик, 9 лет, русский, г. Евпатория, парк о. Мойнаки, сентябрь 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

ХОЗЯЙКА МЕДНОЙ ГОРЫ

Девушка в разговоре о своей соседке говорит подруге: *«Она себе воображает, что она – Хозяйка Медной горы! Сама палец о палец не ударила!»*

Девушка 20-25 лет, г. Симферополь, ноябрь 2016 г.

Л. Тарсиевич

ХОКЕЙ

Муж с женой обсуждают план следующего дня. Жена говорит: *«Не знаю, во сколько получится освободиться. Давай вы вперед поедете, а я сама позже на маршрутке доеду, чтобы вас не задерживать»*. Муж кивает: *«Хокей, договорились»*.

Мужчина, 56 лет, русский, образование среднее специальное, музыкант, г. Евпатория, ул. Дм. Ульянова, ноябрь 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

ХОМЯЧОК

Работник в стоматологии рассказывает пациенту о развитии отека пародонтита: *«Завтра может будете хомячок»*.

Женщина, 35-40 лет, администратор стоматологического кабинета, г. Симферополь, ноябрь 2016 г.

Н. Г. Лаук

ХОТЕЛЕНЬКА

Девушка по телефону рассказывает про свою сестру: *«Сестра очень хотела пойти на кухню и поесть, но продолжила лежать на диване и все оставалась хотеленькой»*.

Девушка, 20-25 лет, славянской внешности, г. Симферополь, 2018 г.

Н. Кикоть

ХОТИМЫЙ

Женщина по телефону рассказывает о времяпрепровождении дочери в праздничный день: *«Настя с подружкой сегодня ходила в кино на давно хотимый фильм. На премьеру в Шевченко»*.

Женщина, около 40 лет, г. Симферополь, май 2018.

А. Конак

ХОХОТАЛО

Парень рассказывает в компании друзей о том, как он повздорил: *«Я хотел поговорить с ним, не драться, просто поговорить. А он начал толкаться, ну я не выдержал и ударил ему в хохотало»*.

Мужчина, 21 год, русский, программист, г. Симферополь, сентябрь 2018 г.

С. Заитова

ХРАПУНЦЕЛЬ

Увидев заснувшую при просмотре сериала подругу, девушка со смехом назвала ее «*Храпунцель*», по всей видимости из-за бросавшихся в глаза длинных распущенных волос.

Девушка, 16 лет, крымская татарка, г. Симферополь, апрель 2019 г.

Э. Усеинова

ХУДОХУДОЖНИК

Студент о своем друге из художественного училища: «*Художудожник недоделанный*».

Мужчина, 19 лет, студент, КУКИИТ, факультет хореографии, г. Симферополь, май 2016 г.

Д. А. Таньчева

ХЬЮСТОН

«*У нас проблемы, Хьюстон*» - фраза капитана космического корабля Джеймса Лоуэлла стала расхожей в среде молодежи.

КФУ, г. Симферополь, 2016г.

А. Замятина

ЦЕНТРОШАТНИК

Женщина с возмущением делится со знакомым впечатлениями от посещения Центрального рынка: «*Это ужас, этот центрошатник, такое столпотворение – не пройти!*»

Женщина, около 50-ти лет, славянской внешности, г. Симферополь, остановка «Площадь Ахметхана-Султана», апрель 2019 г.

Д. Поликарпова

ЦК

(ЦЕНТРАЛЬНАЯ КУРИЛКА)

Место на территории детсада №9, расположенное рядом со школой №4 в г. Бахчисарае, где ученики этой школы собираются на перемене.

г. Бахчисарай, 2017 г.

Е. Осколкова

ЦУКАТИТЬСЯ

Разговор по телефону дочки с мамой, передавшей малиновое варенье для простуженной внучки: «*Очень вкусное варенье. Спасибо. Но очень густое. Начинает цукатиться*».

Женщина, 45 лет, русская, г. Симферополь, осень 2018 г.

И. В. Чепурина

ЧАЕМАН

Разговор двух приятелей: «*Ни дня не могу без чая*». – «*Да ты давно уже чаеман*».

Молодой человек, около 20 лет, русский, г. Симферополь, март 2019 г.

В. Скворцова

ЧАЙКОФСКИЙ

Из разговора двух парней: «*А я обычно Чайкофским подрабатываю, чаи-кофеи делаю в местном кафе*».

Парень, 18-ти лет, г. Симферополь, апрель 2017.

Д. А. Таньчева

Отец приглашает семью к чаепитию: «*Пойдемте, будем пить чайкофского с бутербродским!*»

Мужчина, 54 года, крымский татарин, г. Симферополь, район Фонтаны, май 2019 г.

Э. Бекирова

ЧАЙНИСС

Девушка жалуется подруге на некачественную китайскую косметику: «*Глупые чайнисс там у себя все мешают, крутят, а у меня потом все ломается и аллергия*».

Девушка, около 20 лет, славянской внешности, г. Симферополь, июнь 2018 г.

С. Мустафаева

ЧЕ ГЕВАРА

Житель Судака, в разговоре с родственником сказал: «*Крым нужны хозяйственники, время Че Гевары прошло*»

Мужчина, 68 лет, среднее техническое образование, русский, Судак, 11 июля 2017 г.

А. В. Петров

ЧЕБУПИЦА

Мужчина обращается к семье: *«Кто проголодался? Может, купим какой-нибудь **чебупицы**».*

Мужчина, 35–40 лет, славянской внешности, г. Евпатория, набережная им. Горького, июль 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЧЕБУРАШКА

В магазине обуви покупатель интересуется у продавца: «А завоз зимней обуви у вас скоро?» Продавец отвечает: *«Из зимней на меху у нас, если и будут, то только ботинки. Сапог на меху не будет».* Покупатель уточняет: *«Ну а с утеплителем, хотя бы тоненьким будут?»* - *«С **чебурашкой**? Да, эти будут».*

Женщина, 45-50 лет, армянка, среднее образование, г. Евпатория, пр-т Победы, магазин «Светлана», 20 августа 2017 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЧЕЛИКОБАКТЕРЫ

Профессор медицинского университета, читая лекцию по гастроэнтерологии, назвал студентов *челикобактерами*.

Мужчина, 60 лет, русский, преподаватель вуза, КФУ, г. Симферополь, 2017 г.

Э. Умерова

ЧЕРВОТОЧИТ

Преподаватель беседует с коллегой по мобильному телефону: *«Работа и **червоточит**, особенно если много бумаг и много необоснованной спешки».*

Женщина, около 50 лет, с высшим образованием, русская, КФУ, г. Симферополь, 17 июля 2017.

А. В. Петров

ЧЕРНОТА ЧЕРНОТОЙ

После посещения Вашингтона девушка делится своими впечатлениями с родителями: *«Красивый город, центр предназначен для туристов, много музеев, но стоит свернуть с центральных улиц, везде **чернота чернотой**: окна заколочены, грязно и много чернокожих, которые грабят».*

Девушка 25-ти лет, русская, Симферополь, май 2016 г.

Л. А. Петрова

ЧЕРНЬ

В разговорной речи молодежи Черноморского района Крыма можно услышать название пгт Черноморское как *Чернь*: *«Ты завтра в **Чернь** едешь?»* - *«Нет, останусь дома».*

Молодой человек, 18 лет, русский, октябрь 2016 г.

Б. Фезиев

ЧЕХАРДИТ

Преподаватель вуза, не получив необходимого файла в переписке, просит прислать его повторно, объясняя причину: *«Компьютер что-то **чехардит**».*

Мужчина, 60 лет, русский, преподаватель вуза, г. Симферополь, октябрь 2016г.

А. В. Петров

ЧИНГИЗРЕНЦИЯ

Студент рассказывает о предстоящей конференции, посвященной жизни и творчеству Чингиза Айтматова, на что его собеседница реагирует фразой: *«Удачи на твоей **Чингизренции**!»*

Девушка, 20-21 год, русская, факультет славянской филологии и журналистики, КФУ им. Вернадского, г. Симферополь, 2018 г.

Н. Катасов

ЧИПСОВАТЬ

Студентка при виде однокурсницы, которая перед парой ест чипсы, спрашивает: *«Ты, что, опять **чипсуешь**?»*

Девушка, 19 лет, славянской внешности, КФУ им. В. И. Вернадского, 2018 г.

А. Лобанова

ЧИРКА

Мальчик приглашает друзей собирать черешню: *«Ребята, там **чирка** поспела! Идем в сад!»*

Мальчик, 12 лет, русский, г. Евпатория, ул. Володарского, июнь 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЧИТАЙКА

Молодой человек обращается к своей сестре, занятой чтением: *«**Читайка** моя любимая, когда ты обратишь на меня внимание?»*

Молодой человек, 25 лет, работник энергетической сферы, г. Саки, ноябрь 2016 г.

Н. Парфенова

ЧУДАСИЯ

Женщина о своей взрослой дочке, переживающей за ее здоровье, сообщает домашним: *«Я уже выходила на улицу сегодня. А эта **чудасия** все равно пошла в аптеку».*

Женщина, около 70 лет, г. Симферополь русская, апрель 2018 г.

И. В. Чепурина

ШАЙБОЧКА

Девушка делится рецептом приготовления мучного блюда: *«Готовим творожную колбаску и нарезаем ее **шайбочками**, которые панируем в муке».*

Девушка, 22 года, крымская татарка, г. Симферополь, май 2019 г.

З. Муслимова

ШАМАРНУТЬ

от крымскотатар. *шамар* – пощечина

В разгаре спора с парнем, который настойчиво отстаивает свою позицию, девушка произносит: *«Дим, не кошмарь, а то **шамарну**!»*

Девушка, 18-19 лет, крымская татарка, г. Симферополь, маршрутное такси №60, июль 2019 г.

З. Муслимова

ШАРМИНКА

Женщина в разговоре с дочерью: *«В каждой девушке должна быть **шарминка**. Твоя – в улыбке».*

Женщина, 45-ти лет, г. Симферополь, октябрь 2016.

Д. А. Таньчева

ШАУРМИСТЫ

Разговор двух знакомых в транспорте: *«Куда не посмотришь – везде шаурма, какие-то забегаловки, где ее обязательно делают». – «Да, эти **шаурмисты** неплохо зарабатывают».*

Женщина, около 35 лет, славянской внешности, г. Симферополь, май 2019 г.

Д. Поликарпова

ШАУРМЯУ

В разговоре о бездомных котятках юноша называет их *шаурмяу*, намекая что из них готовится шаурма в точках фаст-фуда.

Молодой человек, 19 лет, г. Симферополь, декабрь 2016 г.

Д. А. Таньчева

ШВЕЙЦАРИТЬСЯ

Мать ссориться с дочерью, а старшая дочь молчит и не вмешивается. Маму возмущает ее безразличие к проблеме. *«Хватит уже **швейцариться**, скажи что-нибудь!»*

Женщина, 54 года, русская, г. Симферополь, 2017 г.

Е. Морозова

ШЕДЕВРАШЕЧКА

Преподаватель на занятии отреагировал на ошибку студента: «Вот это **шедеврашечка**, а не ошибка».

Мужчина, факультет славянской филологии и журналистики, КФУ им. Вернадского, г. Симферополь, 2018 г.

Ю. Ковалева

ШЕПОТИТЬСЯ

Разговор двух студенток: «Ты представляешь, они вчера **шепотились** без меня» – «Интересно, что они говорили». – «Не знаю, они со мной не хотят делиться».

Девушка, 20 лет, крымская татарка, г. Симферополь, КИПУ, 20 марта 2019 г.

Ю. Цветкова

ШЕРЛОК

Два молодых парня обсуждают девушек: «Некоторые девушки быстрее **Шерлока** узнают с кем, во сколько и как ты общался».

Мужчина, 20 лет, русский, г. Симферополь, 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

ШЕСТАЯ/ СЕДЬМАЯ ГОРКА

Шестая/ седьмая горбольница г. Симферополя.

г. Симферополь, 2017 г.

Э. Вляева

ШИВА

Парень, занимаясь приготовлением ужина вместе с девушкой, в ответ на ее просьбу подать продукты замечает: «Ты не видишь, что у меня руки заняты? Я ж тебе **не Шива**, четырех рук не имею»

Молодой человек 18 лет, г. Симферополь, апрель 2017 г.

Е. Иванова

ШИКАРДОС

Две женщины-продавщицы разговаривают об аренде помещения в этом же торговом центре. Одна другой говорит: «Да ты посмотри сама!», и с этими словами подходит к витрине закрытого отдела, заглядывает внутрь через стекло и продолжает: «**Шикардос!** Места валом, хоть конем гуляй!».

Женщина, 45- 46 лет, русская, продавец, г. Евпатория, ТЦ «Фортуна», апрель 2019 г.

Н. Ю. Тимофеева

ШИЛОПОПОСТЬ

После вопроса маленькой девочки, что в ней самого главного, ее бабушка со смехом ответила: «**Шилопопость**».

Женщина, 50-ти лет, г. Симферополь, июнь 2017.

Д. А. Таньчева

ШИРПОТРЕБИТЬСЯ

При примерке некачественного товара дочь замечает матери: «Мама, ну не **ширпотребься!** Зачем тебе эта кофта? Ты и красное не носишь».

Девушка, 20-25 лет, г. Симферополь, октябрь 2016 г.

Н. Ю. Тимофеева

ШКОЛОТА

Студент техникума отгоняет пристраивающихся покурить рядом школьников: «Эй, вы куда? **Школоте** тут не место!»

Молодой человек, 16-17 лет, студент ЕТСТСО, г. Евпатория, ул. Крупской, октябрь 2016г.

Н. Ю. Тимофеева

ШОРКИ

Девочка, примеряя шуршащие парусиновые шорты называет их **шорки** и поясняет: «Они **шоркают**, поэтому – **шорки**».

Девочка, 7 лет, г. Севастополь, 2016 г.

Н. С. Терехова

ШТОРМАЛЬНО

Девушка пересказывает телефонный разговор: *«Звоню в Керчь подруге, спрашиваю про погоду, а она отвечает **«Штормально»**. Вот у них как»*.

Девушка, 32 года, русская, г. Симферополь, весна 2018 г.

А. В. Петров

ШТРУДЕНЬ

Хозяйка, расставляя угощение сообщает гостю: *«Раз в месяц я готовлю штрудель. Вот и ты сегодня попала в **штрудень**»*.

Женщина, 46 лет, русская, г. Евпатория, апрель 2016 г.

Д. А. Таньчева

ШТУРМИТЬ

Женщина спрашивает подругу, недавно получившую водительские права и купившую новый автомобиль: *«Ты еще берешь с собой в такие поездки штурмана или не боишься сама?» – «Стараюсь больше сама ездить: после этого штурмана меня еще несколько часов **штурмит**»*

Женщина, 45 лет, русская, г. Симферополь, Март 2018 г.

И. Дерен

ШУМАХЕР

Пассажир маршрутки с возмущением реагирует на большую скорость движения и говорит, обращаясь к водителю: *«Потише едь, **Шумахер!**»*

Мужчина, 45-50 лет, г. Севастополь, 2016 г.

Пришедшей учиться в автошколу девушке, инструктор сообщает: *«Ты будешь ездить, как **Шумахер**»*.

Мужчина, около 40 лет, г. Симферополь.

Название автошколы в г. Симферополе *«**Шумахер**»*.

г. Симферополь, 2016 г.

А. В. Петров

Шуточная эмблема автомобильного номера на детской коляске с надписью: *«**Шумахер**»*.

г. Евпатория, март 2015г.

Н. Ю. Тимофеева

ШУРУЮТ-МУРУЮТ

Наблюдая движение в коридорах факультета после защиты курсовых проектов, преподаватель отмечает: *«**Шуруют-муруют** студенты с защитами курсовых»*.

Женщина, 50 лет, русская, образование высшее, преподаватель, КФУ им. Вернадского, 15 марта 2019 г.

А. В. Петров

ШУТКА-НАНАЙКА

О недостаточно смешной, но приевшейся шутке, по своей привязчивости напоминающей мелодии группы *«На-на»*.

Женщина, 35 лет, домохозяйка, г. Симферополь, октябрь 2016 г.

Е. С. Белова

ШФЕЯ-ВОЛШЕБНИЦА

Женщина в ателье получает сданные в ремонт вещи и благодарит швею за быструю и качественную работу: *«Вы **шфея-волшебница!** Все быстро и качественно и цены хорошие»*.

Женщина, около 45 лет, г. Севастополь, июль 2018 г.

И. В. Чепурина

ЩЕДРИТЬ

На вопрос, почему у него совсем нет денег, студент ответил: *«Я вчера **щедрил** деньгами направо и налево»*.

Студент факультета прикладной математики, 19 лет, г. Симферополь, март 2016 г.

Д. Таньчева

ЭВЕРЕСТ

Женщины-преподаватели музыки в музыкальной школе при встрече со старым педагогом вспоминают ее прошедшей юбилей: *«Мы еще тогда сказали, что Вы – наш **Эверест**»*.

Женщина, крымская татарка, 50-55 лет, г. Евпатория, март 2018 г.

Н. Ю. Тимофеева

ЭКСКУРСОВОДИТЬ

В разговоре о директоре местного краеведческого музея между коллегами-филологами: *«Она уже несколько лет назад ушла на пенсию, все свои дела решила и сейчас **экскурсоводит** по Крыму в свое удовольствие»*.

Женщина, около 50 лет, образование высшее, автобус Симферополь – Ялта, июнь 2018 г.

И. В. Чепурина

ЭЛЬФИЙКА

Эльфийка – телебашня в г. Симферополе, называемая по аналогии с Эйфелевой башней в Париже.

г. Симферополь, март 2017 г.

В. Кубрак

ЭТНА

Бывший преподаватель КИПУ, с высшим образованием, пенсионного возраста, русская, сказала о муже, который хочет поехать в Алушту, но пока это не получается: *«В нем все кипит, **как на Этне или на сопке Ключевского**»*

Женщина, 67 лет, высшее образование, г. Симферополь, 13 августа 2017 г.

А. В. Петров

ЭФИРИТЬСЯ

Разговор музыкантов: *«И как его последняя песня?» - «Не знаю. Думаю, в порядке: она скоро начнет **эфирится** на радио»*.

Мужчина, 31 год, русский, музыкант, г. Симферополь, 2017 г.

В. Савельев

ЮЖКА

Девушка в разговоре с подругой о планах на лето *«Летом планируем поехать на **Южку**»*, имея в виду ЮБК.

Девушка, 25 лет, русская, г. Симферополь, 2016 г.

Е. Иванова

Название санатория «Мечта» в речи евпаторийцев старшего возраста (старше 45 лет). Функционирует как сокращенный вариант советского названия этой здравницы «Санаторий ЮЖД» (Южной железной дороги).

г. Евпатория, 2016 г.

Н. Тимофеева

ЮЗАТЬ

Из диалога подростка со своими сверстниками: *«Да ты что, я давно уже **не юзаю** Яндекс, это же прошлый век»*.

Мальчик, 14-15 лет, русский, г. Симферополь, 2018 г.

Н. Г. Лаук

ЮЗНУТЬ

Разговор в маршрутке: *«Как приедем домой – первым делом надо будет таблетку **юзнуть**»*.

Мужчина, 23-24 года, машинист, г. Симферополь, 2017 г.

В. Савельев

ЯМИСТЫЕ

В беседе двух знакомых на остановке появляется следующий пассаж: *«Город постоянно грязный, пыльный, тесный! Дороги и тротуары **ямистые**, набережная ушатанная. А люди, где отдыхают, там и мусорят. «Город собиратель»! Похоже, что собиратель мусора!»*

Женщина, 40-45 лет, остановка Центральный автовокзал, ул. Киевская, г. Симферополь, 2016 г.

А. В. Петров

ЯРЧИТЬ

Девушка, поправляя макияж перед зеркалом, делает своей подруге замечание: *«Не **ярчи**, чтобы не привлекать неприятности».*

Девушка, 20-25 лет, русская, г. Симферополь, март 2017

А. Добродей

ЯРЫМ-ПОПОЛАМ

Дочь о языке матери: *«Мама, ты говоришь **ярым-пополам**»* (от кр.-татр. *ярым* -половина, *пополам*). Часто употребляется как эквивалент выражения «пятьдесят на пятьдесят».

Девушка, 22 года, г. Симферополь. 2017 г.

Э. Умерова

ЯХШИБИСЬ

Молодой человек, выслушав эмоциональный рассказ товарища, заключает: *«Ну все у вас сложилось **яхшибись**».*

Мужчина, 19 лет, крымский татарин, г. Симферополь, 2017 г.

М. С. Деминова

GPS

Парень в разговоре по телефону произносит: *«Я тебе не **GPS** – сам ищи».*

Молодой человек, 17 лет, г. Симферополь, октябрь 2016 г.

А. Замятина